

Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 1 (19)

2023

Құрылтайшы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

Бас редактор:

Ақан Онғарұлы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры, тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (Алматы, Қазақстан)

Редакциялық кеңес:

А.Г. Ситдиков, тарих ғыл. докт., ТР ҒА корр.-мүшесі, ТР ҒА А.Х. Халиков ат. Археология институты; Қазан федералдық университеті (Қазан, Ресей) (төраға);
А. Бетте, доктор, проф., Сидней университеті (Сидней, Австралия);
А. Оутрам, археология докт., проф., Эксетер университеті (Эксетер, Ұлыбритания);
А.А. Тишкин, тарих ғыл. докт., проф., Алтай мемлекеттік университеті (Барнаул, Ресей);
В.Б. Панковский, тарих ғыл. канд., Украина ҰҒА Археология институты (Киев, Украина);
Ж.Қ. Таймағамбетов, тарих ғыл. докт., проф., ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі (Астана, Қазақстан);
З. Самашев, тарих ғыл. докт., проф., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Астана, Қазақстан);
И.Л. Кызласов, тарих ғыл. докт., Археология институты (Москва, Ресей);
М. Фрачетти, археология докторы, Вашингтон университеті (Сент-Луис, АҚШ);
М.Е. Елеуов, тарих ғыл. докт., проф., әл Фараби ат. Қазақ Ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан);

Н. Бороффка, археология докт., проф., Неміс археология институты (Берлин, Германия);
Н.Ю. Смирнов, тарих ғыл. канд., РҒА Материалдық мәдениет тарихы институты (Санкт-Петербург, Ресей);
П.М. Кольцов, тарих ғыл. докт., проф., Б.Б. Городовиков ат. Қалмақ мемлекеттік университеті (Элиста, Ресей);
Р. Йовита, PhD, Нью-Йорк университеті (Нью-Йорк, АҚШ);
Р.Х. Сулейманов, тарих ғыл. докт., профессор, Мирзо Ұлықбек ат. Өзбекстан ұлттық университеті (Ташкент, Өзбекстан);
С.Е. Әжіғали, тарих ғыл. докт., профессор, Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология институты (Алматы, Қазақстан);
Ш. Шода, PhD, Нара ұлттық мәдени құндылықтар ғылыми-зерттеу институты (Нара, Жапония);
Ц. Төрбат, PhD, Моңғолияның Ұлттық университеті (Ұланбатыр, Моңғолия)

Редакциялық алқасы:

А.А. Бисембаев, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ә.М. Манапова, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Б.Ә. Байтанаев, тарих ғыл. докт., ҚР ҰҒА академигі, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Д.А. Воякин, тарих ғыл. канд., Орталық Азия халықаралық зерттеулер институты (Самарқан, Өзбекстан);
Е.Ш. Ақымбек, PhD, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ж. Құрманқұлов, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ж.Р. Утубаев, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
М.Қ. Хабдулина, тарих ғыл. канд., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан);
Т.Б. Мамиров, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Жауапты хатшылар:

Г.С. Жұмабекова, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ғ.А. Базарбаева, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы:

050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
 Телефон: (727) 272 06 89
 E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
 arheologiakazahstana@gmail.com

Журналдың арнайы сайты: archeokz.kz

Журнал 2018 жылдың 26 сәуірінен бастап шығады. ҚР Байланыс және ақпарат министрлігінің Ақпараттар мен архивтер комитетінің мерзімді баспасөз басылымын және (немесе) ақпараттық агенттікті есепке қою туралы 2011 жылғы 14 қарашадағы № 12108-Ж кәулігі берілген

Басылым ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2022–2023 жж. БНҚ шеңберінде жүзеге асырылды, жоба ЖТН BR11765630

Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА

№ 1 (19)

2023

Учредитель: Институт археологии имени А.Х. Маргулана

Главный редактор:

Акан Онгарулы, генеральный директор Института археологии имени А.Х. Маргулана, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор (Алматы, Казахстан)

Редакционный совет:

- А.Г. Ситди́ков**, докт. ист. наук, чл.-корр. АН РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия) (председатель);
- А. Бетге**, доктор, проф., Сиднейский университет (Сидней, Австралия);
- А. Оутрам**, доктор археологии, проф., Университет Эксетер (Эксетер, Великобритания);
- А.А. Тишкин**, докт. ист. наук, проф., Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);
- В.Б. Панковский**, канд. ист. наук, Институт археологии НАН Украины (Киев, Украина);
- Ж.К. Таймагамбетов**, докт. ист. наук, проф., академик НАН РК, Национальный музей Республики Казахстан (Астана, Казахстан);
- З. Самашев**, докт. ист. наук, проф., Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Астана, Казахстан);
- И.Л. Кызласов**, докт. ист. наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия);
- М. Фрачетти**, докт. археологии, Университет Вашингтон (Сент-Луис, США);
- М.Е. Елеуов**, докт. ист. наук, проф., Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан);
- Н. Бороффка**, докт. археологии, проф., Немецкий археологический Институт (Берлин, Германия);
- Н.Ю. Смирнов**, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Россия);
- П.М. Кольцов**, докт. ист. наук, проф., Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия);
- Р. Йовита**, PhD, Университет Нью-Йорк (Нью-Йорк, США);
- Р.Х. Сулейманов**, докт. ист. наук, проф., Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан);
- С.Е. Ажигали**, докт. ист. наук, проф., Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Алматы, Казахстан);
- Ш. Шода**, PhD, Национальный исследовательский институт культурных ценностей (Нара, Япония);
- Ц. Төрбат**, PhD, Национальный университет Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Редакционная коллегия:

- А.А. Бисембаев**, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
- А.М. Манапова**, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
- Б.А. Байтанаев**, докт. ист. наук, академик НАН РК, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
- Д.А. Воякин**, канд. ист. наук, Международный институт центральноазиатских исследований (Самарканд, Узбекистан);
- Е.Ш. Акымбек**, PhD, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
- Ж. Курманкулов**, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
- Ж.Р. Утубаев**, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
- М.К. Хабдулина**, канд. ист. наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва (Астана, Казахстан);
- Т.Б. Мамиров**, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Ответственные секретари:

- Г.С. Джумабекова**, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
- Г.А. Базарбаева**, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Адрес редакции, издателя-учредителя:

050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Телефон: (727) 272 06 89
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazahstana@gmail.com

Официальный сайт журнала: archeokz.kz

Журнал основан 26 апреля 2018 г.
Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания и (или) информационного агентства № 12108-Ж от 14 ноября 2011 г. выдано Комитетом информации и архивов Министерства связи и информации РК

Издание осуществлено в рамках ПЦФ Комитета науки МНВО РК на 2022–2023 гг., ИРН проекта BR11765630

Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan
Science Committee
Margulan Institute of Archaeology

KAZAKHSTAN ARCHEOLOGY

ҚАЗАҚСТАН АРНЕОЛОГИАСЫ

№ 1 (19)

2023

Founder: Margulan Institute of Archaeology

Editor-in-Chief:

Akhan Onggaruly, Director General of the Margulan Institute of Archaeology,
Candidate of Historical Sciences and Associate Professor (Almaty, Kazakhstan)

Executive Editors:

Airat G. Sitdikov, Dr. of Hist. Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia) (chairman);

Alan Outram, Dr. of Archaeology, Prof., Exeter University (Exeter, UK);

Alexey A. Tishkin, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Altai State University (Barnaul, Russia);

Alison V.G. Betts, Doctor, Prof., The University of Sydney (Sydney, Australia);

Igor L. Kyzlasov, Dr. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Madiyar Ye. Yeleuov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Al Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan);

Michael D. Frachetti, Dr. of Archaeology, Washington University (St. Louis, USA);

Nikolaus N.O. Boroffka, Dr. of Archaeology, Prof., German Archaeological Institute/DAI (Berlin, Germany);

Nikolay Yu. Smirnov, Cand. of Hist. Sciences, Institute for the History of material culture of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia);

Petr M. Koltsov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., B.B. Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);

Rady P. Iovita, PhD, New York University (New York, USA);

Rustam Kh. Suleymanov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan);

Serik E. Ajigali, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Almaty, Kazakhstan);

Shinya Shoda, PhD, Nara National Research Institute for Cultural Properties (Nara, Japan);

Tsagaan Turbat, PhD, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia);

Valentin B. Pankowski, Cand. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine);

Zainolla Samashev, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Margulan Institute of Archaeology (Astana, Kazakhstan);

Zhaken K. Taimagambetov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National museum of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)

Editorial Board:

Aliya M. Manapova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);

Arman A. Bissembaev, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);

Bauyrzhan A. Baitanayev, Dr. of Hist. Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Dmitriy A. Voyakin, Cand. of Hist. sciences, International Institute for Central Asian studies (Samarkand, Uzbekistan);

Maral K. Khabdulina, Cand. of Hist. Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan);

Talgat B. Mamirov, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);

Yeraly Sh. Akymbek, PhD, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);

Zhanbolat R. Utubayev, Cand. of Hist. sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);

Zholdasbek Kurmankulov, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Executive Secretaries:

Gulnara S. Jumabekova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);

Galiya A. Bazarbayeva, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Address of the editorial office, publisher-founder:

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44

Phone: (727) 272 06 89

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazahstana@gmail.com

Official website of the journal: archeokz.kz

The journal was founded on April 26, 2018.
Certificate of registration of periodical print publication and (or) information agency № 12108-Ж dated November 14, 2011 was issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan

The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2022–2023, project IRN BR11765630

МАЗМҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ – ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Тәжекеев Ә.Ә. (Қызылорда, Қазақстан), Қожа М. (Түркістан, Қазақстан), Сұлтанжанов Ж.К. (Тюбинген, Германия), Әмірғалина Г.Т., Назаров А.Ж. (Қызылорда, Қазақстан)</i> Әбілқайыр ханның Сыр бойындағы ордасы және Адам ата кешені	9
<i>Кызласов И.Л. (Москва, Россия)</i> Гунны в Сибири, или о границах Древности и Средневековья. Взгляд археолога	29
<i>Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. (Барнаул, Россия)</i> Погребение пожилого мужчины жужанского времени из Северного Алтая: опыт социальной интерпретации	43
<i>Ситдиқов А.Г., Мухаметшин Р.Р., Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия)</i> Журнал «Поволжская археология»: становление и его место в международном научном пространстве	58

ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Қыдырәлі Д. (Астана, Қазақстан), Энхтор А. (Ұланбатыр, Моңғолия), Базылхан Н., Бөгенбаев Н. (Астана, Қазақстан), Буянхишиг Ц., Батболд Г. (Ұланбатыр, Моңғолия)</i> Номгон-2 көне түрік ғұрыптық кешені зерттеулерінің кейбір нәтижелері	68
<i>Ақымбек Е., Zheleznyakov B. (Almaty, Kazakhstan)</i> Objects of the Nestorian cult from Talas and Shu Valleys	84
<i>Волошин В.С. (Астана, Казахстан)</i> Археологические памятники позднего голоцена в верховьях р. Ишим (Северный Казахстан)	99

ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Кириченко Д.А. (Баку, Азербайджан)</i> О трепанации черепа на территории Азербайджана в эпоху неолита	114
<i>Рахимжанова С.Ж., Мамиров Т.Б., Аккошкарлова Ж.Т. (Алматы, Казахстан)</i> Керамическое производство на поселении Деркул 1 (Западный Казахстан)	133
<i>Ержанова А.Е., Дубягина Е.В., Горячев А.А. (Алматы, Казахстан)</i> Трасолого-технологический анализ каменного и керамического инвентаря из поселения раннего железного века Бутақты-1 (Юго-Восточный Казахстан)	157
<i>Лукпанова Я. (Уральск, Казахстан), Антонов М., Джумабекова Г., Базарбаева Г. (Алматы, Казахстан)</i> «Мгновенно убивающий вепрь»: по материалам комплекса сарматского времени Урысай-2 (Западный Казахстан)	177
<i>Рассадников А.Ю. (Екатеринбург, Россия)</i> Сезонные загоны Южного Урала: параметры остеологического материала и модификационные изменения костей домашнего скота	198

ХРОНИКА

<i>Онгарулы А., Мамиров Т.Б., Мерц И.В. (Алматы, Казахстан)</i> Краткие итоги деятельности Института археологии имени А.Х. Маргулана за 2022 год	222
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	233
Авторларға арналған ереже – Правила для авторов	235

CONTENT

ARCHAEOLOGY ISSUES

- A. Tazhekeyev** (*Kyzylorda, Kazakhstan*), **M. Kozha** (*Turkistan, Kazakhstan*),
Zh. Sultanzhanov (*Tübingen, Germany*), **G. Amirgalina, A. Nazarov** (*Kyzylorda, Kazakhstan*)
The headquarters of Abulkhair Khan in the Syrdarya River region
and the Adam Ata complex (in Kazakh) 9
- I. Kyzlasov** (*Moscow, Russia*)
The Huns in Siberia, or about the borders of Ancient and Middle Ages.
Archaeologist's view (in Russian) 29
- N. Seregin, A. Tishkin, S. Matrenin, T. Parshikova** (*Barnaul, Russia*)
Burial of an elderly man of the Rouran period from the Northern Altai:
the experience of social interpretation (in Russian) 43
- A. Sıtdıkov, R. Mukhametshin, F. Khuzin** (*Kazan, Russia*)
The journal "Povolzhskaya Arkheologiya" (Volga River Region Archaeology):
formation and its place in the international scientific space (in Russian) 58

FIELD STUDIES

- D. Kydyrali** (*Astana, Kazakhstan*), **A. Enkhtur** (*Ulaanbaatar, Mongolia*), **N. Bazylkhan,**
N. Bogenbayev (*Astana, Kazakhstan*), **T. Buyanbishig, G. Batbold** (*Ulaanbaatar, Mongolia*)
Some results of the study of the ancient Turkic memorial complex Nomgon-2 (in Kazakh) 68
- Ye. Akymbek, B. Zheleznyakov** (*Almaty, Kazakhstan*)
Objects of the Nestorian cult from Talas and Shu Valleys (in English) 84
- V. Voloshin** (*Astana, Kazakhstan*)
Archaeological sites of the late Holocene in the upper Ishim river region
(Northern Kazakhstan) (in Russian) 99

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

- D. Kirichenko** (*Baku, Azerbaijan*)
On skull trepanation on the territory of Azerbaijan in Neolithic period (in Russian) 114
- S. Rakhimzhanova, T. Mamirov, Zh. Akkoshkarova** (*Almaty, Kazakhstan*)
Ceramic production in the settlement of Derkul 1 (Western Kazakhstan) (in Russian) 133
- A. Yerzhanova, Ye. Dubyagina, A. Goryachev** (*Almaty, Kazakhstan*)
Traceological and technological analysis of stone and ceramic inventory
from the early Iron Age settlement Butakty-I (Southern-Eastern Kazakhstan) (in Russian) 157
- Ya. Lukpanova** (*Uralsk, Kazakhstan*), **M. Antonov, G. Jumabekova,**
G. Bazarbayeva (*Almaty, Kazakhstan*)
"A boar that kills at one stroke": based on the materials of the Sarmatian time
complex Urysay-2 (Western Kazakhstan) (in Russian) 177
- A. Rassadnikov** (*Ekaterinburg, Russia*)
Seasonal enclosures of the South Urals: parameters of osteological material
and bone surface modifications of livestock bones (in Russian) 198

CHRONICLE

- A. Onggaruly, T. Mamirov, I. Merts** (*Almaty, Kazakhstan*)
Summary of the activities of the Margulan Institute of Archaeology for 2022 (in Russian) 222
- List of Abbreviations** 233
- Submissions** 235

УДК 902.904 (574)
МРНТИ: 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.9.28>

Әбілқайыр ханның Сыр бойындағы ордасы және Адам ата кешені

© 2023 ж. Тәжекеев Ә.Ә., Қожа М., Сұлтанжанов Ж.Қ.,
Әмірғалина Г.Т., Назаров А.Ж.

Keywords: Syrdarya River region, Middle Ages, archaeological sites, Abulkhair Khan's headquarters, Adam ata complex

Түйін сөздер: Сыр бойы, ортағасыр, археологиялық ескерткіштер, Әбілқайыр хан ордасы, Адам ата кешені

Ключевые слова: Сырдарьинский регион, средневековье, археологические памятники, ставка Абулхаир хана, комплекс Адам ата

**Azilkhan Tazhekeyev¹, Mukhtar Kozha², Zhetesbi Sultanzhanov^{3*},
Gulmira Amirgalina¹ and Agabek Nazarov¹**

¹PhD, Head of the Scientific Center for Archaeology and Ethnography, Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Kazakhstan. E-mail: a.tazhekeyev@gmail.com

²Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Kazakhstan. E-mail: mukhtar_kozha@mail.ru

^{3*}Corresponding author, Doctoral student, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany. E-mail: zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru

¹Master of History, Researcher of the Scientific Center for Archaeology and Ethnography, Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Kazakhstan. E-mail: amirgalina81@mail.ru

¹M.A., Researcher of the Scientific Center for Archaeology and Ethnography, Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Kazakhstan. E-mail: diz_agabek@mail.ru

The headquarters of Abulkhair Khan in the Syrdarya River region and the Adam Ata complex

Abstract. The article presents the results of research conducted in 2022 by the exploration team of the Zhankent archaeological expedition (headed by A. Tazhekeyev) in the Adam Ata complex, located in the lower reaches of the Syrdarya River. The burial place of the Abulkhair Khan of the Junior zhuz is considered to be the vicinity of the “Khan’s grave” (located 77 kilometers southeast of the village of Tolybay, Aiteke bi district, Aktobe region). However, according to the researchers of the period of Abulkhair Khan’s life, I. Erofeeva, B. Zhanaev and M. Kozha, Khan could have had a headquarters on Syr, and he could even be reburied here. In this regard, our research was carried out with a thorough analysis of the information presented in the works of military officials of the Russian Empire, such as D. Gladyshev, I. Muravin, V. Nazimov, U. Arslanov, A. Maksheev, E. Batyrshin, I. Anichkov. As a result, for the first time, the location of the headquarters of Abulkhair Khan was determined in the Adam Ata complex, located along the ancient channel of Adam Ata, a tributary of the Kuandarya River. We believe that these data will serve as a basis for conducting a repeated scientific study of the place of the Khan’s headquarters and burial. In addition, during exploration work in the Adam Ata complex, four more sites of different times were discovered: a settlement on the bank of a canal; Torangil garden; burial structures made of baked bricks (ancient burial ground); burial structures “tortkulak” made of mud bricks and simple burials (late burial ground). According to the collected data, the Adam Ata complex arose in the Golden Horde period, and until the late Middle Ages, there were human settlements and a burial ground, consisting of several periods.

For citation: Tazhekeyev, A., Kozha, M., Sultanzhanov, Zh., Amirgalina, G., Nazarov, A. 2023. The headquarters of Abulkhair Khan in the Syrdarya River region and the Adam Ata complex. *Kazakhstan Archeology*, 1 (19), 9–28 (in Kazakh). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.9.28](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.9.28)

Әзілхан Әуезханұлы Тәжекеев¹, Мұқтар Қожа²,
Жетесби Қанапияұлы Сұлтанжанов^{3*},
Гүлмира Темірболатқызы Әмірғалина¹,
Ағабек Жеңісулы Назаров¹

¹PhD, «Археология және этнография» ғылыми орталығының жетекшісі, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда, Қазақстан
²т.ғ.д., бас ғылыми қызметкер, Қ.А. Яссауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті, Түркістан, Қазақстан

^{3*}корреспондент авторы, докторант, Эберхард және Карл Тюбинген университеті, Тюбинген, Германия

¹тарих магистрі, «Археология және этнография» ғылыми орталығының ғылыми қызметкері, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда, Қазақстан

¹көркем-өнер ғылымдарының магистрі, «Археология және этнография» ғылыми орталығының ғылыми қызметкері, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда, Қазақстан

Әбілқайыр ханның Сыр бойындағы ордасы және Адам ата кешені

Аннотация. Жарияланымда 2022 ж. Жанкент археологиялық экспедициясының барлау тобымен (жетекшісі Ә.Ә. Тәжекеев) Сырдария өзенінің төменгі ағысында орналасқан Адам Ата кешенінде жүргізілген зерттеу жұмыстарының нәтижелері берілген. Кіші жүздің ханы Әбілқайырдың жерленген жері «Хан моласы» атауымен белгілі (Ақтөбе облысы, Әйтеке би ауданы, Толыбай ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 77 км жерде орналасқан). Дегенмен, Әбілқайыр ханның өмір сүру кезеңін зерттеуші ғалымдар И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, М. Қожаның пікірінше ханның Сыр бойында ордасы болғандығын, тіпті хан осында қайта жерленген болуы мүмкін дегенді айтады. Осыған сәйкес біздің зерттеулеріміз Әбілқайыр ханның Сыр бойындағы ордасы жайлы Д. Гладышев, И. Муравин, В.И. Назимов, У. Арсланов, А.И. Макшеев, Е. Батыршин, И. Аничков сынды Ресей империясының әскери шенеуніктерінің еңбектерінде берілген деректерді талдау арқылы жасалды. Нәтижесінде, Қуандария өзенінің бір саласы, ежелгі Адам ата арнасының бойында орналасқан Адам ата кешенінде Әбілқайыр ханның ордасы алғаш рет анықталып отыр. Бұл деректер ханның жерленген орны мен ордасы жайлы қайта ғылыми ізденіс жұмыстарын жүргізуге негіз

Азилхан Ауезханұлы Тажекеев¹, Мұхтар Қожа²,
Жетесби Қанапияевич Сұлтанжанов^{3*},
Гүльмира Темирболатовна Амирғалина¹,
Ағабек Женисулы Назаров¹

¹PhD, руководитель научного центра археологии и этнографии, Кызылординский университет им. Коркыт Ата, Кызылорда, Казахстан

²д.и.н., главный научный сотрудник, Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Яссави, Туркестан, Казахстан

^{3*}автор-корреспондент, докторант, Тюбингенский университет Эберхарда и Карла, Тюбинген, Германия

¹магистр истории, научный сотрудник научного центра археологии и этнографии, Кызылординский университет им. Коркыт Ата, Кызылорда, Казахстан

¹магистр искусства, научный сотрудник научного центра археологии и этнографии, Кызылординский университет им. Коркыт Ата, Кызылорда, Казахстан

Ставка Абулхаир хана на Сырдарье и комплекс Адам Ата

Аннотация. В статье представлены результаты исследований, проведенных в 2022 г. разведочным отрядом Жанкентской археологической экспедиции (рук. А.А. Тажекеев) на комплексе Адам Ата, расположенном в низовьях р. Сырдарья. Местом захоронения хана младшего жуза Абулхаира считается комплекс «Хан моласы» (Ханская могила), что в 77 км юго-восточнее села Толыбай (р-н Айтеке би, Актюбинская обл.). Однако, по мнению исследователей периода жизни Абулхаир хана И. Ерофеевой, Б.Т. Жанаева и М. Кожа, у хана могла быть ставка на Сыре, и он даже мог быть здесь перезахоронен. В этой связи наши изыскания были проведены с тщательным анализом сведений, представленных в трудах военных чиновников Российской империи, таких как Д. Гладышев, И. Муравин, В.И. Назимов, У. Арсланов, А.И. Макшеев, Е. Батыршин, И. Аничков. В результате впервые определено местонахождение ставки Абулхаир хана на комплексе Адам Ата, расположенном вдоль древнего русла Адам Ата, притока р. Куандарья. Полагаем, что эти данные послужат основой для проведения повторного научного исследования места ставки и захоронения хана. Кроме того, в ходе разведочных работ на комплексе Адам Ата были об-

болады деп есептейміз. Сонымен қатар, барлау жұмыстары барысында Адам Ата кешенінде әр түрлі кезеңмен мерзімделетін тағы да төрт ескерткіш орны табылды: арна жағасындағы қоныс орны; тораңғыл бағы; күйдірілген кірпіштен тұрғызылған жерлеу құрылыстары (ежелгі қорым); саз кесектен салынған төртқұлақ жерлеу құрылыстары және жай жерлеу орындары (кейінгі қорым). Жинақталған деректер бойынша Адам ата кешені Алтын Орда кезеңінде пайда болып, кейінгі ортағасырларға дейін халықтың қоныстарын және бірнеше кезеңнен тұратын қорымның орналасқанын байқаймыз.

Сілтеме жасау үшін: Тәжекеев Ә.Ә., Қожа М., Сұлтанжанов Ж.К., Әмірғалина Г.Т., Назаров А.Ж. Әбілқайыр ханның Сыр бойындағы ордасы және Адам ата кешені. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 1 (19). 9–28-бб. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.9.28](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.9.28)

наружены еще четыре памятника разного времени: поселение на берегу протока; сад Торангил; погребальные сооружения из жженого кирпича (древний могильник); погребальные сооружения «тортқулак» из сырцовых кирпичей и простые захоронения (поздний могильник). На основе полученных данных можно сделать вывод, что комплекс Адам Ата возник в золотоордынский период и функционировал вплоть до позднего средневековья.

Для цитирования: Тәжекеев А.А., Қожа М., Сұлтанжанов Ж.К., Амиргалина Г.Т., Назаров А.Ж. Ставка Абулхаир хана на Сырдарье и комплекс Адам Ата. *Археология Казахстана*. 2023. № 1 (19). С. 9–28 (на каз. яз.). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.9.28](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.9.28)

1 Кіріспе (Тәжекеев Ә.Ә., Қожа М.)

Әбілқайыр хан мен оның ұрпақтары туралы, олардың жерленген жері жайлы ғылыми еңбектер көп жазылған. Ақтөбе облысы, Әйтеке би ауданы, Толыбай ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 77 км жердегі Хан моласы қорымын 1771 ж. капитан П. Рычков, 1832 ж. А. Левшин, 1835 ж. Д. Эристов, 1898 ж. И. Крафт басқарған экспедициялар зерттеді. Әбілқайыр хан жерленген «Хан моласы» қорымын 1979–1987 жж. аралығында Ә. Кекілбай, Ө. Жәнібеков, А. Сатаев, С. Әжіғали сынды ғалымдар бастап зерттеп, аталған орын ғылыми айналымға енгізілді. 1998 және 2001 жж. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты этнография бөлімінің меңгерушісі С. Әжіғалидің жетекшілігімен «Хан моласы» қорымының топографиялық картасын жасады. 950-ден аса бейіттер мен 40-тан аса құлпытастарды санап, өлшеп, эпиграфикасын зерттеді. Нәтижесінде, бұл жерлеу орындары XVII–XVIII ғғ., жоңғар шапқыншылығына дейін Кіші жүздің алтын-жаппас тайпаларының қорымы ретінде қалыптасып, 1748 ж. Әбілқайыр хан жерленгеннен кейін «Хан моласы» деген атау алғандығы айқындалды [Хан моласы ...].

Әбілқайыр ханның Сыр бойындағы ордасы 1740–1743 жж. Д. Гладышев, И. Муравин, В.И. Назимов, У. Арслановтың Арал теңізі мен Хиуаға жасаған экспедицияларының зерттеулері бойынша белгілі болғанымен, оның нақты орны әлі анықталмаған. Тіпті, хан мен оның ұрпақтары да Сырдың бойында жерленуі мүмкін деген де деректер кездеседі [Ерофеева, Жанаев 2012а: 328].

2022 жылдың тамыз айында Жанкент археологиялық экспедициясының барлау тобы Қуандария өзенінің бір саласы, ежелгі Адам ата арнасы бойынан кіші жүздің ханы Әбілқайырдың ордасы мен мүмкін хан жерленген орынды анықтады. Деректер ізімен жүргізілген далалық зерттеу жұмыстарын салыстыра отырып, кейбір қорытындылар жасалды. Біздің мақсатымыз алдыңғы зерттеушілердің кешенді талдауларын жоққа шығару емес, жаңа деректерді жариялау және талқылау болып табылады.

2 Әдістер мен материалдар

2.1 Әдістер (Тәжескеев Ә.Ә., Сұлтанжанов Ж.Қ., Қожжа М.)

Мақаланы жазу барысында тақырыпқа қатысты жазба деректер жинақталып, талданды. Қоныстар мен жерлеу ескерткіштерінің орналасуы, сипаттамасы мен мерзімдеріне қатысты зерттеушілердің деректерін салыстыру барысында салыстырмалы-тарихи әдістер қолданылды.

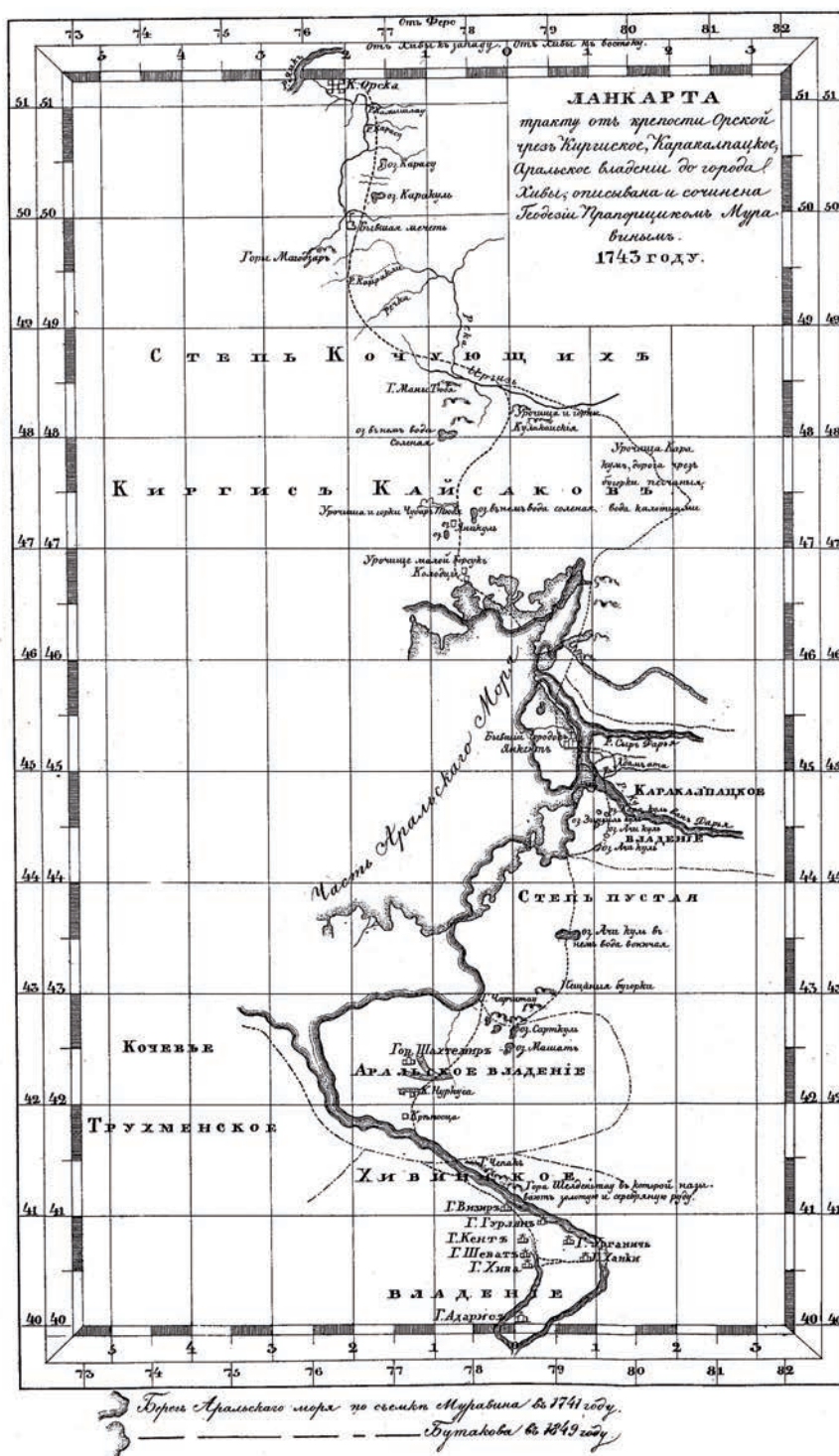
Жазба деректерді саралау негізінде алынған мәліметтерге сүйене отырып, 2022 ж. Адам ата кешенінде археологиялық барлау жұмыстары жүргізілді. Далалық барлау жұмыстарының әдістері қатарына – ескерткіштерді есепке алу, картаға түсіру, географиялық координаттарын анықтау және ғылыми фотоқұжаттама дайындау жатады. Әбілқайыр ханның Сыр бойындағы ордасының орнын анықтау үшін картография әдісі қолданылды. Бұл әдіс Д. Гладышев, И. Муравин (1740–1741 жж.) және Н.А. Ивашинцев (1854 ж.) құрастырған карталарды «Google Earth» бағдарламасының мәліметтерімен салыстыруға мүмкіндік берді. Ескі арналар мен кешендегі ескерткіштердің орнын анықтау мақсатында зерттелген аймақта ұшқышсыз ұшатын құрылғы (DJI Panthom 3) арқылы әуеден суретке түсіру әдісі пайдаланылды. Табылған мыс тиын жайлы ақпарат алу үшін нумизматикалық және жерлеу ескерткіші басына қойылған құлпытастағы арабша жазуды анықтау үшін эпиграфикалық зерттеулер жүргізілді.

Зерттеу жұмыстарының нәтижесінде Адам ата ескерткіштер кешеніне толық сипаттама беріліп, сақталған деректер бойынша қорытындылар жасалды.

2.2 Материалдар (Тәжескеев Ә.Ә., Қожжа М.)

Бірінші дерек – Әбілқайыр ханның Сыр бойындағы ордасы туралы мәліметтер Д. Гладышев (поручик), И. Муравин (геодезист), В.И. Назимов (инженер-бақылаушы), У. Арслановтың (аудармашы) 1740–1743 жж. Арал теңізі мен Хиуаға жасаған экспедициясының есебінде берілген (1-сур.). Я.В. Ханьковтың пікірінше, аталмыш экспедицияның басталуына Әбілқайыр ханның Сырдарияның сағаларына жақын жерлерге қалалар салу өтініші негіз болған. Осылайша, 1739 ж. 20 тамызында аталған аймаққа зерттеу жұмыстарын жүргізу үшін патшаның жарлығы шығады. Оның жазбасында: «На 33-й день пути, то есть 7 октября 1740 года Гладышев с товарищами прибыл в ставку Абуль-Хаира, на реке Адам-Ата, неподалеку от Куван-Дарьи <...>» – деп берілген [Ханьков 1851а: 268–358; Ханьков 1851б; Обзор русских... 1955: 20–21].

Екінші дерек – Арал маңы мен Сырдарияның төменгі ағысы бойындағы жер-су атаулары, арналар мен сағалар, өткелдер, бекіністер мен ежелгі ескерткіштер жайлы егжей-тегжейлі сипаттама берген подполковник А.И. Макшеев ежелгі Адам-ата арнасы мен оның бойындағы бекініс туралы: «<...> Из этих протоков особенно замечателен Адам-ата (1-сур.), выход которого из Сыр-дарьи у Муравина не означень, а впадение его в Куван-дарью показано верстами десятью выше впадения Муравинского протока Карасара, или нынешняго Биш-арама <...> Муравин жил на берегу его, в ставке хана Абуль-Хаира, целую неделю; да и теперь среди песков сохранились еще развалины стариннаго укрепления Адам-ата, которое конечно не могло существовать без воды <...>». «<...> Остатки укрепления Адам-ата, находятся среди песков, в 25 верстах к югу от Кара-тюбя, имеют в длину и ширину по 50 сажен. Здесь разбросано довольно много полуразрушенных могил, в числе которых одна (Аудке) поросла довольно крупным и густым осокоревым лесом. Вопрос каким образом существовало это укрепление, среди песков, без воды, разрешается маршрутною картою Муравина, на которой показано, что через эти места протекал, ныне несуществующий проток Адам-ата <...>» – деген дерек келтіреді [Макшеев 1856: 448–527].

1-сур. 1740–1741 жж. Хиуа экспедициясының И. Муравин құрастырған картасы ([Ханыков 1950] бойынша)

Fig. 1. Map of the Khiva expedition compiled by I. Muravin in 1740–1741, after – Khanykov 1950

Рис. 1. Карта Хивинской экспедиции, составленная И. Муравиным в 1740–1741 гг. (по: [Ханыков 1950])

оно находится на границе современных Казалинского и Кармакшинского районов Кызылординской области на расстоянии от 4,5 до 10 км к югу от урочища Акжар и в 27–30 км юго-восточнее проселочной дорог, соединяющей аулы Сары тобе и Сарыбулак, между долиной Сырдарьи и сухим руслом одного из ближайших к ней правых рукавов Кувандарьи» [Ерофеева, Жанаев 2012а: 330].

Бұл аймақтың ертеден Әбілқайырдың және оның ұрпақтарының қыстауы болғанын И. Ерофеева былайша көрсетеді: «С прибрежной более возвышенной части этого урочища (высота около 100 м) хорошо обозревалась на большом расстоянии обширная низменность на противоположном берегу реки с пересекавшими ее бывшими пятью рукавами Кувандарьи (совр. сухие русла Озек Дариялык, Ескидарьялык и др.), где в разные исторические эпохи располагались сначала зимовки Абулхаира, затем – его сына Ералы, позднее – внука Болекея, после его смерти – правнука Касыма и вслед за ним – праправнука Ермухаммеда, или Илекея [Ерофеева, Жанаев 2012б: 290].

Бесінші дерек – И. Аничков 1897 ж. мақаласында Адам ата қасиетті орыны жайлы сипаттама береді: «<...> есть еще между старой и новой хивинскими дорогами, на левом берегу Сырдарьи, не далее 18–20 верст от нее, в совершенно пустынном месте, порядочная туранговая роща, около которой разбросаны мазарки позднейшего происхождения. <...> Странное, но отрадное впечатление производит эта туранговая роща своею зеленью среди желтой песчаной степи. Стоит она на высоком довольно месте и называется «Адам-Ата». Ей приписывают большую древность, чуть ли не времен Пайгамбара. <...> Кто был святой, который здесь жил и умер, неизвестно. Предание не сохранило нам его имени, но утверждают, что живший здесь древний святой «Аулия», которого показывают, был ни каракалпак, ни киргиз, ни сарт, ни узбек, но мусульманин» [Аничков 2011: 121–123].

3 Нәтижелер мен талдау (Тәжекеев Ә.Ә., Сұлтанжанов Ж.Қ., Әмірғалина Г.Т., Назаров А.Ж.)

Әрі қарай далалық зерттеу жұмыстарының нәтижелерін жазба деректер бойынша салыстыра отырып, жасалған талдау және зерттеу бөлімін қарастырамыз.

Адам ата арнасы – жоғарыда келтірілген деректер бойынша Куандария өзенінің бір тармағы (шамамен ХІХ ғ. бастап бұл арнамен су ақпаған). Ұзындығы шамамен 40 км, ал иіндері мен бұрылыстарын қоса есептегенде шамамен 100 км. Қызылорда облысы, Қазалы ауданы, Сарыбулак ауылынан солтүстік-батысқа қарай 40 км жерде, Ақтау кесенесі маңынан Куандария өзенінің оң жағалауынан бөлініп шығады. Солтүстік-батыс бағытында 25 км жерде бір арна болып ағып, Адам ата қорымы тұсында екіге бөлінеді. Сол жақ арна оңтүстікке қарай 14 км қашықтықта Куандарияға қайта қосылады. Ал оң жақ арна батысқа қарай 20 км қашықтықта Асар төбе қалашығы тұсында қазіргі Бозкөл батпағына (*Муравинше* – *Қарасар арнасы*, *Макшеевше* – *Бес арам* (*Биш-арам арнасы*)) құяды (3-сур.).

Адам ата бекінісі – Әбілқайыр ханның ордасы. А.И. Макшеев бойынша ол Қара төбеден оңтүстікке қарай 25 верст (26,6 км) қашықтықта ескі арна бойында орналасқан. *Қара төбе*, Қызылорда облысы, Қазалы ауданы, Абай ауылының іргесінде орналасқан ортағасырлық қалашықтың орны. Барлау жұмыстары барысында бұл арақашықтық GPS құралымен өлшенді. Қара төбе қалашығы мен Адам ата бекінісінің арасы 27,6 км тең, А.И. Макшеевтің өлшемінен айырмашылығы бар болғаны 1 км.

Бүгінде бұл жерде үлкен қорым қалыптасқан, жергілікті халық оны «*Адам ата қорымы*» деп атайды. Бір қызығы, қорымның кеуіп кеткен арнаның бойында орналасқандығына қарамастан,

3-сур. XVIII–XIX ғғ. Шығыс Арал маңы. Сырдария мен Қуандария сағаларындағы бекіністер мен өткелдер. Картаны құрастырған Ә.Ә. Тәжекеев. © Google Earth

Fig. 3. 18th–19th centuries. Eastern Aral Sea region. Fortresses and crossings at the mouths of the Syrdarya and Kuandarya. Map compiled by A. Tazhekeyev. © Google Earth

Рис. 3. XVIII–XIX вв. Восточное Приаралье. Крепости и переправы в устьях Сырдарьи и Куандарьи. Карта составлена А.А. Тажеевым. © Google Earth

оның орталығында 100-ге жуық кәрі тораңғыл (*Populus pruinosa*) өсіп тұр. Бұл тораңғылды XIX ғ. ортасында көрген А.И. Макшеев, оның сусыз жерде өсіп тұрғанына таң қалғанын жазады. А.И. Макшеев оны «осокорь», яғни, «қара терек» (*Populus nigra*) деп атаған.

Барлау жұмыстары нәтижесінде, Адам ата кешенінде орналасқан ескерткіштерді төмендегідей бөлуге болады:

1. Арна жағасындағы қоныс орны.
2. Адам ата бекінісі (Әбіқайыр ханның ордасы).
3. Тораңғыл бағы.
4. Күйдірілген кірпіштен (20–25×20–25×6–8 см) салынған жерлеу құрылыстарының қиранды орындары (ежелгі қорым).
5. Саз кесектен салынған төртқұлақ жерлеу құрылыстары және жерлеу қоршаулары мен орындары (кейінгі қорым) (4-сур.).

1. Арна жағасындағы қоныс орны.

Кешеннің шығыс жағына Адам ата арнасы жақын келіп, Қуандарияға қарай екіге бөлініп ағады. Арна жағасында бірнеше үйлердің орны сақталған (4-сур., 2). Бір немесе екі бөлмелі үйлер орнынан керамика сынықтары, темірден жасалған бұйымдар мен оның сынықтары және тиын

4-сур. Адам ата кешенінің жоспары. 1 – Адам ата бекінісі (Әбілқайыр хан ордасы);
2 – арна жағасындағы үйлердің орны; 3 – тораңғыл бағы; 4 – күйдірілген кірпіштен салынған жерлеу
құрылыстарының қиранды орындары (ежелгі қорым); 5 – XIX ғ. II жартысында түскен қазақ
қорымы (кейінгі қорым); 6 – Адам ата арнасы.
Суретті дайындаған Ә.Ә. Тәжекеев

Fig. 4. Plan of the Adam Ata complex. 1 – Adam Ata Fortress (headquarters of Abulhair Khan);
2 – the location of dwellings on the bank of the channel; 3 – Torangil garden;
4 – ruins of burial structures made of burnt bricks (ancient burial ground);
5 – Kazakh burial ground built in the second half of the 19th century; 6 – Adam Ata channel.
Illustration prepared by A. Tazhekeyev

Рис. 4. План комплекса Адам Ата. 1 – крепость Адам Ата (ставка Абулхаир хана);
2 – расположение жилищ на берегу русла; 3 – сад Торангил; 4 – развалины погребальных сооружений
из жженого кирпича (древний могильник); 5 – казахское кладбище, 2-я пол. XIX в.; 6 – русло Адам Ата.
Иллюстрация подготовлена А.А. Тажеевым

табылды. Жинақталған материалдарға талдау жасау барысында бұл қоныста Алтын Орда кезеңінен бастап, XIX ғ. аяғы, тіпті табылған 1915 ж. тиын XX ғ. басына дейін халық өмір сүрген деп болжамға келуге мүмкіндік береді. Арнаның осы тұсында, табанында бірнеше үлкен шұңқырлардың орны бар. Ол суды жинау мақсатында қолдан қазылған орлар болуы мүмкін.

Қоныстан жинақталған материалды талдау.

Барлық археологиялық материалдар ескерткіштің беткі қабатынан жинап алынды. Жиналған материалдар қыштан, металдан және шыныдан жасалған бұйымдар.

Металл бұйымдардың жалпы саны 12 дана. Олар: бір тиын (монета), бір білезік сынығы, бір шам, бір қазан мойын сынығы, екі ыдыс-аяқ қабырға сынығы (?), бір ыдыс шайқағыш (?), екі шелек тұтқасы (?), бір ілмек, бір шеге.

Қоладан жасалған *білезік*. Бұйымның жартысы ғана сақталған. Білезік жұқа лента түрінде дайындалған. Оның сыртында бұйымның бүкіл бетін бойлай түсірілген екі қатар доғалар түріндегі бедерлі өрнек бар (5-сур., 9). Білезіктің сақталған бөлігінің ұзындығы 11 см, ені – 1,1 см.

Темірден соғу арқылы жасалған *шам*. Бұйымның ұзартылған шүмегі, конус тәрізді май құятын резервуары бар. Шүмегінің пішіні тіктөртбұрышты көлденең қима түрінде жасалған. Шамның түбі тегіс. Шамның үстіңгі жиегінде үшбұрыштар түріндегі үлдір¹ өрнегі бар (5-сур., 1). Шамның түбінің диаметрі – 8,5 см, аузының диаметрі – 5,8 см, биіктігі – 6–6,5 см, шүмегінің ұзындығы – 8 см.

Қазан ернеуінің сынықтары. Қазан ернеуі қалыңдатылып жасалған. Ернеудің ішкі жиегінде қақпаққа арналған көлденең ойық бар (5-сур., 2). Қазанның диаметрі шамамен 50 см, қиманың қалыңдығы 0,3–1,2 см-ді құрайды.

Екі түрлі ыдыстың (қазан? немесе шелек?) *сынықтары*. Сынықтардың біріншісінен әлсіз иілген сызық байқауға болады, екіншісі тегіс (5-сур., 5–7). Қалыңдығы – 0,1–0,3 см.

Жиегі қалыңдатылған ернеу сынықтары. Қандай бұйым екенін анықтау қиын, темір ыдыстың (құмғанның?) сынығы болуы мүмкін (5-сур., 3). Сынықтың шамамен диаметрі 15 см, қалыңдығы 0,4–0,8 см-ді құрайды.

Шелек тұтқаларының екі үлгісі. Екі тұтқаның көлденең қимасы шеңберлі. Бір тұтқа жақсы сақталған, ұзын, доға тәрізді, тек ортасы деформацияланған. Тұтқаның екі шетінде ыдысты ілу үшін ілмек тәрізді иілулер бар (5-сур., 6, 11). Екінші тұтқаның бір ілмегі ғана сақталған. Өлшемдері: бірінші тұтқаның ұзындығы – 47 см, екіншісі – 17 см, қалыңдығы – 0,6–0,7 см.

Қайла. Бұйымның пішіні бір жақты, тұмсық тәрізді, дөңгеленген, сабына арналған тесігі бар (5-сур., 4). Қайланың ұзындығы – 11,5 см, қалыңдығы – 1,1 см.

Төртбұрышты пішінді тоға. Бүтіндей сақталған. Тоғаның тілі бекітілген беті доға пішіндес келген. Тілі жақтауына сақинаның иілу әдісі тәріздес бекітілген. Тілінің ұшы сүйірленген (5-сур., 10). Өлшемдері: ұзындығы – 3,8 см. Тілінің ұзындығы – 4,3 см.

Шеге. Оның білігі пайдалану кезінде майысқан, басы деформацияланған (5-сур., 12). Өлшемдері: ұзындығы – 5 см, қалыңдығы – 0,2–0,4 см.

Күмістен жасалған тиын. Тиынның бет жағында және сырт жағында араб жазуы бар (5-сур., 8; 6-сур.). Тиынның диаметрі – 1,7–1,8 см.

Қыштан дайындалған бұйымдар.

Қыштан дайындалған бұйымдардың 16 үлгісінің сынықтары жиналды. Екі данасы жылтыратылған. Барлығы құмыра шығырында жасалған қыш ыдыстардың сынықтары. Керамиканың қалыптау балшығы сұр түсті, құрамы темірі аз саздан жасалған. Органикалық заттар мен ұсақ түйіршікті құм қоспалар да кездеседі. Барлық өнімдер жоғары сапада күйдірілген. Кейбір сынықтардың сыртқы бетінің өңделгенін байқауға болады. Үш қыш сынығы сыртынан қара ангобпен қапталған (7-сур., 5, 8, 13).

Керамикалық ыдыстардың түрлеріне келетін болсақ, төмендегідей бөлуге болады:

Тар мойынды ыдыс ернеуінің бір данасы. Ернеуі сыртқа қарай қатты иілген. Ернеудің қимасының пішіні төртбұрышты (7-сур., 8). Ыдыстың ернеуі бойынша диаметрі 6 см, қалыңдығы – 0,4–0,5 см.

Асханалық құмыра ернеуінің бір данасы, ернеуі бүйіріне бірден жалғасып жатыр. Ернеуінің жиегі көлденең қимада, ортасында тесігі бар үшбұрышты шығыңқы болатындай етіп иілген (7-сур., 5). Құмыраның ернеуі бойынша диаметрі шамамен – 16 см, қалыңдығы – 0,6 см.

¹ Бұл жерде sozdk.kz сайтынан алынған *ажурный* сөзінің аудармасы қолданылған.

5-сур. Қоныстан табылған метал бұйымдар. Суретті дайындаған Г.Т. Әмірғалина мен А.Ж. Назаров

Fig. 5. Metal items found in the settlement. Illustration prepared by G. Amirgalina and A. Nazarov

Рис. 5. Изделия из металла, найденные на поселении.
Иллюстрация подготовлена Г.Т. Амиргалиной и А.Ж. Назаровым

6-сур. Қоныстан табылған тиын. Суретті дайындаған Ж.К. Сұлтанжанов

Fig. 6. Coin from the settlement. Illustration prepared by Zh. Sultanzhanov

Рис. 6. Монета, найденная на поселении. Иллюстрация подготовлена Ж.К. Сұлтанжановым

Ыдыс ернеуінің бір данасы. Ернеудің сыртқы жиегінде ұзын тік түйреуіш түріндегі ою-өрнегі бар жолақ тәріздес қалыптау бар (7-сур., 7). Ыдыстың ернеуі бойынша диаметрі шамамен – 13–14 см, қалыңдығы – 0,3–0,6 см.

Тұтқасы жапсырылған ыдыс мойынының бір данасы. Тік ернеуі бар тар мойынды құмыра түріндегі ыдыс. Тұтқаның көлденең қимасы сопақша келген. Тұтқаның үстіңгі бөлігінде оның ернеумен түйіскен жерінен ыдыстың бүйіріне дейін ойысы бар, ол техникалық мақсатта пайдаланылған болуы мүмкін (7-сур., 9). Ыдыс ернеуінің диаметрі – 5,5 см, қалыңдығы – 0,6 см.

Тегіс түбі бар жұқа қабырғалы ыдыс түбінің бір данасы, асханалық ыдыс немесе құмыра болуы мүмкін (7-сур., 15).

Ыдыс қабырғасының бір данасы, амфора тәрізді құмыра немесе тұтқасы сақталмаған құмған (7-сур., 10).

Ыдыс тұтқаларының үш данасы (7-сур., 12, 15, 17).

Асханалық ыдыс түбінің бір данасы, диаметрі шағын, асхана тостағанына немесе табақшасына қатысты болуы мүмкін (7-сур., 19). Табанының диаметрі – 5 см.

Цилиндрлі пішіндегі шүмегі бар ыдыс қабырғасының бір данасы. Сынықтың ішкі бетінде шүмегінің ыдыс қабырғасымен түйісу бөлігі анық көрінеді (7-сур., 11).

Қалың қабырғалы үлкен ыдыстың төменгі бөліктерінің үш сынығы, хұм болуы мүмкін (7-сур., 13, 14, 16).

Жылтырағы² бар қыш ыдыстардың сынықтары:

Тегіс түбі бар ыдыс түбінің бір данасы. Ыдыс ішінен жасыл жылтарақпен боялған. Сыртқы бетінде жылтырағы байқалмайды, тек кездейсоқ жолақтар бар (7-сур., 6). Ыдыстың төменгі диаметрі – 7 см, қалыңдығы – 0,6–0,8 см.

Екі бетінде мөлдір көк жылтырағы және оның астында қара сыры бар асханалық тостағанының бір кішкене сынығы (7-сур., 2).

Керамикалық емес бұйымдар.

Табылған заттардың ішінде кашиннан³ жасалған жылтыратылған дастарханның сынығы бар. Ыдыс мөлдір көк жылтырақпен боялған. Ішкі бетінде мөлдір көк жылтырақ астында қара көк түсті және қара бояумен ою-өрнекті байқауға болады (7-сур., 3).

² Бұл жерде sozdiq.kz сайтынан алынған глазурь сөзінің аудармасы қолданылған.

³ Кашин – ақ кеукті керамикалық балшық.

7-сур. Қоныстан жинақталған қыш бұйымдардың сынықтары.

Суретті дайындаған Г.Т. Әмірғалина мен А.Ж. Назаров

Fig. 7. Fragments of pottery collected in the settlement.

Illustration prepared by G. Amirgalina and A. Nazarov

Рис. 7. Фрагменты керамики, собранные с поселения.

Иллюстрация подготовлена Г.Т. Амиргалиной и А.Ж. Назаровым

Табылған заттар топтамасында органикалық заттар қоспасы бар силикат балшығынан жасалған *қаптама тақтайшасының бір данасы* бар. Плитканың тегіс беті көк түспен жылтыратылған (7-сур., 1). Өлшемдері: плитка қимасының қалыңдығы – 1,7–2 см.

Сопақша пішінді, жиектерінде өңдеу іздері анық көрінетін *шыныдан жасалған бұйым* (7-сур., 4). Өлшемдері: диаметрі – 3,6–2,8 см, қалыңдығы – 0,15 см.

2. *Адам ата бекінісі (Әбілқайыр ханның ордасы)*. 1740–1741 жж. Д. Гладышев (поручик) пен И. Муравиннің (геодезист) Арал теңізі мен Хиуаға жасаған экспедицияның материалдарында кездесетін *Адам ата бекінісі (Әбілқайыр ханның ордасы)* [Ханыков 1851а]. Бұл деректе тек бекініс жайлы айтылады, орда маңында қорым немесе тораңғыл бағы жайлы ақпарат кездеспейді.

Бекініс жоспары үшбұрышты келген, көлемі 120×120–220 м айналасына қарағанда биіктеу (1,5–2 м) тегіс төбе түрінде сақталған (4-сур., 1). Оның шығыс бөлігінде тораңғыл бағы мен кейінгі қорым түссе, солтүстік-батыс бөлігінде одан ертерек күйдірілген кірпіштен салынған жерлеу орындары орналасқан. Осы жерде атап өтетін жайт, тораңғыл бағының қоршауы Әбілқайыр ханның ордасы болуы да мүмкін. Себебі, А.И. Макшеевтің айтуынша оның ұзындығы мен ені 50 «саженге», яғни, 90 м-ге тең. Бекініс орнына байланысты осындай екі нұсқа бар. Оның нақты қайсысы бекініс орны болғандығын археологиялық қазба жұмыстары көрсететін болады.

8-сур. Қазақ қорымындағы жерлеу құрылысы. Суретті дайындаған Ж.К. Сұлтанжанов

Fig. 8. Burial structure at the Kazakh burial ground. Illustration prepared by Zh. Sultanzhanov

Рис. 8. Погребальное сооружение на казахском кладбище. Иллюстрация подготовлена Ж.К. Султанжановым

9-сур. XIX ғ. 2 жартысы қазақ қорымы (кейінгі қорым). Суретті дайындаған Ж.К. Сұлтанжанов
Fig. 9. Kazakh burial ground built in the second half of the 19th century. Illustration prepared by Zh. Sultanzhanov
Рис. 9. Казахское кладбище, 2-я пол. XIX в. Иллюстрация подготовлена Ж.К. Султанжановым

3. *Тораңғыл бағы* айналдыра жалпы көлемі 90×90 м, жоспары бес бұрышты ормен қоршалған. Ордың жалпы ұзындығы 400 м. Кіретін қақпасы оңтүстігінде орналасқан (4-сур., 3). Осындай қоршауларды Сырдарияның күріш алқаптарына түсетін ірі қара (жылқы, сиыр) малдарды уақытша қамайтын қора ретінде пайдаланған. Сондай-ақ, қысқа жинаған шөпті сақтау үшін осындай ормен қазылған қоралар болған [Аржанцева, Тәжекеев 2011: 156–163; Arzhantseva, Tazhekeyev 2017: 177–191]. Адам атадағы тораңғыл бағы арнайы егілгендігін осыдан байқауға болады. Яғни, түзде жүрген түйе, жылқы және сиырдан сақтау үшін арнайы ор қазып қоршаған. Бактың ортасында қабырғасы күйдірілген кірпіштерден шеңберлі етіп үйілген жерлеу орны бар. Кейін басына Балхам ата, Адам ата деп жазылған тақта қойылыпты. А.И. Макшеев қорымда «Аудке» бейіті бар деп келтіреді. Жалпы қорымда белгілі бір дәрежедегі тұлға жерленсе керек. Тораңғыл бағы ішіндегі жерлеу орындары XIX ғ. екінші жартысымен мерзімделуі, ал ондағы күйдірілген кірпіштер ерте кезеңдегі кесенелердің кірпіштері болуы мүмкін.

10-сур. XIX ғ. 2 жартысы қазақ қорымындағы (кейінгі қорым) құлпытастар: 1 – № 1 құлпытас; 2 – № 2 құлпытас. Суретті дайындаған Ж.К. Сұлтанжанов

Fig. 10. Headstones at the Kazakh burial ground, built in the 2nd half of the 19th century: 1 – headstone no. 1; 2 – headstone no. 2. Illustration prepared by Zh. Sultanzhanov

Рис. 10. Құлпытасы на казахском кладбище, 2-я пол. XIX в.: 1 – құлпытас № 1; 2 – құлпытас № 2. Иллюстрация подготовлена Ж.К. Сұлтанжановым

4. Күйдірілген кірпіштен (20–25×20–25×6–8 см) салынған жерлеу құрылыстарының қиранды орындары (ежелгі қорым). А.И. Макшеевтің 1848, 1851 және 1853 жж. Сырдың төменгі ағысы бойына жүргізген экспедицияларының материалдары. Жоғарыдағы сілтемеде келтірілгендей сол жылдары бұл кешенде бекіністен бөлек, көптеген күйдірілген кірпіштен салынған, жартылай қираған бейіттердің орны мен қалың тораңғыл өсіп тұрғаны айтылады. Сонда бұл жерлеу құрылыстары мен арнайы егілген тораңғыл бағы Әбілқайыр ханның өлімінен кейін (1748 ж.) және А.И. Макшеевтің экспедициясы арасында (1848 ж.) пайда болған деген болжам жасауға болады.

Күйдірілген кірпіштен (20–25×20–25×6–8 см) салынған жерлеу құрылыстарының қиранды орындары ішінен үш орын ерекше көзге түседі. Бұл құрылыс үлкен кесененің орнына ұқсайды. Қалған жерлеу орындары осы құрылыс жанына қойылған. Жалпы саны 50-ден асады (4-сур., 4).

5. Саз кесектен салынған төртқұлақ жерлеу құрылыстары және қарапайым жерлеу қоршаулары мен орындары (кейінгі қорым). А.И. Макшеев экспедициясынан кейінгі (XIX ғ.

екінші жартысы) кезеңде кешеннің оңтүстік және оңтүстік-шығыс бөлігінде *қазақтардың қорымы* салынғанын байқаймыз (4-сур., 5).

Қорымда жерлеу құрылыстарының бірнеше түрлері бар. Олар: саз кесектен тұрғызылған, жоспары төртбұрышты (төртқұлақ) (24) және жоспары шеңберлі немесе жәй жерлеу шұңқыры түрінде сақталған (100-ден аса) жерлеу орындары. Төртқұлақты жерлеу құрылыстарына жататын бес ескерткіштің алдыңғы қасбетінде шағын үш күмбездері бар. Ал қалған төртқұлақты жерлеу құрылыстарының оңтүстік-батыс бөлігінде кіретін ауызы бар немесе жәй төртбұрышты қоршау түрінде салынған (8–10-сур.).

4 Қорытынды (Тәжекеев Ә.Ә.)

Әбілқайыр ханның Сыр бойындағы ордасы және оның қайта жерленген жеріне қатысты жазба деректердің негізінде жүргізілген барлау экспедициясы нәтижелеріне сүйене отырып, бірқатар қорытындылар жасауға болады. Адам ата кешенінде аталған деректер бойынша Әбілқайыр ханның ордасы орналасқан. Дегенмен, жинақталған археологиялық материалдар қоры бұл жерде халық монғол шапқыншылығынан кейін қоныстана бастағанын көрсетеді. Кейінгі ортағасырларда Сырдың Аралға құяр маңы ерекше тарихи-саяси аймаққа айналды. XVIII–XIX ғғ. Ресей патшалығы тарапынан Орта Азия мен Түркістан өлкесіне жасалған әскери экспедициялары Орынбор мен Омбыдан шығып, Арал маңы Қарақұмын кесіп өтіп, Сырдың бойына жетіп тоқтаған. Бұл жолдар Сырдарияны Аманөткел және Майлыбас өткелдері арқылы кесіп өткеннен кейін Адам ата маңында қосылып, Қызылқұмға, Бұқараға бағыт алады. Сонымен қатар, солтүстік пен оңтүстікті жалғап жатқан Орынбор–Бұқара жолы тұрақты көші-қон және сауда жолы болған.

Кейіннен Арал теңізіне жақын Райым көлі жағасына, биік қыраттың басына Ресей патшалығының алғашқы Райым бекінісі (1847 ж.) салынады. Сонан соң, Форт 1 (Қазалы) (1853 ж.), Форт 2 (Қармақшы) бекіністері тұрғызылады.

Жалпы, зерттеу нәтижесінде Адам ата кешенін мерзімдеуге мүмкіндік беретін мәліметтер алынды. Атап айтсақ, жылтыратылған керамика хронологиялық көрсеткіш ретінде көп дерек бере алады. Бұл қалың жасыл жылтырағы бар ыдыстың кішкене сынығы (7-сур., 6) және мөлдір жылтырағы бар керамикалық тостағанның бір кішкене сынығы (7-сур., 2). Мерзімдеу материалдары ретінде мөлдір көгілдір жылтырағы бар кашин тостағанының сынығы (7-сур., 3) және қалың ашық көк жылтырағы бар силикат кірпіштің сынығы болуы мүмкін (7-сур., 1).

Қою жасыл түсті жылтыратылған қыш ыдыстар Алтын Орданың бекініссіз Миздахкан қаласы аумағынан (б.д.д. IV ғ. – б.д. XX ғ. Миздахкан археологиялық кешенінен) табылған. Бұл кешеннің Алтын Орда кезеңінің қаласынан шыққан жасыл түспен жылтыратылған керамикалық бұйымдардың барлығы XIII–XIV ғғ. жатады [Қыдырниязов 2017: 806–807]. Афрасиабтан табылған ангобсыз жасыл түспен жылтыратылған заттар сынығы VII–IX ғғ. мерзімделеді [Вишневская 2001: 58; Шишкина 1979: 32]. Кейінірек, X ғ. Орталық Азияның әртүрлі ескерткіштерінен жасыл жылтырағы бар қыш ыдыстар да табылды, бірақ, оны жасау технологиясында өзгерістер болды, олар – жылтырақ ангоб негізінің үстіне жағылған [Вактурская 1959: 288–304; Шишкина 1979: 47].

Жасыл сырлы керамика аналогтары Адам ата қонысына жақын жерде, ерте ортағасырлық Жанкент қалашығында кездеседі [Амиргалина, Билалов 2022: 144–146].

Мөлдір көгілдір жылтырағы бар қыш ыдыстар шамамен X ғ. бастап кеңінен таралған. Дегенмен, көк сырлы керамикалық бұйымдардың таралу шеңбері Орталық Азиядағы түркі-монғолдар билеген кезеңдерге келетінін айта кеткен жөн [Смагулов и др. 1999: 199]. Бұл ортағасырлық сәулет өнеріндегі кең таралған көк түстің кезеңі, ол да осы коллекциядағы силикат кірпіштің сынығы болып табылады (7-сур., 1).

Сонымен қатар, сыртқы бетінде қою көк оюы бар кашин тостағанының сынық бөлігін ерекше атап өту керек. Кашин Орталық Азияда XII ғ. қымбат қытай фарфорына балама ретінде пайда болды. Бұл материал, силикат негізінде, ыдыс-аяққа нәзіктік пен талғампаздық берген. XIV–XV ғғ. керамикадағы қою көк ою Сирия мен Ираннан Орталық Азияға дейін жетеді. Яғни, көгілдір-қара түсті кашиннан жасалған асханалық ыдыстың кішкене сынығы (7-сур., 3) қытай фарфорына ұқсатып, түркі элитасының ақсүйектерінің талғаныма негізделген «түрік нiлiн» еске түсіреді [Гюль 2017: 784–785]. Мұндай ыдыстардың хронологиялық шеңбері XII–XV ғғ. анықталады.

Табылған күміс тиынға Мемлекеттік Эрмитаждың (Ресей Федерациясы) кіші ғылыми қызметкері А.В. Кулиштің жүргізген талдауы бойынша: «бір жағында «сикка», ал екінші бетінде «Аль Адиль», яғни, «әділ» деп жазылған. Тиын түрі жағынан моңғол тиындарына көбірек ұқсайды. Сикка жазуын ескерсек, бұл XIII–XIV ғғ. шағатай тиындарына еліктеп соғылған үлгі болуы мүмкін.

Осылайша, талданған керамика, силикат және кашин өнімдері коллекциясы және күміс тиынға қарап қоныстың ерте кезеңін XIII–XV ғғ. мерзімдеуге болады.

Сонымен қатар, екі жерлеу орнында құлпытастар сақталған (10-сур.). Оның бетіндегі ақпарат жазуларын Сыр бойы, Ырғыз және Арал маңы Қарақұмы аймақтарының құлпытастарын сақтау және қорғау мәселесін көтеріп жүрген Ержан Исабеков аударды. Бірінші құлпытас аудармасы: «Қожа Керейт руы Қасай тайпасы Мамбетәлі Үкей баласы офаты 73 жасында 1872 жылда» (10-сур., 1); екінші құлпытас аудармасы: «Төрт Қара руы Сейітқұл тайпасы Арыстан Айтқұл баласы офаты 75 жасында 1871 жылда» (10-сур., 2). Осы құлпытастардағы жазылған жылдар қорымды XIX ғ. екінші жартысымен мерзімдеуге мүмкіндік беріп отыр.

Қорытындылай келе, Адам ата кешенінде Алтын Орда кезеңінде пайда болып, кейінгі ортағасырларға дейін өмір сүрген халықтың қоныстарын және бірнеше кезеңнен тұратын қорымның қалыптасқанын байқаймыз.

Адам ата бекінісі мен күйдірілген кірпіштен салынған қорым жайлы деректерді нақтылау үшін археологиялық қазба жұмыстарын жүргізу қажет. Адам ата кешеніндегі жан-жақты зерттеу жұмыстары Әбілқайыр ханның ордасы мен оның немесе ұрпақтарының жерленген орны жайлы тың деректер берері анық.

ӘДЕБИЕТ

- 1 *Амиргалина Г.Т., Билалов С.У.* Глазуванная керамика раннесредневекового городища Джанкент // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. М-лы V междунар. конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. / Гл. ред. А. Онгар; отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдиқов, Д.А. Воякин. Алматы; Туркестан: ИА КН МОН РК, 2022. Т. 3. С. 142-156.
- 2 *Аничков И.* О некоторых местностях Казалинского уезда, интересных в археологическом отношении // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана. Туркестан: Туран, 2011. С. 120-123.
- 3 *Аржанцева И.А., Тажекеев А.А.* «Кора» – временные загоны для скота в Юго-западном районе Казахстана // Этнографическое обозрение. 2011. № 5. С. 156-163.
- 4 *Вактурская Н.Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Керамика Хорезма. Труды ХАЭЭ. М., 1959. Т. 4. С. 261-342.
- 5 *Вишневецкая Н.Ю.* Ремесленные изделия Джегирбента (IV в. до н.э. – начало XIII в. н.э.) М.: Вост. лит., 2001. 175 с.

- 6 Гюль Э.Ф. Поливная керамика Узбекистана: этапы развития // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Под ред. С.Г. Бочарова, В. Франсуа, А.Г. Ситдикова. Казань; Кишинев: Stratum plus, 2017. Т. 2. С. 779-793.
- 7 Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т. О захоронении и перезахоронении останков хана Абулхаира // Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии. М-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию работ ЮККАЭ (Шаульдер, 18–19 октября 2011 г.) / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: ИА КН МОН РК, 2012а. С. 318-335.
- 8 Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т. Путевой дневник переводчика И.А. Батыршина о военном походе В.А. Перовского на Акмечеть // История Казахстана в документах и материалах. Альманах. Астана, 2012б. Вып. 2. С. 279-299.
- 9 Краткий дневник, введенный переводчиком Искандером Батыршиным во время похода на Акмечеть. 1853 г. / Предисл., подгот. текста, комм. И.В. Ерофеевой, Б.Т. Жанаева // История Казахстана в документах и материалах. Альманах. Вып. 2. Астана, 2012. С. 318-335.
- 10 Кыдырниязов О.Ш. Поливная керамика Миздахкана: этапы развития // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Под ред. С.Г. Бочарова, В. Франсуа, А.Г. Ситдикова. Казань; Кишинев: Stratum plus, 2017. Т. 2. С. 794-811.
- 11 Макиев А.И. Описание Низовьев Сырдарьи // Морской сборник. 1856. Т. XXIII. № 9. С. 448-527.
- 12 Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию // Материалы к истории изучения Средней Азии. Ч. 1. 1715–1856. Ташкент: изд-во САГУ, 1955. С. 20-21.
- 13 Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П., Итенов А.А. Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. Алматы: Ылым, 1999. 232 с.
- 14 Хан моласы қорымы. Әбілқайыр хан жерленген орын. URL: <https://aktobenasledie.kz/kk/han-molasy-qorymy-aebilqajyr-han-zherlengen-oryn> (қаралған күні: 14.01.2023).
- 15 Ханьиков Я.В. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным. СПб., 1851а. 88 с.
- 16 Ханьиков Я.В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями // Записки Русского географического общества. 1851б. Кн. V. С. 268-358.
- 17 Шишкина Г.В. Глазуванная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII вв.). Ташкент: ФАН, 1979. 75 с., илл.
- 18 Arzhantseva I., Tazhekeyev A. Contested landscapes of Soviet Central Asia: an ethnoarchaeological case study from Kazakhstan // Journal of Conflict Archaeology 12:3. DOI: [10.1080/15740773.2017.1371191](https://doi.org/10.1080/15740773.2017.1371191).

REFERENCES

- 1 Amirgalina, G. T., Bilalov, S. U. 2022. In: Ongar, A., Baitanayev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). *Evrasijskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kulturnaya sreda (Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment.)*. In 5 vol. Vol. 3. Almaty; Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 142-156 (in Russian).
- 2 Anichkov, I. 2011. In: *Protokoly zasedaniy i soobshchenij chlenov Turkestanskogo kruzhka lyubitelej arheologii. Istoriko-kulturnye pamyatniki Kazahstana (Protocols of meetings and reports of members of the Turkestan amateur archaeological circle. Historical and cultural sites of Kazakhstan)*. Turkistan: “Turan” Publ., 120-123 (in Russian).
- 3 Arzhantseva, I. A., Tazhekeyev, A. A. 2011. In: *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)*, 5, 156-163 (in Russian).
- 4 Vakturskaya, N. N. 1959. In: *Keramika Horezma. Trudy Horezmskoy arheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Ceramics of Khorezm. Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition)*. Moscow, 261-342 (in Russian).
- 5 Vishnevskaya, N. Yu. 2001. *Remeslennye izdeliya Dzhagirbenta (IV v. do n. e. – nachalo XIII v. n. e.) (Handicrafts of Dzhagirbent (4th century BC – early 13th century AD))*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
- 6 Gyul, E. F. 2017. In: Bocharov, S. G., Fransua, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XV III vv. (Mediterranean and Black Sea region 5th–18th centuries)*. Kazan; Chisinau: “Stratum plus” Publ., 2, 779-793 (in Russian).

- 7 Erofeeva, I. V., Zhanaev, B. T. 2012a. In: Baipakov, K. M. (ed.) *Drevnosti Otrara i Otrarskogo oazisa, Kazahstana i Evrazii (Antiquities of Otrar and Otrar oasis, Kazakhstan and Eurasia)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 318-335 (in Russian).
- 8 Erofeeva, I. V., Zhanaev, B. T. (eds.). 2012b. In: *Istoriya Kazahstana v dokumentah i materialah. Almanah (History of Kazakhstan in documents and materials. Almanac)*. Astana, 2, 279-299 (in Russian).
- 9 Erofeeva, I. V., Zhanaev, B. T. (eds.). 2012. *Istoriya Kazahstana v dokumentah i materialah. Almanah (History of Kazakhstan in documents and materials. Almanac)*. Astana, 2, 318-335 (in Russian).
- 10 Kydyrniyazov, O. Sh. 2017. In: Bocharov, S. G., Fransua, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv. (Mediterranean and Black Sea region 10th–18th centuries)*. Kazan; Chisinau: “Stratum plus” Publ., 2, 794-811 (in Russian).
- 11 Maksheev, A. I. 1856. In: *Morskoy sbornik (Marine collection)*, 23, 9, 448-527 (in Russian).
- 12 1955. In: *Materialy k istorii izucheniya Sredney Azii (Materials for the history of the study of Central Asia)*. Tashkent: “SAGU” Publ., 20-21 (in Russian).
- 13 Smagulov, E. A., Grigor'ev, F. P., Itenov, A. A. 1999. *Ocherki po istorii i arheologii srednevekovogo Turkestana (Essays on the history and archaeology of medieval Turkestan)*. Almaty: “Gylm” Publ. (in Russian).
- 14 Han molasy qorymy. Äbilqaiyr han jerlengen ornyn (Khan's grave. Burial place of Abulkhair Khan). URL: <https://aktobenasledie.kz/kk/han-molasy-qorymy-aebilqajyr-han-zherlengen-ornyn> (accessed 14.01.2023) (in Kazakh).
- 15 Hanykov, Ya. V. 1851a. *Poezdka iz Orska v Hivu i obratno, sovershennaya v 1740–1741 godah Gladyshevym i Muravinym (A trip from Orsk to Khiva and back, made in 1740–1741 by Gladyshev and Muravin)*. Saint Petersburg (in Russian).
- 16 Hanykov, Ya. V. 1851b. In: *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva (Notes of the Russian Geographical Society)*, 5, 268-358 (in Russian).
- 17 Shishkina, G. V. 1979. *Glazurovannaya keramika Sogda (vtoraya polovina VIII – nachalo XIII vv.) (Glazed ceramics of Sogd (second half of the 8th – early 13th centuries)*. Tashkent: “FAN” Publ. (in Russian).
- 18 Arzhantseva, I., Tazhekeyev, A. 2017. In: *Journal of Conflict Archaeology*, 12:3, 177-191 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 16.01.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 24.01.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.01.2023

УДК 902, 904
МРНТИ: 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.29.42>

Гунны в Сибири, или о границах Древности и Средневековья. Взгляд археолога

© 2023 г. Кызласов И.Л.

Keywords: archaeology, Asiatic Huns, conquest of Southern Siberia, state structure, the turn of Antiquity and the Middle Ages

Түйін сөздер: археология, азиаттық ғұндар, Оңтүстік Сібірді жаулап алу, мемлекеттік құрылым, Ежелгі және Ортағасыр межесі

Ключевые слова: археология, азиатские гунны, завоевание Южной Сибири, государственное устройство, рубеж Древности и Средневековья

Igor Kyzlasov¹

¹Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: kyzlasovil@mail.ru

The Huns in Siberia, or about the borders of Ancient and Middle Ages. Archaeologist's view

Abstract. At the turn of 3rd and 2nd centuries BC the Asiatic Huns annexed the lands of Southern Siberia and thus ensured their fundamental state interests: calm northern rear areas and permanent mining, metallurgical and handicraft production to supply weapons and equipment for the army, and plowing and reaping tools for their farmers. The conquest did not interrupt the local economic development, handicraft and agricultural activities were controlled and encouraged by the supreme Hunnic power. This is fully confirmed by archaeological data. The Huns spread urban culture not only in Central Asia, but also in Southern Siberia. For the first time in Asia, they created a state with a unified administration of both settled and nomadic population, that is, a full-fledged world power. Its integrity was determined both by the unity of political power, and by the mutual correspondence of the multi-lingual and multi-tribal parts of the country. The Asiatic Huns themselves were not Turkic-speaking. They did not belong to the Turkic or Mongolian world according to the main archaeological signs of cultural genesis: neither by the type of dwellings, nor by the look of burials. But it was they who first brought the early Turkic peoples to the historical arena, moving them from the unknown places of Central Asia to the north. The archaeological gradation of the historical periods of Antiquity and the Middle Ages revealed on the Yenisei extends to the entire Sayan-Altai Highlands and the Baikal region. The boundary of ancient and medieval development is the Hun epoch.

Funding source: The work was carried out within the framework of the State Task of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences No. of the Research, Development and Technological Work 122011200266-3.

For citation: Kyzlasov, I. 2023. The Huns in Siberia, or about the borders of Ancient and Middle Ages. Archaeologist's view. *Kazakhstan Archeology*, 1 (19), 29–42 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.29.42](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.29.42)

Игорь Леонидович Кызласов¹

¹тарих ғылымдарының докторы, жетекші ғылыми қызметкер, РҒА Археология институты, Москва қ., Ресей

Сібірдегі ғұндар, немесе Ежелгі және Ортағасырлардың шекарасы жайында.
Археолог көзқарасы

Аннотация. Б.д.д. III және II ғғ. межесінде азиаттық ғұндар Оңтүстік Сібір жерлерін қосып алды

Игорь Леонидович Кызласов¹

¹доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН, г. Москва, Россия

Гунны в Сибири,
или о границах Древности и Средневековья.
Взгляд археолога

Аннотация. На рубеже III и II вв. до н.э. азиатские гунны присоединили земли Южной Сибири и тем

және өздерінің түбегейлі мемлекеттік мүддесін: солтүстік тыныш аумағымен және әскерді қару жарақпен қамту үшін үздіксіз жұмыс істеп тұрған кен өндіру, металлургиялық және қолөнер өндірісімен, жер жырту құралы мен өздерінің жер иеленушілерін астықпен қамтамасыз етті. Жаулап алу жергілікті шаруашылық дамуға кедергі болмады, жоғарғы ғұн билігі қолөнер және ауылшаруашылық қызметін бақылап және қолдап отырды. Бұл археологиялық мәліметтермен толықтай дәлелденіп отыр. Ғұндар қалалық мәдениетті Орталық Азияда ғана емес, Оңтүстік Сібірде де енгізді. Олар алғаш рет Азияда отырықшы және көшпелі халықты біртұтас басқаратын мемлекет, яғни толыққанды әлемдік державаны құрды. Оның тұтастығы саяси биліктің бірлігімен, елдің көп тілді және әр түрлі рулық бөліктерінің өзара сәйкестігімен де анықталды. Азиаттық ғұндардың өздері түркітілдес болмады. Олар мәденигенездің негізгі археологиялық белгілері бойынша: тұрғын үй типі, жерлеу көрінісі бойынша түркі немесе моңғол әлеміне жатпады. Бірақ олар ежелгі түркі халықтарын Орталық Азияның белгісіз жерлерінен солтүстікке қарай жылжытып, алғаш рет тарихи аренаға алып шықты. Енисейде анықталған Ежелгі және Ортағасырлық тарихи кезеңдердің археологиялық градациясы бүкіл Саян-Алтай таулары мен Байкал маңына таралады. Ежелгі және ортағасырлық дамудың межесі ғұн дәуірі болып табылады.

Қаржыландыру көзі: Жұмыс РФА Археология институтының № ҒЗТҚТЖ 122011200266-3 Мемлекеттік тапсырмасы аясында орындалды.

Сілтеме жасау үшін: Кызласов И.Л. Сібірдегі ғұндар, немесе Ежелгі және Ортағасырлардың шекарасы жайында. Археолог көзқарасы. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (19). 29–42-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.29.42](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.29.42)

обеспечили свои коренные государственные интересы: спокойные северные тылы и постоянно действующее горнорудное, металлургическое и ремесленное производство для снабжения вооружением и снаряжением армии, орудиями пахоты и жатвы своих земледельцев. Завоевание не прервало местного хозяйственного развития, ремесленная и земледельческая деятельность контролировалась и поощрялась верховной гуннской властью. Это в полной мере подтверждается археологическими данными. Гунны насаждали городскую культуру не только в Центральной Азии, но и в Южной Сибири. Они впервые в Азии создали государство с единым управлением как оседлым, так и кочевым населением, то есть полноценную мировую державу. Ее цельность определялась как единством политической власти, так и взаимным соответствием разных по укладу языковых и разноплеменных частей страны. Сами азиатские гунны не были тюркоязычными. Они не принадлежали к тюркскому или монгольскому миру по основным археологически признакам культурогенеза: ни по типу жилищ, ни по облику захоронений. Но именно они впервые вывели на историческую арену ранние тюркские народы, сдвинув их из неведомых мест Центральной Азии на север. Выявляемая на Енисее археологическая градация исторических периодов Древности и Средневековья распространяется на всё Саяно-Алтайское нагорье и Прибайкалье. Рубежом древнего и средневекового развития оказывается гуннская эпоха.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках Государственного задания Института археологии РАН № НИОКТР 122011200266-3.

Для цитирования: Кызласов И.Л. Гунны в Сибири, или о границах Древности и Средневековья. Взгляд археолога. *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (19). С. 29–42. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.29.42](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.29.42)

*Памяти Сергея Степановича Миняева (1948–2020),
единственного археолога-гунноведа нашего поколения,
осознавшего своё предназначение и не изменившего ему*

Введение

Около 201 г. до н.э. войска центральноазиатских гуннов овладели всем Саяно-Алтайским нагорьем, включая Туву, а также Западным Забайкальем и частью Монголии. После этого похода, возглавлявшегося Модэ-шаньюем, по словам китайского историка, все знатные люди гуннов «подчинились ему и стали считать шаньюя Модэ мудрым». В чём же проявилась на этот раз мудрость

создателя первой огромной державы Центральной Азии¹? Совсем не в том, что он сумел на юге восстановить бывшую границу гуннов с Китаем или в трудных боях одолел и восточных, и западных соседей. Мудрость его была в том, что он покорил народы севера. Археологические находки позволяют понять, ради чего проливалась кровь гуннских воинов и в чём заключалась мудрость степного правителя.

Сильное государство центральноазиатских гуннов в постоянной борьбе противостояло огромной китайской империи и стремилось ни в чём не уступать ей. Гуннское царство само встало на путь формирования обширной мировой державы и мощной самодержавной власти. Ради всего этого оно остро нуждалось в том, что не могла дать суровая природа родной земли. Неспроста к северу от Китая испокон веков господствовало скотоводство. Трудна в тех местах почва для выращивания злаков. Хотя мы знаем теперь, что у гуннов было и земледелие, своего хлеба не хватало. Не доставало в коренных гуннских землях и рудных залежей. А без металла не могло быть у страны ни военной, ни ремесленной силы.

Вот и устремился Модэ-шаньюю на завоевание районов, лежавших к северу от лишенных природных богатств пустыни Гоби и степей современной Монголии. Для борьбы с китайским югом и другими врагами гуннам были нужны не только спокойные северные тылы. Необходимо было постоянно действующее горнорудное, металлургическое и ремесленное производство для снабжения своих войск вооружением и походным снаряжением, а своих земледельцев – орудиями пахоты и жатвы, всякими иными инструментами.

Одной из стран, одновременно и хлебородной, и богатой полезными ископаемыми, где все необходимые отрасли существовали в передовых для того времени формах, и было названное среди захваченных государство Динлин в цветущей Хакасско-Минусинской котловине. Вторым районом оказалось Западное Забайкалье.

Характер гуннской власти

Будем помнить, что любая государственная политика освоения новых земель никогда не велась на ощупь. Подобно гуннам через 15 веков также поступили при Чингисхане монголы. Затевая покорение мира, они, прежде всего, бросили свои войска в долины Енисея. Захлебываясь в крови весь XIII век, эти земли даже в XIV в. могли ещё поставлять зерно арабским заготовителям хлеба. Не прекращалось здесь и производство металла. Посмотрите, как много позднее продвигалось в Сибирь Московское царство: в XVI–XVII веках казаки шли по тайге, собирая пушнину (мировую валюту того времени), в XVIII в. движение уже охватывало южные горные районы – родившейся Российской империи нужны были руды и металлы.

Мудрость Модэ-шаньюю и его советников состояла в том, что они в последние годы III в. до н.э., присоединив земли Южной Сибири, обеспечили коренные государственные интересы своей молодой набравшей силы державы².

Именно тогда в Южной Сибири и Забайкалье было создано большинство городков, в которых впервые в тех местах были поселены жители-иностранцы. Это были сами гунны, в приказном

¹ Это понятие употребляется мною в рамках русской географической традиции, основанной на постоянных естественных рубежах водоразделов, а не на изменчивых во времени историко-культурных показателях западноевропейской терминологии.

²Тема поставлена и лаконично раскрыта на письменных и археологических данных в работах Л.Р. Кызласова [Кызласов 1984; 1998; 1999; 2006: 142–145].

порядке направленные из центра страны на освоение новых земель. Они строили дома привычного для себя вида – квадратные полуземлянки с отапливаемой дымом каменной лежанкой, идущей вдоль вертикальных стен, глинобитных или сложенных из сырцового кирпича [Давыдова 1956: 262; 1985: 14, 15; 1995: 14–18, рис. 3, 4, 8, табл. 18–22, 24 сл.; Давыдова, Миняев 2003: 10, 13–17, 41, рис. 4, 5 табл. 2, 19, 66 и др.; Кызласов И.Л. 2011: 165–170]. Так в Южной Сибири дома местных жителей нигде и никогда не строились и не обогревались.

Иволгинское городище гуннов создавалось по проекту, с правильным направлением прямых улиц и расположением усадеб по общим правилам [Давыдова 1985: 11–22, рис. II, III; 1995: 10–19, рис. 1–9, табл. I–III]. Тот же вид планировки открыт при раскопках Ташебинского городка в Хакасии, в центре которого возвели глинобитный дворец наместника гуннов, а окраину заселили местными жителями. Ориентировка и планировка китайских городов и усадеб того времени была иной, что показано сопоставлением градостроительной традиции двух культур [Кызласов Л.Р. 2006: 166–170, рис. 21; Кызласов И.Л. 2011: 147–164].

Исторические и археологические данные показывают, что именно гунны стали первыми насаждать городскую культуру не только в Центральной Азии, но и в Южной Сибири.

Археологические раскопки свидетельствуют, что у каждого такого гуннского поселения была своя задача. В одном, как в Туве на правых притоках Улуг-Хема, уже на рубеже III–II вв. до н.э. занимались горными выработками по добыче железной руды и выплавкой железа на месте [Кызласов Л.Р. 1969: 120, 121, рис. 3, 1–4; 1979: 82, 83]. Вероятно, металлургией во II–I вв. до н.э. занимались и поселенцы Иволгинского городка на р. Селенге в Бурятии, где зафиксирован сыродутный горн для выплавки железа и определена бывшая там специализация многих усадеб на бронзолитейном производстве [Миняев 1983: 65, рис. 10; Давыдова 1995: 51–54]. Другие, как жители селения Дурёны на р. Чикой в Бурятии, были заняты выращиванием хлебных злаков. Они делали это так усердно, что на жилой площади и лишь в шести раскопанных жилищах археологами был найден 21 чугунный плужный лемех, в то время как при раскопках 52-х жилищ Большого Иволгинского городища встречено лишь два железных сошника [Окладников 1962; Кызласов Л.Р. 2006: 157]. На поселении также встречено много металлургических шлаков, кусков железной руды, производственных ям [Давыдова, Миняев 2003: 41]. Третьи, как на Горном Алтае на р. Юстыд также, возможно, имели связь с добычей железа (соседнюю гору геологи не зря зовут «Печи Чингизхана»), но помимо того в 1-й четв. II в. н.э. организовали близ поселения выделку глиняной посуды. Кроме столовых и кухонных горшков и чаш, они лепили и обжигали в очень больших по объему печах огромные, по грудь человеку, сосуды-бочки для хранения зерна и других продуктов. Таких печей было много, и работали они много лет – потребность в зернохранилищах была большая [Кубарев, Журавлева 1986].

Было ли создание специализированных поселений воспринято гуннской властью из китайского опыта? Насколько известно, идея заселения пустующих земель связана в Китае ещё с реформами VII в. до н.э. Однако их строительство тогда велось в царстве Ци на берегах Желтого моря, вдалеке от гуннских земель. Строительство военных поселений вдоль границы последовательно проводилось династией Хань лишь с сер. II в. до н.э. Не приходится забывать, что именно политика гуннов вынудила Китай прибегнуть к такой системе защиты [Сыма Цянь 1975: 75; Таскин 1973: 117, 162, 163, прим. 2; Торчинов 2005: 383, 385, 388–393, 401–409].

Лишь одно из названных поселений, Большое Иволгинское, было окружено крепостными стенами и рвами. Оно существовало во II–I вв. до н.э., т. е. возникло одновременно с ханьскими

пограничными поселениями. Но укрепления этого городища не соответствуют оборонительной схеме, разработанной в Китае. И китайских поселенцев на Селенге не было [Киселев 1957: 92; Davydova 1968: 241, 242]. Хорошо был укреплен и гуннский Дэрестуйский замок (Баян-Ундэр) на р. Джиде, имевший внешнюю и внутреннюю стену со рвом [Данилов 2004: 36, 37, 47, 49, 52, 53; Кызласов Л.Р. 2006: 155, 156]. Видимо, в нем находился центр гуннского управления обширными землями Прибайкалья. Остальные гуннские поселения Южной Сибири были открытыми – укрепления они не имели, несмотря на то, что пришельцы обживались в них уверенно и надёжно, то есть селились надолго.

Выходит, будучи захватчиками, окруженными покоренным ими народами, гунны *не нуждались в защитных сооружениях для своих поселков*. Это свидетельствует о многом. Можно думать, что власть в государстве была настолько сильной, что местные жители не смели ей сопротивляться. Однако, скорее всего, дело было в другом. Условия существования в гуннском государстве не были тягостными для коренного населения присоединённых к нему земель и не вызывали у него активного сопротивления.

Придя с войною, гунны *не истребляли и не сгоняли с обжитых земель местных жителей*. Это предположение в полной мере подтверждается археологическими данными. Так, на горных выработках в Туве рядом найдены обломки глиняных сосудов гуннов и горшков местного изготовления: гуннские рудокопы работали вместе с тамошними рудознатцами [Сунчугашев 1969: 107–109, рис. 51; Кызласов Л.Р. 1969: 120, 121, рис. 3, 1–4; 1979: 82, 83]. Та же картина встречена и на поселении Дурёны в Бурятии: одновременные археологические находки принадлежали к гуннской и местной культуре – пришлые люди и старожилы оказались соседями [Кызласов Л.Р. 2006: 157]. Так было и в Хакасии того времени. Центр гуннской власти в Южной Сибири – городок гуннского наместника на р. Ташебе состоял из обычных для этих земель срубных избушек, которые, однако, окружали дворец чужеземного вида и стояли по плану гуннской застройки. Сделанные там при раскопках находки также принадлежали местной и иноземной гуннской культуре. Даже скульптурные дверные ручки парадного дворцового зала были отлиты динлинами и отражали местный антропологический тип [Кызласов Л.Р. 2001; 2006: 171–174, 201, 202, рис. 19, 21, 22, 36, 37].

Получается, гуннское нашествие не было лихим и разорительным набегом. Многотысячные войска пришли не грабить южносибирские страны, не захватывать добычу. Гуннское царство просто на просто забирало, присоединяло к себе эти края со всеми природными богатствами, которыми они обладали. Новым властителям не были нужны опустошенные земли. Им нужны были подданные. Знающие как добывать руды и плавить металлы, способные отливать бронзу и ковать сталь, умеющие растить и убирать хлеба, опытные в орошении пашен и покосов. Под властью гуннов в развитии всех захваченных ими земель произошел качественный скачок производительных сил.

Завоевание гуннов не прервало хозяйственного развития горностепного края. На Саяно-Алтае не просто продолжалось привычное бытование прежних его обитателей, их ремесленная и земледельческая деятельность контролировалась и поощрялась верховной гуннской властью. Так, в Хакасии, например, найдено довольно много крупных бронзовых прорезных пластин, отличавших пояса только в одежде самих гуннов. Они крепились попарно на парадную одежду как мужчин, так и женщин. По внешнему виду изделия, найденные на Енисее, ничем не отличались от таких же, происходящих из коренных гуннских земель [Дэвлет 1980: 18–20, рис. 8]. Но по составу бронзы установлено, что эти поясные украшения были изготовлены именно на Енисее. В этих землях тогда были свои правила соединения разных сплавлявшихся в бронзу металлов. В других краях

добавляемые к меди части были другими. Это наблюдение означает, что в Хакасско-Минусинской котловине местные бронзолитейщики изготавливали бляхи по гуннским образцам. Работа мастеров на захваченных землях динлинов была переведена на производство изделий для гуннов. По таким правилам пришлось тогда трудиться и мастерам Забайкалья [Миняев 1980; 1983].

То же самое происходило в захваченных гуннами других благодатных районах Азии. Под надзором гуннской власти продолжало, например, развиваться городское ремесленное и сельское земледельческое хозяйство Восточного Туркестана.

Известные ныне письменные свидетельства и археологические материалы свидетельствуют об одном: 23 века назад, в конце III в. до н.э., *гунны впервые в Азии создали государство с единым управлением как оседлым, так и кочевым населением* – то есть полноценную мировую державу. Ее цельность определялась не только единством политической власти, но и, в очень большой степени, взаимным соответствием в хозяйстве одной страны разных по укладу многоязыких и разноплеменных её частей.

Помимо того, нашествие не только прервало естественный ход самобытного государственного развития названных южносибирских земель, оно изменило их национальный и языковой состав. С тех пор история этого края потекла по совершенно другому руслу.

Гунны и ранние тюркские народы

Сами управлявшие разноязыкими народами азиатские гунны *не были тюркоязычными*. На страницах китайских летописей сведения об этом народе появились почти 2350 лет назад, со 2-й пол. III в. до н.э. и постоянно пополнялись, по крайней мере, в течение 800 лет. Но никто не оставил сведений о языке гуннов, не записал его фраз, не составил словарь [Дёрфер 1986]. А ведь в Китае на протяжении восьми веков были знающие этот язык люди. Например, толмачи на рынках, переводчики в войсках, в канцеляриях при местных и столичных владыках. Можно думать, что здесь сказалось высокомерное пренебрежение китайской культуры к варварам, которыми считали соседей.

Судя по разрозненным случайным записям отдельных слов, гуннский язык вообще не принадлежал к какому-то известному сегодня типу. Необходимо принять печальный факт: многие языки, существовавшие как в далёком, так и довольно близком прошлом человечества, уже не с чем сравнивать. При изучении любого периода древности или средневековья нам не следует забывать, что до современности не дошли не только отдельные языки того времени, но и целые языковые семьи. Так вышло и с гуннами – их язык не дождался до сегодняшнего дня, и неизвестно к речи какого народа он мог быть близок.

Гунны не принадлежали к тюркскому или монгольскому миру по основным археологическим признакам культурогенеза: ни по типу жилищ, ни по облику захоронений [Кызласов И.Л. 2011: 8–31, 77–116, 147–170]. Но именно они *впервые вывели на историческую арену ранние тюркские народы*, сдвинув их из неведомых первобытных мест на север – на Саяно-Алтайское нагорье.

Гунны широко расселились в степной части Западного Забайкалья, основали там уже упомянутые нами города и поселения, вокруг которых за долгие годы сложились большие могильники, включая захоронения собственно гуннской знати. Отчетливые следы гуннского пребывания остались в Туве и на Горном Алтае. Но в степи и горы Саяно-Алтайского нагорья гунны большим числом не переселялись. Археологических памятников собственно гуннской культуры в Хакасско-Минусинской котловине до сих пор открыто очень немного.

В Южной Сибири власть гуннских шаньюев поддерживалась с помощью специально посланных туда наместников. Но даже они не всегда были гуннами. В конце II в. до н.э. во главе динлинов поставили князя Вэй Люя, человека степного происхождения, но получившего китайское образование. Он был советником гуннских владык, призывавшим к созданию укрепленных поселений. В начале I в. до н.э. наместником во «владении Хягас» – в северо-западную провинцию гуннского государства был назначен разбитый в 99 г. до н.э. гуннами и взятый ими в плен родовой китайский полководец Ли Лин. В годы его правления на левом берегу Абакана и был построен городок с многокомнатным дворцом посередине, который был найден и подробно изучен археологами. Ли Лин умер в 75 г. до н.э. Это единственный деятель гуннской эпохи в истории Хакасии, который известен нам по имени. Его судьба описана китайским историком Сыма Цянем, бывшим его другом, а память о нем более 1000 лет сохранялась жителями южносибирского края [Кызласов Л.Р. 2001: 133–135].

Письменные источники кратко повествуют о дальнейших исторических событиях. Власть гуннов над Саяно-Алтайским нагорьем была незыблемой более 100 лет. Затем местные народы начали борьбу за изгнание гуннов. Вероятно, можно видеть несколько причин этого. Во-первых, всё это время сохранялась историческая память о разрушенной гуннами собственной государственности с величием царской власти (вспомним огромные курганы Салбыкской степи и других земель). Во-вторых, за несколько столетий существования единой тагарской археологической культуры у её населения определённо сложилось самосознание, выраженное в мировоззрении жречества, которое пронизывало общественную жизнь (соблюдение древних культов пережило гуннскую власть). В-третьих, сохранение гуннами основных производств и привнесение новых умений спасло хозяйственную мощь региона. В-четвёртых, произошло сложение и укрепление новой общности – союза аборигенов-динлинов и новоселов-гяньгуней, принесших на Енисей иные формы правления.

Так или иначе, но население Саяно-Алтая, которое китайские историки продолжают называть динлинами, а также вошедшие в соглашение западные и восточные соседи около 69 г. до н.э. с трёх сторон напали на гуннов. По словам летописца «сии три народа порубили несколько десятков тысяч человек». Напор не ослаб и в дальнейшем, в 63–60 гг. до н.э., «динлины сряду три года производили набеги на земли гуннов, убили и в плен увели несколько тысяч человек, угнали множество лошадей и рогатого скота. Гунны посылали за ними 10 000 конницы, но без всякого успеха» [Бичурин 1950: 82, 84].

Эти набеги способствовали распаду гуннского государства, которое в это время переживало трудные времена. В отношении 56 г. до н.э. говорится, что сын Ли Лина, имя которого осталось для нас неизвестным, строил козни против гуннского шаньюя. Возможно, именно этот представитель второго поколения новой южносибирской знати и возглавлял набеги динлино-гяньгуней на центральные гуннские земли.

Показательным итогом этой борьбы на Среднем Енисее стала та крепнувшая новая общность, о сложении которой китайские источники говорят как о смешении кыргызов-гяньгуней с динлинами [Бичурин 1950: 350, 351; Кюнер 1951: 4, 5; ср.: Јоки 1952: 107; Кызласов Л.Р. 2001: 131]. Археологи видят это слияние двух народов, первоначально различавшихся по культуре. Оно происходило на тесинском переходном этапе, сохранявшем многие черты предшествующей местной тагарской, но содержавшем и пришлые особенности материальной и духовной культуры, связанные с Центральной Азией. Развитие завершилось сложением на Енисее новой и единой таштыкской археологической культуры.

Нигде, кроме Хакасско-Минусинской котловины, не наблюдается такого соответствия данных письменных и археологических источников. Поскольку принадлежность пришедшей культуры кыргызам-гяньгуням доказана всем последующим развитием региона, носителей тагарской культуры правдоподобно отнести к летописным динлинам.

На землях Бурятии, как можно думать, есть прямые археологические следы беспощадного вытеснения гуннов. Столь большое число чугунных лемехов, найденного на поселении Дурёны, – ценного металлического инвентаря, оставленного гуннскими поселенцами, – следует, пожалуй, объяснить только внезапной бедою, постигшей эту колонию пахарей. Наиболее вероятно таким несчастьем явилось нападение внезапно появившегося врага на неукрепленное поселение, долго не знавшего никакой опасности.

В 55 г. до н.э. в результате междоусобной войны гуннская держава распалась надвое. Во главе южной и северной части встали два шаньюя – братья и противники. Правитель северных гуннов, шаньюй Чжичжи, в 49 г. подчинил себе некое владение Уцзе, на западе разбил гяньгуней, «а на севере принудил сдаться динлинов». Поскольку земли гяньгуней «находились на расстоянии 7 тысяч ли западнее ставки шаньюя», то речь здесь явно идёт о первоначальной родине гяньгуней у современного озера Кыргыз-нур в Монголии. Видимо, в той местности ещё продолжала жить некоторая часть гяньгуней. Теперь там на несколько лет поселился Чжичжи-шаньюй со своей многочисленной армией. По-видимому, приход гуннского воинства вызвал новый переход разбитых врагом гяньгуней из Центральной Азии в Хакасско-Минусинскую котловину, где уже со II в. до н.э. проживали их соплеменники, а также враждебные гуннам динлины.

Вскоре после 40 г. до н.э. гунны ушли на запад в Среднюю Азию, где в 36 г. до н.э. были разбиты. В общей сложности, хотя и с перерывами, народы Саяно-Алтайского нагорья около 160 лет, в течение 6–7 поколений, входили в состав гуннского государства – с 201 до 40 г. до н.э. [Кызласов Л.Р. 1984: 24]. Нет сомнения, что этот период имел большие исторические последствия в жизни народов Хакасско-Минусинской котловины.

Окончание периода Древности и начало Средневековья

Воспринимаемое как сугубо европейское явление, Великое переселение народов оказывается рубежом между местной древней и средневековой историей. Однако российские пределы вынуждают превосходить границы географических познаний обеих позднеримских империй. Занимаясь историей Сибири, приходится помнить, что Великое переселение народов, вызванное гуннским нашествием, возникло не в Европе и не в IV в. Значимые для истории материка передвижения произошли в Центральной Азии уже во II в. до н.э.

Как мы видели, всматриваясь в это движение не столь сложно обнаружить среди известных по письменным источникам сюжетов, не всегда замечаемые исследователями особенности культуры центральноазиатских гуннов. Особенно, дополняя исторический очерк археологическими данными [Кызласов И.Л. 2011: 134–170; 2020].

Процесс проникновения в среду динлинов Среднего Енисея кыргызов-гяньгуней, говоривших на одном из древних языков тюркской группы, происходил несколько раз и продолжался в течение длительного периода. Начавшись во II в. до н.э., он закончился лишь в сер. I в. до н.э. С тех пор имя гяньгуней не встречается в летописях до III в. н.э., вероятно, потому что из-за ухода населения на Енисей исчезло само прежнее владение Гяньгунь на землях Монголии. Имя *гяньгунь* вновь появляется в китайских письменных источниках только в VI в. н.э., когда они уже отождествляются с хакасами [Киселев 1949: 315, 316; 1951: 561; Кызласов Л.Р. 1960: 165; 1984: 19; 1992:

38; 2001: 127]. Уже при гуннах и благодаря их воле, но далеко не сразу, гяньгуни/гэгуни (ныне китайское произношение имени – цзянькунь/гэкунь) заняли на новых землях господствующие позиции [Кызласов Л.Р. 2001: 145]. Письменные и археологические материалы позволяют отнести формирование их властной роли к 50–60-м гг. I в. до н.э. Она объясняется не только приливом гэгуней и окончанием гуннского могущества в 40 г. до н.э., но и их уверенностью в своем праве наследовать власть последних. Тысячелетие спустя, в IX в., кыргызы все еще прямо возводили свое правление к гуннскому наместнику в Южной Сибири князю Ли Лину [Бичурин 1950: 334, 356, 357; Кызласов Л.Р. 2001: 130–135]. Спустя еще одно тысячелетие, согласно русским источникам XVII в., кыргызы на Енисее по-прежнему составляли правящий слой. Они же, составляя сёок Хыргыс, управляли в Хакасии вплоть до коллективизации, до 1-й трети XX в.

Социальное устройство раннесредневековых тюркских государств не было похожим на европейское или китайское. К их системе правления не подходит привычное для нас понятие *династии*. В степных государствах неизменно была чрезвычайно велика роль не правящей фамилии, а именно *всего властвующего рода*: у народа тюрков такую роль играл весь род Ашина, у древних уйгуров – род Яглакар, а у древних и средневековых хакасов – люди рода Хыргыс (Кыргыз). Только из представителей единственного правящего рода из века в век могла формироваться и верховная, и местная власть в стране. Эта особенность государственной жизни, отличающаяся от законов наследования власти, как Европы, так и Китая, не понималась древними китайскими учеными, не осознается она и современными европейскими (среди них – и нашими) историками, в равной мере привычными к частой смене династийных фамилий в прошлой жизни собственных земель и народов. Недооценивается наукой и самосознание владельческого рода у ранних тюркских народов. Если кыргызы в IX в. возводили свою власть к началу I в. до н.э., то ашина в V в. заявляли о 10 поколениях правителей, т. е. вели счет с сер. II в.³

Таштыкская культура оказалась ядром, из которого вышли все последующие археологические культуры Хакаско-Минусинской котловины, последовательно и без перерыва проистекавшие друг из друга: чаатас (VI – начало IX в.), тюхтятская (сер. IX – X в.), аскизская (конец X – XVII в.) и этнографическая культура хакасов. Тем самым, исторический перелом, произошедший на Енисее в результате гуннского воздействия, очевиден для археолога. Закономерно встает вопрос о местных исторических границах Древности и Средневековья. Разрешить его в рамках археологической науки вполне возможно.

Проведенные С.В. Киселёвым и Л.А. Евтюховой работы на самых крупных объектах Хакасии раннего железного века – раскопки Большого Салбыкского кургана и изучение связанной с ним каменоломни горы Хызыл-Хая [Киселев 1956; 2015: 8–17; 2016: 6–15; Дэвлет 1976; Марсаолов 2010; 2015; 2016] показали величие тагарской культуры. Оно заключалось в самой возможности и способности сооружения невиданных по размерам памятников. И обставленные камнями курганы, и каменоломня Хызыл-Хая свидетельствовали о работе профессионалов. Специальных знаний требовала точно сориентированная и детально размеченная погребальная архитектура и водружение ее монолитов, процесс добывания каменных этих глыб и их перевозки.

В дальнейшем сравнение письменных памятников Запада и Востока того времени – «Истории» Геродота и «Каталога гор и морей (Шань хай цзин)» – показали, что каждый тагарский курган воспроизводил Вселенную: обитаемый мир (замкнутый квадратом горных хребтов со священны-

³Здесь уместно вспомнить о единственном правящем роде гуннов – Люаньди. Современники отмечали в степных правилах большую устойчивость в наследовании власти, чем в Китае: «Хотя среди сюнну происходили смуты, на престол всегда ставились люди из одного и того же рода» [Таскин 1968: 46; 1990: 25].

ми вершинами) с центральной горою, возносящейся до обители богов-небожителей и скрывавшей под собою глубины мира мертвых [Кызласов И.Л. 1987; 1989]. Создавать такие объекты, а их в Хакасии тысячи, могли лишь жрецы.

Другую группу жрецов, обладавших иными профессиональными знаниями и навыками, раскрывают сами захоронения. На поздних этапах тагарской культуры хоронили не тела, а созданные на очищенных скелетах мумии умерших и, скульптурно воспроизводя их лица, обмазывали трепанированные черепа глиной и гипсом. Такие мумии до погребений накапливались в каких-то помещениях – поминальных храмах, в которых они стояли. На то указывают деревянные каркасы, крепившие скелеты [Вадецкая 1986: 84, 86; Кузьмин, Варламов 1988], кардинально отличающие их от одновременных лежащих мумий соседних культур – уюкской (чандманьской) в Тувинской котловине и Северо-Западной Монголии и пазырыкской на Горном и Казахском Алтае.

Археологам остались следы жреческих действий. Никто не знает, какими были культовые церемонии добытчиков камня и курганных строителей, анатомов и скульпторов, какой обрядностью сопровождалась акты захоронения.

Открытую С.В. Киселёвым раннюю государственность Енисея отличало не только комплексное хозяйство с пахотным земледелием и развитой металлургией, но и многочисленное, специализировавшееся в разных культовых областях, жречество. Мы напрасно думаем, что шаманизм был извечной и единственной формой духовной жизни Сибири.

Эпоха Древности исчезла на Енисее вместе с величием тагарской культуры. В условиях гуннского владычества пришло новое, более мелкое в своих материальных проявлениях племя с иными устоями, кардинально иным мировоззрением и другим языком. И исчезли из жизни навсегда:

- курганы, воспроизводившие Вселенную (сменились имитацией жилищ);
- архитекторы и строители, мастера каменоломен, перевозки и водружения монолитов (сменились мастерами каменных кладок);
- жреческая каста, создававшая мумии умерших: знатоки анатомии, минералогии, бальзамов и смесей, скульпторы-физиономисты (обрядовая телесность заменена бестелесностью трупосожжений);
- допогребальные храмовые комплексы и их обрядность;
- коллективизм захоронений (заменен индивидуальными и малосемейными погребениями);
- массовость проходивших у писаных скал молитвенных фестивалей;
- культовая металлургия меди.

Наступило время перехода к новой культурной эре, отличавшей местное Средневековье. Этот процесс постепенного изменения в археологии представлен материалами тагарско-таштыкского (тесинского) переходного этапа – отражением процессов органичного срастания тагарского наследия с пришедшей, главенствующей с тех пор культурой ранних кыргызов-гяньгуней. Формирование новой, отличной от прежней, уже слившейся воедино общности отличает таштыкскую культуру – ту основу, на которой, как сказано, преемственно развивались все последующие культуры Хакасско-Минусинской котловины. В таштыкской культуре еще бытовали некоторые традиции среднеенисейской Древности, но именно в ней вызревало местное Средневековье. Быть может, именно с таштыкской эпохи и следует начинать Средневековье Хакасско-Минусинской котловины.

Выявляемая на Енисее археологическая градация исторических периодов Древности и Средневековья распространяема на все Саяно-Алтайское нагорье и Прибайкалье. Всюду рубежом древнего и средневекового развития оказывается гуннская эпоха.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 380 с.
- 2 Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 179 с.
- 3 Давыдова А.В. Иволгинское городище (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // СА. 1956. Т. XXV. С. 261-300.
- 4 Давыдова А.В. Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 111 с.
- 5 Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб.: Фонд АзиатИКА, 1995. 287 с.
- 6 Давыдова А.В., Миняев С.С. Комплекс археологических памятников у села Дурёны. СПб.: Фонд АзиатИКА, 2003. 164 с.
- 7 Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
- 8 Дёрфер Г. О языке гуннов // Западная тюркология. Вып. I. Древние тюркские языки и литературы. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1986. С. 71-134.
- 9 Дэвлет М.А. Большой Салбыкский курган – могила племенного вождя // Из истории Сибири. Вып. 21. М-лы совещ. по проблеме «Экономика и социальная структура древнего населения Западной Сибири» (г. Томск, 17–22 марта 1975 г.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1976. С. 146-154.
- 10 Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. / САИ, вып. Д4-7. М.: Наука, 1980. 66 с.
- 11 Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири / МИА, № 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с.
- 12 Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 643 с.
- 13 Киселев С.В. Древние города Монголии // СА. 1957. № 2. С. 91-101.
- 14 Киселев С.В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвящ. итогам археологических исследований 1955 г. М.; Л.: [б.и.], 1956. С. 56-58.
- 15 Киселев С.В. Отчеты о раскопках Большого Салбыкского кургана за 1954–1956 годы // Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа. Вып. 6 / Ред. Л.С. Марсадолов. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2015. С. 8-17.
- 16 Киселев С.В. Отчеты о раскопках Большого Салбыкского кургана за 1954–1956 годы // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях / Ред. Л.С. Марсадолов, В.Н. Тугужекова. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 2016. С. 6-15.
- 17 Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1986. С. 111-118.
- 18 Кузьмин Н.Ю., Варламов О.Б. Особенности погребального обряда племён Минусинской котловины на рубеже нашей эры. Опыт реконструкции // Методические проблемы археологии Сибири / Отв. ред. Р.С. Васильевский, Ю.П. Холушкин. Новосибирск: Наука, 1988. С. 146-152.
- 19 Кызласов И.Л. Семантика тагарского кургана // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тез. докл. Омск: ОмГУ, 1987. Ч. II. С. 94-97.
- 20 Кызласов И.Л. Воплощения Вселенной (археологические памятники как объект палеоастрономии) // Историко-астрономические исследования. Вып. XXI. М.: Наука, 1989. С. 193-212, вклейка.
- 21 Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. М.: Институт тюркологии, 2011. 256 с.
- 22 Кызласов И.Л. Азиатские начала Великого переселения народов // История вещей – история и вещи / Раннеславянский мир. Вып. 20. М.: ИА РАН, 2020. С. 250-262.
- 23 Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1960. 197 с., вклейка.
- 24 Кызласов Л.Р. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. К 70-летию А.П. Смирнова / МИА, № 169. М.: Наука, 1969. С. 115-124.
- 25 Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. 207 с.
- 26 Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа, 1984. 167 с.

- 27 Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992. 224 с.
- 28 Кызласов Л.Р. Города гуннов // Татарская археология. 1998. № 2 (3). С. 47-64.
- 29 Кызласов Л.Р. Города гуннов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.А. Башилов. М.: ИА РАН, 1999. С. 195-205.
- 30 Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М.: Вост. лит. РАН, 2001. 176 с.
- 31 Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М.: Вост. лит. РАН, 2006. 360 с.
- 32 Кюннер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII–VIII вв. н.э. // Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. II. Абакан: Хаггосиздат, 1951. С. 3-16.
- 33 Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2010. 128 с.
- 34 Марсадолов Л.С. История изучения Большого Салбыкского кургана и окружающих его объектов // Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа. Вып. 6 / Ред. Л.С. Марсадолов. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2015. С. 6-7.
- 35 Марсадолов Л.С. Краткая история исследования памятников в Салбыкской долине // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях / Ред. Л.С. Марсадолов, В.Н. Тугужекова. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 2016. С. 4-5.
- 36 Миняев С.С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (По данным спектрального анализа) // Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. / САИ, вып. Д4-7. Приложение. М.: Наука, 1980. С. 29-34.
- 37 Миняев С.С. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1983. С. 47-84.
- 38 Окладников А.П. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир. Сб. статей академику В.В. Струве. М.: Изд-во вост. лит., 1962. С. 418-431.
- 39 Сунчугашев Я.И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве / МИА, № 149. М.: Наука, 1969. 140 с.
- 40 Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II. Перевод с китайского, комментарий Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1975. 579 с.
- 41 Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1968. 177 с.
- 42 Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1973. 171 с.
- 43 Торчинов Е.А. Доклады Чао Цо о сюнну // Страны и народы Востока. 2005. Вып. XXXII. С. 383-414.
- 44 Davydova A. V. The Ivolga gorodishche // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 20. Budapest, 1968. S. 209-245.
- 45 Joki A.J. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 103. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952. 395 s.

REFERENCES

- 1 Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedeniy o narodah, obitavshih v Sredney Azii v drevnie vremena (Collection of information on the peoples inhabiting Middle Asia in ancient time)*. Vol. I. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 2 Vadetskaya, E. B. 1986. *Arheologicheskie pamyatniki v stepyah Srednego Eniseya (Archaeological sites in the steppes of the Middle Yenisei)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 3 Davydova, A. V. 1956. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, XXV, 261-300 (in Russian).
- 4 Davydova, A. V. 1985. *Ivolginskiy kompleks – pamyatnik hunnu v Zabajkalie (Ivolginsky complex – monument of the Huns in Transbaikalia)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- 5 Davydova, A. V. 1995. *Ivolginskiy arheologicheskiy kompleks (Ivolga archaeological complex)*. Vol. 1. *Ivolginskoe gorodishche (Ivolga settlement)*. Saint Petersburg: Fond AziatIKA (in Russian).

- 6 Davydova, A. V., Minyaev, S. S. 2003. *Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov u sela Duryony (The complex of archaeological monuments near the village of Dureny)*. Saint Petersburg: Fond Aziatika, (in Russian).
- 7 Danilov, S. V. 2004. *Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentralnoy Azii (Cities in Nomadic Societies of Central Asia)*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center SB RAS (in Russian).
- 8 Dyorfer, G. 1986. In: *Zapadnaya tyurkologiya (Western Turkology)*. Vol. I. *Drevnie tyurkskie yazyki i literatury (Ancient Turkic languages and literatures)*. Moscow: "Nauka", "Glavnaya redakciya vostochnoy literatury" Publ., 71-134 (in Russian).
- 9 Devlet, M. A. 1976. In: *Iz istorii Sibiri (From the history of Siberia)*. Vol. 21. Tomsk: Tomsk State University, 146-154 (in Russian).
- 10 Devlet, M. A. 1980. *Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny II v. do n.e. – I v. n.e. (Siberian belt openwork plates of the 2nd century BC – 1st century AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 11 Kiselev, S. V. 1949. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri (Ancient History of Southern Siberia)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 12 Kiselev, S. V. 1951. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri (Ancient History of Southern Siberia)*. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 13 Kiselev, S. V. 1957. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 2, 91-101 (in Russian).
- 14 Kiselev, S. V. 1956. In: *Tezisy dokladov na sessii Otdeleniya istoricheskikh nauk i plenuma instituta istorii materialnoy kultury, posvyashchennoy itogam arheologicheskikh issledovaniy 1955 g. (Abstracts of reports at the session of the Department of Historical Sciences and the plenum of the Institute of the History of Material Culture, dedicated to the results of archaeological research in 1955)*. Moscow; Leningrad, 56-58 (in Russian).
- 15 Kiselev, S. V. 2015. In: Marsadolov, L. S. (ed.). *Otchet ob issledovanii Bolshogo Salbykского kurgana i ego okruzeniya. Materialy Sayano-Altayskoy arheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on the study of the Great Salbyk mound and its surroundings. Materials of the Sayano-Altay Archaeological expedition of the State Hermitage)*. Vol. 6. Saint Petersburg: State Hermitage, 8-17 (in Russian).
- 16 Kiselev, S. V. 2016. In: Marsadolov, L. S., Tuguzhekova, V. N. (eds.). *Bolshoy Salbykskiy kurgan i arheologicheskie pamyatniki v ego okrestnostyakh (Bolshoy Salbykskiy kurgan and archaeological sites in its vicinity)*. Abakan: Khakass Research Institute of Language, Literature and History, 6-15 (in Russian).
- 17 Kubarev, V. D., Zhuravleva, A. D. 1986. In: Molodin, V. I. (ed.). *Paleoekonomika Sibiri (Paleoeconomics of Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 111-118 (in Russian).
- 18 Kuzmin, N. Yu., Varlamov, O. B. 1988. In: Vasilevskiy, R. S., Kholuyshkin, Yu. P. (eds.). *Metodicheskie problemy arheologii Sibiri (Methodological problems of the archaeology of Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 146-152 (in Russian).
- 19 Kyzlasov, I. L. 1987. In: *Istoricheskie chteniya pamyati M. Gryaznova (Historical readings in memory of M. Gryaznov)*. Part II. Omsk: Omsk State University, 94-97 (in Russian).
- 20 Kyzlasov, I. L. 1989. In: *Istoriko-astronomicheskie issledovaniya (Historical and astronomical research)*. Vol. XXI. Moscow: "Nauka" Publ., 193-212 (in Russian).
- 21 Kyzlasov, I. L. 2011. *Altaistika i arheologiya (Altaistics and Archaeology)*. Moscow: Institute of Turkology (in Russian).
- 22 Kyzlasov, I. L. 2020. In: *Istoriya veshchej – istoriya i veshchi / Ranneslavyanskij mir (History of things – history and things / Early Slavic World)*. Vol. 20. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 250-262 (in Russian).
- 23 Kyzlasov, L. R. 1960. *Tashtykская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I v. do n.e. – V v. n.e.) (The Tashtyk epoch in the history of the Khakass-Minusinsk basin (1st century BC – 5th century AD))*. Moscow: Moscow University (in Russian).
- 24 Kyzlasov, L. R. 1969. In: *Drevnosti Vostochnoy Evropy (Antiquities of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 115-124 (in Russian).
- 25 Kyzlasov, L. R. 1979. *Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.) (Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century))*. Moscow: Moscow University (in Russian).
- 26 Kyzlasov, L. R. 1984. *Istoriya Yuzhnoy Sibiri v srednie veka (The History of Southern Siberia in the Middle Ages)*. Moscow: "Vysshaya shkola" Publ. (in Russian).
- 27 Kyzlasov, L. R. 1992. *Ocherki po istorii Sibiri i Tsentralnoy Azii (Essays on the history of Siberia and Central Asia)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University (in Russian).

- 28 Kyzlasov, L. R. 1998. In: *Tatarskaya arheologiya (Tatar archaeology)*, 2 (3), 47-64 (in Russian).
- 29 Kyzlasov, L. R. 1999. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. Bashilov, V. A. (eds.). *Evrasiyskie drevnosti. 100 let B.N. Grakovu: arhivnye materialy, publikatsii, statii (Eurasian antiquities. 100 years of B. Grakov: archival materials, publications, articles)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 195-205 (in Russian).
- 30 Kyzlasov, L. R. 2001. *Gunnskiy dvorets na Enisee. Problema ranney gosudarstvennosti Yuzhnoy Sibiri (The Hunnic Palace on the Yenisei. The problem of early statehood in Southern Siberia)*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
- 31 Kyzlasov, L. R. 2006. *Gorodskaya tsivilizatsiya Sredinnoy i Severnoy Azii. Istoricheskie i arheologicheskie issledovaniya (Urban civilization of Central and Northern Asia. Historical and archaeological research)*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
- 32 Kyuner, N. V. 1951. In: *Zapiski Hakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii (Notes of the Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History)*. Vol. II. Abakan: Hakgosizdat, 3-16 (in Russian).
- 33 Marsadolov, L. S. 2010. *Bolshoy Salbykskiy kurgan v Hakassii (Bolshoy Salbykskiy kurgan in Khakassia)*. Abakan: “Hakasskoe kn. izd-vo” Publ. (in Russian).
- 34 Marsadolov, L. S. 2015. In: Marsadolov, L. S. (ed.). *Otchet ob issledovanii Bolshogo Salbykskogo kurgana i ego okruzeniya. Materialy Sayano-Altayskoy arheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on the study of the Great Salbyk mound and its surroundings. Materials of the Sayano-Altai Archaeological expedition of the State Hermitage Museum)*. Vol. 6. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 6-7 (in Russian).
- 35 Marsadolov, L. S. 2016. In: Marsadolov, L. S., Tuguzhekova, V. N. (eds.). *Bolshoy Salbykskiy kurgan i arheologicheskie pamyatniki v ego okrestnostyah (Bolshoy Salbykskiy kurgan and archaeological sites in its vicinity)*. Abakan: Khakass Research Institute of Language, Literature and History, 4-5 (in Russian).
- 36 Minyaev, S. S. 1980. In: Devlet, M. A. *Sibirskie pojasnye azhurnye plastiny II v. do n.e. – I v. n.e. ((Siberian belt openwork plates of the 2nd century BC – 1st century AD)*. Moscow: “Nauka” Publ., 29-34 (in Russian).
- 37 Minyaev, S. S. 1983. In: Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Drevnie gorniki i metallurgi Sibiri (Ancient miners and metallurgists of Siberia)*. Barnaul: Altay State University, 47-84 (in Russian).
- 38 Okladnikov, A. P. 1962. In: *Drevniy mir (Ancient world)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ, 418-431 (in Russian).
- 39 Sunchugashev, Ya. I. 1969. *Gornoe delo i vyplavka metallov v drevney Tuve (Mining and metal smelting in ancient Tuva)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 40 Syma Tsyuan. 1975. *Istoricheskie zapiski (Shi czi)*. T. II. *Perevod s kitayskogo, kommentarii R. Vyatkina i V. Taskina (Historical Notes (Shi ji)*. Vol. II. Translation from Chinese, commentary by R. Vyatkin and V. Taskin). Moscow: “Nauka”, “Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury” Publ. (in Russian).
- 41 Taskin, V. S. 1968. *Materialy po istorii syunnu (po kitayskim istochnikam)*. Moscow: “Nauka”, “Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury” Publ. (in Russian).
- 42 Taskin V.S. 1973. *Materialy po istorii syunnu (po kitayskim istochnikam) (Materials on the history of Xiongnu (according to Chinese sources))*. Vol. 2. Moscow: “Nauka”, “Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury” Publ. (in Russian).
- 43 Torchinov, E. A. 2005. In: *Strany i narody Vostoka (Countries and peoples of the East)*, XXXII, 383-414 (in Russian).
- 44 Davydova, A. V. 1968. In: *Acta Arhaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 20. Budapest, 209-245 (in English).
- 45 Joki, A. J. 1952. *Die Lehnwörter des Sajansamojedischen / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 103. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (in German).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 12.01.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 31.01.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 31.01.2023.

УДК 903 (571.151)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.43.57>

Погребение пожилого мужчины жужанского времени из Северного Алтая: опыт социальной интерпретации

© 2023 г. Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.

Keywords: archaeology, social history, Altai, Rouran period, burial of an elderly man, Bulan-Koby culture, chronology

Түйін сөздер: археология, әлеуметтік тарих, Алтай, жужан уақыты, егде ер адамның жерлеуі, булан-кобин мәдениеті, хронология

Ключевые слова: археология, социальная история, Алтай, жужанское время, погребение пожилого мужчины, булан-кобинская культура, хронология

Nikolai Seregin^{1*}, Alexey Tishkin¹, Sergei Matrenin¹, Tatiana Parshikova¹

^{1*}Corresponding author, Doctor of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

¹Doctor of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: tishkin210@mail.ru

¹Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: matrenins@mail.ru

¹Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: taty-parshikova@yandex.ru

Burial of an elderly man of the Rouran period from the Northern Altai: the experience of social interpretation

Abstract. The article presents the results of the study of one of the peculiar burials of the Rouran period of the Choburak-I complex. A compact necropolis of 12 objects was excavated by the expedition of the Altai State University on the area of this multi-time monument located in the Chermal district of the Altai Republic. The burial of an elderly man (over 55 years old) with a horse and representative inventory, including weapons, horse equipment, tools and household items, was investigated in kurgan No. 31a. It has been established that the object in question belongs to the Dyalan tradition of the funeral rite of the population of the Bulan-Koby culture. The analysis of the inventory, as well as the results of radiocarbon dating, make it possible to date the kurgan No. 31a to the middle – second half of the 4th century AD. The new materials are compared with the data interpreted earlier during the reconstruction of the Bulan-Koby social structure. It has been established that the elderly man during his lifetime belonged to the prosperous stratum of the society of the nomads of the Northern Altai. The preservation by this individual of all the attributes of a full-fledged member of society could be explained both by his individual characteristics and by the fact that he was a representative of a local group that made up the local elite of the nomads of the Rouran time.

Source of funding: The analysis and interpretation of the complex was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project №20-78-10037). Processing materials of the Choburak-I necropolis was carried out in the framework of “Priority-2030” Program by the Altai State University.

For citation: Seregin, N., Tishkin, A., Matrenin, S., Parshikova, T. 2023. Burial of an elderly man of the Rouran period from the Northern Altai: the experience of social interpretation. *Kazakhstan Archeology*, 1 (19), 43–57 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.43.57](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.43.57)

Николай Николаевич Серегин^{1*},
Алексей Алексеевич Тишкин¹,
Сергей Сергеевич Матренин¹,
Татьяна Сергеевна Паршикова¹

¹автор-корреспондент, тарих ғылымдарының докторы, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул қ., Ресей

²тарих ғылымдарының докторы, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул қ., Ресей

³тарих ғылымдарының кандидаты, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул қ., Ресей

⁴тарих ғылымдарының кандидаты, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул қ., Ресей

Солтүстік Алтайдан алынған жужан уақытының егде ер адамының жерлеуі: әлеуметтік интерпретацияның тәжірибесі

Аннотация. Мақалада жужан уақытының Чобурак-І кешеніндегі өзгеше жерлеудің біреуіндегі зерттеудің нәтижесі берілген. Алтай Республикасының Чемал ауданында орналасқан аталған әртүрлі уақыттың ескерткішінде Алтай мемлекеттік университетінің экспедициясымен 12 объекіден тұратын шағын қорым қазылды. № 31а обада атымен және қару-жарағы, ат әбзелдері, еңбек құралдары және тұрмыс заттарымен толымды құрал жабдықтарымен бірге егде ер адамның (55 жастан жоғары) жерлеуі зерттелді. Қарастырылып отырған объект булан-кобин мәдениеті тұрғындарының жерлеу салтының даян дәстүріне жататыны дәлелденді. Заттық кешенді талдау және радиоуглеродтық мерзімдеу нәтижелері № 31а обасының хронологиясын б.д. IV ғ. екінші жартысының ортасы шеңбері деп анықтауға мүмкіндік береді. Жаңа материалдар булан-кобин әлеуметінің құрылымын қайта құру жолында бұрын түсіндірілген мәліметтермен салыстырылды. Егде ер адам көзі тірісінде Солтүстік Алтайдың көшпенділер қоғамының ауқатты тобына жатқаны анықталды. Аталған жеке адамның қоғамның толыққанды мүшесінің барлық төлсіпатын сақтауы оның жеке сипаттамаларымен де, жужан уақытындағы көшпенділердің жергілікті таңдаулы тобы өкілі болуымен де түсіндірілуі мүмкін.

Қаржыландыру көзі: Кешеннің талдауы мен түсіндірілуі РФҚ № 20-78-10037 қаржылық қолдауымен іске асырылды. Чобурак – I қорымының қазба материалдарын өңдеу «Приоритет 2030» АлтМУ ЖБ ФМББМ даму бағдарламасы аясында жүргізілді.

Сілтеме жасау үшін: Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Солтүстік Алтай-

Николай Николаевич Серегин^{1*},
Алексей Алексеевич Тишкин¹,
Сергей Сергеевич Матренин¹,
Татьяна Сергеевна Паршикова¹

¹автор-корреспондент, доктор исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

²доктор исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

³кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

⁴кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Погребение пожилого мужчины жужанского времени из Северного Алтая: опыт социальной интерпретации

Аннотация. В статье представлены результаты изучения одного из своеобразных погребений жужанского времени комплекса Чобурак-І. На площади данного разновременного памятника, расположенного в Чемальском районе Республики Алтай, экспедицией Алтайского государственного университета раскопан компактный некрополь из 12 объектов. В кургане № 31а исследовано захоронение пожилого мужчины (возрастом свыше 55 лет) с лошастью и предствительным инвентарем, включавшим предметы вооружения, конского снаряжения, орудия труда и предметы быта. Установлено, что рассматриваемый объект относится к дялянской традиции погребального обряда населения булан-кобинской культуры. Анализ предметного комплекса, а также результаты радиоуглеродного датирования позволяют определить хронологию кургана № 31а в рамках середины – второй половины IV в. н.э. Новые материалы сопоставлены с данными, интерпретированными ранее в ходе реконструкции устройства булан-кобинского социума. Установлено, что пожилой мужчина при жизни относился к зажиточной прослойке общества кочевников Северного Алтая. Сохранение данным индивидом всех атрибутов полноценного члена социума могло объясняться как его индивидуальными характеристиками, так и тем, что он являлся представителем локальной группы, составлявшей местную элиту номадов жужанского времени.

Источник финансирования: Анализ и интерпретация комплекса осуществлены при финансовой поддержке РФ №20-78-10037. Обработка материалов раскопок некрополя Чобурак-І проведена в рамках программы развития ФБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

дан алынған жужан уақытының егде ер адамының жерлеуі: әлеуметтік интерпретацияның тәжірибесі. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 1(19). 43–57-бб. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.43.57](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.43.57)

Для цитирования: Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение пожилого мужчины жужанского времени из Северного Алтая: опыт социальной интерпретации. *Археология Казахстана*. 2023. № 1(19). С. 43–57. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.43.57](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.43.57)

Введение

Основной организации древних и средневековых обществ являлась половозрастная стратификация, которая определяла место людей в производственной сфере, а также в отношениях, связанных с потреблением материальных ресурсов [Андреев 1971: 13–25; Калиновская 1982: 59–62; Артемова 1993: 48–52; и др.]. Возраст, измерявшийся в традиционных социумах не только числом прожитых лет, но и способностью к выполнению определенных функций, выступал одним из главных факторов, влиявших на статус полноценных членов общества и предписывавших им конкретные права и атрибуты [Кон 1979: 202–227]. В связи с этим в обобщающих работах, посвященных различным аспектам социальных реконструкций по материалам раскопок археологических памятников, значительное внимание уделяется проблеме выделения возрастных ступеней и установления присущих им маркеров материальной культуры [Алексин 1975: 50; Бунятян 1985: 58–71; Ольховский 1995: 89–90; Матвеева 2000: 138–155; Тишкин, Дашковский 2003: 169–183, 340–356; и др.].

В первые десятилетия XXI в. получен значительный объем информации о различных аспектах социальной истории кочевников Алтая последней четв. I тыс. до н.э. – I-й пол. I тыс. н.э. на основе результатов анализа погребальных комплексов [Серегин, Матренин 2020: 21–132]. При этом наиболее проблемной остается интерпретации статуса пожилых людей. В значительной степени такая ситуация обусловлена немногочисленностью документированных и введенных в научный оборот сведений о захоронениях покойных старше 55 лет – возрасте, обычно рассматриваемом как биологическая граница наступления старости [Мамонова и др. 1989: 50–53]. Данное обстоятельство определяет актуальность публикации новых археологических источников, информативных для разноплановых исследований по обозначенной проблематике. В настоящей статье представлены результаты изучения погребения пожилого мужчины, открытого в процессе исследований некрополя Чобурак-I на территории Северного Алтая.

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен на остепненной террасе правого берега р. Катунь, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). На данном памятнике раскопана представительная серия объектов различных хронологических периодов, среди которых особое место занимает небольшой могильник булан-кобинской археологической культуры. Некрополь, полностью исследованный экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи, включал 12 курганов. В ходе раскопок выявлены непогребенные захоронения семи мужчин, трех женщин, подростка и ребенка [Серегин и др. 2019; 2022; и др.]. Анализ антропологических материалов, осуществленный С.С. Тур, позволил выделить погребение пожилого человека, умершего в возрасте старше 55 лет (курган № 31а).

Рис. 1. Расположение памятника Чобурак-І
1-сур. Чобурак-І ескерткішінің орналасуы
Fig. 1. Location of the Choburak-І site

Обозначенный объект размещался в ряду небольших курганов, выстроенных с северо-востока на юго-запад и содержавших исключительно мужские могилы. Его наземная конструкция представляла собой насыпь размерами 3,6×2,4 м и высотой 0,3–0,44 м, сложенную из рваных булыжников и валунов среднего и малого размера. По внешнему контуру наброски лежали более крупные камни, формировавшие овальную крепиду, ориентированную продольной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 2, А). В границах выкладки выявлена могильная яма овально-вытянутой формы (размерами 2,7×0,9 м). Установлено, что длина и ширина могилы заметно сокращались по мере увеличения глубины, и в итоге на уровне дна ее параметры составили 2,2 м, а ширина – 0,57–0,7 м.

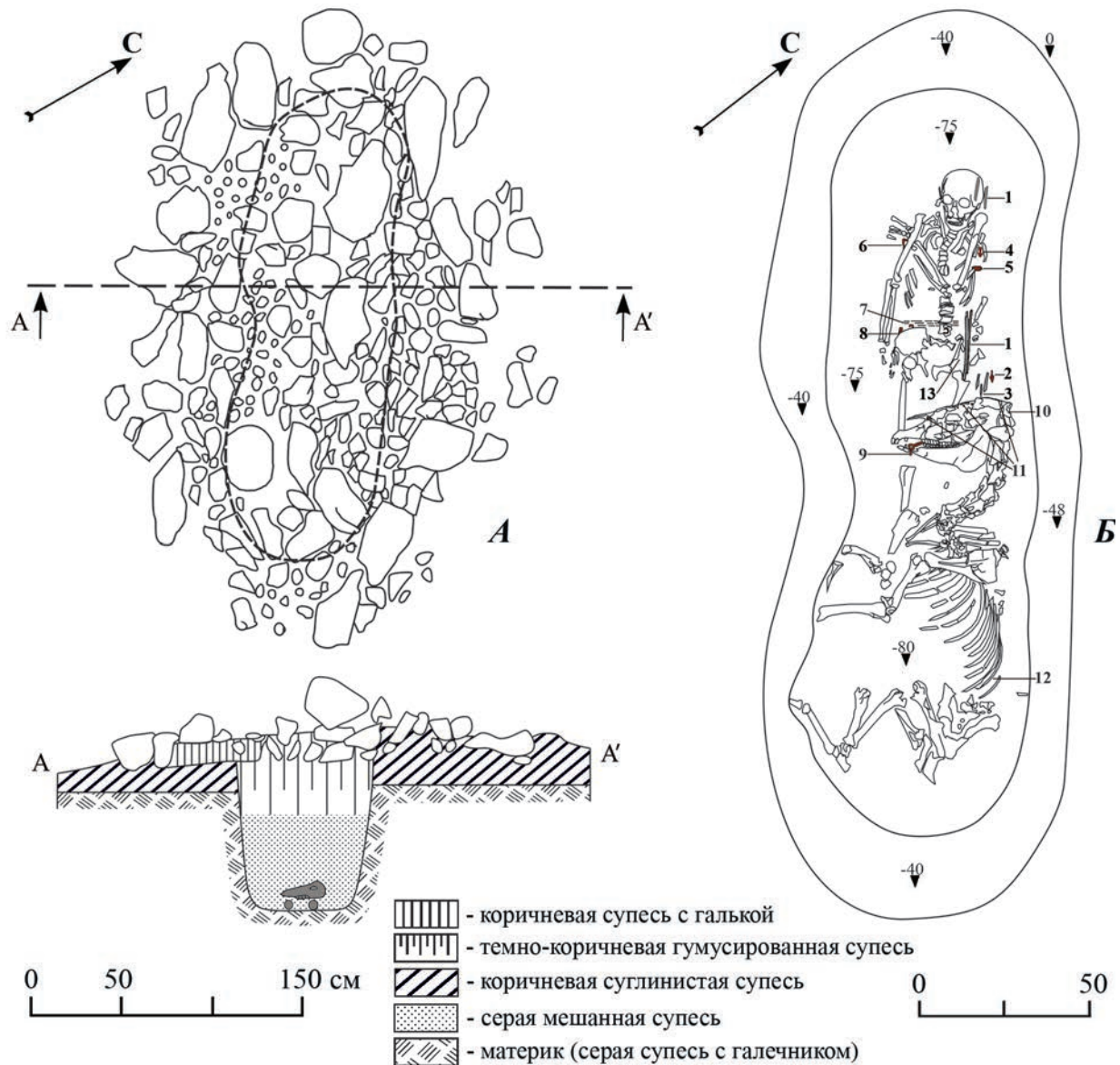

Рис. 2. Чобурак-1, курган № 31а: А – план и разрез погребального сооружения; Б – план погребения человека с лошадью (1 – накладки на лук; 2 – железный наконечник стрелы; 3 – костяной наконечник стрелы; 4 – колчаный крюк; 5 – бляха-накладка; 6 – пряжка; 7 – элементы пояса; 8 – нож; 9 – удила; 10 – уздечная пряжка; 11 – детали узды; 12 – подпружная пряжка; 13 – кости мелкого рогатого скота)

2-сур. Чобурак-1, 31а-оба: А – жерлеу құрылысының жоспары мен қимасы; Б – адамды атымен жерлеу жоспары (1 – садақ жапсырмасы; 2 – жебенің темір ұшы; 3 – жебенің сүйек ұшы; 4 – қорамсақ ілгегі; 5 – жапсырма; 6 – айылбас; 7 – белдік элементтері; 8 – пышақ; 9 – ауыздық; 10 – жүген жібі; 11 – жүген бөлшектері; 12 – тартпа айылбасы; 13 – ұсақ малдың сүйектері)

Fig. 2. Choburak-1, burial mound no. 31a: A – plan and section of the burial structure; B – burial plan of a man with a horse (1 – lining for a bow; 2 – iron arrowhead; 3 – bone arrowhead; 4 – quiver hook; 5 – badge-plate; 6 – buckle; 7 – belt elements; 8 – knife; 9 – bit; 10 – bridle buckle; 11 – details of the bridle; 12 – girth buckle; 13 – bones of small cattle)

В северо-западной половине ямы, на глубине 0,75 м от уровня древнего горизонта, находился скелет пожилого мужчины в анатомическом порядке. Покойный лежал вытянуто на спине, и головой был ориентирован на северо-запад. Правая рука человека размещалась вдоль корпуса, левая была сильно согнута в локте, а ее кисть находилась под правым плечом (рис. 2, Б). С умершим обнаружен разнообразный погребальный инвентарь, состоявший из предметов вооружения, снаряжения и орудий труда (рис. 3–6). На левой половине скелета найдены костяные (роговые) накладки составного лука: на черепе лежали концевые боковые накладки на верхнюю часть кибити (рис. 3, 1–3), и слева от таза – пара срединных боковых (рис. 3, 4, 6) и одна тыльная (рис. 3, 5). У левого плеча выявлены железный колчаный крюк (рис. 3, 13) и железная бляха-накладка (рис. 4, 1). Рядом с костями кисти левой руки найдена железная пряжка (рис. 5, 13). У левого бедра лежали четыре роговых и один железный наконечники стрел, обращенные остриями вниз (рис. 3, 7–11). Выше тазовых костей зафиксированы разнообразные детали железной гарнитуры наборного пояса: две пряжки с подвижным язычком (рис. 5, 14, 15); девять блях-накладок, фиксировавшихся с помощью одного или двух шпеньков (рис. 4, 2–10); не менее семи блях-полуобойм с кольцами, сохранившимися в большинстве своем фрагментарно (рис. 4, 11–15, 17–19, 26–28); «блок-кольцо» овальной формы (рис. 4, 20); обломки креплений разной конфигурации (рис. 4, 21–25, 29–33).

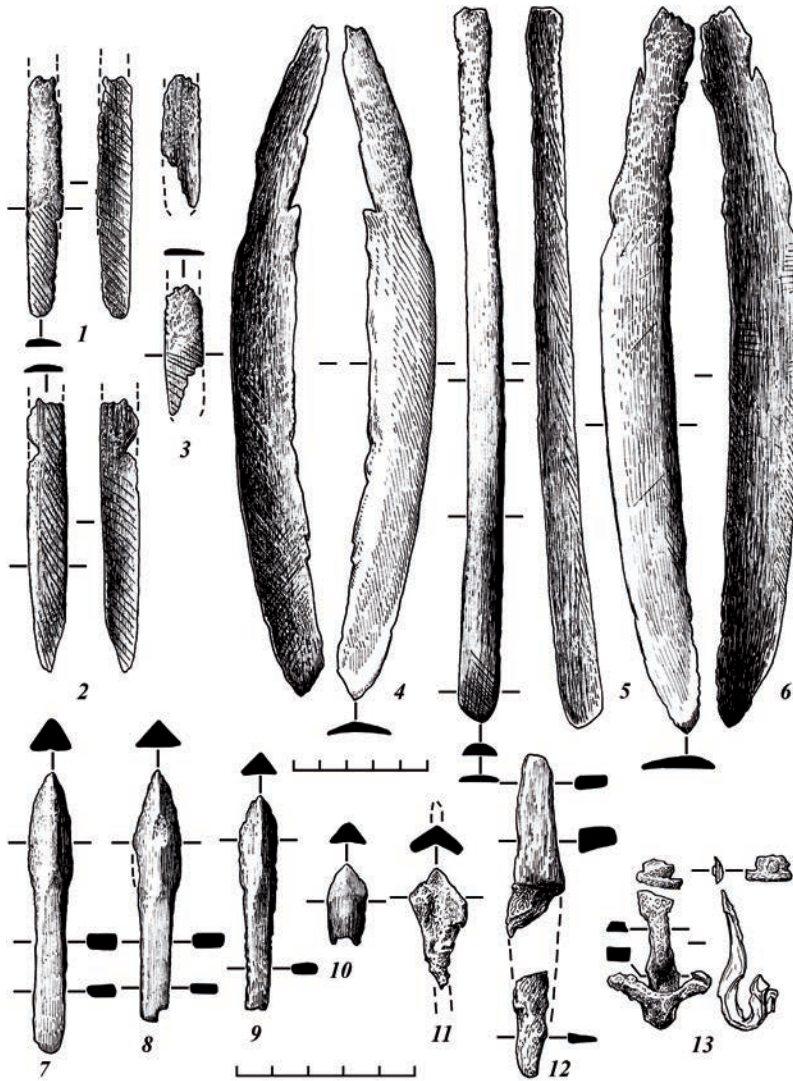

Рис. 3. Чобурак-I, курган № 31а. Предметы вооружения, снаряжения и орудия труда из погребения: 1–6 – накладки на лук; 7–11 – наконечники стрел; 12 – нож; 13 – колчаный крюк. 1–10 – кость, рог; 11–13 – железо

3-сур. Чобурак-I, 31а-оба. Қару-жарақ заттары, жерлеу орнынан алынған жабдықтар мен еңбек құралдары: 1–6 – садақ жапсырмасы; 7–11 – жебе ұштары; 12 – пышақ; 13 – қорамсақ ілгегі. 1–10 – сүйек, мүйіз; 11–13 – темір

Fig. 3. Choburak-I, kurgan no. 31a. Items of armament, equipment and tools from the burial: 1–6 – linings for a bow; 7–11 – arrowheads; 12 – knife; 13 – quiver hook. 1–10 – bone, horn; 11–13 – iron

Погребенного человека сопровождал верховой конь, уло-

Рис. 4. Чобурак-І, курган № 31а. Железные детали ременной гарнитуры
4-сур. Чобурак-І, 31а-оба. Белдік гарнитурасының темір бөлшектері
Fig. 4. Choburak-I, kurgan No. 31a. Iron parts of the belt headset

женный на правый бок с сильно согнутыми конечностями и ориентированный головой на северо-запад. Животное перекрывало скелет умершего мужчины до середины бедренных костей. Между челюстей лошади находились железные удила (рис. 5, 1). У основания черепа обнаружена уздечная пряжка с подвижным язычком и поврежденной рамкой, снабженная пластинчатым щитком (рис. 5, 2). На лобной части головы коня зафиксированы пять железных округлых блях со шпеньками (рис. 5, 3–6, 10), три пластины, возможно, являющиеся наконечниками ремней (рис. 5, 7–9), и тренчик ремня (рис. 5, 11). За спиной лошади, в области поясничного отдела позвоночника, выявлена железная подпружная пряжка (рис. 5, 12).

Анализ материалов

Ключевыми признаками рассматриваемого погребения некрополя Чобурак-I являются небольшая насыпь с овальной крепидой, длинная могильная яма, ингумация человека с ориентировкой головой на северо-запад, а также сопроводительное захоронение лошади частично повернутой покойного. Обозначенные характеристики относятся к эталонным показателям дялянской традиции обрядности кочевников Алтая, которая не имеет генетических истоков в похоронной практике населения региона предшествующего скифо-сакского времени (2-я пол. VI – III в. до н.э.) и не получила продолжения у тюрок раннего средневековья [Серегин, Матренин 2016: 161–162]. Достаточно необычно выглядит расположение верхних конечностей умершего мужчины. Другой своеобразной деталью является мясная пища, которая не фиксируется в погребальном ритуале большинства групп булан-кобинцев, проживавших во II–V вв. н.э. на территории Северного Алтая [Серегин, Матренин 2016: 69].

Обнаруженный сопроводительный инвентарь включает разнообразные категории предметов. Морфологический анализ находок, а также их сопоставление с материалами из археологических комплексов Алтая и сопредельных территорий эпохи Великого переселения народов позволяют установить хронологию публикуемого погребения.

Зафиксированные части сложносоставного лука в виде костяных (роговых) пластин, судя по наличию срединных боковых накладок с дуговидным абрисом (рис. 3, 4, 6), относятся к образцам, получившим распространение у кочевников Алтая во II–V вв. н.э. [Горбунов 2006: 16–17; Тишкин и др. 2018: 42]. Аналогичную дату в контексте комплексов булан-кобинской культуры имеет железный черешковый наконечник стрелы с трехлопастным пером ассиметрично-ромбической формы (рис. 3, 11; 6, 5) [Мамадаков 1990: 56, 61; Тишкин и др. 2018: 54].

В составе воинского снаряжения хронологически показательным является железный колчаный крюк с поперечной планкой (рис. 3, 13; 6, 6), который по своему оформлению близок экземплярам III – начала IV в. н.э. из Восточного Забайкалья и Северного Китая [Yu Junyu 1997: fig. 7, 3; Зюзин 2008: 168]. Подобные изделия обнаружены в комплексах Центрального Алтая, относящихся к сер. IV – 1-й пол. V в. н.э. [Матренин 2017: рис. 2; Тишкин и др. 2018: табл. 14, 2]. Верхнюю хронологическую границу их бытования в рассматриваемом регионе маркируют единичные находки из раннетюркских комплексов 2-й пол. V – 1-й пол. VI в. [Илюшин 2000: рис. II, 6; V, 9].

Поясные железные бляхи-накладки подквадратной и прямоугольной формы (рис. 4, 4–10; 6, 9–11) из прямой пластины со шпеньковым креплением, а также в виде пластины-полуобоймы с подвижным кольцом (рис. 4, 11–19; 6, 13) зафиксированы на Алтае уже во II – 1-й пол. III в. н.э. и использовались булан-кобинцами до V в. н.э. включительно [Соенов, Эбель 1992: рис. 44; Бобров и др. 2003: рис. 6, 29–31; 7, 3–5, 7, 11, 12, 17, 19, 32, 33; 11, 25–27; 13, 12, 13; 17, 12; Матренин 2017:

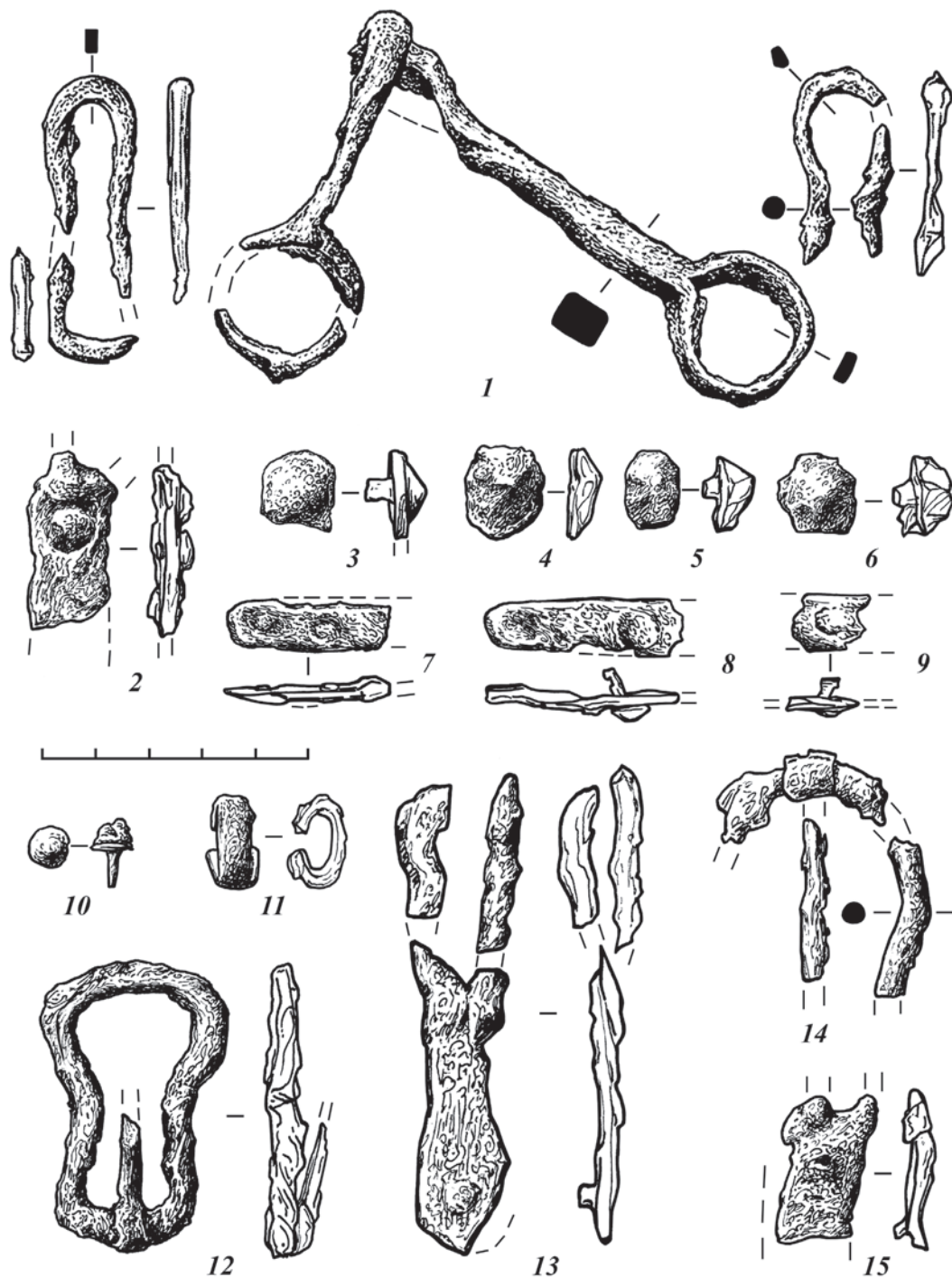

Рис. 5. Чобурак-1, курган № 31а. Железные детали конской узда (1–11),
подпружная (12) и поясные (13–15) пряжки

5-сур. Чобурак-1, 31а-оба. Жылқы жүгенінің темір бөлшектері (1–11),
тартпа (12) және белдік (13–15) айылбастары

Fig. 5. Choburak-I, kurgan no. 31a. Iron parts of a horse bridle (1–11), girth (12) and belt (13–15) buckles

62, 64, 66, 72, 75; Тишкин и др. 2018: 82, 88, 89–90]. Поясные бляхи с вытянуто-прямоугольным абрисом (рис. 4, 2, 3; 6, 8, 12) получили массовое распространение в данном регионе во 2-й четв. I тыс. н.э. [Матренин 2017: 62, 73]. Широкою датировку в рамках II–V вв. н.э. имеют пряжка с подвижным язычком и пластинчатым щитком (рис. 5, 13), железная бляха-накладка, вероятно, от колчана (рис. 4, 1; 6, 7) и «блок» овальной формы (рис. 4, 20; 6, 14) [Матренин 2017: 48, 95; Тишкин и др. 2018: 96].

Среди амуниции верхового коня наиболее поздними являются железные бляхи-накладки со вставным шпеньком и конической или полусферической шляпкой, вмонтированным в корпус четырехугольной в сечении пластины (рис. 5, 3–6; 6, 16, 18–21). Судя по имеющимся наблюдениям, такие декоративные изделия появились на Алтае не ранее сер. IV в. н.э. [Матренин 2018: 189]. При этом точные аналогии им известны в материалах могильника Верх-Уймон [Соенов 2000: рис. 10, 1–5], датирующегося 2-й пол. IV – V в. н.э. Железные удила с крюковым соединением и кольчатые окончаниями звеньев без псалиев, снабженные петлями вытянуто-овальной формы (рис. 5, 1), близки экземплярам из объектов булан-кобинской культуры того же периода [Соенов 1998: рис. 1, 7, 9; Матренин 2018: рис. 1, 1–8; Тишкин и др. 2018: табл. 30, 5, 7, 9]. Железный тренчик от конского суголовья (рис. 5, 11; 6, 22) своим обликом напоминает металлические зажимные бляхи-скобы, использовавшиеся кочевниками Алтая в IV–V вв. н.э. для украшения поясных и уздечных ремней [Тишкин и др. 2018: 82–83, табл. 19, 3–8; 22, 15–22]. Остальные категории конского снаряжения из железа, представленные пластинами-накладками, являвшимися, возможно, наконечниками ремней (рис. 5, 7–9), подпружной пряжкой с подвижным язычком и восьмерковидной рамкой (рис. 5, 12; 6, 17), судя по известным аналогиям среди поясных гарнитур, имели продолжительный период существования в рамках II–V вв. н.э. [Матренин 2017: 48, 90–91].

Для установления даты публикуемого объекта показательными являются роговые наконечники стрел с черешковым насадом и трехгранным листовидным пером (рис. 3, 7–9; 6, 1–3). Подобные изделия относятся к достаточно редкой для населения Алтая модификации изделий. Единичные аналогии им известны в материалах некрополей Верх-Уймон и Дялян [Тетерин 2004: рис. 7, 1; Соенов 2017: рис. 14, 5], датирующихся 2-й пол. IV – V в. н.э. Нижняя хронологическая граница появления таких наконечников у кочевников рассматриваемого региона пока не установлена.

Результаты анализа сопроводительного инвентаря (с учетом самых поздних вещей) позволяют определить время сооружения кургана № 31а некрополя Чобурак-I в рамках сер. – 2-й пол. IV в. н.э. Это заключение подтверждается данными радиоуглеродного датирования двух образцов, осуществленного в Лаборатории Центра ¹⁴ХРОНО по исследованию климата, окружающей среды и хронологии (г. Белфаст, Северная Ирландия; аналитик – С.В. Святко) (табл.).

Таблица – Результаты радиоуглеродного датирования материалов из погребения кургана № 31а некрополя Чобурак

Кесте – Чобурак-I қорымы 31а-обасы жерлеуінен алынған заттарды радиокеміртекті мерзімдеу нәтижелері

Table – Results of radiocarbon dating of materials from burial mound no. 31a of the Choburak-I necropolis

Шифр	Объект	Образец	AMS ¹⁴ C, BP	Калиброванная дата (2 σ)
UBA-45466	Чобурак-I, курган № 31а	кость лошади	1701±22	257–399 AD
UBA-45467	Чобурак-I, курган № 31а	кость человека	1727±21	252–382 AD

Основные аспекты социальной интерпретации

Материалы, полученные в ходе исследования кургана № 31а некрополя Чобурак-I, достаточно информативны с точки зрения установления прижизненного статуса пожилого мужчины. В ходе интерпретации учитывались полученные ранее результаты изучения социальной организации населения булан-кобинской культуры Алтая, основанные на системном анализе погребальных комплексов [Матренин 2005; Серегин, Матренин 2020: 73–84, 88–89, 92–98].

Важным фактором, который следует учитывать при определении особенностей положения умершего мужчины, является то, что курган № 31а относится к дялянской традиции обрядовой практики. Установлено, что ее носители выступали доминирующей группой кочевников Северного Алтая в предтюрокское время, составляя местную элиту [Серегин, Матренин 2020: 123–130]. Очевидно, что курган № 31а не принадлежал к числу наиболее «выдающихся» объектов некрополя Чобурак-I, но при этом рассматриваемое захоронение принципиально не отличалось от других погребений памятника по совокупности базовых характеристик.

Результаты палеодемографического анализа захоронений последней четв. I тыс. до н.э. – 1-й пол. I тыс. н.э. с антропологическими определениями свидетельствуют, что с учетом показателя среднего возраста смерти (36 лет), у булан-кобинцев старость наступала уже в интервале 45–50 лет. При этом удельный вес индивидов, доживших до 55 лет и более, составлял всего 3,7% [Серегин, Матренин 2020: 74, 77, 80; табл. 8]. Особенностью большинства мужчин, умерших в возрасте от 55 лет, являлось отсутствие сопроводительного инвентаря (54%) или наличие в могилах одиночных изделий, не являвшихся социальными маркерами [Кирюшин и др. 1992: 125–127; Бобров и др. 2003: 177; Молодин и др. 2004: 217–218; Слюсаренко и др. 2008: 45; и др.]. Данную ситуацию со значительной степенью вероятности можно рассматривать как свидетельство типичного для традиционных обществ снижения значения пожилых мужчин в системе жизнеобеспечения, особенно в такой важной сфере, как военное дело.

Принимая во внимание представленные наблюдения, можно констатировать специфику прижизненного статуса пожилого человека из кургана № 31а некрополя Чобурак-I. Главным аргументом для такого вывода является тот факт, что в рассматриваемом захоронении присутствовали разнообразные предметы, входившие не только в «социальный стандарт»¹ погребального обряда мужчин предтюрокского времени (оружие дальнего боя в виде лука и железного наконечника стрелы, наборный пояс, нож и костяные наконечники стрел) [Серегин, Матренин 2020: 72], но и достаточно редкие категории снаряжения (колчаный крюк-застежка стрелкового пояса, железная обкладка от колчана, удила, уздечная и подпружная пряжки, уздечные бляхи и другие элементы конской амуниции). Таким образом, мужчина, несмотря на свой преклонный возраст, сохранил все атрибуты полноценного члена общества. Вероятно, важным фактором стала его принадлежность к локальной группе, занимавшей высокое положение в обществе кочевников Северного Алтая жужанского времени [Серегин, Матренин 2020: 96–97]. При этом в рамках коллектива, оставившего некрополь Чобурак-I, он относился к зажиточной прослойке населения, в которую также входили мужчины 30–35 и 40 лет, похороненные в расположенных по соседству курганах № 31 и 34а. Пожилой мужчина отличался от более молодых соплеменников только скромным стрелковым набором, включавшим один железный и четыре роговых наконечника стрел.

¹ Элементы, зафиксированные в более чем 50% захоронений людей определенного пола

Представленные материалы с учетом полученных ранее результатов изучения археологических комплексов Алтая последней четв. I тыс. до н.э. – 1-й пол. I тыс. н.э. показывают вариативность прижизненного статуса отдельных пожилых мужчин в социальной структуре населения булан-кобинской культуры, который мог быть обусловлен одновременным влиянием различных факторов (состояние здоровья, этническое происхождение, уровень материального благосостояния представителя конкретного семейно-родственного коллектива и др.). Вероятно, возрастная дифференциация булан-кобинцев не представляла собой систему жестких и замкнутых групп.

Заклучение

Результаты изучения материалов, полученных в ходе раскопок кургана № 31а некрополя Чобурак-I, предоставляют основания для установления относительной хронологии этого объекта в рамках сер. – 2-й пол. IV в. н.э., что подтверждается результатами радиоуглеродного датирования. Судя по зафиксированным особенностям ингумации с верховым конем, данное захоронение оставлено носителями дялянкой традиции обрядовой практики кочевников булан-кобинской археологической культуры. Сопоставление качественного и количественного состава сопроводительного инвентаря с подобными сведениями о других погребальных памятниках Алтая последней четв. I тыс. до н.э. – 1-й пол. I тыс. н.э. позволяет сделать вывод о том, что пожилой мужчина при жизни относился к зажиточной прослойке населения. Сохранение данным индивидом всех атрибутов полноценного члена общества могло объясняться как его индивидуальными характеристиками, так и тем, что он являлся представителем локальной группы, составлявшей местную элиту номадов Северного Алтая в предтюрокский период.

Публикуемые материалы уточняют имеющиеся сведения о социальной стратификации населения булан-кобинской культуры на рубеже эпох поздней древности и раннего средневековья. Полученные результаты демонстрируют перспективы дальнейших исследований, направленных на выявление факторов, влияющих на формирование прижизненного статуса представителей различных возрастных групп в обществах кочевников.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Алекшин В.А.* К вопросу о методике реконструкций социальной структуры по данным погребального обряда (на материалах древнеземледельческих культур) // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований / Отв. ред. В.М. Массон, В.Н. Боряз. Л.: Наука, 1975. С. 49-53.
- 2 *Андреев И.А.* О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного к классовому обществу // Советская этнография. 1971. № 2. С. 13-25.
- 3 *Артемова Ю.А.* Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации / Отв. ред. В.А. Попов. М.: Наука, 1993. С. 40-70.
- 4 *Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.* Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
- 5 *Бунытян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1985. 228 с.
- 6 *Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- 7 *Зюзин А.В.* Предметы вооружения из сяньбийского могильника Дурой-I в Восточном Забайкалье // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2008. С. 168-169.
- 8 *Илюшин А.М.* Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюрокской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюрокской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157-169.

- 9 Калиновская К.П. К проблеме возрастных систем // Советская этнография. 1982. № 1. С. 59-62.
- 10 Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескенъ-VI на Средней Катуни // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: БГПИ, 1992. С. 125-130 (текст), 222-226 (рисунки).
- 11 Кон И.С. Понятие поколения в современном обществоведении // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука / Отв. ред. Ю.В. Маретин, Б.Н. Утилов. Л.: Наука, 1979. С. 202-229.
- 12 Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.
- 13 Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований / Отв. ред. Д.Б. Шелов. Л.: Наука, 1989. С. 50-84.
- 14 Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
- 15 Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.
- 16 Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.
- 17 Матренин С.С. Хронологические индикаторы снаряжения верхового коня кочевников сяньбийско-жужанского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 188-195.
- 18 Молодин В.И., Полосмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 256 с.
- 19 Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. № 2. С. 85-98.
- 20 Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.
- 21 Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.
- 22 Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-I) // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4. С. 51-68.
- 23 Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1. С. 122-133.
- 24 Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2008. Вып. 7. С. 42-57.
- 25 Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 93-98.
- 26 Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. № 5. С. 48-62.
- 27 Соенов В.И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2017. № 8 (20). С. 117-142.
- 28 Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.
- 29 Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2004. С. 37-82.

- 30 Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.
- 31 Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.
- 32 Yu Junyu. Relics of the Former Yan Unearthed at Sanhecheng, Chaoyang // Wenwu. 1997. № 11. P. 42-48 (на кит. яз.).

REFERENCES

- 1 Alekshin, V. A. 1975. In: Masson, V. M. (ed.). *Predmet i ob'ekt arheologii i voprosy metodiki arheologicheskikh issledovaniy (Subject and object of archaeology and issues of methods of archaeological research)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 49-53 (in Russian).
- 2 Andreev, I. A. 1971. In: *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)*, 2, 13-25 (in Russian).
- 3 Artemova, Yu. A. 1993. In: Popov, V. A. (ed.). *Rannie formy sotsialnoy stratifikatsii (Early forms of social stratification)*. Moscow: "Nauka" Publ., 40-70 (in Russian).
- 4 Bobrov, V. V., Vasyutin, A. S., Vasyutin, S. A. 2003. *Vostochnyi Altay v epohu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka) (Eastern Altay in the era of the Great Migration of Peoples (3rd – 7th centuries))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Publ. (in Russian).
- 5 Bunyatyan, E. P. 1985. *Metodika sotsialnykh rekonstruktsiy v arheologii (na materiale skifskikh mogilnikov IV–III vv. do n.e.) (The methodology of social reconstructions in archaeology (on the material of the Scythian burial grounds of the 4th–3rd centuries BC))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- 6 Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaja v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatelnoe vooruzhenie (oruzhie) (Military affairs of the population of Altai in the 3rd–14th centuries. Part II: Offensive weapons (weapons))*. Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).
- 7 Zyuzin, A. V. 2008. In: Tishkin, A. A. (ed.). *Etnokulturnaya istoriya Evrazii: sovremennye issledovaniya i opyt rekonstruktsiy (Ethnocultural history of Eurasia: modern research and reconstruction experience)*. Barnaul: "Azбука" Publ., 168-169 (in Russian).
- 8 Ilyushin, A. M. 2000. In: Molodin, V. I. (ed.). *Pamyatniki drevneturkskoy kultury v Sayano-Altai i Tsentralnoy Azii (Sites of ancient Turkic culture in the Sayano-Altai and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk University Publ., 157-169 (in Russian).
- 9 Kalinovskaya, K. P. 1982. In: *Sovetskaya jetnografiya (Soviet ethnography)*, 1, 59-62 (in Russian).
- 10 Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A., Mamadakov, Yu. T. 1992. In: Umanskiy, A. P. (ed.). *Voprosy arheologii Altaya i Zapadnoy Sibiri epohi metalla (Issues of Archaeology of Altai and Western Siberia of the Metal Age)*. Barnaul: Barnaul Pedagogical University Publ., 125-130, 222-226 (in Russian).
- 11 Kon, I. S. 1979. In: Maretin, Yu. V., Putilov, B. N. (ed.). *Aktualnye problemy etnografii i sovremennaya zarubezhnaya nauka (Actual problems of ethnography and modern foreign science)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 202-229 (in Russian).
- 12 Mamadakov, Yu. T. 1990. *Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e. (Culture of the Central Altai population in the first half of the 1st millennium AD)*: abstract of the dissertation ... Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).
- 13 Mamonova, N. N., Romanova, G. P., Haritonov, V. M. 1989. In: Shelov, D. B. (ed.). *Metodika polevykh arheologicheskikh issledovaniy (Methods of field archaeological research)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 50-84 (in Russian).
- 14 Matveeva, N. P. 2000. *Sotsialno-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke (lesostepnaya i podtaezhnaya zony) (Socio-economic structures of the population of Western Siberia in the early Iron Age (forest-steppe and subtaiga zones))*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 15 Matrenin, S. S. 2005. *Sotsialnaya struktura naseleniya Gornogo Altaya hunno-syanbiyskogo vremeni (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov bulan-kobinskoy kultury II v. do n.e. – V v. n.e.) (The social structure of the population of Gorny Altai in the Xiongnu-Xianbei period (based on the materials of the burial sites of the Bulan-Koba culture of the 2nd century BC – 5th century AD))*: abstract of the dissertation ... Candidate of Historical Sciences. Barnaul (in Russian).
- 16 Matrenin, S. S. 2017. *Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.) (Equipment of the nomads of Altai (2nd century BC – 5th century AD))*. Novosibirsk: SO RAS Publ. (in Russian).

- 17 Matrenin, S. S. 2018. In: Tishkin, A. A. (ed.). *Sovremennye resheniya aktualnykh problem evraziyskoy arheologii (Modern Solutions to Actual Problems of Eurasian Archaeology)*. Barnaul: Altai University Publ., 188-195 (in Russian).
- 18 Molodin, V. I., Polosmak, N. V., Novikov, A. V., Bogdanov, E. S., Slyusarenko, I. Yu., Cheremisin, D. V. 2004. *Arheologicheskie pamyatniki ploskogoriya Ukok (Gornyi Altai) (Archaeological sites of the Ukok Plateau (Gorny Altai))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Publ. (in Russian).
- 19 Olkhovskiy, V. S. 1995. In: *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)*, 2, 85-98 (in Russian).
- 20 Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2016. *Pogrebalnyi obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e. (The funeral rite of the nomads of Altai in the 2nd century BC – 11th century AD)*. Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).
- 21 Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2020. *Sotsialnaya istoriya naseleniya Altaya v epohu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arheologicheskikh kompleksov (The social history of the population of Altai in the era of nomadic empires (2nd century BC – 14th century AD): based on materials from archaeological complexes)*. Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).
- 22 Seregin, N. N., Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Parshikova, T. S. 2019. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 4, 51-68 (in Russian).
- 23 Seregin, N. N., Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Parshikova, T. S. 2022. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography)*, 1, 122-133 (in Russian).
- 24 Slyusarenko, I. Yu., Bogdanov, E. S., Soenov, V. I. 2008. In: Soenov, V. I. (ed.). *Izuchenie istoriko-kulturnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri (The study of the historical and cultural heritage of the peoples of South Siberia)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk University Publ., 42-57 (in Russian).
- 25 Soenov, V. I. 1998. In: Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (ed.). *Snaryazhenie verhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekovie (Saddle horse equipment in Altai in the early Iron Age and the Middle Ages)*. Barnaul: Altai University Publ., 93-98 (in Russian).
- 26 Soenov, V. I. 2000. In: Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaya (Antiquities of Altai)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk University Publ., 48-62 (in Russian).
- 27 Soenov, V. I. 2017. In: Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentralnoy Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk University Publ., 117-142 (in Russian).
- 28 Soenov, V. I., Ebel, A. V. 1992. *Kurgany gunno-sarmatskoy epohi na Verhney Katuni (Mounds of the Hunno-Sarmatian era on the Upper Katun)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altay State Pedagogical Institute Publ. (in Russian).
- 29 Teterin, Yu. V. 2004. In: Hudyakov, Yu. S. (ed.). *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentralnoy Azii (Military affairs of the peoples of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk University Publ., 37–82 (in Russian).
- 30 Tishkin, A. A., Dashkovskiy, P. K. 2003. *Sotsialnaya struktura i sistema mirovozzreniy naseleniya Altaya skifskoy epohi (Social structure and system of worldviews of the population of Altai in the Scythian era)*. Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).
- 31 Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Shmidt, A. V. 2018. *Altay v syanbiysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) (Altai in the Xianbei-Zhuzhan time (based on the materials of the Stepushka site))*. Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).
- 32 Yu Junyu. 1997. In: *Wenwu*, 11, 42-48 (in Chinese).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.01.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 12.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 14.02.2023.

Журнал «Поволжская археология»: становление и его место в международном научном пространстве

© 2023 г. Ситдигов А.Г., Мухаметшин Р.Р., Хузин Ф.Ш.

Keywords: archaeology, Kazan school of archaeology, archaeology of the Volga region, archaeology of the Urals, scientific journal, bibliometric analysis, rating of journals

Түйін сөздер: археология, археологияның қазан мектебі, Волга бойы археологиясы, Орал археологиясы, ғылыми журнал, библиометрикалық талдау, журналдар рейтингі

Ключевые слова: археология, казанская школа археологии, археология Поволжья, археология Урала, научный журнал, библиометрический анализ, рейтинг журналов

Airat Sitdikov^{1,2}, Ramis Mukhametshin¹, Fayaz Khuzin¹

¹Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Director, A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan;

²Dean of the faculty, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: sitdikov_a@mail.ru

¹Corresponding author, Head of the Information and Editorial Department, A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia. E-mail: muchametshin@gmail.com

¹Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Chief Researcher of the Department of Medieval Archaeology, A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia. E-mail: khuzinfayaz@mail.ru

The journal “Povolzhskaya Arkheologiya” (Volga River Region Archaeology): formation and its place in the international scientific space

Abstract. The publication describes the history of the formation of the journal “Povolzhskaya Arkheologiya” (Volga River Region Archaeology) as a center of contacts for a wide range of specialists studying the ancient and medieval history of the Volga region, the Urals, the North Caspian Sea, which are the crossroads between Europe and Asia not only geographically, but also culturally. A comparative analysis of the attendance of the official website of the journal and the citation of publications in the journal on the RSCI and Scopus showed the topics of publications that arouse the greatest interest of readers. Based on the conducted bibliometric analysis of scientometric indicators in the RSCI, Scopus and SCImago systems, the place of the journal in Russian and foreign science is determined. In addition, a study of the effectiveness of the functioning of the official website of the journal was conducted and prospects for further development were identified.

For citation: Sitdikov, A., Mukhametshin, R., Khuzin, F. 2023. The journal “Povolzhskaya Arkheologiya” (Volga River Region Archaeology): formation and its place in the international scientific space. *Kazakhstan Archeology*, 1 (19), 58–67 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.58.67](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.58.67)

**Айрат Габитович Ситдигов^{1,2},
Рамис Рустамович Мухаметшин¹,
Фаяз Шарипович Хузин¹**

¹тарих ғылымдарының докторы, Татарстан Республикасы Ғылым академиясының корреспондент-мүшесі, директор, Татарстан Республикасы Ғылым академиясы А.Х. Халиков атындағы Археология институты;

²факультет деканы, Қазан федералдық университеті, Қазан қ., Ресей

**Айрат Габитович Ситдигов^{1,2},
Рамис Рустамович Мухаметшин¹,
Фаяз Шарипович Хузин¹**

¹доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан;

²декан факультета, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

¹автор-корреспондент,

¹корреспондент-автор, ақпараттық-редакциялық бөлімнің меңгерушісі, Татарстан Республикасы Ғылым академиясы А.Х. Халиков атындағы Археология институты, Қазан қ., Ресей

¹тарих ғылымдарының докторы, Татарстан Республикасы Ғылым академиясының корреспондент-мүшесі, ортағасырлық археология бөлімінің бас ғылыми қызметкері, Татарстан Республикасы Ғылым академиясы А.Х. Халиков атындағы Археология институты, Қазан қ., Ресей

**«Поволжская археология» журналы:
қалыптасуы және оның халықаралық ғылыми
кеңістіктегі орны**

Аннотация. Мақалада Еуропа мен Азия арасындағы географиялық қана емес, мәдени қиылысы да болған Волга бойы, Орал, Солтүстік – Каспийдің ежелгі және ортағасырлық тарихын зерттеуші мамандар ортасының тірегі болған «Поволжская археология» журналының қалыптасу тарихы сипатталады. Журналдың ресми сайтына кіруге және РИНЦ пен Scopus бойынша журналдағы жарияланымдардың дәйексөзге келтірілуіне салыстырмалы талдауы жүргізілді, осының негізінде оқырмандар арасында көп қызығушылық тудырған мақалалар тақырыбы анықталды. РИНЦ, Scopus және Scimago жүйелеріндегі наукометриялық көрсеткіштеріне библиометриялық талдау жүргізу негізінде журналдың ресейлік және шетелдік ғылымдағы орны анықталды. Сонымен қатар, журналдың ресми сайты жұмысының тиімділігіне зерттеу жүргізілді, ары қарай дамытудың алғышарттары анықталды.

Сілтеме жасау үшін: Ситдиков А.Г., Мухаметшин Р.Р., Хузин Ф.Ш. «Поволжская археология» журналы: қалыптасуы және оның халықаралық ғылыми кеңістіктегі орны. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 1 (19). 58–67-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.58.67](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.58.67)

заведующий информационно-редакционным отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

¹доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

**Журнал «Поволжская археология»:
становление и его место в международном
научном пространстве**

Аннотация. В публикации описывается история становления журнала «Поволжская археология» как центра контактов широкого круга специалистов, изучающих древнюю и средневековую историю Поволжья, Урала, Северо-Каспия, являющихся перекрестком между Европой и Азией не только географически, но и культурно. Проведен сравнительный анализ посещаемости официального сайта журнала и цитируемости публикаций в журнале по РИНЦ и Scopus, на основе которого выявлена тематика публикаций, вызывающая наибольший интерес читателей. На основе проведенного библиометрического анализа наукометрических показателей в системах РИНЦ, Scopus и SCimago определено место журнала в российской и зарубежной науке. Кроме этого, проведено исследование эффективности функционирования официального сайта журнала, выявлены перспективы дальнейшего развития.

Для цитирования: Ситдиков А.Г., Мухаметшин Р.Р., Хузин Ф.Ш. Журнал «Поволжская археология»: становление и его место в международном научном пространстве. *Археология Казахстана*. 2023. № 1 (19). С. 58–67. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.58.67](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.58.67)

К истории становления журнала (Ситдиков А.Г., Мухаметшин Р.Р., Хузин Ф.Ш.)

Журнал «Поволжская археология» посвящен реконструкции и осмыслению культурно-исторических процессов на обширных пространствах Поволжья, Урала и Северо-Каспия, бывших подчас перекрестком между Европой и Азией не только географически, но и культурно. Эти территории порождали крупномасштабные изменения в самых отдаленных географических районах. Растущее международное внимание к этому исключительному макрорегиону древней Евразии делает журнал «Поволжская археология» авторитетной площадкой, где специалисты из разных стран – от Финляндии, Венгрии, Болгарии, Румынии и Молдавии до Украины – публикуют результаты своих исследований. За 10 лет работы журнал заслужил признание среди российских и зарубежных специалистов.

Попытки начать издание специализированного научного журнала по проблемам археологии в Казани предпринимались многократно. Научные периодические издания, выходявшие в Республике Татарстан, прекращали свое существование и не имели своего продолжения. Одним из наиболее авторитетных научных журналов и выходявших около 50-ти лет с 1878 г. при Казанском университете стали «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете»¹ [Хузин, Ситдииков 2014]. Несколько попыток начать новые научные издания по археологии были предприняты в начале 1920-х гг. Так появились: «Материалы по изучению Татарстана», «Вестник Научного общества Татарстана» [Смолин 1925; Башкиров 1928].

Создание в 1939 г. Казанского Института языка, литературы и истории создало предпосылки формированию новых форм публикаций материалов по проблемам археологии Поволжья и Приуралья [Хузин, Ситдииков 2014]. Итогом работ по первому направлению стала «Археологическая карта Татарстана» в 6-ти томах. Результаты данных исследований были представлены в десятках тематических сборников и монографий [Национальный центр археологических исследований... 1997; Указатель трудов... 1997].

В 1996 г. из Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН РТ выделился Институт истории им. Ш. Марджани с активной издательской деятельностью в области археологии, о чем свидетельствует ряд авторских монографий, статьи в отечественных и зарубежных изданиях. Начинается издание и серии журналов в их числе: «Finno-Ugrica» 1997–2011 гг. (отв. ред. Е.П. Казаков), «Татарская археология» 1997–2006 гг. (отв. ред. Р.Г. Фахрутдинов). В 2007 г. выходит первый номер серии «Археология евразийских степей» (гл. ред. А.Г. Ситдииков), издаваемой и до сего дня (24 номера). Все это способствовало поднятию престижа казанской археологической школы в России и за рубежом странами Казахстан, Турция, Египет, Болгария, Чехия, Венгрия, Германия, Финляндия и др.

Важным этапом в формировании новой издательской программы в представлении достижений изучения в области археологии стало создание в 2014 г. Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан на базе Национального центра археологических исследований и Музея археологии Татарстана Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан благодаря инициативе ее директора Р.С. Хакимова. В работе Института важнейшим инструментом координации научных исследований по различным направлениям археологии стал журнал «Поволжская археология». Соучредитель журнала – Марийский государственный университет.

Политика журнала исходила из понимания, что «Поволжье и Приуралье – особая историко-этнографическая область с полиэтничным составом населения, на территории которой в эпоху древности, в раннем и позднем средневековье происходили крупные исторические события, сопровождавшиеся контактами многих этносов, разных по языку и культуре (финно-угры, тюрки, славяне)», и что «поиски истоков их происхождения, формирования особенностей культуры некоторых из них уведут далеко за пределы Поволжья и Урала» [От редколлегии 2012]. В первых номерах журнала вышли работы исследователей: Москвы и Санкт-Петербурга, Перми, Уфы, Саратова, Самары, Йошкар-Олы, Ижевска, Саранска, Пензы, Нижнего Новгорода, Астрахани, а также специалистов из Казахстана, Узбекистана, Украины и Болгарии.

¹ В 2017 г. при Казанском федеральном университете возобновлено издание журнала.

Место журнала в науке (Ситдииков А.Г., Мухаметшин Р.Р., Хузин Ф.Ш.)

Место журнала в российской науке. Ранее сотрудниками редакции журнала «Поволжская археология» была доказана странгуляция направления «Археология» [Мухаметшин, Абдуллин 2021] в рейтинге SI (в системе РИНЦ), в связи с чем были предложены механизмы изменения методики построения данного рейтинга путем добавления выравнивающих коэффициентов. В марте 2023 г. был проведен пересчет рейтингов в системе РИНЦ, в том числе с добавлением выравнивающих коэффициентов. В результате пересчета рейтинги журналов по направлению «Археология», в целом, и журнала «Поволжская археология», в частности, повысились.

За 2012–2022 гг. в журнале свои исследования опубликовали 559 авторов из более 170 научных учреждений. Всего издано 42 номера, 803 научных публикаций. На март 2023 г. журнал «Поволжская археология» входит в 6% (214 место из 3887) самых востребованных научных журналов по рейтингу SI. По тематике «История. Исторические науки» журнал на 8 месте из 223 научных журналов, причем 154 журнала данного списка – из перечня ВАК [Журнал...].

Проведен анализ географического распределения авторов по субъектам РФ. Наибольшая доля публикаций приходится на исследования с участием Академии наук РТ – 25% всех статей (201 из 803), Казанского (Приволжского) университета – 14% (110 из 803). Однако проанализировав публикации данных организаций, определено, что более 50% из них подготовлены с участием коллег из других регионов и имеют межрегиональный характер.

Особый вклад в журнал вносят исследователи Приволжского федерального округа. Так, представители Татарстана публиковались в каждом номере, Марий Эл и Удмуртии – в более 50% номеров. Реже публиковались авторы из Кировской, Оренбургской и Ульяновской областей.

За период функционирования в журнале опубликованы материалы исследователей из всех федеральных округов и городов федерального значения РФ. При этом Приволжский, Уральский и Южный федеральные округа представлены авторами всех субъектов, входящих в эти округа.

Проведенный в 2021 году более глубокий анализ по территориальной принадлежности публикаций [Мухаметшин, Асылгараева 2021] также подтверждает тенденцию расширения географии авторов публикуемых исследований.

Место журнала в мировой науке. Scopus. В декабре 2017 г. консультативным советом Scopus по отбору контента (CSAB) принято решение о включении журнала «Поволжская археология» в международную реферативную базу данных Scopus.

По заключению Консультативного совета журнал «Поволжская археология» имеет значительный потенциал для привлечения внимания к изданию и публикации в нем широкого круга авторов на международном уровне и заслуживает включения в базу данных Scopus.

Таблица 1 – Основные показатели журнала «Поволжская археология» по реферативной базе данных Scopus 2018–2021 гг.

1-кесте – Scopus 2018–2021 жж. реферативтік дерекқоры бойынша «Поволжская археология» журналының негізгі көрсеткіштері

Table 1 – The main indicators of the journal «Povolzhskaya Arkheologiya» (Volga River Region Archaeology) according to the Scopus abstract database 2018–2021

Год	CiteScore	SJR	SNIP	Процентиль Arts and Humanities Archeology (arts and humanities)
2018	0,1	0,194	0,088	21
2019	0,2	0,197	0,504	35
2020	0,4	0,27	0,653	44
2021	0,4	0,378	0,878	46

Как известно, система Scopus предоставляет перечень эффективных инструментов для оценки журналов и построения различных рейтингов (CiteScore, SciMago Journal Rank (SJR), Source-Normalized Impact per Paper (SNIP)) [Scimago Journal...]. Абсолютно по всем показателям журнал имеет положительную динамику роста (табл. 1). На март 2023 г. CiteScoreTracker показывает показатель равный 0,5, что опять же анонсирует положительную динамику на следующий период перерасчета показателей.

RSCI. 26 мая 2021 г. научный журнал «Поволжская археология» включен в базу Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.

Решение о включении журнала в состав RSCI принималось рабочей группой по оценке качества и отбору журналов в базу RSCI в соответствии с заключениями тематических экспертных советов, полученных на основании анализа библиометрических показателей издания, а также оценки общественной экспертизы, проведенной ведущими российскими учеными и экспертами.

Целью проекта RSCI является выделение лучших российских журналов в РИНЦ и размещение их на платформе Web of Science в виде отдельной базы данных Russian Science Citation Index. Индексация в этой базе способствует идентификации взаимных цитирований между публикациями в Web of Science и RSCI, что позволяет значительно улучшить видимость российских научных журналов в международном информационном пространстве. Новый перечень RSCI (887 журналов) размещен на сайтах РАН (раздел научно-издательская деятельность), НЭБ (eLIBRARY.RU), МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ Высшая школа экономики, Ассоциации государственных научных центров.

Рейтинг SCimago. По рейтингу международной исследовательской организации Scimago [Scimago Journal...] журнал «Поволжская Археология» входит в 25% (квартиль-Q1) самых авторитетных научных периодических изданий по направлению «Археология». SCimago ориентируется на научные показатели и научную продукцию, индексируемую в базе Scopus.

В рейтинге SCimago по искусству и гуманитарным наукам «Поволжская археология» занимает 6 позицию из 85 среди всех российских журналов, 535 место из почти 4190 журналов в мире, а также второе место по предметному рейтингу «Археология» среди российских журналов.

Как показывает SCimago, журнал «Поволжская археология» отличается от других журналов по направлению своей уникальностью – наиболее похожий журнал «StratumPlus» оценивается в 19% схожестью.

Анализ количества статей с участием иностранных. Произведён анализ количества статей с участием иностранных авторов в журнале за исследуемый период (рис. 1).

Рис. 1. Доля публикаций с международным участием 1-сур. Халықаралық қатысулармен мақалалардың үлесі (көкпен – бір жылғы мақалалардың жалпы саны; қызылмен – шетелдік авторлардың қатысуымен мақалалар, %)

Fig. 1. The share of publications with international participation (blue – the total number of publications for the year; red – articles with the participation of foreign authors, %)

Доля статей с участием иностранных авторов составляет 13% (115 публикаций из 803). В период с 2017 г. по 2021 г. наблюдается значительный рост количества статей с международным участием, что может быть связано с включением журнала в международную базу данных Scopus. Уменьшение количества публикаций с международным участием в 2022 г. объясняется изменениями политической обстановки.

Рис 2. Распределение количества публикаций с международным участием и количества стран по годам

2-сур. Халықаралық қатысуы бар жарияланымдар саны мен елдер санын жыл бойынша бөлу (көкпен – халықаралық қатысумен жарияланымдардың жалпы саны; қызылмен – берілген елдердің саны)

Fig. 2. Distribution of the number of publications with international participation and the number of countries by year (blue – the total number of publications with international participation; red – the number of countries represented)

Анализ динамики количества публикаций с международным участием показывает увеличение и расширение количества представленных стран (рис. 2). Более глубокий анализ данных указывает на появление постоянных авторов из 21 страны из Азии, Европы и Америки. Чаще всего в журнале публикуются исследователи из Казахстана, Украины, Болгарии и Канады. С 2019 г. в журнале публикуются представители Венгрии, Чехии, Ирана, Германии, Польши, Кореи, США, Великобритании и Бельгии, что подтверждает расширение географии исследователей и авторитета журнала.

Официальный сайт журнала «Поволжская археология» за 2021–2023 гг. посетило более 40 000 человек, просмотрено более 170 000 страниц из 117 стран. Из них наибольшее число посещений приходится на Китай (21%), Казахстан (8,4%) и США (5,2%), на остальные страны приходится в сумме 21%.

Сопоставив результаты анализа посещаемости официального сайта журнала и цитируемости публикаций в журнале по РИНЦ и Scopus, можно сделать следующие выводы по количеству обращений к наиболее востребованным публикациям:

а. междисциплинарного характера, в том числе результатов естественнонаучных исследований [Бездудный и др. 2018; Дегтярева и др. 2020; Лобода и др. 2018; Набиуллин и др. 2017; Трифонов и др. 2021];

б. хронологии реперных памятников различных эпох и культур евразийского региона [Акылбек, Гурсой 2022; Ахметгалин, Ситдииков 2020; Онгарулы и др. 2020; Хохлов, Китов 2019];

- с. уникальных археологических артефактов и памятников [Виноградов 2020; Кубаев 2022; Обухов, Бочаров 2018; Саттаров, Камалеев 2021; Юдин и др. 2022];
- д. введение в научный оборот групп конкретных элементов материальной культуры [Бугарчев и др. 2021; Чижевский и др. 2019];
- е. на английском языке [Weisenov et al. 2020; Cordova et al. 2021; Khramchenkova et al. 2020].

Важным фактором, влияющим на увеличение обращений и цитируемости публикаций, является размещение информации о них в социальных сетях в виде коротких постов [Бабенко, Сергеев 2019; Сеитов и др. 2021]. К числу обстоятельств, влияющих на рост интереса и количество ссылок на работы, является их открытый и бесплатный доступ.

Заключение (Ситдииков А.Г., Мухаметшин Р.Р., Хузин Ф.Ш.)

Журнал «Поволжская археология» является важным органом научной коммуникации Волго-Уралья и отражает историю развития археологии в Евразии. Динамика изменения позиции журнала в рейтингах показывает эффективность политики редакционной коллегии, а также возрастающий авторитет самого журнала в российском и международном научном пространстве. Результаты анализа активности журнала в социальных сетях указывают на необходимость использования данного механизма в продвижении результатов научной деятельности и использовании потенциала журнала в просветительской сфере.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Акылбек С.Ш., Гурсой М. «Культовые помещения» на городище Культобе // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 89-101. [DOI 10.24852/pa2022.2.40.89.101](https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40.89.101)
- 2 Ахметгалин Ф.А., Ситдииков А.Г. Историческая топография ханской столицы г. Касимова // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 130–145. [DOI 10.24852/pa2020.2.32.130.145](https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.130.145).
- 3 Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю. Археоботанические исследования городища Маджары // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 161-170. [DOI 10.24852/pa2019.4.30.161.170](https://doi.org/10.24852/pa2019.4.30.161.170)
- 4 Башикиров А.С. Памятники Булгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1928. 118 с.
- 5 Бездудный В.Г., Марчук В.Н., Ситдииков А.Г. Комплексные геофизические исследования Болгарского городища в 2016 году // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 319-325. [DOI 10.24852/pa2018.2.24.319.325](https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.319.325).
- 6 Бугарчев А.И., Петров П.Н., Сингатуллина А.З., Ситдииков А.Г., Шайхутдинова Е.Ф. Булгарские монеты хана Пулада Измерского клада // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 53-64. [DOI 10.24852/pa2021.2.36.53.64](https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.53.64).
- 7 Виноградов Н.Б. Антропоморфные «куклы» в погребальной обрядности могильника Кулевчи VI // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 117-123. [DOI 10.24852/pa2020.1.31.117.123](https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.117.123).
- 8 Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. Цветной металл раннеалакульской (петровской) культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 98-116. [DOI 10.24852/pa2020.1.31.98.116](https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.98.116)
- 9 Журнал “Поволжская археология”. URL: https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=38916 (дата обращения: 28.02.2023 г.)
- 10 Кубаев С.Ш. Изображение лекарственных растений на керамических изделиях Средней Азии // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 35-41. [DOI 10.24852/pa2022.2.40.35.41](https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40.35.41).
- 11 Лобода А.Ю., Терещенко Е.Ю., Антипенко А.В., Ретивов В.М., Пресняков М.Ю., Колобылина Н.Н., Кондратьев О.А., Шишлина Н.И., Яцишина Е.Б., Кашкаров П.К. Методы определения элементного состава металла археологических объектов при коррозионных наслоениях и в ограниченных условиях пробоотбора материала // Поволжская археология. 2018. № 4 (26). С. 203-221. [DOI 10.24852/2018.4.26.203.221](https://doi.org/10.24852/2018.4.26.203.221)

- 12 Мухаметшин Р.Р., Абдуллин Р.Р. Методологический пример исследования наукометрических показателей по отдельному научному направлению // Научные и технические библиотеки. 2021. № 11. С. 115-130. [DOI 10.33186/1027-3689-2021-11-115-130](https://doi.org/10.33186/1027-3689-2021-11-115-130)
- 13 Мухаметшин Р.Р., Асылгараева Г.Ш. Сравнительный анализ наукометрических показателей журнала «Поволжская археология» // Научные и технические библиотеки. 2021. № 4. С. 73-92. [DOI 10.33186/1027-3689-2021-4-73-92](https://doi.org/10.33186/1027-3689-2021-4-73-92)
- 14 Набиуллин Н.Г., Беляев А.В., Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Янбаев Р.М. Чугунная посуда Джукетау: предварительные результаты междисциплинарных исследований // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 236-254. [DOI 10.24852/pa2017.2.20.236.254](https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.236.254)
- 15 Национальный центр археологических исследований. Библиография трудов научных сотрудников (1987–2006) / Отв. ред. и сост. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 1997. 116 с.
- 16 Обухов Ю.Д., Бочаров С.Г. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 125–133. [DOI 10.24852/pa2018.2.24.125.133](https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.125.133).
- 17 Онгарулы А., Каирмагамбетов А.М., Нускабай А.А., Рахимжанова С.Ж. Курган военной элиты саков Торгая // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 233-247.
- 18 От редколлегии // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 3-4.
- 19 Саттаров Р.Р., Камалеев Э.В. Неординарное погребение Трикольского могильника в низовьях р. Белой // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 216-230. [DOI 10.24852/pa2021.3.37.216.230](https://doi.org/10.24852/pa2021.3.37.216.230)
- 20 Сеитов А.М., Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Раннесарматское погребение курганной группы Кеньш 3 в Казахском Притоболье // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 37-48. [DOI 10.24852/pa2021.1.35.37.48](https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.37.48).
- 21 Смолин В.Ф. Археологический очерк Татареспублики // Материалы по изучению Татарстана. Вып. 2 / Ред. Г.Г. Ибрагимов, Н.И. Воробьев. Казань: Бюро краеведения при Академцентре, 1925. С. 5-70.
- 22 Трифонов В.А., Шаймуратова Д.Н., Асылгараева Г.Ш., Монахов С.П., Молодцева А.С., Аськеев А.О., Аськеев И.В., Аськеев О.В. Археогеномика доместикации животных Евразии // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 179-186. [DOI 10.24852/pa2021.1.35.179.186](https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.179.186)
- 23 Указатель трудов ученых Института языка, литературы и истории Академии наук Татарстана. 1939–1986 гг. / Под ред. А.Г. Каримуллина. Казань: Фикер, 1997. 504 с.
- 24 Хохлов А.А., Китов Е.П. Теоретические и практические аспекты проблемы происхождения физического облика носителей культур синташтинского круга позднего этапа эпохи бронзы // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 59-71. [DOI 10.24852/2019.1.27.59.71](https://doi.org/10.24852/2019.1.27.59.71)
- 25 Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. Казанская археологическая школа: итоги и перспективы развития // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 6-40.
- 26 Чижевский А.А., Антипина Е.Е., Асылгараева Г.Ш., Нуретдинова А.Р. Коллекции археологического музея Казанского (Приволжского) Федерального университета. Часть 2 // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 84-103. [DOI 10.24852/2019.1.27.84.103](https://doi.org/10.24852/2019.1.27.84.103)
- 27 Юдин Н.И., Масловский А.Н., Каземтур М. Глазурованная чаша с персидскими стихами из Азака // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 175-182. [DOI 10.24852/pa2022.2.40.175.182](https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40.175.182).
- 28 Beisenov A.Z., Svyatko S.V., Duysenbay D.B., Akhiyarov I.K., Reimer P.J. New isotopic data on the diet of the Saka period population from Central Kazakhstan // Volga River Region Archaeology (Поволжская археология). 2020. No. 3 (33). С. 208-218. [DOI 10.24852/pa2020.3.33.208.218](https://doi.org/10.24852/pa2020.3.33.208.218).
- 29 Cordova C.E., Vyazov L.A., Blinnikov M.S., Ponomarenko E.V., Ponomarenko D.S., Sitdikov A.G., Salova Yu.A. Stratigraphy and Paleolithic landscapes of the Beganchik site at the Kama-Volga confluence // Volga River Region Archaeology (Поволжская археология). 2021. № 3 (37). С. 8-21. [DOI 10.24852/pa2021.3.37.8.21](https://doi.org/10.24852/pa2021.3.37.8.21).
- 30 Khranchenkova R.Kh., Gubaydullin A.M., Degryse P., Biktagirova I.R., Ogorodnikov A.D., Danilov P.S. The fragment of enameled glass vessel from the Bolgar excavation (Russia) // Volga River Region Archaeology (Поволжская археология). 2020. № 4 (34). С. 212-222. [DOI 10.24852/pa2020.4.34.212.222](https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.212.222).
- 31 Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/> (дата обращения: 28.02.2023 г.).

REFERENCES

- 1 Akylbek, S. Sh., Gursoy, M. 2022. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 2(40), 89-101 (in Russian).
- 2 Akhmetgalin, F. A., Sitdikov, A. G. 2020. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 2(32), 89-97 (in Russian).
- 3 Babenko, A. N., Sergeev, A. Yu. 2019. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4(30), 161-170 (in Russian).
- 4 Bashkirov, A. S. 1928. *Pamiatniki Bulgaro-tatarskoi kultury na Volge (The Bulgars-Tatars culture sites on Volga River)*. Kazan (in Russian).
- 5 Bezudnyy, V. G., Marchuk, V. N., Sitdikov, A. G. 2018. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 2(24), 319-325 (in Russian).
- 6 Bugarchev A. I., Petrov, P. N., Singatullina, A. Z., Sitdikov, A. G., Shaykhutdinova, E. F. 2021. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 2 (36), 53-64 (in Russian).
- 7 Vinogradov, N. B. 2020. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 1 (31), 117-123 (in Russian).
- 8 Degtyareva, A. D., Kuzminykh, S. V., Loman, V. G., Kukushkin, I. A., Kukushkin, A. I., Dmitriev, E. A. 2020. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 1(31), 98-116 (in Russian).
- 9 Zhurnal “Povolzhskaya Arkheologiya” (The Journal “Volga River Archaeology”). URL: https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=38916 (accessed: 02/28/2023).
- 10 Kubaev, S. Sh. 2022. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 2 (40), 98-116 (in Russian).
- 11 Loboda, A. Yu., Tereshchenko, E. Yu., Antipenko, A. V., Retivov, V. M., Presnyakov, M. Yu., Kolobyлина, N. N., Kondratiev, O. A., Shishlina, N. I., Yatsishina, E. B., Kashkarov, P. K. 2018. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 4 (26), 203-221 (in Russian).
- 12 Mukhametshin, R. R., Abdullin, R. R. 2021. In: *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki (Scientific and Technical Libraries)*, 11, 115-130 (in Russian).
- 13 Mukhametshin, R. R., Asylgaraeva, G. Sh. 2021. In: *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki (Scientific and Technical Libraries)*, 4, 73-92 (in Russian).
- 14 Nabiullin, N. G., Belyaev, A. V., Khramchenkova, R. Kh., Shaykhutdinova, E. F., Yanbaev, R. M. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 2(20), 236–254 (in Russian).
- 15 In: Khuzin, F. Sh. (ed.). 1997. *Natsionalnyy tsentr arkheologicheskikh issledovaniy. Bibliografiya trudov nauchnykh sotrudnikov (1987–2006) (National Center for Archaeological Research. Bibliography of the works of researchers (1987–2006))*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- 16 Obukhov, Yu. D., Bocharov, S. G. 2018. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 2 (24), 125-133 (in Russian).
- 17 Onggaruly, A., Kairmagambetov, A. M., Nuskabay, A. A., Rakhimzhanova, S. Zh. 2020. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 3 (33), 233-247 (in Russian).
- 18 2012. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 1, 3-4 (in Russian).
- 19 Sattarov, R. R., Kamaleev, E. V. 2021. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 3 (37), 216-230 (in Russian).
- 20 Seitov, A. M., Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. 2021. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 1 (35), 37-48 (in Russian).
- 21 Smolin, V. F. 1925. In: Ibragimov, G. G., Vorob'ev, N. I. (eds.). *Materialy po izucheniyu Tatarstana (Proceedings on the study of Tatarstan)*, 2. Kazan: “Byuro kraevedeniya pri Akademtsentre” Publ., 5-70 (in Russian).
- 22 Trifonov, V. A., Shaymuratova, D. N., Asylgaraeva, G. Sh., Monakhov, S. P., Molodtseva, A. S., Askeev, A. O., Askeev, I. V., Askeev, O. V. 2021. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 1 (35), 179-186 (in Russian).

- 23 In: Karimullin, A. G. (ed.). 1997. *Ukazatel trudov uchenykh Institutu yazyka, literatury i istorii Akademii nauk Tatarstana (Index of works of scientists of the Institute of Language, Literature and History of the Academy of Sciences of Tatarstan)*. Kazan: “Fiker” Publ. (in Russian).
- 24 Khokhlov, A. A., Kitov, E. P. 2019. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 1 (27), 59-71 (in Russian).
- 25 Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2014. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 3 (9), 6-40 (in Russian).
- 26 Chizhevsky, A. A., Antipina, E. E., Asylgaraeva, G. Sh., Nuretdinova, A. R. 2019. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 1 (27), 84-103 (in Russian).
- 27 Yudin, N. I., Maslovskiy, A. N., Kazempur, M. 2021. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 1 (35), 37-48 (in Russian).
- 28 Beisenov, A. Z., Svyatko, S. V., Duisenbay, D. B., Akhiyarov, I. K., Reimer, P. J. 2020. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 3 (33), 208-218 (in English).
- 29 Cordova, C. E., Vyazov, L. A., Blinnikov, M. S., Ponomarenko, E. V., Ponomarenko, D. S., Sitdikov, A. G., Salova, Yu. A. 2021. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 3 (37), 8-21 (in English).
- 30 Khranchenkova, R. Kh., Gubaydullin, A. M., Degryse, P., Biktagirova, I. R., Ogorodnikov, A. D., Danilov, P. S. 2020. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 4 (34), 212-222 (in English).
- 31 Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/> (accessed: 28.02.2023) (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 01.03.2023.

УДК 902.904 (517)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.68.83>

Номгон-2 көне түрік ғұрыптық кешені зерттеулерінің кейбір нәтижелері

© 2023 ж. Қыдырәлі Д., Энхтөр А., Базылхан Н., Бөгенбаев Н.,
Буянхшиг Ц., Батболд Г.

Keywords: archaeology, Nomgon, Kutluk-kagan, ancient Turkic writing, Sogdian writing, Brahmi writing, ritual complex, stone sculpture, chronology

Түйін сөздер: археология, Номгон, Құтлұқ қаған, көне түрік бітік жазу, соғды жазуы, брахми жазуы, ғұрыптық кешен, бәдіз-тасмүсін, хронология

Ключевые слова: археология, Номгон, Кутлук-каган, древнетюркская письменность, согдийская письменность, брахмийская письменность, поминальный комплекс, каменное изваяние, хронология

Darkhan Kydyrali¹, Altangerel Enkhtur², Napil Bazylkhan^{1*}, Nurbolat Bogenbayev¹,
Tserenkhand Buyanhishig² and Gonçigiin Batbold²

¹Prof., Dr., International Turkic Academy, Astana, Kazakhstan. E-mail: office@twesco.org

²PhD, Associate Professor, Head of the medieval sector, Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: aenkhtur2001n@gmail.com

^{1*}Corresponding author, Candidate of Philological sciences, Research expert, International Turkic Academy, Astana, Kazakhstan. E-mail: [napilbaz@gmail.com](mailto:nopilbaz@gmail.com)

¹PhD, Research expert, International Turkic Academy, Astana, Kazakhstan. E-mail: nurik198080@mail.ru

²Researcher, Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: buyaka345@gmail.com

²Dr., Researcher, Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: boldoog@gmail.com

Some results of the study of the ancient Turkic memorial complex Nomgon-2

Abstract. In 2019 and 2022, the International Turkic Academy and the Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences have begun a joint archaeological research and the first excavations of nine memorial complexes of the ancient Turkic era in the Nomgon valley of the Khashaat sum of the Arkhangay aimag of Mongolia. During the excavations carried out at the memorial complex Nomgon-2, it was found that this complex was dedicated to Kutluk-Kagan, the founder of the Second Turkic Kaganate, Elteris-Kagan, who ruled in 682-692, the father of the famous Bilge-Kagan and Kultegin. The head and lower part of the stone statue of the kagan, two parts of the head of the stone statue, two statues of a ram, statues of a lion with two cubs, and a number of other artifacts, such as clay roofing, bricks, a cubic stone with a hole in the middle and kagan tamgas “eshir” (ashina) on balbals, were found in the complex. A special news for the world of Turkology is the discovery of a stele with an inscription. There, during archaeological excavations, the upper part of the stele with the image of two wolves and floral patterns was discovered for the first time, as well as the lower part with fragments of ancient Turkic texts written in the runic, Sogdian and Brahmi alphabets.

For citation: Kydyrali, D., Enkhtur, A., Bazylkhan, N., Bogenbayev, N., Buyanhishig, T., Batbold, G. 2023. Some results of the study of the ancient Turkic memorial complex Nomgon-2. *Kazakhstan Archeology*, 1 (19), 68–83 (in Kazakh). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.68.83](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.68.83)

**Дархан Қыдырәлі¹, Алтангэрэлийн Энхтөр²,
Напил Базылхан^{1*}, Нұрболат Бөгенбаев¹,
Цэрэнхандын Буянхишиг², Гончигийн Батболд²**

¹тарих ғылымдарының докторы, профессор,
ҚР Ғылым Академиясының академигі,
Халықаралық Түркі академиясы,
Астана қ., Қазақстан

²PhD, доцент, орта ғасырлар секторының
меңгерушісі, Моңғолия Ғылым академиясы
Археология институты, Ұланбатыр қ., Моңғолия

¹корреспондент авторы, филология ғылымдарының
кандидаты, ғылым бөлімінің аға сарапшысы,
Халықаралық Түркі академиясы, Астана қ., Қазақстан

¹PhD, Халықаралық Түркі академиясы, ғылым
бөлімінің сарапшысы, Астана қ., Қазақстан

²ғылыми қызметкер, Моңғолия Ғылым
академиясының Археология институты,
Ұланбатыр қ., Моңғолия

²PhD, ғылыми қызметкер, Моңғолия Ғылым
академиясының Археология институты,
Ұланбатыр қ., Моңғолия

Номгон-2 көне түрік ғұрыптық кешені зерттеулерінің кейбір нәтижелері

Аннотация. Халықаралық Түркі академиясы мен Моңғолия Ғылым академиясының Археология институты бірлескен экспедициясы 2019 және 2022 жж. Моңғолияның Архангай аймағы Хашаат сұмыны Номгон алқабындағы көне түрік дәуірінің 9 дана ғұрыптық кешендерінде алғашқы археологиялық барлау және қазба жұмыстарын бастаған болатын. Номгон-2 ғұрыптық кешенінде жүргізілген қазба барысында осы кешен «екінші» Түрік қағандығын жаңғыртушысы Құтлұқ қаған яғни 682–692 жж. билік құрған Елтеріс қағанға, әйгілі Білге қаған мен Күлтегиннің әкесіне арналғандығы анықталды. Кешеннен қаған кескінді бөрікті бәдіздің басы мен төменгі тұсы, екі кішігірім бас мүсін тұсы, екі қошқар, екі алаңды арыстан тас мүсіні және құрылыстың қыш төбе жапқыштары, кірпіштері, ортасы ойық текше тас (алтарь), балбалдардан «ешір» (ашина) қаған әулетінің таңбалары секілді бірсыпыра артефактілер анықталды. Әлемдік түркология үшін ерекше жаңалық – жазулы бітіктас жаңадан табылды. Онда екі бөрі және суғалдақ гүл бейнеленген бітіктастың төбе тұсы мен одан төменгі тұсында көне түрік, соғды, брахми жазулы мәтіндердің үзінділері қашалған сынық бөлігі археологиялық қазбалар барысында алғаш рет табылып отыр. Көне түрік және соғды мәтін үзінділерінде «Құтлұқ қаған» деп анық жазылған.

**Дархан Кыдырәли¹, Алтангэрэлийн Энхтөр²,
Напил Базылхан^{1*}, Нурболат Богенбаев¹,
Цэрэнхандын Буянхишиг², Гончигийн Батболд²**

¹доктор исторических наук, профессор, академик
Национальной Академии наук РК,
Международная Тюркская академия,
г. Астана, Казахстан

²PhD, доцент, заведующий сектором средневековья,
Институт археологии Академии наук Монголии,
г. Улан-Батор, Монголия

^{1*}автор-корреспондент, кандидат филологических
наук, старший эксперт отдела науки,
Международная Тюркская академия,
г. Астана, Казахстан

¹PhD, эксперт отдела науки, Международная
Тюркская академия, г. Астана, Казахстан

²научный сотрудник, Институт археологии
Академии наук Монголии, г. Улан-Батор, Монголия

²PhD, научный сотрудник, Институт археологии
Академии наук Монголии, г. Улан-Батор, Монголия

Некоторые результаты исследования древнетюркского поминального комплекса Номгон-2

Аннотация. В 2019 и 2022 гг. Международная Тюркская академия и Институт археологии Монгольской академии наук начали проводить совместные археологические исследования и первые раскопки девяти поминальных комплексов древнетюркской эпохи в Номгонской долине Хашаатского сомона Архангайского аймака Монголии. В ходе раскопок, проведенных на поминальном комплексе Номгон-2, было установлено, что этот комплекс был посвящен Кутлук-кагану, основателю II Тюркского каганата, Эльтерису-кагану, правившему в 682–692 гг., отцу знаменитых Бильге-кагана и Кюльтегина. В комплексе обнаружены голова и нижняя часть каменного изваяния кагана, две части головы каменного изваяния, две статуи барана, статуи льва с двумя львятами и ряд других артефактов, таких как глиняные кровельные покрытия, кирпичи, кубический камень с отверстием посередине и каганские тамги «эшир» (ашина) на балбалах. Особая новость для мировой тюркологии – обнаружение стелы с надписью. Там в ходе археологических раскопок впервые была обнаружена верхняя часть стелы с изображением двух волков и цветочные узоры, а также и нижняя часть с фрагментами древнетюркских текстов, написанных руническим, согдийским и брахмийским алфавитом.

Сілтеме жасау үшін: Қыдырәлі Д., Энхтөр А., Базылхан Н., Бөгенбаев Н., Буянхишиг Ц., Батболд Г. Номгон-2 көне түрік ғұрыптық кешені зерттеулерінің кейбір нәтижелері. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 1 (19). 68–83-бб. [DOI: 10.52967/akz2023.1.19.68.83](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.68.83)

Для цитирования: Кыдырали Д., Энхтөр А., Базылхан Н., Бөгенбаев Н., Буянхишиг Ц., Батболд Г. Некоторые результаты исследования древнетюркского поминального комплекса Номгон-2. *Археология Казахстана*. 2023. № 1 (19). С. 68–83 (на каз. яз.). [DOI: 10.52967/akz2023.1.19.68.83](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.68.83)

1 Кіріспе (*Қыдырәлі Д., Энхтөр А., Базылхан Н., Бөгенбаев Н.*)

Түріктер ұзақ жылдар бойы Еуразия кеңістігінде қуатты мемлекет құрып, төл мәдениетін қалыптастырып қана қоймай, іргелес халықтардың да рухани-мәдени құндылықтарының дамуына айрықша ықпал етіп, әлемдік өркениетке сүбелі үлес қосты. Ұлы даланың әр тарапынан табылып жатқан далалық өркениеттің негізгі көрінісі – ұлы қорғандар, мәдениеттің үздік үлгісі – бәдіз-тасмүсіндер, Орхон, Енесей, Талас көне түрік бітік жазбалары және қайталанбас бейнелеу өнерінің үлгілері – қабырға фрескалары, петроглифтер, таңбалар, түрік мәдениетінің жоғары деңгейде дамығандығын көрсетеді. Мұндай ғажайып өнер туындылары түріктер мекендеген қазіргі Моңғолия, Тува, Алтай, Хакасия, Шығыс Түркістан, Қазақстан, Қырғызстан, Шығыс Еуропа мен Солтүстік Кавказ өңірлеріне дейін кеңінен таралған.

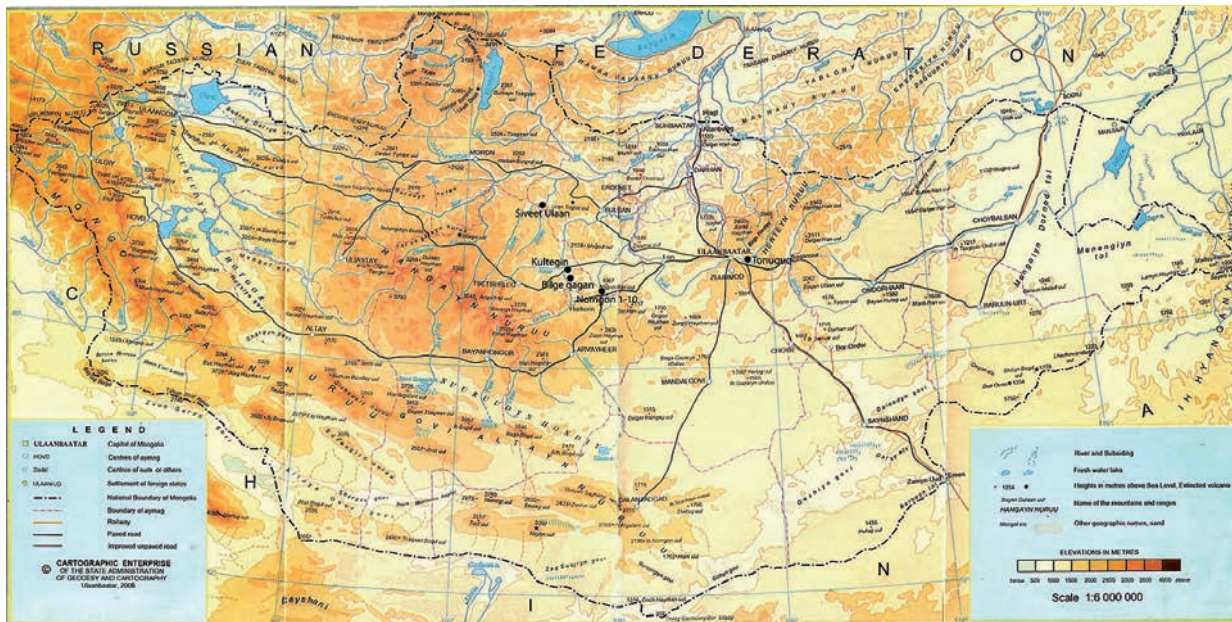
Әсіресе, Шығыс Түрік қағандығы дәуіріне тән ескерткіштердің ең көрнектілері – ғұрыптық кешендер. Бұлар қайтыс болған тұлғаның әлеуметтік дәрежесіне байланысты «сән-салтанатты» және «қарапайым» болып бөлінеді. Қарапайым үлгідегілер төртбұрышты етіп тастармен қоршалып, шығыс жағында кейде адам мүсіндері қойылады. Ал қаған, тегін сынды билеушілерге арналған мемориалдық құрылыстар ою-өрнекті тас плиталармен қоршалып, кешен аумағында адам және жануарлардың мүсіндері мен тасбақа үстіне орнатылған жазуы бар тас ескерткіштер яғни бітіктастар орнатылады. Жазулы тас ескерткіштегі мәтіндердің негізгі мазмұнында мемлекеттің ішкі, сыртқы саяси оқиғалары, әлеуметтік-қоғамдық өмірі, этникалық тарихы мен мемлекет құру жолындағы үздіксіз жорықтары баяндалады.

«Номгон» жазығындағы кешендерді алғаш рет 2000 ж. Моңғолияның белгілі археологы, тарих ғылымдарының докторы, профессор Довдойн Баяр жергілікті мектеп мұғалімі Г. Дондов арқылы анықтап, мәлімет қалдырған және ғылыми мақала жариялады [Баяр 2010; 2014: 106–112; Вауар 2012: 25–35] (1-сур.). 2001 ж. археолог А. Энхтөр барлау-зерттеу жұмыстарын жүргізіп, Номгон-1–9 деп тоғыз кешеннің жалпы сипаттамасы мен сызбаларын жасады [Энхтөр 2001: 25]. 2007 ж. аталмыш кешендердің жалпы сипаттамасын А. Очир, Ц. Одбаатар, Л. Эрдэнэболд, Б. Анхбаяр [Очир және т. б. 2009: 35–47] жасады. Ал, 2012 ж. Моңғолия Мәдени мұра орталығы тарапынан зерттелген [Энхбат және т. б. 2012: 40–41; 2013: 86]. Дегенмен, бүгінге дейін бұл кешендерде арнайы археологиялық ғылыми-зерттеулер жүргізілмеген.

2 Материал және зерттеу әдістемесі

2.1 Зерттеу әдістемесі (*Энхтөр А., Батболд Г.*)

Номгон-2 ғұрыптық кешенін зерттеу барысында археологиялық, стратиграфиялық, топографиялық, картографиялық, салыстырмалы-типологиялық, тарихи-салыстырмалы әдістер кеңінен қолданылды. Қазба жұмыстарында табылған артефактілердің фотосуреттері мен сызба суреттері алынды. Сондай-ақ, соңғы заманауи озық технологияны пайдалана отырып, әуеден

1-сур. Номгон-2 ғұрыптық кешенінің орналасуы, 2019 ж. Иллюстрацияны даярлаған Н. Базылхан

Fig. 1. Location of the Nomgon-2 ritual complex, 2019. Illustration prepared by N. Bazykhan

Рис. 1. Расположение ритуального комплекса Номгон-2, 2019 г. Иллюстрация подготовлена Н. Базылхан

фото және видео түсіру үшін дрон құралы қолданылды. Қазбадан табылған жануар сүйектеріне радиокарбондық сараптама жүргізілді. Көне түрік, соғды, брахми жазуларын оқу үшін археографикалық салыстырмалы әдістер пайдаланылды.

Теориялық және әдістемелік негіздердің бірі – тақырыпқа сай ғылыми монографиялар мен жекелеген мақалаларды да назардан тыс қалдырмай, салыстыра отырып, сараптама жасалды. Зерттеу жұмысына түрік тарихын бейнелейтін археологиялық ескерткіштерді, көне түрік бітік жазуларды және басқа жазба деректерді тілдік, тарихи және саяси-этникалық тұрғыда кешенді зерттеу үшін пәнаралық әдістер қолданылды.

2.2 Материал сипаттамасы (Энхтөр А.)

Номгон алқабында көне түрік дәуірінің тоғыз ғұрыптық кешені орналасқан. Кешендер орналасқан алқаптың солтүстігін Хөгнө Тарни, оңтүстігін Их (үлкен) Номгон, солтүстік-батысын Бага (кіші) Номгон таулары айнала қоршап жатыр (2-сур.). Осы таудың оңтүстігінде батыстан шығысқа қарай бірнеше шақырым «Элсэн тасархай» (Құм үзінділері) деп аталатын таза құм төбешіктері түзілген. Осы құмдардың оңтүстігімен Тарна өзені ағып жатыр.

Номгон-1 ғұрыптық кешені – іргелес жатқан кешендерден оңтүстік-шығысқа қарай орналасқан. Кешенде басы мен қолы сынған, белдігі мен оқшантайы анық бейнеленген, малдас құрып отырған билік иесі тасмүсіні бар. Кешенде ор мен төртбұрыш пішінді топырақ үйіндісі анық байқалады. Балбалдар тізбегі болған, алайда көбі жоғалған.

Номгон-2 ғұрыптық кешені. Номгон-1 кешенінен солтүстікке қарай 500 м жерде орналасқан. Кешеннің үйінді топырақтары анық байқалады. Кешен орта тұсында ұңғылы текшетас, қойтас, екі дана жалпақ тас, балбалдар тізбегі бар.

2-сур. Номгон-1. Ғұрыптық кешендегі бәдіз-тасмүсін мен балбал, 2018 ж. Сурет А. Энхтөр
Fig. 2. Nomgon-1. Stone statue and balbal of the memorial complex. 2018. Photo by A. Enkhtur
Рис. 2. Номгон-1. Каменное изваяние и балбал поминального комплекса, 2018 г. Фото А. Энхтөр

Номгон-3 ғұрыптық кешені. Номгон-2 кешенінен батыс солтүстікке қарай 350 м жерде орналасқан. Кешенде екі тас қапталды барық (ғұрыптық жоралғылар атқаратын ғибадатхана) анық байқалады.

Номгон-4 ғұрыптық кешені. Номгон-3 кешенінен батыс солтүстікке қарай 200 м жерде орналасқан. Кешен біршама дөңестеу келген топырақты аласа қамалды келеді. Онда тас қапталды екі барық, екі тасмүсін, бір арыстан тасмүсін және бір балбал тас бар.

Номгон-5 ғұрыптық кешені. Номгон-4 кешенінен батыс солтүстікке қарай 500 м жерде орналасқан. Кешенде екі тас қапталды барық және шығысқа бағытталған балбалдар тізбегі бар.

Номгон-6 ғұрыптық кешені. Номгон-5 кешенінен батыс солтүстікке қарай 400 м жерде орналасқан. Кешенде тас қапталды бір барық бар.

Номгон-7 ғұрыптық кешені. Номгон-6 кешенінен батыс солтүстікке қарай 500 м жерде орналасқан. Кешенде екі тас мүсін мен екі арыстан мүсінінің сынықтары сақталған. Бұл кешеннен солтүстік шығысқа қарай 62 м қашықтықта тағы да екі адам тас мүсіні, үш тас ескерткіш, бір барық сақталған.

Номгон-8 ғұрыптық кешені. Аталмыш жазықтағы Номгон-7 кешенінен батыс солтүстікке қарай 1,2 км жерде орналасқан. Бұл жердегі тас ескерткіштер жер бетінде ашық жатыр. Екі тас мүсін, бір арыстан бейнелі тас бар.

Номгон-9 кешені. Номгон-8 кешенінен солтүстікке қарай 3,2 км жерде, Бага Номгон тауының биіктеу келген төбесінде жалпақ тастардан үйінді етіп тұрғызылған.

3 Нәтижелер (*Қыдырәлі Д., Энхтөр А., Базылхан Н., Бөгенбаев Н., Буянхишиг Ц., Батболд Г.*)

Археологиялық қазба жұмыстары жүргізілгенге дейін ғұрыптық кешен құрамында адам, қошқартас мүсіндері сақталғаны белгілі болды. Батыстан шығысқа қарай сопақша болып созылып орналасқан кешеннің жан-жағын ор етіп қазып, топырақтарын үйінді етіп қамал жасаған. Сонымен қатар кешенде кезінде қақпасы мен төбесі жабық ғимарат болғандығы әр жерден шашылып жатқан кірпіш сынықтары мен қыш жабындыларының қалдықтарынан байқалды. Кешеннің батыс жағында ортасында ойық тесігі бар төрт бұрышты үлкен текше тас (алтарь) орналасқан (3-сур.). Кешеннің сыртқы қоршауы айналдыра көк түсті гранит тастан жасалған балбалдармен қоршалған. Әзірге жердің бетінде жатқан балбалдардың саны 11 дана. Ал, ғұрыптық кешеннің қақпасынан шығысқа қарай 48 балбал тізіле орналасқан. Барлық балбалдар құлаған қалпында жатыр. Кейбір балбалдар жерге көміліп, сынған, кейбіреулерінің шеті ғана көрінеді. Осы аталған балбалдардың екеуінде «ешір» [Мөнхтулга 2019: 633–637] («ашина») қаған әулеті таңбасы бейнеленгені 2019 ж. анықталды.

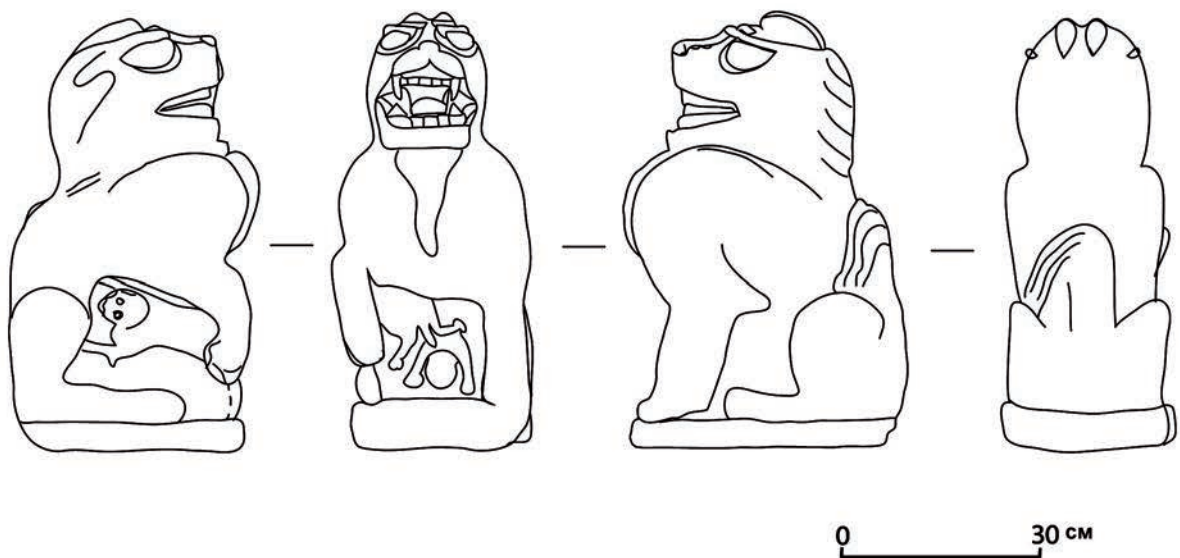

3-сур. Номгон-2. Алтарь тас. 2019 ж. Сурет Н. Базылхандікі
Fig. 3. Nomgon-2. Sacrificial stone of the complex. 2019. Photo by N. Bazylkhan
Рис. 3. Номгон-2. Жертвенный камень. 2019 г. Фото Н. Базылхан

Сонымен қатар, барық құрылысының керамикалық түрлі әшекейлері мен басқа да артефактілері табылды [Қыдырәлі және т. б. 2019: 80; Цэвээндорж және т. б. 2019: 45].

2019 ж. археологиялық зерттеулер барысында табылған екі аланы бар аталық арыстан (4-сур.). Арыстан екі құлағын артқа қарай жымитып жүрелеп отырған қалпында сомдалған. Арандай ашқан аузынан салақтаған тілі мен ақсиған тістері анық көрінеді. Желмен тербелген кейіптегі үш бұрышты сақалы алқымынан кеудесіне қарай төселген. Көздері бейне бір қорқыныш туғызардай шарасынан шыға бейнеленген. Бауырындағы аланның құлағы, көзі, жалы, құйрығы сәтті бейнеленген. Артқы оң аяғын төмен жазып, сол аяғын алдыға қарай бағыттаған. Құйрығы жон арқасының үстінен күжірейген жалына қарай бағытталған. Мүсінге зер салар болсақ, аузын арандай ашып, тістерін ақсита айбат шегіп тұрған арыстан бейнесі, қандай да бір дүниені (затты) қорғап тұрғанын анық байқауға болады. Арыстанды бейнелеуде шебер монументалды мүсіндеу өнерін биік шыңына жеткізе орындаған. Әлем халықтарының дүниетанымында арыстан «айбатты, күдіретті, күшті» семантикасымен қатар қара күштен, жамандықтан сақтап қорғаушы ретінде қастерлі саналған. Көшпелілерде арыстан бейнесі билік тұлғалардың күдіреті күштілігінің, айбарлы сұстылығының символына айналған. Түрік дәуірінде арыстан бейнесі қағандардың ғұрыптық кешендерінде ғана кездеседі. Бұдан арыстан бейнелеу, оны мүсіндеу қағандық билік иелеріне тән дәстүрлі жоралғы болды.

4-сур. Номгон-2 ғұрыптық кешеніндегі екі аланы бар арыстан мүсіні. 2022 ж. Сурет Ц. Буянхишиг

Fig. 4. Nomgon-2. Statue of a lion with cubs. 2022. Photo by Ts. Buyanhishig

Рис. 4. Номгон-2. Статуя льва со львятами. 2022 г. Фото Ц. Буянхишиг

Қаған тасмүсінінің бас бөлігі. Мүсін басы бозғылт түсті ірі дәнді гранит тасынан жасалынған. Мүсінді бейнелеуші шебер, тұлғаның этникалық, әлеуметтік, жас ерекшелігі белгілері бар нақты образды бейнелеген. Мүсінде орта жастағы ер адамның бейнесі анық байқалады (5-сур.).

5-сур. Номгон-2. Қазба барысында табылған ер адам мүсінінің бас бөлігі. 2022 ж. Сурет Н. Бөгенбаевтікі

Fig. 5. Nomgon-2. Stone head of a man with a headdress. 2022. Photo by N. Bogenbayev

Рис. 5. Номгон-2. Каменная голова мужчины в головном уборе. 2022 г. Фото Н. Бөгенбаева

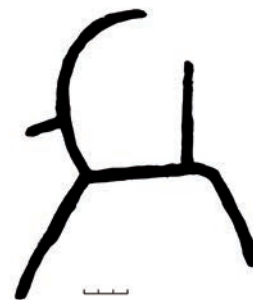
Жалпы анықталған балбалдар саны 51. Олардың қатарындағы бастапқы бес балбал мен № 16 балбалда «ешір» (ашина) қаған әулетінің таңбалары анықталса, № 20 балбалда «ай» тәрізді таңба қашалғаны белгілі болды.

Номгон-2 ғұрыптық кешеніндегі 2022 ж. археологиялық қазбалар¹. 2022 ж. қазба жұмыстары 2019 ж. көмілген секторларды тазалаудан бастау алды. Белгіленген секторларға реттілік бойынша қазба зерттеу жұмыстары жалғастырылды. Археология

Табылған мүсіннің бас бөлігі Күлтегін ескерткішінің бас бөлігіне ұқсас [Jisl 1960: 86–115; Сэр-Оджав 1979: 8] бес сайлы тәжі бар бөрік пішініне ұқсас бас киім үлгісі бейнеленген. Мүсіннің бөлігінің жоғары тұсынан басталған қабағы дөңестене келіп, мұрынға жалғасқан. Мұрны қырлы, ұшы дөңгелене аяқталған. Көздері жұмылған қалпында, беті сопақша болып келіп, иегі жұмырлана біткен.

Балбалдардағы «Ешір» (ашина) қаған әулеті таңбасы. Номгон-2 ғұрыптық кешенінде шығысқа қарай 48 дана балбал тастардың тізбегі анықталған. Осылардың қатарындағы № 1, 15 балбал тастардан «ешір» (ашина) қаған әулетінің таңбалары қашалған (6-сур.).

2022 ж. бірлескен экспедиция жұмыстары барысында бітіктастың тасбақа тұғыры табылған сектордан тағы бір балбал анықталды. Бұл кешен құрамындағы ең үлкен, әрі бірінші қойылған балбал. Балбалда «ешір» (ашина) қаған әулетінің таңбасы қашалған. Осы балбал мен ондағы таңбаның көлемі басқа балбалдарға қарағанда өзінің ірілігімен ерекшеленеді.

6-сур. Қаған әулеті таңбасы. Балбал № 1. 2019 ж. Сурет Н. Базылхандікі

Fig. 6. Kagan tamga. Balbal no. 1. 2019. Photo by N. Bazylkhan

Рис. 6. Каганская тамга. Балбал № 1. 2019 г. Фото Н. Базылхан

¹ Номгон–2022 бірлескен экспедицияның зерттеу тобында Дархан Қыдырәлі, Напил Базылхан, Нұрболат Бөгенбаев, Моңғолия Ғылым академиясының Археология институты Ортағасыр секторы меңгерушісі философия докторы (PhD), профессор Алтангэрэлийн Энхтөр, археологтар Цэрэнхандын Буянхишиг, Гончигийн Батболд, сонымен қатар, Моңғолия университеттерінің тарих факультеті студенттері қатысты. Қазба зерттеулері 2022 ж. 28 шілде – 29 тамыз аралығында 30 күн жүргізілді.

ғылымында қалыптасқан әдістердің бірі – қима қалдыру арқылы барықтың төбесінен құлаған қыш және топырақ үйінділерінің профилі мен мәдени қабаты анықталды. Ол үшін барықтың оң, сол және артқы бөліктерінен қима қалдырылып, фото суреті мен сызбасы алынды.

2022 ж. қазба жұмыстары барысында кешеннің жалпы көлемі, сыртқы шеңбері, қабырғасы, қамалы, қақпасы сынды күрделі архитектуралық құрылымдары анықталды. Кешеннің жалпы көлемі 49×41,5 м аумақты құрайды. Батыстан шығысқа қарай созыла орналасқан кешеннің айналасын ор етіп қазып, топырақтарын үйінді етіп қамал жасағаны белгілі болды. Кешеннің батыс жағында ортасында ойығы бар төрт бұрышты үлкен текше тас «алтарь» бар. Алтарьдың астына іргетас ретінде өлшемі: 160 см, ені 80 см, қалыңдығы 14 см болатын төрт бұрышты тас платформа қойылған.

Сонымен қатар, құрылыстың жоғары тұсынан шашырай құлаған қыш жабындылары (черепица) мен топырақ үйінділері тазартылып, барықтың пішіні мен өлшемі белгіленді (7-сур.). Барықтың қабырғасын топырақтан нығыздап қалап, сыртын әкпен сылаған. Әктің қалдықтары профильдерден анық байқалады. Барықтың төбесін жапқан қыш жабындылар (черепица) таза саздан күйдіру әдісі арқылы өте берік етіп жасалған. Ол үшін сазды ағаш қалыпқа дөңгелек пішінде құйып, қалыптан шыққан соң ортасынан екіге бөлген. Жабындылардың ішкі тұсында қалыпқа салынған матаның іздері анық сақталған. Тұтас сақталған қыш жабынды өлшемінің ұзындығы – 34 см, ені – 13,5 см, қалыңдығы 1,8 см құрайды.

Кешенде бағиқ-барық (ғұрыптық ғибадат орны) болғанын айқындайтын қыш жабындылар мен жаяу жүргінші жолына төселген кірпіштердің қалдықтары анықталды. Барықтың іші тоналғанын

7-сур. Номгон-2. Кешеніндегі археологиялық қазбалар барысының әуеден түсірілімі. Сурет Б. Гончигийн

Fig. 7. Nomgon-2. General view of the memorial complex. Photo by B. Gonçigiin

Рис. 7. Номгон-2. Общий вид поминального комплекса. Фото Б. Гончигийн

сыртқа шығарылып тасталған еден кірпіштерінен анық байқалады. Сәйкесінше, әр жерде кірпіш сынықтары кездесіп отырды. Кірпіштерді жергілікті қиыршық тас пен топырақты араластырып, арнайы қалыпқа салып, күйдіру әдісі арқылы жасаған. Сақталған кірпіш өлшемінің ұзындығы – 33 см, ені – 17,5 см, қалыңдығы 6,8 см құрайды.

Барықтың батыс жағынан қаған бәдіз-тасмүсін табылды. Ол бастапқыда барық ішінде орналасқан болуы мүмкін. Кейін тонаушылар барықты қиратқанда осы тасмүсінді де кешеннің батыс жағына сыртқа шығарып тастауы ықтимал. Қаған малдас құрып отырған кескінде сомдалған. Белінен жоғары жағы сынған, сол қолы тізесінің үстіне қойылған. Жалпы, кешенде алты адам бәдіз-тасмүсіні болған. Екі тасмүсіннің тек төменгі бөлігі сақталған. Олар бастапқы орындарында тұр, қалған тас мүсіндер әртүрлі секторлардан ұсақ бөлшектерге бөлінген күйінде табылды. Қошқар тас мүсіндерінің басы сынған, қалған бөлігі жақсы сақталған. Барлық тас мүсіндер бозғылт түсті ірі дәнді гранит тастан қашалған.

Сонымен қатар, кешеннің батыс жағында ортасында ойығы бар алтарь, адам тасмүсіндері, қасында екі аланы бар арыстан тас мүсіні және екі қошқар тас мүсіні табылды. Жалпы, қазба барысында өңделген дөңгелек тастар мен ағаш қалдықтары, жылқы, қой сүйектері, өртелген құрбандық орындары анықталды. Барлық жаңадан табылған артефактілердің сызба суреттері мен эстампаждары алынып, ғылыми құжаттары жасалды.

Археологиялық қазба барысында өлшемі 70×74,5 см, ені 19 см болатын бітіктастың жоғары тұсы табылды (8-сур.). Сонымен қатар осы бітіктастың тасбақа тұғыры да қазылып алынды (9-сур.). Тасбақа тұғыр шығысқа қараған күйі, яғни бастапқы қалпынан көп айнымаған қалпында сақталған. Тек бас бөлігінің жоғары тұсы сынған. Тасбақа сауытының жоғары тұсында бітіктасты орнату үшін

8-сур. Номгон-2. Бітіктастың II беті. Бітіктастың эстампажына негізделіп салынған сызбасы.
Иллюстрацияны даярлаған Н. Базылхан

Fig. 8. Nomgon-2. Side II of the ancient Turkic inscription.
Drawing based on an estampage copy of the stele. Illustration prepared by N. Bazykhan

Рис. 8. Номгон-2. Сторона II древнетюркской надписи.
Прорисовка на основе эстампажной копии стелы. Иллюстрация подготовлена Н. Базылхан

9-сур. Номгон-2. Қазба барысында табылған бітіктастың тасбақа тұғыры. Сурет Ц. Буянхисиг

Fig. 9. Nomgon-2. Turtle foundation discovered during excavations. Photo by Ts. Buyanhishig

Рис. 9. Номгон-2. Фундамент черепахи, обнаруженный при раскопках. Фото Ц. Буянхисиг

үштен қойылған. Бұл бітіктастағы көне түрік бітік жазулы мәтіннің таңба-әріптері «Чойр», Ел етміш йабғұ («Онгийн»), Күлі-чұр сынды бітіктастардағы көне түрік мәтіннің таңба-әріптеріне ұқсас келеді. Демек, таңба-әріптері графикалық сызықтары мен мәтін жазу стиліне орай ең алғашқы жазба ескерткіштердің бірі деп айтуға әбден болады.

Ал, соғды мәтіні орташа жағдайда сақталған (10-сур.). Брахми жазулы мәтіні тіпті көмескі. Осы ретте, барлық тілде жазылған мәтіндеріндегі сөйлем толық аяқталмағанын алдын ала ескертеміз.

жасалған арнайы қиғаш ойық бар. Тасбақа тұғырдастың өлшемі: ұзындығы 97,5 см, ені 73 см, биіктігі – 41 см.

Бітіктастың әр қырында (шартты түрде қапталы мен қырларын: I–IV деп белгіледік) көне түрік бітік (I, II, IV), соғды (III) және брахми (IV-1) жазулы мәтіндер қашалып жазылған. Алдын-ала зерттеу бойынша, бітіктастың (II) бет тұсының 19 жолының 12-сі жақсы сақталған. Мәтіндегі кейбір әріптер көмескі көрінгендіктен анық оқылмайды. Көне түрік мәтінінде сөз бен сөз тіркестерді ажыратушы нүкте белгісі

10-сур. Номгон-2. Бітіктастың III қырындағы көне соғдыша мәтіні. Сурет А. Энхтәр

Fig. 10. Nomgon-2. Part of the Sogdian inscriptions of the side III. Photo by A. Enkhtar

Рис. 10. Номгон-2. Часть согдийских надписей стороны III. Фото А. Энхтәр

Құтлұқ қаған бітіктасы мәтінінің алғашқы оқылымы
Preliminary reading of the text of the Kutluk Kagan stele
Предварительное прочтение текста стелы Кутлук кагана

Қапталы мен қырлары	жол	Мәтін	Қазақша жаңғыртпасы
I	Көне түрік тіліндегі транскрипциясы		
		?	
		?	
		?	
	...?	?	
II	Көне түрік тіліндегі транскрипциясы		
		ud yil: toquzunč: ay: [y.....]	сыыр жылы: тоғызыншы ай
		[ed?]kim: üčün: üčünčü[k.....]	..кім: үшін: үшінші.....
		almış: Teğri: oylu: [.....]	алған екен: Тәңірі ұлы.....
		[Q]utluy qayan: Türuk [.....]	Құтлұқ қаған : Түрік.....
		Ur oylum: yüz yüz [.....]	ұл балам: жүз жүз.....
		[r]: biziç:öñlög: [sek.....]	Біздің: көрікті.....
		:itdim: [sizi //bizi?]: yater: [.....]	жасадым: бізді жат: ер.....
		yerde: qa[z].. toz.....[.....]	жерде: қаз.....
		tümen: tümen: [.....]	түмен :түмен.....
		atadim: bin[?]biç[bič?]dim [.....]	атадым:..... бiчдiм (кестiм?)...
		isig :küçüg: ber[+.....]	iстi күштi бер....
		es[?] :qop ešti [qopašt?.] ...	ес: көп естiдiк.....
	13-19
III	Көне соғдыша транскрипциясы		
		
		Qutlugx'g'n.....	Құтлұқ қаған
		
		
		
		tti.....	
IV	Көне түрік тіліндегі транскрипциясы		
		?	
		?	
		?	
	...?	?	
IV-1	Көне брахми жазуының транскрипциясы		
	1	?	
	2	?	
	3	?	
	...?	?	

4 Талқылаулар (Қыдырәлі Д., Энхтөр А., Базылхан Н.)

Құтлық Елтеріс қаған Түрік қағандығын қайта өрлетіп, батыста Темір қапығ (қақпа), шығыста Бөклі (Корей) түбегіне дейінгі аралықта қуатты империя құрған ұлы билеуші. Ол билік еткен жылдары сыртқы жауларына 47 рет жорық жасап, ірі шайқастарда әскерді өзі бастап, жеңістерге жеткен даңқты қолбасшы. Оның «Құтлұқ» деген лауазымы 682 ж. бастап қолданыла бастаған және одан ілгері қағандарда мұндай лауазым түрі кездеспейді. Сонымен қатар, мәтініндегі «**ud yil: toquzunč: ay**>сиыр жылы, тоғызыншы ай» деген мәтін үзіндісі б.д. 676–677, 688–689, 701–702 жж. бірін меңзейді. Әсіресе мәтіндегі 676–689 жж. Құтлық қағанның тарих сахнасына шыққан уақытымен тұспа-тұс келеді. Дегенмен, алдағы қазба жұмыстары барысында бітіктастың төменгі сынық тұсы табылса тарихи оқиғалардың мерзімдері толыққанды нақтылана түседі деп ойлаймыз.

Көне түрік бітік жазба ескерткіштерінде Құтлық қаған «**Elteriš qaγan**>Елтеріс қаған» деген атақпен белгілі. Ол 682–692 жж. табғаштарға қарсы күресте жеңіске жетіп, апа тархан Тонықұқ пен Құтлық қағанның туған інілері Қапаған, Ел Етміш йабғұ сынды баһадүрлермен он жылға жуық барлық көшпелі халықтарды бір тудың астына біріктіріп, Түрік қағандығын қайта жаңғыртып, елді теріп (жинап), мемлекеттің іргесін бекітеді. Ол туралы Күлтегін бітіктас жазуында былай деп жырланады: «Әкем қаған он жеті ер-батыр жинапты. (Олар) тыста жортуылда жүр дегенді бәрі есітіп, қаладағылар жиналды. Таудағылар сонда барып қосылды. Жиналып жетпіс ер батыр болды». Осылайша Құтлық қаған артына ерген халқымен азаттық күресін жүргізіп, Тәңірі қолдап халқына азаттық әпереді. Орхон ескерткішінде бұл жайлы: «Түрік Тәңірісі, Түріктің киелі Жер-Суы былай депті: Түрік халқы жойылмасын деп, ел болсын деп әкем Елтеріс қағанды, анам Ел-білге қатұнды Тәңірі төбесіне тұтып, жоғары көтеріпті» деп баяндалады.

Жалпы, Құтлық Елтеріс қаған жайында бұрын анықталған көне түрік жазба ескерткіштерінде де мәліметтер сақталған. Мәселен, «Чойр» бәдізіндегі мәтінде (3-жол): «*Elteriš qaγanqa qoñ yil üčünč ay jeti-qa adirilimiz* – Елтеріс қағаннан қой жылы үшінші ай жетісінде айырылды» деп баяндалады. Ел етміш йабғұ бітіктасы мәтінінде (11-жол): «*Elteris: qaγanqa: adirilmaduq: yañilmaduq: Teñiri: bilge: qaγanta: adirilmalim: azmalim: tejin: anča: ötledim: keri: barıyma: bardı: bilge: qaγanin: budunı: ...bardı: ülügen atqa: esig: küčüg: berti: -* Елтеріс қағаннан айырылады, жаңылмадық, Тәңірі білікті қағаннан айырмасын, азбайық деп сонша өтіндік. Кері барып қосылдық... Білікті қағанның халқы... барды. Үлесті атаққа ісімізді, күшімізді бердік» деген мәтіндер сақталған. Тонықұқ бітіктасы мәтінінде (6–7- жол): *Bilge: Tuñıuq: Boyla Baya Tarqan: birle: Elteris qaγan: bolıyu: berıye: Tabıačıy: öñre: Qıtañıy: yırıya Oyuzıy: üküš ök: ölürti: bilgisi: čabısi: ben ök: ertim: Čıyay qızıñin: Qara Qumıy: olurur: ertimez: -* Білге Тонықұқ бойла баға тарханмен бірге Елтеріс қаған болып, оң жаққа Табғашты, ілгері Қығанды, сол жаққа Оғызды барлығын жаулады. Біліктісі, сөз шешені мен өзім болдым. Шығайқұздың Қара құмында отырған едік», (50-жол) «*Elteris qaγanqa: ...üčdi: Türik Böğü qaγanqa: Türik Bilge qaγanqa: ...* - Елтеріс қағаннан...ұшты (қайтыс болды), Түрік Бөгү қағаннан, Түрік Білген қағаннан...», (61-жолда) «*Elteris qaγan: Bilge Tuñıuq-ıq: qazıantıq üčün: Qaraγan qaγan: Türik Esir budun: yorıdıqı bu* – Елтеріс қаған, Білге Тонықұқ иемденгені үшін, Қапаған қаған, Түрік Ешір халқы жорытқаны бұл...» деп, Құтлық Елтеріс қаған қатысқан барлық тарихи оқиғалар жазылған [Базылхан 2005: 252; Қыдырәлі, Базылхан 2020: 125; 2022].

Ал, қытай деректерінде Құтлұқ қағанды: «... ашина Сели (Сері) қаған әулетінің Гудуло...тоз тоз болған елдің басын қайта қосып, Цзунцай (Хангай) тауына барып шоғырланды және Хэйша (Қарақұм) қаласында билік жүргізді. Қол астында 5000 адамы болды... Сөйтіп ол біраз күш жинаған соң өзін «қаған» деп атады да, інісі Мочоға (Қапаған) «шад», Досуфуга «ябғұ» лауазымын

тағайындады. ...Гудолуға ақылшы болды. Гудолу оны (Тонықұқ) «ана тархан» етіп тағайындап, әскерін түгел соған басқартты...» деп сипаттайды. Осы деректерге сүйене отырып, Құтлық қағанның «Елтеріс» деген қағандық атауы оның даңқы ел-жұртқа кеңінен таралып, қастерлеп, құрметтеуден пайда болған деуге негіз бар.

5 Қорытынды (Энхтөр А., Базылхан Н.)

Елтеріс Құтлыққа арналған бұл бітіктас «**Türük**>Түрік» атауы алғаш рет таңбаланған әрі Орхон ескерткіштері сынды мемлекеттік деңгейдегі аса маңызды жазба ескерткіштердің бірі саналады. Археологиялық қазба зерттеулерінің нәтижелеріне сүйене отырып әрі қазба барысында табылған көне түрік, соғды, брахми жазулы бітіктастың мәтініне негіздей келе Номгон-2 ғұрыптық кешені (*шартты түрде*-екінші) Түрік қағандығын қайта дәуірлеткен әйгілі Елтеріс Құтлық қағанға арналған деп алдын-ала тұжырымдауға болады. Атап айтқанда, VII–VIII ғғ. салтанат құрған Шығыс Түрік қағандығы дәуіріне тиесілі. Қазба барысында табылған жануар сүйектері радиокарбондық талдау жасау үшін лабораториялық зерттеулерге жіберілді. Алдағы мерзімде радиокарбондық талдау нәтижесіне орай ескерткіштің нақты мерзімі айқындалады.

Бұл ғұрыптық кешен барлық белгілері жағынан Білге қаған мен Күлтегін ғұрыптық кешендеріне ұқсас. Құтлық қаған бітіктасының жоғарғы тұсында төмен қарап жотасын көтеріп тұрған екі бөрі бейнесі қашалған. Дәл осындай қағандық атрибутикалардың – қасқыр (*aydahaр ispetmi денелі*) бөрі сюжетінің Таспар қаған, Білге, Күлтегін және басқа ескерткіштерінің жоғарғы тұсында қашалғаны белгілі [Шивээт улаан... 2018: 272].

Қағандардың құрметіне орнатылған мұндай ғұрыптық кешендер көне түрік қоғамында әуелде киелі жер ретінде қастерленіп, «барық» деп аталды. Расында, ғұрыптық кешендер орнатылған жерлер қаған иелігіне айналып, арнайы қорғалып отырған. Қазір де жергілікті тұрғындар бұл жерлерді киелі орын ретінде құрметтеп, көздің қарашығындай сақтап отыр. Алдағы уақытта Номгон-2 ғұрыптық кешенінің архитектуралық құрылымы мен табылған артефактілеріне талдау, жаңғыртпа жасау, реставрациялау жұмыстары жалғастырылады.

ӘДЕБИЕТ

- 1 Базылхан Н. Көне түрік бітіктастары мен ескерткіштері (Орхон, Енисей, Талас) // Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. II-том. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 252 +144 б.
- 2 Баяр Д. Новые находки археологических памятников древних тюрков в Монголии // Uluslararası Zeki Velidi TOĞAN ve Türk Kültürü Sempozyumu (Ekim, 13–15, 2010) / Editör. İsenbike Toğan. Afyonkarahisar: Afyon Kocatepe Üniversitesi, 2010. S. 25-35.
- 3 Баяр Д. Монголын дундад зууны археологийн судалгаа. Бүтээлийн эмхтгэл. III боть (Моңғолиядағы ортағасырлық археологиялық зерттеулер. Шығармалар жинағы. III том) (2004–2010 он) / Эрхэлсэн Д. Цэвээндорж, эмхтгэж хэвлэлд бэлдсэн Р. Мөнхтулга. Улаанбаатар: «Удам соёл» хэвлэлийн компани, 2014. X. 106-112.
- 4 Қыдырәлі Д. (бас ред.), Базылхан Н. (жауапты ред.). Тонықұқ. Бітіктасы мәтіннің аудармалары: эзербайжан, қазақ, қырғыз, түрк, тыва, моңғол, мажар, неміс, орыс, ағылшын, француз, қытай тілдерінде. Халықаралық Түркі академиясы: «Ғылым» баспасы, 2020. 125 б.
- 5 Қыдырәлі Д. (бас ред.), Базылхан Н. (жауапты ред.). Kültegin. Бітіктасы мәтіннің аудармалары: эзербайжан, қазақ, қырғыз, түрк, татар, тыва, моңғол, мажар, неміс, орыс, ағылшын, француз, корей, қытай тілдерінде. Халықаралық Түркі академиясы: «Ғылым» баспасы, 2022. 368 б.
- 6 Қыдырәлі Д., Цэвээндорж Д., Энхтөр А., Базылхан Н., Далантай С., Бөгенбаев Н., Буянхишиг Ц. «Номгон–2019» бірлескен экспедициясы археологиялық қазба зерттеулерінің ғылыми есебі. Астана: Халықаралық Түркі академиясы; Моңғолия Тарих, археология институты, 2019. 80 б. (қазақша, моңғолша).

- 7 Қыдырәлі Д., Энхтөр А., Базылхан Н., Бөгенбаев Н., Буянхишиг Ц., Батболд Г. «Номгон–2022» бірлескен экспедициясы археологиялық қазба зерттеулерінің алдын-ала ғылыми есебі. Астана: Халықаралық Түркі академиясы, Моңғолия Археология институты, 2022. 50 б. (қазақша, моңғолша).
- 8 Мөнхтулга Р. Тоньюкукийн гэрэлт хөшөөний бичээсийн ашиг хэмээх нэрийн тухай (Тоньқұқ бітіктасы мәтіндегі ашиг деген атау жайында) // Ази судлал. Олон улсын эрдэм шинжилгээний тавдугаар хурал (Азия зерттеу. Халықаралық ғылыми 5-конференция). Ulaanbaatar, 2019. Vol. V. 633-637.
- 9 Очир А., Одбаатар Ц., Эрдэнэболд Л., Анхбаяр Б. Номгоны түрэг дурсгалууд (Номгондағы түрік ескерткіштері) // Nomadic Studies. Нүүдэл судл. Уаанбаатар, 2009. 35-47.
- 10 Сэр-Оджав Н. Хүл Тегиний булшнаас олсон хүн чулууны толгой (Күлтегин кабірінен табылған тасмүсіннің басы) // Studia Archaeologica. 1979. Tomus I, fasc. 6. 8 т.
- 11 Цэвээндорж Д., Қыдырәлі Д., Энхтөр А., Нанил Б., Далантай С., Бөгенбаев Н., Буянхишиг Ц. Монгол улс-Олон улсын Түрэг академийн хамтарсан «Номгон» төслийн 2019 оны хээрийн шинжилгээний ажлын тайлан (Моңғолия-Халықаралық Түркі академиясы «Номгон» бірлескен жобасының далалық ғылыми зерттеулердің есебі). Улаанбаатар, 2019. 45 х.
- 12 Шивээт улаан көне түрік ғұрыптық кешені. Археологиялық зерттеудің фотоальбомы. Астана: «Ғылым» баспасы, 2018. 272 б.
- 13 Энхбат Г., Анхсанаа Г., Даваацэрэн Б. Монгол нутаг дахь түүх, соёлын үл хөдлөх дурсгал (Моңғолия жеріндегі тарихи-мәдени жылжымайтын ескерткіштер) // Historical and Cultural Immovable Properties in Mongolia. VIII дэвтэр. Архангай аймаг. Улаанбаатар: «Edition», Соёлын өвийн төв, 2012. 40-41.
- 14 Энхбат Г., Анхсанаа Г., Даваацэрэн Б. Монгол нутаг дахь түүх, соёлын үл хөдлөх дурсгал (Моңғолия жеріндегі тарихи-мәдени жылжымайтын ескерткіштер) // Historical and Cultural Immovable Properties in Mongolia. X дэвтэр. Архангай аймаг. Улаанбаатар. Соёлын өвийн төв, 2013. 86 х.
- 15 Энхтөр А. Номгоны хөндий дэх эртний түрэгийн онгон цогцолборууд (Номгон жазығындағы көне түрік ғұрыптық кешендері). Улаанбаатар. Археологический хүрээлэнгийн гар бичмэлийн сан хөмрөг. 2001 он. 25 х.
- 16 Bayar D. Moğolstanda Eski türklere ait yeni arkeolojik buluntular // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğiti Dergisi Sayı. 2012. 1/1. S. 6-25.
- 17 Jisl L. Vyzkum Külteginova pamatnfku v Mongolske (Monument Kultegin of the Mongolian) // Journal of Archaeologicke Rozhledy. 1960. 12-1. P. 86-115.

REFERENCES

- 1 Bazylkhan, N. 2005. In: *Kazakstan tarihy turaly turki derektemeleri (Turkic sources about the history of Kazakhstan)*. Almaty: “Daik-Press” Publ. (in Kazakh).
- 2 Bayar, D. 2010. In: İsenbike Toğan (ed.). *Uluslararası Zeki Velidi TOĞAN ve Türk Kültürü Sempozyumu*. Afyonkarahisar: Afyon Kocatepe Üniversitesi, 25-35 (in Russian).
- 3 Bayar, D. 2014. In: Tseveendorj, D., Munkhtulga, R. (eds.). *Medieval archaeological research in Mongolia. Collection of works. Volume III (2004-2010)*. Ulaanbaatar: “Udam Kultur” Publ., 106-112 (in Mongolian).
- 4 Kydyraly, D., Bazylkhan, N. (eds.). 2020. *Tonykuk. Bitiktasy matinnin audarmalary: azerbaijan, kazak, kyrgyz, turk, tyva, mongol, mazhar, nemis, orys, agylshyn, frantsuz, kytai tilderinde (Tonykuk. Translations of the original text: Azerbaijan, Kazakh, Kyrgyz, Turkish, Taisha, Mongolian, Hungarian, German, Russian, English, French, Chinese)*. International Turkish Academy: “Gylım” Publ.
- 5 Kydyraly, D., Bazylkhan, N. (eds.). 2022. *Kültegin. Bitiktasy matinnin audarmalary: azerbaijan, kazak, kyrgyz, turk, tatar, tyva, mongol, mazhar, nemis, orys, agylshyn, frantsuz, korej, kytay tilderinde (Kultegin. Translations of the original text: Azerbaijani, Kazakh, Kyrgyz, Turkish, Tatar, Tyva, Mongolian, Hungarian, German, Russian, English, French, Korean, Chinese)*. International Turkish Academy: “Gylım” Publ.
- 6 Kydyraly, D., Tseveendorj, D., Enkhtor, A., Bazylkhan, N., Dalantay, S., Bogenbayev, N., Buyankhishig, Ts. 2019. “Nomgon–2019” birlesken ekspeditsiyasy arheologiyalyk kazba zertteulerinin gylimi esebi (Scientific report of archaeological excavations of the “Nomgon-2019” joint expedition). Astana: International Turkish Academy, Mongolian Institute of History, Archaeology (in Kazakh and in Mongolian).
- 7 Kydyraly, D., Enkhtor, A., Bazylkhan, N., Bogenbayev, N., Buyankhishig, C., Batbold, G. 2022. “Nomgon–2022” birlesken ekspeditsiyasy arheologiyalyk kazba zertteulerinin aldyn-ala gylimi esebi (Preliminary scientific

- report of archaeological excavations of the joint expedition “Nomgon-2022”*). Astana: International Turkish Academy; Mongolian Institute of Archaeology (in Kazakh and in Mongolian).
- 8 Monkhtulga, R. 2019. About the name āšir in the Tonyukuk Inscription In: *Asian studies. 5th International academic conference*. Ulaanbaatar (in Mongolian).
- 9 Ochir, A., Odbaatar, Ts., Erdenebold, L., Ankhbayar, B. 2009. In: *Nomadic Studies*, 35-47 (in Mongolian).
- 10 Ser-Odjav, N. 1979. In: *Studia Archaeologica*, I, fasc. 6, 8 (in Mongolian).
- 11 Tseveendorj, D., Kydyraly, D., Enkhtor, A., Bazylkhan, N., Dalantai, S., Bogenbayev, N., Buyankhishig, Ts. 2019. *Mongol uls-Olon ulsyn Tureg akademijn hamtarsan “Nomgon” toslijn 2019 ony heerijn shinzhilgeenij azhlyn tajlan (2019 Field Analysis Report of the Joint Mongolia-International Turkic Academy “Nomgon” Project)*. Ulaanbaatar (in Mongolian).
- 12 Shiveet ulaan kone turik guryptyk kesheni. 2018. Arheologiyalyk zertteudin fotoalbomy (*Shiveet ulaan ancient Turkish ritual complex. Photo album of archaeological research*). Astana: International Turkish Academy (in Kazakh and in Mongolian).
- 13 Enkhbat, G., Davaatseren, B., Bold, R. 2012. In: *Historical and Cultural Immovable Properties in Mongolia*. VIII. Arhangay province. Ulaanbaatar: “Edition” Publ., 40-41 (in Mongolian).
- 14 Enkhbat, G., Ankhsanaa, G., Davaatseren, B. 2013. Historical and Cultural Immovable Properties in Mongolia. X. Arkhangai province. Ulaanbaatar (in Mongolian).
- 15 Enkhtör, A. 2001. *Nomgony hondij dekh ertnij turegijn ongon cogcolboruud (Ancient Turkic virgin complexes in Nomgon valley. Manuscript Collection of the Institute of Archaeology)*. Ulaanbaatar (in Mongolian).
- 16 Bayar, D. 2012. In: *International Journal of Turkish Literature, Culture and Education*, 1/1, 6-25 (in Turkish).
- 17 Jisl, L. 1960. In: *Journal of Archaeologicke Rozhledy*, 12-1, 86-115 (in Hungarian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 25.01.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 02.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.02.2023.

Objects of the Nestorian cult from Talas and Shu Valleys

© 2023 Akymbek E., Zheleznyakov B.

Keywords: archaeology, artifact, Taraz, Shu valley, pectoral cross, Nestorianism, early Middle Ages, Karakhanid Khaganate, hillfort

Түйін сөздер: археология, артефакт, Тараз, Шу өңірі, крест алқа, несториандық, ерте орта ғасырлар, Қарахан қағанаты, қала

Ключевые слова: археология, артефакт, Тараз, Шуская долина, нательный крест, несторианство, раннее средневековье, Караханидский каганат, городище

Yeraly Akymbek¹, Boris Zheleznyakov^{1*}

¹PhD, Leader researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: eraly_a@mail.ru

^{1*}Corresponding author, PhD, Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: boriszheleznyakov@mail.ru

Abstract. The article for the first time introduces artifacts found on early medieval settlements – Taraz, Aktobe, Kysmyshy, with Christian symbols. The study of Nestorianism in the region has been going on for more than a century, in many ways, interest in the historical past of the region arose due to the massive finds of tombstones with images of crosses and Turkic-Syrian inscriptions. On the threshold of the arrival and consolidation of Islam at the turn of the 9th–10th centuries, a competitive environment of multiculturalism was created on this segment of the Great Silk Road. Christianity was just one of many world religions to which a part of the urban population related. A wave of Christian migrants arrived in the region in the 13th–14th centuries, this time from the East, and can be clearly traced by gravestones from necropolises, much fewer than the number of body crosses – pendants from burials. The topic remains extremely relevant due to a new wave of interest, new finds at the Ilibalyk settlement in the Ile Valley in recent years. While the history of the Nestorian patriarchate, metropolia and large dioceses is well known, then individual artifacts are still revealing the history of Nestorianism of the Shu-Talas interfluvium fragmentally, even for the stage of the relative flourishing of Christian culture in the 8th–11th centuries. Artifacts are: ornamented parts of a glazed ceramic lamp, a cross and a relatively large cup-shaped vessel with impressions of equi-pointed crosses complement a fairly solid list of archaeological and accidental finds from the region that bore the legendary name of the country “Argu”.

Funding source: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2022–2024, project IRN AP14871082.

For citation: Akymbek, Ye., Zheleznyakov, B. 2023. Objects of the Nestorian cult from Talas and Shu Valleys. *Kazakhstan Archeology*, 1 (19), 84–98. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.84.98](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.84.98)

Ералы Шардарбекұлы Ақымбек¹,
Борис Анатольевич Железняков^{1*}

¹PhD, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, Алматы, Қазақстан

^{1*}корреспондент авторы, PhD, аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, Алматы, Қазақстан

Талас пен Шу өңірлерінен табылған
несториандық культтік заттар

Ералы Шардарбекұлы Ақымбек¹,
Борис Анатольевич Железняков^{1*}

¹PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан
^{1*}автор-корреспондент, PhD, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

Предметы несторианского культа
из Таласской и Шуской долин

Аннотация. Алғаш рет жарияланып отырған христиандық символикасы бар артефактілер соңғы жылдары Тараз, Шу өңіріндегі Ақтөбе мен Қысмышы сияқты ерте ортағасырлық қалалардан табылды. Аймақтағы несториандықты зерттеу ғасырдан астам уақытқа созылса да, көп жағдайда өңірдің тарихи өткеніне деген қызығушылық крест бейнелері мен түркі-сирия жазулары бар қабір үсті тастардың жаппай табылуына байланысты туындады. Ұлы Жібек жолының осы бөлігінде исламның IX–X ғғ. шегіне келуі және орнығуы қарсаңында мультимәдениеттіліктің бәсекелі ортасы қалыптасты. Христиандық көптеген әлемдік діндердің бірі болғандықтан, оған қала халқының бір бөлігінің қатысы болды. Аймаққа христиан-мигранттар толқыны XIII–XIV ғғ. шығыстан келе бастады, бұл қорымдардың қабір үсті тастарынан, аз мөлшерде жерлеу орындарынан табылған кресттерден анық байқалады. Тақырып ерекше қызығушылық тудырады, бұл соңғы жылдары Іле алқабындағы Ілебалық қаласынан табылған жаңа заттардың арқасында өзекті болып отыр. Егер несториандық патриархияның, митрополияның және ірі епархиялардың тарихы жақсы белгілі болса, онда біздің аймақтағы несториан тарихы VIII–XI ғғ. христиан мәдениетінің салыстырмалы гүлдену кезеңі үшін де жеке артефакттар бойынша біртіндеп анықталып келеді. Артефакттар: сырлы қыш шырақтың ою-өрнегі, крест алқа және салыстырмалы түрде тең бұрышты крест бедері бар үлкен кубок тәрізді ыдыс ежелгі дәуірден бері байланыс ретінде қызмет етіп келе жатқан, аты аңызға айналған «Арғу» елі аймағының археологиялық және кездейсоқ табылыстарының айтарлықтай тізімін толықтырады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2022–2024 жж. гранттық қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН АР14871082 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Ақымбек Е., Железняков В. Талас пен Шу өңірлерінен табылған несториандық культтік заттар. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 1 (19). 84–98-бб. (Ағылшынша). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.84.98](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.84.98)

Аннотация. В статье впервые в научный оборот вводятся артефакты, обнаруженные на раннесредневековых городищах – Тараз, Актөбе, Кысмыши, с христианской символикой. Изучение несторианства в регионе длится уже более века, во многом интерес к историческому прошлому региона возник из-за массовых находок надгробных камней с изображениями крестов и тюрко-сирийских надписей. На пороге прихода и закрепления ислама на рубеже IX–X вв. на этом отрезке Великого Шелкового пути была создана конкурентная среда мультикультурализма. Христианство было лишь одной из многих мировых религий, к которой имела отношение часть городского населения. Волна мигрантов-христиан прибывает в регион в XIII–XIV вв. уже с Востока, что отчетливо прослеживается по надгробным камням с некрополя и значительно меньшему числу нательных крестиков, выявленных в захоронениях. Тема остается крайне актуальной благодаря новой волне интереса, новым находкам на городище Илибалык в Илейской долине в последние годы. Если история несторианской патриархии, митрополии и крупных епархий достаточно хорошо известна, то история несторианства Шу-Таласского междуречья пока открывается фрагментарно по отдельным артефактам даже для этапа относительного расцвета христианской культуры в VIII–XI вв. Артефакты: орнаментированная часть глазурованного керамического светильника, нательный крест и относительно крупный кубковидный сосуд с оттисками равноконечных крестов дополняют достаточно солидный список археологических и случайных находок из региона, носившего легендарное название страны «Арғу».

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2024, ИРН проекта АР14871082.

Для цитирования: Ақымбек Е.Ш., Железняков В.А. Предметы несторианского культа из Таласской и Шуской долин. *Археология Казахстана*. 2023. № 1 (19). С. 84–98 (на англ. яз.). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.84.98](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.84.98)

1 Introduction (*Akymbek Ye., Zheleznyakov V.*)

The history of medieval Eastern Christianity in Central Asia, its reconstruction based on individual finds – objects of worship and everyday life with Christian symbols and cult monuments from Central Asia, East Turkestan, is given considerable attention by representatives of the international scientific community. New sources significantly detail the possibilities for reconstructing the history of Nestorianism: chronology, periodization. The history of Eastern Christianity remained completely unknown to the scientific world until 1625, when a grandiose stele of black marble with a small image of an equilateral cross on a bas-relief with complex symbols around was excavated during land works in Xi'an. The monument dates back to

781. The inscription contains detailed information from the moment of the arrival of Monk Alopen with a mission to the Heavenly Empire, a description of the main acts of the church over 150 years of further preaching [Keevak 2008: 5]. This was the first sensational find associated with Eastern Christianity.

The history of Christianity is largely reconstructed from historical sources. Among many researchers, Alphonse Mingana, a native of Iraq, stands out, a Catholic who collected [acquired] manuscripts in the Middle East. He collected more than 900 Syriac and Arabic manuscripts [Mingana 1925]. The serial material was given by the excavations of monuments, necropolises located in Inner Mongolia, in the country of “Onguds”. Throughout the 20th century, artifacts came from there to private collections and museums: stone tombstone steles, body pendants with mixed Christian-pagan symbols [Tjalling 2008: 111–157]. To date, available information has been collected and studied on the monuments of Olon Sume, Ulan Baising, Boro Baising, Mukhor Suburgan, Derriseng Hutug and others [Tjalling 2008: 133–157]. The typology of all monuments was made as follows: Turkic rock (kurgan) burials with Nestorian steles, graves with Nestorian steles, Nestorian horizontal gravestones, gravestone sculptures on Nestorian monuments, stones with Nestorian symbols, burials in coffins, burials with columns [Tjalling 2008: 159–216]. Thus, the Onguds were able to create a local, predominantly Nestorian culture, which existed for a little more than a century before its inclusion in the empire by Genghis Khan, as well as the active preaching of Catholicism. It is obvious that direct links between the Christians of Shu and Ile and the Onguds of the period of the 12th–14th centuries were established [Железняков 2019].

The fact of the triple rule of Yelü Dashi (the Khitan emperor, the Mongolian Gurkhan, and the Turkic Khan) [Пиков 1989: 55–56] imposed significant features on cultural policy in Central Asia. These and less significant historical factors make up a significant relevance to the research of medieval Christianity, constituting a religious factor in history. The significant similarity of Christianity in Eastern and Central Asia, which is increasingly being established, is determined by the fact of its long existence within the framework of a single state of the Western Liao. One of the most famous patriarchs of the Church of the East, an ethnic Uighur, Mar Yahbalakha III, was the character of many historical studies [Borbone 2020]. He was the patriarch of the Assyrian Church of the East from 1281 to 1317, the history of his ministry was full of many events, including missionary travels from the Near to the Far East. In this regard, the culture of Nestorianism of Talas-Ile before the 12th century and Nestorianism within the Kara-Khitai state of the 12th–13th centuries and the subsequent stage within the Mongol Empire is very difficult to distinguish. The syncretic symbolism of Christians from the Shu Valley or the country of the “Onguds” testifies to the long stay of Christianity in their tradition, the adaptation of teaching, and in particular symbolism. That is, the ties can be traced both within the framework of a single state, through church ties, and through the migrations of peoples that included Christians.

The segment of the way along the Talas and Shu valleys was of strategic importance from the 7th–8th centuries. The historical period, when the Shu River was a tributary of the Syrdarya River was important for the region, fell in the early Middle Ages [Зуев 1995: 43]. The Christianity of Talas and Shu experienced significant waves of upheavals, one of which took place in the second half of the 8th century and was associated with a prolonged outflow of Muslims from the Shash-Taraz region after the victory first over the Chinese corps in 751, and then the Karluks managed to press out the Arabs [Капеев 2000: 212–213]. Thus, the process of Islamization, led by the Arabs, was «put on hold» until the 840s in Southern Kazakhstan and until the turn of the 9th–10th centuries in the Taraz region [Асадов 2011: 214]. Archaeologists who conducted excavations on monuments of urban culture of the 8th–9th centuries note significant traces of destruction and even the cessation of life on a significant number of monuments of urban culture during this period [Смагулов 2004].

At the current stage of the study of Christianity in the region, it is the new artifacts that are becoming important, they complement the symbolism, the chronology of famous monuments. Artifacts identified on new monuments, expand the geography of the spread of Christian churches. A researcher of the archaeology of medieval Taraz T. Senigova discovered several Christian artifacts, although not all of them were published [Железняков 2022]. Thus, a fragment of the icon, discovered by her during excavations, was dated to the 4th–6th centuries according to the stratigraphy of the cultural layer [Сенигова 1968b: 55]. Significant finds include a cross from the necropolis of Kostobe of 7th–8th centuries [Байпаков, Терновая 2018: 12], as well as earlier finds, for example, a jug with a Syrian inscription: «Peter and Gabriel», read and published by A. Borisov [Борисов 1948]. These are the most striking, iconic finds. The enumeration of the finds can be found in the publications of K. Baipakov and G. Ternovaya [Байпаков, Терновая 2018], B. Zheleznyakov [Железняков 2003a]. Recent studies of the necropolis of the Ilanbalyk settlement under the leadership of K. Baipakov, where stones were found installed on the graves of Christians (tombstones), already under the modern surface of the soil [Байпаков и др. 2015], testify to the constant flow of new material with iconography of crosses and Turkic-Syrian epigraphy.

2 Research methods and materials

2.1 Research methodology (*Akymbek Ye., Zheleznyakov B.*)

While writing the article, all the traditional methods of archaeological and historical research were used. Some of the materials were obtained from excavations, the other part are from random finds, for the interpretation of which analytical methods were used. The historical and cultural interpretation of medieval artifacts with religious symbols and cult objects is well developed. Over the years of research, multiple material has been accumulated on Christian artifacts, for example, kayraks. There is a clear shortage of material in certain categories, for example, body crosses, in particular, from the Kazakh part of the Shu Valley. The stage of studying such artifacts, without regard to the duration of the study, can still be considered as the initial one, at which it is necessary to accumulate empirical, factual material, and it is what actually happens. Artifacts with mixed symbols present certain difficulties. One of the main such “mixed” symbols was the cross. It was used in the early Middle Ages by Christians and Manichaeans, and was common among carriers of traditional views: Mazda worshippers and sun worshippers. To one degree or another, it is clearly traced among the bearers of the Turkic tradition. With all the similarity of the symbolism images, the customers of the products took care of the unambiguity of the symbol depicted by their contemporaries. With all the complexity of interpretation, initially defined by Manichaean or Christian subjects, almost never changed their attribution.

2.2 Characteristics of the material (*Akymbek Ye., Zheleznyakov B.*)

This study was conducted on the basis of the interpretation of artifacts – sources on Christianity with appropriate symbols found at three ancient settlements: Taraz, Aktobe and Kysmyshy in the Shu Valley (fig. 1), obtained by archaeologists and discoverers in recent years. Finds: a cross, an ornament on chirag, a belt ornamented with impressions of crosses on a ceramic cup belong to single and therefore unique finds. Gravestones from two Christian necropolises have been known since 1885. Since then, there has been a scrupulous accumulation of information on the entire spiritual culture of the region. To date, at least five Nestorian cemeteries and more than a dozen single finds of kayraks from Taraz to Issyk-Kul, Almalyk and Kayalyk are known [Байпаков, Железняков 2022: 209–214]. Unfortunately, unambiguous evidence of the presence of Christian religious buildings in the region of Southern and South-Eastern Kazakhstan has not yet been found. Therefore, it is these finds related to the Christian cult that are of particular relevance for the region.

Fig. 1. Map of Kazakhstan with designations of monuments of medieval urban culture, from where the published finds originate: 1 – Aktobe; 2 – Kysmyshy. The map was prepared by M. Antonov
1-сур. Жарияланып отырған заттар табылған ортағасырлық қалалық мәдениет ескерткіштері белгіленген Қазақстанның картасы: 1 – Ақтөбе; 2 – Қысмышы. Картаны дайындаған М.А. Антонов
Рис. 1. Карта Казахстана с обозначениями памятников средневековой городской культуры, откуда происходят публикуемые находки: 1 – Актөбе; 2 – Кысмышы. Карту подготовил М.А. Антонов

The first published find is a relief image of a cross on an ornamented fragment (the front part of the handle) of a glazed lamp-chirag¹¹ («heel») from Taraz (fig. 2). Many researchers wrote about the significant diversity of religions and cults in the early Middle Ages in Taraz, in particular about Christianity A. Bernshtam [Бернштам 1941], T. Senigova [Сенигова 1972: 114–122]. Regarding the finds related to Manichaeism, there were also a number of researchers, but it is worth noting that a very small number of finds has not been increasing for a long time [Лурье 2018]. Perhaps in second place after Zoroastrianism, in research on religious topics, attention was paid to Christian finds. Information from historical sources that the structures in which the Nestorian church of Taraz and other cities of the region were located were rebuilt into mosques have good reasons. Obviously, this situation was quite common in the early medieval cities of Southern Kazakhstan with other variants. The publication by B. Zheleznyakov on the findings of the Christian cult from the First Mosque of Taraz [Железняков 2022] complements the picture associated with Nestorianism in the Talas Valley on the eve of the arrival of Islam, changes in many areas with the arrival of Islam. Finds with Christian symbols from the lower layers of the mosque date back to the 9th century [Железняков 2022].

¹¹ Chirag is an oil lamp with a small container for oil in the form of a jug, cup on a pallet.

In 2015, the archaeologist Ye. Akymbek at the excavation, laid in the central part of the settlement of Taraz, conducted by the Turan archaeological expedition under the leadership of M. Eleuov, discovered a fragment of a ceramic, glazed chirag-lamp, handle or “heel”, that is, the part of it on which ornamentation is usually applied.

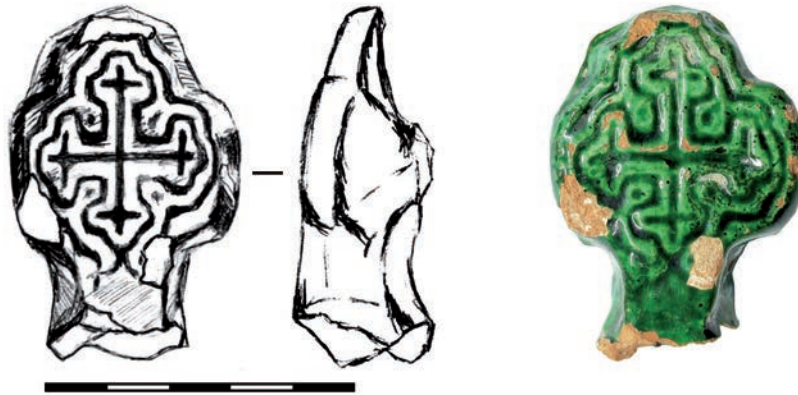

Fig. 2. Drawing and photo of the ornamented “heel” of the lamp with a relief image of the cross.
The settlement of Taraz, 10th – early 11th century

2-сур. Кресттің бедерлі бейнесі бар шырақтың өрнекті «тұтқа үстінің» сызбасы мен фотосуреті.
Тараз қаласы, X–XI ғ. басы

Рис. 2. Прорисовка и фото орнаментированной «пятки» светильника с рельефным изображением креста.
Городище Тараз, X – начало XI в.

On the ornamented surface of the «heel» of this chirag intended for application, a shallow relief was applied with thin straight lines, a slightly elongated vertically (almost) «equi-pointed» cross. Its «elongation» is determined by taking into account the configuration of the proportions of this part of the ceramic product. The cross occupies a central position on the front surface of the chirag handle, the dimensions of the crossbars are 2.7×2.2 cm. On each of the ends of the cross there is a «crossed» ending, the dimensions of the crossbars: 7–8 mm. The relief image of the cross, dimensions: 3.3×2.9 cm, is drawn in a cross-shaped elevation. There is no reason to talk about the possibility of a Manichaean affiliation of this cross, primarily because when Islam penetrated, cults associated with «idolatry» disappeared first. Thus, we can confidently speak about such symbolism of the cross among Nestorians in the early Islamic period.

Equi-pointed cross made of bronze, Aktobe settlement (fig. 4). The cross is equi-pointed bronze with an upper loop, measuring 3×2.6 cm, the thickness in relief is 0.4 cm, the width of the blades is about 0.4 cm, solid, well preserved. The place of the crosshair is slightly emphasized by a relief elevation. The relatively narrow size of the cross, apparently, is not the reason for the lack of symbolism and is most likely due to belonging to the Nestorians. The relatively small size and weight of the product, apparently, indicate that this product is made by local craftsmen, as well as the loop (through hole – from right to left) refer to body crosses or cross-shaped pendants. The fact that in the burials of Christians of the Shu and now the Ile valleys there is a very small number of crosses in Christian graves, including under tombs marked with the sign of the cross, most likely suggests that the crosses were “inherited” or were an optional attribute. It was an accidental find (a certain fisherman named Mikhail, a resident of Almaty) made in 2018 on the surface of the cultural layer on shahristan, east of the citadel (fig. 5). Further, the find was handed over to the researcher of the monument, archaeologist Ye. Akymbek.

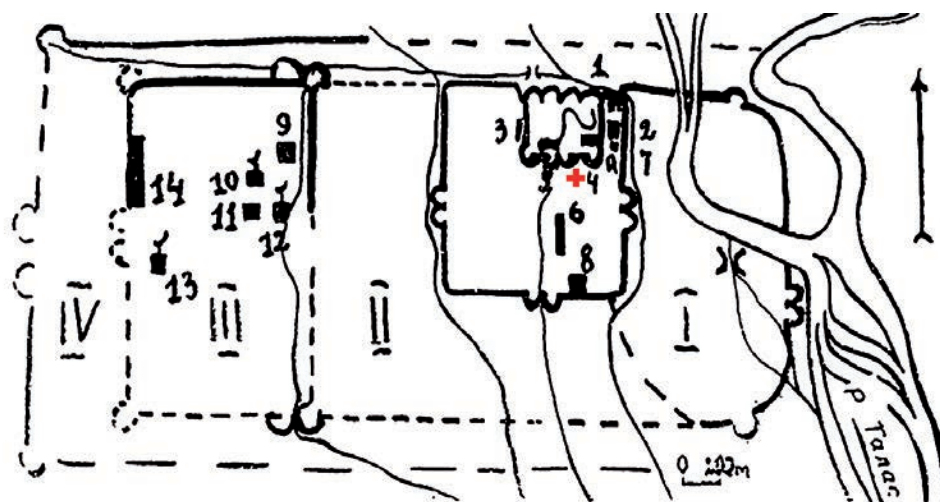

Fig. 3. The plan of the settlement of Taraz with an indication of the position of the excavations laid on its territory, after – Senigova 1972: 25, fig. 1: I–IV – rabads by numbers; 1 – excavation, baths; 2 – excavation 2, stratigraphic; 3–4 – excavations 3 and 4; 4a – excavation 4a; 5 – excavation 5; 6 – excavation 6; 7 – citadel, excavation 1; 8 – shahristan, excavation 1; 9 – rabad III, caravansary, excavation 3; 10 – rabad III, church, excavation 4; 11 – rabad III, feudal lord’s house, excavation II; 12 – Davud Bek Mausoleum, 13th century; 13 – Karakhan Mausoleum, 11th century; 14 – residential complex of citizens, excavation I. The red cross indicates the location of the find

3-сур. Аумағында салынған қазбалардың орындары көрсетілген Тараз қаласының жоспары ([Сенигова 1972: 25, 1-сур.] бойынша): I–IV – рабадтар (саны бойынша); 1 – қазба, монша; 2 – 2-қазба, стратиграфиялық; 3–4 – 3 және 4-қазба жұмыстары; 4a – 4a-қазба; 5 – 5-қазба; 6 – 6-қазба; 7 – цитадель, 1-қазба; 8 – шахристан, 1-қазба; 9 – рабад III, керуен-сарай, 3-қазба; 10 – рабад III, шіркеу, 4-қазба; 11 – рабад III, феодал үйі, II-қазба; 12 – Дәуітбек кесенесі, XIII ғ.; 13 – Қарахан кесенесі, XI ғ.; 14 – қала тұрғындарының тұрғын үй кешені, I-қазба. Қызыл крестпен зат табылған жер көрсетілген

Рис. 3. План городища Тараз с указанием положения заложённых на его территории раскопов (по: [Сенигова 1972: 25, рис. 1]): I–IV – рабады (по номерам); 1 – раскоп, баня; 2 – раскоп 2, стратиграфический; 3–4 – раскопы 3 и 4; 4a – раскоп 4a; 5 – раскоп 5; 6 – раскоп 6; 7 – цитадель, раскоп 1; 8 – шахристан, раскоп 1; 9 – рабад III, караван-сарай, раскоп 3; 10 – рабад III, церковь, раскоп 4; 11 – рабад III, дом феодала, раскоп II; 12 – мавзолей Давуд-бека, XIII в.; 13 – мавзолей Карахана, XI в.; 14 – жилой комплекс горожан, раскоп I. Красным крестиком указано место находки

This is far from the first finding of a cross or an image of a cross on this monument located in the lower part of the Shu Valley [Железняков 2003б: 45]. There are images of equi-pointed crosses on the bricks of a winery from Aktobe [Байпаков 1994: 101]. The history of medieval Christianity in the mountainous part of the Shu Valley was described in detail already in the early 2000s by V. Kolchenko [Кольченко 2002].

The third find is a ceramic cup-shaped two-handed vessel from the settlement of Kysmyshy, with stamps of crosses on the side surface (fig. 6). In 2015, at the settlement, located on the busy early medieval highway of the Great Silk Road, near the right bank of the Shu River, there was an accidental discovery of a ceramic vessel, in the form of a truncated cone with two vertical handles, decorated with relief grooves smoothly diverging upwards (fig. 7). When examining the breakage of the cultural layers of the silo pit (1.5 m below the level of the modern soil surface), dug on the monument several decades ago, Ye. Akymbek

found this cup-shaped vessel, with a volume of over one and a half liters, perfect shapes and an ornamented belt on the body, decorated with relief round stamps with an equi-pointed cross in the center of the impression. The handles are attached under the mouth and in the lower part of the body. Knops are made on top of the handles. Vessel dimensions: the diameter of the bottom is 12.6 cm, 22.6 cm is height, the diameter of the vessel along the mouth is 20.5 cm. The bottom is flat. On the ornamental belt 2.5 cm wide, highlighted by a drawn double line at the top and bottom, the signs of an equilateral cross are stamped. The relief stamp is round in shape, was left undulating (smoothly rising and falling) with dimensions of 0.7–0.8 cm, inside this belt. The possible dating of the accidental find is 8th–10th centuries. Most likely, this symbolism was associated with Nestorian Christianity. It is known that there were several Manichean monasteries between Talas and East Turkestan. A huge layer of literature is devoted to this, which, however, is not yet closely linked with a small number of archaeological evidence from Taraz [Лурье 2018]. L. Kyzlasov found a drawn image of the cross on the funeral jug of Ak-Beshim [Кызласов 2006а] and connected it with Manichaeism, without denying the presence of Christians in the city, partially examining the Nestorian church on this monument [Кызласов 2006б: 322–329]. But there are disproportionately more Christian finds, and most importantly monuments, in the Shu Valley [Кольченко 2018]. It is possible that future studies will clarify the features of the images of the equi-pointed cross in the form of their symbols by representatives of different cultures. This requires serious research, because there was no unity among the Christian movements. More finds with different symbols are also needed.

Fig. 4. Bronze equi-pointed cross, with a loop for hanging.
An accidental find, the settlement
of Aktobe (Stepninskoe). 8th–10th centuries

4-сур. Ілуге арналған тесігі бар ұштары бірдей қола крест.
Кездейсоқ табылған,
Ақтөбе (Степнинское) қаласы. VIII–X ғғ.

Рис. 4. Бронзовый равноконечный нательный крест,
с петелькой для подвешивания.
Случайная находка, городище Актобе (Степнинское). VIII–X вв.

3 Results and discussion (*Zheleznyakov B., Akymbek Ye.*)

Three more finds from the Shu-Talas region have been added to the well-known range of archaeological sources on medieval Christianity. The main findings of Nestorians and possibly Jacobites were given in the bibliographic part of the introduction to this article. The range of sources in the region has recently been expanded due to Christian finds at the First Mosque of Taraz [Железняков 2022], as well as through the publication of materials from the Ile Valley and material on Kayalyk from Zhetysu [Байпаков, Железняков 2022]. Taking into account the very significant results of the archaeological study of the Ilibalyk settlement conducted by K. Baipakov and D. Voyakin [Байпаков и др. 2018а: 318–320], it becomes clear that in recent years significant progress has been planned in the study of Christian antiquities of Southeastern Kazakhstan – the legendary country of Argu, which, along with the Manichaean culture, confirmed almost exclusively by the materials of historical sources, was also filled with Christian culture, which is confirmed by archaeological sources. The most massive finds are still tombstones – kayraks with the image of a cross, inscriptions or without them. The fact that recently a significant number of objects have been introduced into the number of sources, such as crosses, ornaments on a chirag, a pendant, objects, as it is assumed, of

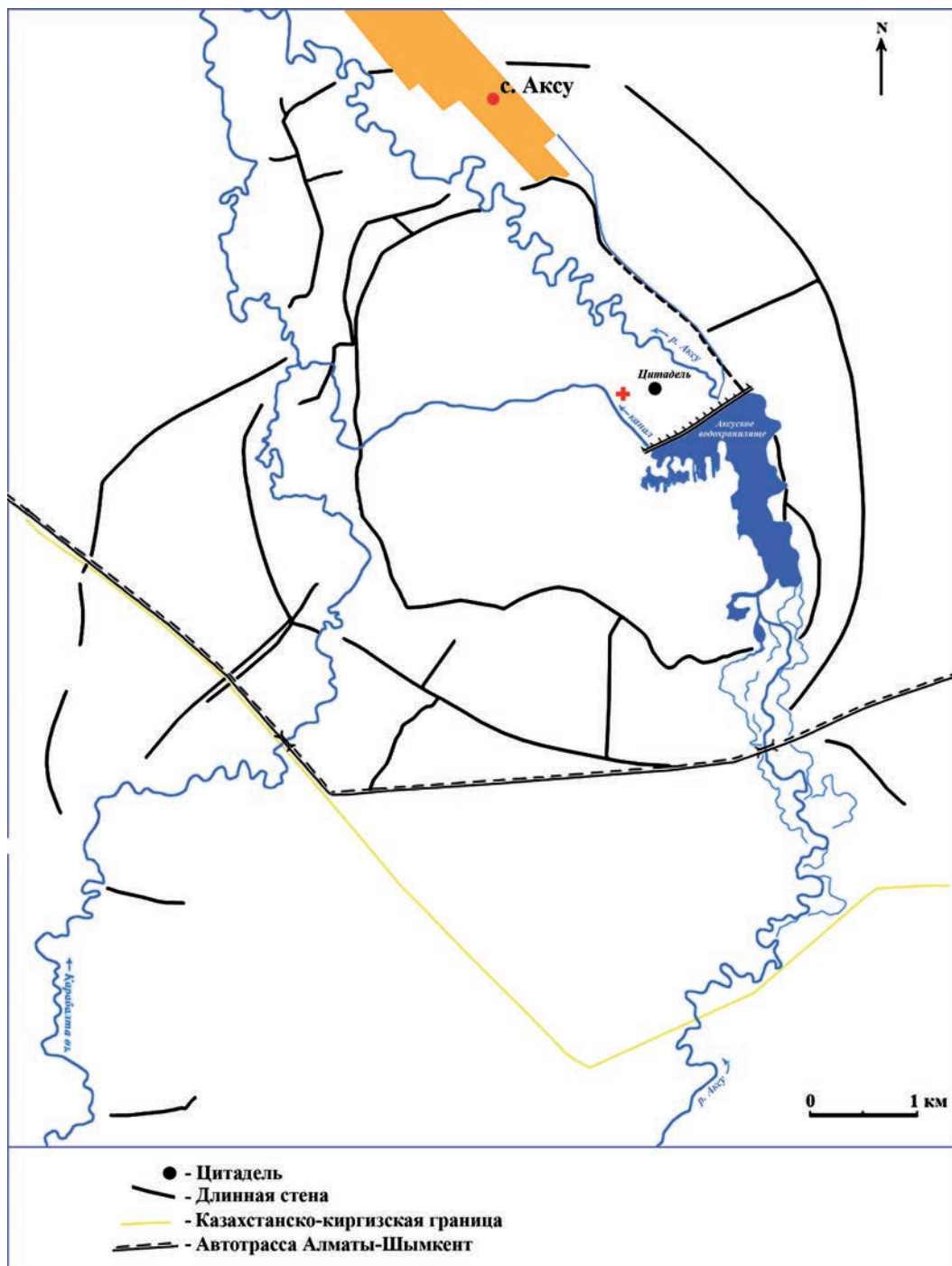

Fig. 5. Plan of the Aktoobe settlement, indicating the location of the bronze cross, after – Klesner et al. 2021: 2, fig. 3

5-сур. Қола крест табылған орын көрсетілген Ақтөбе қаласының жоспары ([Klesner et al. 2021: 2, fig. 3] бойынша)

Рис. 5. План городища Актөбе с указанием места находки бронзового креста (по: [Klesner et al. 2021: 2, fig. 3])

Fig. 6. A ceramic cup-shaped two-handed vessel with stamps in the form of a repeating stamped image of an equi-pointed cross on an ornamental belt on the body. The settlement of Kysmyshy. 8th–10th centuries
6-сур. Қабырғасында сәндік белдеу бойымен ұштары тең крест айнала бастырылған мәртабандары бар екі тұтқалы кубок тәрізді қыш ыдыс. Қысмышы қаласы. VIII–X ғғ.

Рис. 6. Сосуд керамический, кубковидный, двуручный со штампами в виде повторяющегося оттиснутого изображения равноконечного крестика по орнаментальному поясу на тулове. Городище Кысмыши. VIII–X вв.

the decoration of a church converted into a mosque in 893, as known from sources [Железняков 2022], testifies to the well-defined successes of medieval archaeological science, which is built on the foundation of previous researchers.

The symbols applied on chirags is a sufficiently researched topic. The famous article by T. Senigova «Lighting devices ... of Taraz» contains 25 most interesting drawings of such ornamented «heels» of similar oil lamps – chirags [Сенигова 1968а: 218–220]. They mostly contain floral ornaments, there are images of scenes of torment, heraldically arranged birds opposite each other and separated by a tree, under bunches of grapes and, of course, solar motifs. There was also a significant part of the unornamented chirags, since the canons of Islam were introduced immutably [Сенигова 1968а: 214–218].

In this sense, we have an iconic fragment produced by order of a Christian. On the other hand, the preservation of pre-Islamic content in the ornament on household items, especially related to fire, heating, lighting, cooking and consumption of food and, in particular, related to the Karakhanid period is expected [Железняков 2008]. The traditional ornament developed despite the huge influence of world religions, even the spread of Islam, did not fully stop this process. However,

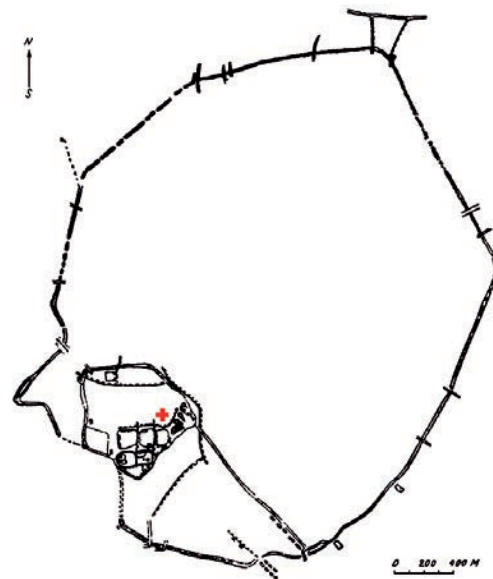

Fig. 7. The plan of the settlement of Kysmyshy indicating the location of the vessel-cup with impressions of the equi-pointed cross, after – Bernshtam (ed.) 1950: Table III, 3

7-сур. Ұштары тең крест бедерлемелері бар кубок-ыдыстың табылған орны көрсетілген Қысмышы қаласының жоспары ([Труды САЭ 1950: III-кесте, 3] бойынша)

Рис. 7. План городища Кысмыши с указанием места находки сосуда-кубка с оттисками равноконечного креста (по: [Труды САЭ 1950: табл. III, 3])

Christianity was not the main factor in this process. Most researchers agree that the pre-Islamic tradition continued to determine the structure of the worldview of pre-Islamic Central Asia in the pre-Muslim period [Шкода 2009: 122–125]. The relief ornament, like the entire chirag fragment, is densely covered with monochrome green glaze. The Christian identity of the customer of this product is clearly marked by the image of the cross. According to its form, it is difficult to say unequivocally that the customer was a Nestorian, possibly a Melkite (orthodox Christian), who were massively resettled from Seleucus–Ctesiphon in 762 to Chach and Taraz [Parry 2012: 104].

Based on the presence of glaze, its color, the product can be dated to the 10th century, up to the middle of the 11th century. The beginning of the Islamic period is confidently dated to 893, marked by the capture of Taraz by the Samanid Ismail ibn Ahmed [Сенигова 1972: 14, 210]. The punitive campaigns of the Samanids against the Turks were staged in the early 900s [Асадов 2011: 218–220]. It is obvious that this was a time when Muslim culture coexisted with individual religions established in the region, primarily with Christianity. Jacobson emphasized the importance that repoussage had on the products, which preceded ceramic products covered with monochrome glaze for underglaze ornamentation [Якобсон 1978: 149]. Or, the lamp was brought by Christians from the southwest, from countries where the spread of Middle Eastern culture with all technical achievements, including the production of glazed ceramics in the 11th century has already taken place. [Якобсон 1978: 150]. In such a case, this product may refer to the 9th century. V. Kolchenko believes that the free confession of Christianity and Buddhism in the Shu Valley was a normal phenomenon until the 13th–14th centuries. [Кольченко 2018: 76]. Christians buried their relatives in the Ile Valley until the 70s of the 14th century [Коковцов, 1905: 200].

A. Jacobson emphasized the importance that repoussage, which preceded ceramic products covered with monochrome glaze, applied to underglaze relief ornamentation, had on the products [Якобсон 1978: 149]. B. Marshak wrote unequivocally about the influence of (Sogdian) toreutics on (Sogdian) ceramic production, but not vice versa [Маршак 2017: 85]. However, this was not typical for all periods of the history of Sogd, there were long periods when the potters did not focus on the toreuts. The connections of ceramics with synchronous toreutics are especially strengthened starting from the 7th century [Маршак 2017: 116]. The lamp with the image of a cross on an ornamented heel, found on shahristan, next to the citadel, chronologically follows the bronze objects from the First Mosque of, for example, Taraz, found on rabad, among which the details of the lamps of the 9th century stand out [Железняков 2022]. Accordingly, bronze lamps of the 9th (8th?) century are replaced by ceramic ones under green glaze of the 10th–11th centuries. This is one of the late finds with a Christian affiliation from a very wide range, partially given in the publication.

The bronze cross from the Aktobe settlement is unique, first of all, in terms of preservation. Analogs (stamped on kayraks) are extremely rare. Together with other finds of Christian and Buddhist worship, a series is formed that expands the understanding of the spiritual culture revealed in the Kyrgyzstan part of the valley. The most detailed summary of the crosses is given in the publication of S. Slutsky [Слудцкий 1889: табл. III, IV, V], where among the 90 most different types of crosses (depicted on the kayraks of the Shu Valley), simple equi-pointed crosses are found only four or five times. The typology of the crosses inscribed on the kayraks of the Shu and Ile valleys requires a separate study.

The ceramic vessel stands out primarily for its cup shape: perhaps it was a communal vessel of Christians. Ornamental belts containing impressions of crosses are relatively common. From Yakalyg (a city with this name in the Shu Valley is compared with the settlement of Kysmyshy) comes a famous Sogdian inscription that reads: «Bishop Shirfarn» [Лившиц 1981: 80]. K. Vaipakov also wrote about this comparison of the city and the monument, as well as about the Christian interpretation of the inscription [Байпаков 1994]. It is also necessary to mention the Sogdian inscription from Taraz, carved on the wall of the khum: «Presbyter Il-Tag». Both the terms «bishop» and «presbyter» could have been used in Christian and Manichean contexts [Лившиц 1981: 80]. Perhaps this is one of the additional proofs of the existence of a community in this city also of Christians or Manichaeans. The equi-pointed cross was a symbol of both

teachings, common in the territory of South-Eastern Kazakhstan. However, in the neighborhood, on the settlements of the Shu Valley, there are disproportionately more Christian finds, as well as religious objects [Кольченко 2002; 2018]. Questions about unambiguous belonging to Nestorianism or Manichaeism by the image of a stamped cross icon on a ceramic vessel are still far from being resolved ambiguously. The cross in both teachings was clearly a kind of symbol-decoration, without delving into its meaning as an instrument of execution and the dogma of redemption on the cross.

4 Conclusions (*Akymbek Ye., Zheleznyakov B.*)

The article analyzes new data on medieval Christianity in the Talas and Shu region. A very brief (accessible) historiography on the problem is given. The total number of publications on Christianity in a relatively narrow region has long exceeded a hundred. Many of them re-analyze long-known subjects. Random finds and archaeological artifacts from archaeological excavations date back to the broad chronological period of the early and developed Middle Ages (6th–14th centuries). Separate early finds, for example, a fragment of the “icon from Taraz” require clarification, based on the accumulated data by analogy. Later finds are tombstones with images of crosses and Syro-Turkic epitaphs from the Shu and Ile valleys, dating back to the 40s and 70s of the 14th century, respectively. Thus, the activity of the Church of the East in the region has been noted according to archaeological sources for at least 800 years. However, it was not a single monolithic period with a significant proportion of the Christian local population. The individual findings will help to distinguish the stages of Christianity and confession.

The published artifacts originating from archaeological excavations from the Shu-Talas region confirm the long-established and firmly rooted ideas about medieval Christianity among a certain part of the population. This was caused by stable ties on the trade route, migrations of Christians, and preaching. Two published finds belong to the period of the 8th–10th centuries, when an influx of Christians was noted in the region. The third find, a “heel” from a ceramic chirag with green glaze from Taraz, refers to the period of parallel existence of Islam and Christianity, celebrated in the 10th – first half of the 11th century. All these finds are a significant addition to the well-known finds related to the Christian cult, which researchers have written about, starting with N. Pantusov and V. Bartold. Christian finds have already been noted on all three monuments before, however, new ones complement them.

ӘДЕБИЕТ

- 1 *Асадов Ф.* Три похода Исмаила ас-Самани в страну тюрков // Иран-Наме. 2011. № 3 (19). С. 209-223.
- 2 *Байпаков К.М.* Христианство Казахстана в средние века // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство / Сост. Л.И. Жукова; науч. ред. Г.А. Пугаченкова, Ю.Ф. Буряков. Ташкент: Гл. ред. энциклопедий, 1994. С. 96-101.
- 3 *Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Казизов Е.С. Терновья Г.А.* История религий в Казахстане (древность и средневековье). Алматы: ServicePress, 2018a. 553 с.
- 4 *Байпаков К.М., Железняков Б.А.* Камень с изображением креста из городища Каялык (новое в изучении христианства XII–XIV вв. регионов Жетысу–Иле–Шу) // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. М-лы V междунар. конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 3. / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдииков, Д.А. Воякин. Алматы; Туркестан: ИА КН МОН РК, 2022. С. 209-219.
- 5 *Байпаков К., Савельева Т., Петров П.* Локализация города Иланбалык (Иланнбали) в Илийской долине // Промышленность Казахстана. 2015. № 2 (89). С. 94-97.
- 6 *Байпаков К.М., Терновья Г.А.* Христианство в Южном Казахстане и Семиречье (VI–XIV вв.) // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV: Иудаизм и христианство. Самарканд: МИЦАИ, 2018. С. 8-47.
- 7 *Бернштам А.Н.* Памятники старины Таласской долины: историко-археологический очерк. Под ред. и с предисл. А.Ю. Якубовского. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1941. 65 с.
- 8 *Борисов А.Я.* Сирийская надпись на сосуде из Тараза // Известия АН КазССР. Сер.: Археология. 1948. Вып. 1 (46). С. 105-108.

- 9 Железняков Б.А. Находки предметов с иконографическими изображениями из Жетысу (несторианство, манихейство) // Известия МОН РК. Сер. обществ. наук. 2003а. № 1. С. 260-276.
- 10 Железняков Б.А. Нефритовая подвеска с крестом из Чуйской долины // Ахинжановские чтения–2002. Сб. научн.-практ. конф. (г. Алматы, 20 декабря 2002 г.) / Научн. ред. К.М. Байпаков Алматы: ИА КН МОН РК, 2003б. С. 44-47.
- 11 Железняков Б.А. Орнамент на керамике в караханидское время: о природе культурных взаимодействий территории Южного Казахстана // Известия НАН МОН РК Сер. обществ. наук. 2008. № 1. С. 200-218.
- 12 Железняков Б.А. Камни-кайраки – массовый источник по христианству XII–XIV вв. Центральной и Восточной Азии // Археология Казахстана. 2019. № 3 (5). С. 122-141.
- 13 Железняков Б.А. Предметы христианского культа VIII–IX вв. из Первой мечети Тараза X–XIII вв. // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2022. Т. 10. С. 127-158.
- 14 Зуев Ю.А. Сармато-аланы Приаралья (Янцай/Абзойя) // Культура кочевников на рубеже веков: проблемы генезиса и трансформации. М-лы междунар. конф. (г. Алматы, 5–7 июля 1995 г.) / Отв. ред. Н.Ж. Шаханова. Алматы: Гос. музей им. А. Кастеева, 1995. С. 39-49.
- 15 Карев Ю.В. Политическая ситуация в Мавераннахре в середине VIII в. // М-лы междунар. конф., посвящ. 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной (г. Москва, 14–16 декабря 2000 г.) / Отв. ред. О.Н. Иневаткина. М.: Пересвет, 2000. С. 205-219.
- 16 Коковцов П.К. Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. 1905. Т. XVI. С. 188-200.
- 17 Кольченко В.А. Заметки о христианстве в Чуйской долине в средние века // Коомдук илимдер журналга. 2002. № 3. С. 163-182.
- 18 Кольченко В.А. Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV. Христианство. Самарканд: МИЦАИ, 2018. С. 48-103.
- 19 Кызласов Л.Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // Вестник Московского университета. 2006а. Сер. 8, История. № 2. С. 139-150.
- 20 Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. М.: Восточная литература, 2006б. 360 с.
- 21 Лившиц В.А. Согдийцы в Семиречье // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. 15-годовая научная сессия ЛОИВ АН СССР, ч. I. / Предс. ред. Ю.А. Петросян. М.: ГРВЛ, 1981. С. 76-85.
- 22 Лурье П.Б. Новые данные о следах манихейства в Семиречье // Центральная Азия на Великом Шёлковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности. М-лы Междунар. научн.-практ. конф. (г. Алматы, 13–15 июня 2018 г.) / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: Центр сближения культур, 2018. С. 361-368.
- 23 Маршак Б.И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности / Под ред. В.П. Никонорова. СПб.: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.
- 24 Пиков Г.Г. Западные кидани. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1989. 191 с.
- 25 Пиков Г.Г. Роль киданьской элиты в истории государства Си Ляо (Западное Ляо) // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 36-45.
- 26 Сенигова Т.Н. Осветительные приборы из Тараза и их связь с культом огня // СА. 1968а. № 1. С. 208-225.
- 27 Сенигова Т.Н. Вопросы идеологии культов Семиречья (VI–VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Ғылым, 1968б. С. 51-67.
- 28 Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 228 с.
- 29 Слуцкий С.С. Семиреченские несторианские надписи. Доклад, читанный на заседании Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического Общества, 26 февраля 1888 г. // Древности Восточныя. Труды Вост. Комиссии Императ. Моск. Археол. Общ. / Под ред. М.В. Никольского. М., 1889. Т. 1. Вып. 1. С. 3-67.
- 30 Смагулов Е.А. Арабское нашествие в Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // Мобилизованный археологией. К 80-летию К.А. Акишева (1924–2003) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2004. С. 104-113.
- 31 Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». Сост. под рук. А.Н. Бернштама. / МИА № 14. М.; Л.: АН СССР, 1950. 160 с.

- 32 Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). СПб.: Гос. Эрмитаж, 2009. 280 с.
- 33 Якобсон А.Л. Средневековая поливная керамика как историческое явление // Византийский временник. 1978. № 39. С. 149-151.
- 34 Borbone P.G. History of Mar Yahballaha and Rabban Sauma: Edited, Translated, and Annotated. Translated from the Italian by Laura E. Parodi. Hambourg: Tredition, 2020. 424 p.
- 35 Kevvak M. The Story of a Stele: Chinas Nestorian Monument and Its Reception in the West, 1625–1916. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2008. 195 p.
- 36 Klesner C.E., Akymbek Ye., Vandiver P.B. Lead-glazing technology from Medieval Central Asia: A case study from Aktobe, Kazakhstan // JAS: Reports. 2021. 36, 102825, 1-15.
- 37 Mingana A. The Early Spread of Christianity in Central Asia and the Far East: A new document // Bulletin of the John Rylands Library. 1925. Vol. 9, July, no. 2. P. 1-41.
- 38 Parry K. Byzantine-rite Christians (Melkites) in Central Asia in Late Antiquity and the Middle Ages // Modern Greek Studies (Australia and New Zealand). 2012. № 13. P. 91-108.
- 39 Tjalling H.F. Halbertsma. Early Christian Remains of Inner Mongolia: Discovery, Reconstruction and Appropriation, by Tjalling H.F. Halbertsma. Leiden: Brill, 2008. 356 p.

REFERENCES

- 1 Asadov, F. 2011. In: *Iran-Name 3 (19)*, 209-223 (in Russian).
- 2 Baipakov, K. M. 1994. In: *Iz istorii drevnih kultov Sredney Azii. Hristianstvo (From the history of ancient cults of Middle Asia. Christianity)*. Tashkent, 6-101 (in Russian).
- 3 Baipakov, K. M., Erofeeva, I. V., Kazizov, E. S. Ternovaya, G. A. 2018. *Istoriya religiy v Kazahstane (drevnost i srednevekovie) (History of religions in Kazakhstan. Antiquity, Middle Ages)*. Almaty (in Russian).
- 4 Baipakov, K. M., Zheleznyakov, B. A. 2022 In: Onggaruly, A., Baitanayev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). *Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arheologii evraziyskih stepey (Materials of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes)*. In 5 vol. Vol. 3. Almaty; Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 209-219 (in Russian).
- 5 Baipakov, K., Savelyeva, T., Petrov, P. 2015. In: *Promyshlennost Kazahstana (Industry of Kazakhstan)*, 2 (89), 94-97) (in Russian).
- 6 Baipakov, K. M., Ternovaya, G. A. 2018. In: *Religii Tsentralnoy Azii i Azerbajdzhana. T. IV: Iudaizm i hristianstvo (Religions of Central Asia and Azerbaijan. Vol. 4. Christianity and Judaism. Samarkand: The International Institute for Central Asian Studies)*. 8–47 (in Russian).
- 7 Bernshtam, A. N. 1941. *Pamyatniki stariny Talasskoy doliny (Sites of Antiquity of Talas Valley)*. Alma-Ata: KazOGIZ (in Russian).
- 8 Borisov, A. Y. 1948. In: *Izvestiya Akademii nauk KazSSR. Ser: Arheologiya (News of Academy of Sciences KazSSR)*, 1 (46), 105-108 (in Russian).
- 9 Zheleznyakov, B. A. 2003a. In: *Izvestiya MON RK. Ser: obshchestv. nauk. (News of MES RK. Social sciences ser.)*, 1, 260-276 (in Russian).
- 10 Zheleznyakov, B. A. 2003b. In: Baipakov, K. M. (ed.). *Akhinzhanovskie chteniya (Akhinzhanov readings–2002)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 44-47 (in Russian).
- 11 Zheleznyakov, B. A. 2008. In: *Izvestiya NAN MON RK Ser: obshchestv. nauk (News of MES RK. Social sciences ser.)*, 1, 200-218 (in Russian).
- 12 Zheleznyakov, B. A. 2019. In: *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archaeology)*, 3 (5), 122-141 (in Russian).
- 13 Zheleznyakov, B. A. 2022. In: *Scripta Antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i materialnoy kultury (Scripta antiqua. Issues of ancient history, philology, art and material culture)*, 10, 127-158 (in Russian).
- 14 Zuev, Yu. A. 1995. In: Shahanova, N. Zh. (ed.). *Kultura kochevnikov na rubezhe vekov: problemy genesis i transformatsii (Culture of nomads in the turn of eras: problems of genesis and transformation)*. Almaty: Kasteev State museum, 39-49 (in Russian).
- 15 Karev, Yu. V. 2000. In: Inevatkina, O. N. (ed.). *Tsentralnaya Aziya. Arheologiya, istoriya, kultura (Central Asia. Archaeology, history, culture)*. Moscow: “Peresvet”, 205-219 (in Russian).
- 16 Kokovtsov, P. K. 1905. In: *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arheologicheskogo Obshchestva (Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society)*, XVI, 188-200 (in Russian).
- 17 Kolchenko, V. A. 2002. In: *Koomduk ilimder zhurnalga (Journal of Social Science)*, 3, 163-182 (in Russian).

- 18 Kolchenko, V. A. 2018. In: *Religii Tsentralnoy Azii i Azerbaijana. Hristianstvo i Judaism (Religions of Central Asia and Azerbaijan). Christianity and Judaism*. Vol. IV. Samarkand: The International Institute for Central Asian Studies, 8-103 (in Russian).
- 19 Kyzlasov, L. R. 2006a. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8, Istoriya (News of Moscow University. Ser. 8. History)*, 2, 139-150 (in Russian).
- 20 Kyzlasov, L. R. 2006b. *Gorodskaya tsivilizatsiya Sredinnoy i Severnoy Azii: istoricheskie i arheologicheskie issledovaniya (City civilization of Middle Asia: historical and archaeological researchers)*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
- 21 Livshits, V. A. 1981. In: Petrosyan, Yu. A. (ed.). *Pismennye pamyatniki i problemy istorii i kultury narodov Vostoka (Written monuments and problems of the history and culture of the peoples of the East)*. Moscow: “GRVL”, 76-85 (in Russian).
- 22 Lurie, P. B. 2018. In: Baipakov, K. M. (ed.). *Tsentralnaya Aziya na Velikom Shyolkovom puti (Great Silk Road – Central Asia)*. Almaty, 109-116 (in Russian).
- 23 Marshak, B. I. 2017. In: Nikonov, V. P. (ed.). *Istoriya vostochnoy torevniki III–XIII vv. i problemy kulturnoy preemstvennosti (History of Eastern toreutics 3rd–13th centuries and problems of cultural continuity)*. Saint Petersburg: “Akademiya issledovaniya kultury” Publ. (in Russian).
- 24 Pikov, G. G. 1989. *Zapadnye kidani (Wesern Kidans)*. Novosibirsk: Novosibirsk University (in Russian).
- 25 Pikov, G. G. 2019. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and religions of Eurasia)*, 2 (19), 36-45 (in Russian).
- 26 Senigova, T. N. 1968a. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 1, 208-225 (in Russian).
- 27 Senigova, T. N. 1968b. In: Kadyrbayev, M. K. (ed.). *Novoe v arheologii Kazahstana (New in archaeology of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Gylm” Publ., 51–67 (in Russian).
- 28 Senigova, T. N. 1972. *Srednevekovyi Taraz (Middle Ages Taraz)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 29 Slutskiy, S. S. 1889. In: *Drevnosti Vostochnyya (Eastern Antiquities)*, 1, 3-67 (in Russian).
- 30 Smagulov, E. A. 2004. In: Khabdulina, M. K. (ed.). *Mobilizovannyyi arheologiyey. K 80-letiyu K.A. Akisheva (1924–2003) (Mobilized by archaeology. Devoted to 80th anniversary of Kimal Akishev)*. Astana: Gumilyov Eurasian National University, 104-113 (in Russian).
- 31 Bernsham, A. N. (ed.). 1950. *Trudy Semirechenskoy arheologicheskoy ekspeditsii. «Chuyskaya dolina» (Proceedings of Semirechye archaeological expedition. “Chu Valley”)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 32 Shkoda, V. G. 2009. *Pendzhikentskie hramy i problemy religii Sogda (V–VIII vv.) (Penjikent temples and problems of religion of Soghd 5th–8th cc.)*. Saint Petersburg; State Hermitage Museum (in Russian).
- 33 Yakobson, A. L. 1978. In: *Vizantiyskiy vremennik (Byzantiym vremennik)*, 39, 149-151 (in Russian).
- 34 Borbone, P. G. 2020. Laura E. Parodi (ed., translated and annotated). *History of Mar Yahballaha and Rabban Sauma*. Hambourg: “Tredition” Publ. (in English).
- 35 Keevak, M. 2008. *The Story of a Stele: Chinas Nestorian Monument and Its Reception in the West, 1625–1916*. Hong Kong: Hong Kong University Press (in English).
- 36 Klesner, C. E., Akymbek, Ye., Vandiver, P. B. 2021. In: *JAS: Reports*, 36, 102825, 1-15 (in English).
- 37 Mingana, A. 1925. In: *Bulletin of the John Rylands Library*, vol. 9, July, no. 2, 1-41 (in English).
- 38 Parry, K. 2012. In: *Modern Greek Studies (Australia and New Zealand)*, № 13, 91-108 (in English).
- 39 Tjalling, H. F. Halbertsma. 2008. *Early Christian Remains of Inner Mongolia: Discovery, Reconstruction and Appropriation*. Leiden: “Brill” Publ. (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.01.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 23.01.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 05.03.2023.

УДК 902/904 (632/634) (574.11)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.99.113>

Археологические памятники позднего голоцена в верховьях р. Ишим (Северный Казахстан)

© 2023 г. Волошин В.С.

Keywords: archaeology,
Northern Kazakhstan, Eneolithic,
Vishnevka-8, Vishnevka-9,
Turgenevka-15, site, artifact, biface,
aleuritic tuffite

Түйін сөздер: археология,
Солтүстік Қазақстан, энеолит,
Вишневка-8, Вишневка-9,
Тургеневка-15, ескерткіш,
артефакт, бифас, алевритті туффит

Ключевые слова: археология,
Северный Казахстан, энеолит,
Вишневка-8, Вишневка-9,
Тургеневка-15, памятник,
артефакт, бифас, алевритовый
туффит

Valery Voloshin¹

¹Senior Researcher, Branch of the Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan.

E-mail: voloshin49@list.ru

Archaeological sites of the late Holocene in the upper Ishim river region (Northern Kazakhstan)

Abstract. The author describes the collections of stone artifacts obtained from the sites of the Eneolithic–Bronze Age in the upper Ishim river. At the stratified site Turgenevka-15, which is a closed assemblage, identified in the fossil soil layer of the Ishim high floodplain, was observed a special production of bifacial tools of various types. Radiocarbon dating of the soil layer with the finds showed that the site belongs to the 14th–13th centuries BC, which is not consistent with a modern idea about the age of the stone industry of the Early Bronze Age cultures in Kazakhstan and the wider steppe area in Eurasia. The archaeological material of the open sites of Vishnevka-8 and 9 includes samples of stone products typical of the Eneolithic and Early Bronze Age, as well as more archaic forms typical of the Paleolithic (one-sided platform cores, as well as close to Levallois, tools resembling cleavers and axes), which should be considered as vestigial elements of the Late Holocene stone industry. The issue of remnant elements in the stone industries of the late Holocene (and the Holocene in general) in Kazakhstan needs further study with the involvement of more materials.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574223.

For citation: Voloshin, V. 2023. Archaeological sites of the late Holocene in the upper Ishim river region (Northern Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 1 (19), 99–113 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.99.113](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.99.113)

Валерий Степанович Волошин¹

¹аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты филиалы,
Астана қ., Қазақстан

Есіл өзенінің жоғарғы ағысындағы кейінгі
галоценнің археологиялық ескерткіштері
(Солтүстік Қазақстан)

Валерий Степанович Волошин¹

¹старший научный сотрудник, Филиал Института
археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Астана, Казахстан

Археологические памятники
позднего голоцена в верховьях р. Ишим
(Северный Казахстан)

Аннотация. Мақалада Есіл өзенінің жоғарғы ағысындағы энеолит – қола дәуірі ескерткіштерінен алынған тас артефактілер жинағының сипаттамасы берілген. Есіл биік жайылмасының топырақ қабатынан анықталған қазба қалдықтарынан табылған, жабық кешен болып табылатын Тургеневка-15 стратификацияланған ескерткішінде әртүрлі типтегі екі жақты өңделген құралдардың арнайы өндірісі белгіленді. Табылған заттарымен бірге топырақ қабатының радиокөміртекті мерзімделуі ескерткіштің б.д.д. XIV–XIII ғғ. жататынын көрсетті, бұл Қазақстанның ерте қола тас индустриясының жасы мен Еуразияның кең далалық ауқымы туралы қазіргі заманғы ұғымға сәйкес келмейді. Вишневка-8 және 9 орналасқан жерінен ашылған археологиялық материалдар энеолит пен ерте қолаға тән, сонымен қатар кейінгі голоценнің тас индустриясының қалдығы ретінде қарастыруға болатын палеолитке тән архаикалық формалардағы (бір жақты нуклеустар, сондай-ақ леваллуға жақын, кливер мен сынаға ұқсас құралдар) тас бұйымдарды құрайды. Қазақстанның кейінгі голоцен (жалпы голоцен) тас индустриясындағы қалдық элементтері туралы мәселе неғұрлым көп материалдарды тарта отырып, одан әрі пысықтауды қажет етеді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574223 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Волошин В.С. Есіл өзенінің жоғарғы ағысындағы кейінгі голоценнің археологиялық ескерткіштері. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 1 (19). 99–113-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.99.113](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.99.113)

Аннотация. В статье даётся описание коллекций каменных артефактов, полученных на памятниках энеолита – эпохи бронзы в верховьях р. Ишим. На стратифицированном памятнике Тургеневка-15, представляющем собой закрытый комплекс, выявленный в ископаемом почвенном слое высокой поймы Ишима, отмечено специальное производство двухсторонне обработанных орудий разных типов. Радиоуглеродное датирование почвенного слоя с находками показало, что памятник относится к XIV–XIII вв. до н.э., что не соответствует современным представлениям о возрасте каменной индустрии культур ранней бронзы Казахстана и более широкого степного ареала в Евразии. Археологический материал открытых местонахождений Вишневка-8 и 9 включает образцы каменных изделий, характерные для энеолита и ранней бронзы, а также более архаичные формы, свойственные палеолиту (нуклеусы площадочные односторонние, а также близкие к леваллуазским, орудия, напоминающие кливеры и колуну), которые следует рассматривать как пережиточные элементы каменной индустрии позднего голоцена. Вопрос о пережиточных элементах в каменных индустриях позднего голоцена (и вообще голоцена) Казахстана нуждается в дальнейшей проработке с привлечением более широких материалов.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574223.

Для цитирования: Волошин В.С. Археологические памятники позднего голоцена в верховьях р. Ишим (Северный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 1 (19). С. 99–113. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.99.113](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.99.113)

Введение

В верховьях р. Ишим (Аршалинский р-н, Акмолинская обл.), наряду с открытыми крупными местонахождениями каменного века (Вишневка-3-6), содержащими разновременный археологический материал – от раннего палеолита до энеолита, был обнаружен и исследован ряд небольших памятников значительно более узкого хронологического интервала, а именно заключительной поры каменного века. В их числе такие памятники, как Тургеневка-15, Вишневка-8 и 9, материалы с которых представляют определённый интерес, особенно в связи с наличием здесь образцов пережиточных форм изделий из камня.

Памятник Тургеневка-15 расположен в 18 км к юго-востоку от посёлка Аршалы и в 7 км к юго-востоку от села Тургеневка на левом берегу Ишима – на мысу, образованном руслом реки и впадающей в него речкой Бурыктал (рис. 1а). Мыс сложен здесь отложениями высокой поймы Ишима (высотой 3,5–4,0 м), поверхность которой носит следы последующего размыва неглубокими руслами стариц, наполовину заполненными отложениями позднего голоцена. Памятник представляет собой узко-локализованный пункт («точёк»), зафиксированный в обрыве высокой поймы

в ископаемой почве (слой 4) – в точке наблюдения (зачистке) 2 (рис. 1б).

Стратиграфия

Стратиграфический профиль памятника, составленный по материалам зачисток 2–5 (ТН-2-5) и протяжённостью 26 м вдоль обрыва поймы, фиксирует положение геологических слоёв высокой поймы и соседней старицы, а также позицию археологического материала в слое. Здесь выделены следующие слои (сверху вниз):

Слой 1 – современная почва: на поверхности высокой поймы она частично разрушена эрозией, на днище старицы (ТН-5) достигает мощности 70 см и расчленяется (слои 1а–1д). Слой 1а – дёрн; слой 1б – супесь серая; слой 1в – супесь серая гумусированная; слой 1г – суглинок лёгкий коричневатато-серый; слой 1д – суглинок лёгкий гумусированный, тёмно-серого до чёрного цвета (основная часть почвы).

Слой 2 – суглинок лёгкий, коричневатато-серого цвета, мощностью до 20 см (ТН-2-4) и на дне старицы (ТН-5) – 40 см, здесь в нижней части слоя наблюдаются две тонкие линзы аллювиального песка.

Слой 3 – прослежен на дне старицы и рядом с ней (ТН-4), мощностью достигает 45 см; состоит из двух частей. Верхняя часть (3а) представлена тремя тонкими прослойками тёмно-серой луговой почвы, разделёнными тонкими прослойками суглинка и аллювиального песка. Нижняя часть (3б) – суглинком коричневатым с четырьмя тонкими прослойками аллювиального песка. Рядом со старицей на поверхности высокой поймы слой 3 постепенно выклинивается.

Слой 4 – ископаемая чернозёмовидная почва (суглинок лёгкий тёмно-серый гумусированный), мощностью до 27 см в профиле высокой поймы и до 50 см – в основании отложений старицы (ТН-5). В последнем случае почвенный слой приобрёл более сложное строение: верхняя меньшая её часть (4а) представлена двумя прослоями тёмно-серой луговой чернозёмовидной почвы, разделёнными прослоем суглинка; нижняя большая её часть (4б) – полу-гидроморфной почвой (суглинок тяжёлый, гумусированный, коричневатато-серый), лежащей в основании профиля старицы.

Нижележащие слои представляют собой только отложения высокой поймы.

Слой 5 – супесь коричневатато-серая с бурым оттенком, мощностью до 23 см; в ТН-4 слой выклинивается. В слое отмечено присутствие эолового материала. Бурый оттенок слою придали следующие процессы вымывания гуминовых кислот из вышележащего почвенного слоя 4.

Слой 6 – ископаемая чернозёмовидная почва (суглинок тёмно-серый гумусированный), мощностью до 25 см. В ТН-3 и 4 слой имеет более сложное строение: 6а – суглинок лёгкий тёмно-серый, 6б – супесь плотная коричневатато-серая, 6в – суглинок лёгкий тёмно-серый, 6г – линза аллювиального коричневатато-серого песка, 6д – суглинок серый с коричневатым оттенком. По направлению к ТН-2 все линзы и прослои выклиниваются (рис. 1).

Рис. 1а. Район расположения памятников
Тургеневка-15, Вишнёвка-8, 9.
Карту подготовил М.А. Антонов

1а-сур. Тургеневка-15, Вишнёвка-8, 9 ескерткіштерінің
орналасқан ауданы.
Картаны дайындаған М.А. Антонов

Fig. 1a. Location of Turgenevka-15, Vishnevka-8, 9 sites.
The map was prepared by M. Antonov

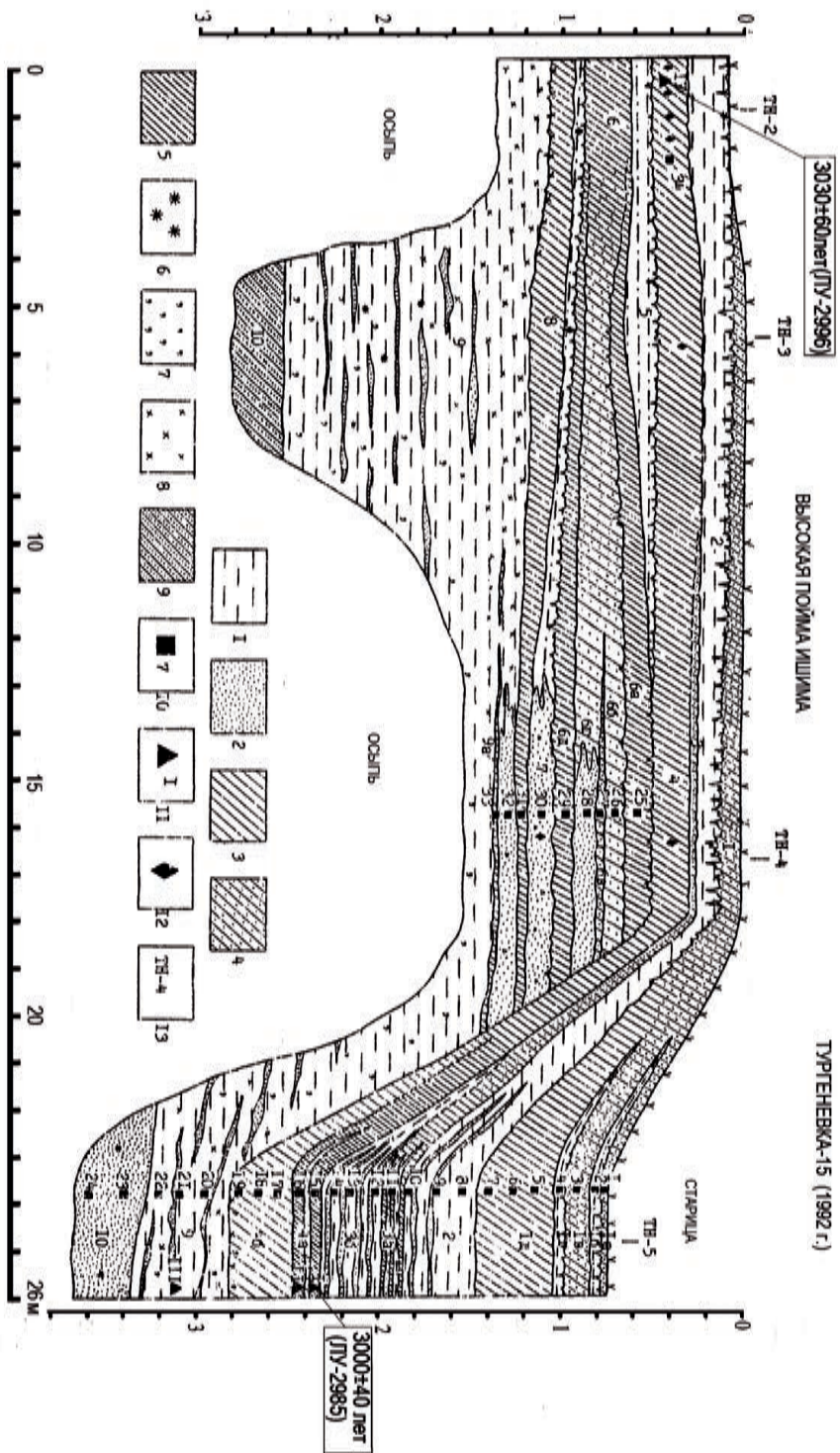

Рис. 1б. Тургеневка-15. Стратиграфический профиль: 1 – суглинок; 2 – песок; 3 – гумусированный суглинок; 4 – гумусированная супесь; 5 – тёмно-серый гумусированный суглинок; 6 – пятна окиси железа; 7 – пятна окиси марганца; 8 – пятна карбоната кальция; 9 – диагонально-слоистый песок; 10 – образцы грунта на спорово-пыльцевой анализ; 11 – образец гумуса для Датировки; 12 – каменные артефакты; 13 – точка наблюдения (зачистка) 4

Fig. 1b. Turgenevka-15. Stratigraphic profile: 1 – loam; 2 – sand; 3 – humous loam; 4 – humous sandy loam; 5 – dark gray humous loam; 6 – spots of iron oxide; 7 – spots of manganese oxide; 8 – diagonally layered sand; 9 – soil samples for spore-pollen analysis; 11 – humus sample for dating; 12 – stone artefacts; 13 – observation point (cleaning) 4

Слой 7 – супесь плотная коричневато-серая с присутствием эолового материала, мощностью – до 10 см; по простиранию сопрягается с линзой эолового коричневатого песка.

Слой 8 – ископаемая чернозёмовидная почва (суглинок плотный и комковатый, тёмно-серого цвета, с пятнами и сгустками карбоната кальция в основании), мощностью до 20 см.

Вдоль по простиранию слоёв к ТН-1 слой 7 выклинивается, и почвенные слои 6 и 8 объединяются в единый горизонт ископаемой чернозёмовидной почвы.

Слой 9 – суглинок коричневатый, мощностью до 1,6–1,8 м; в верхней части не слоистый и с пятнами карбоната кальция, в нижней части – с едва заметной волнистой слоистостью и с линзами аллювиального песка. Слой венчается тонкой почвенной прослойкой (9а) и линзой аллювиального песка, залегающего непосредственно под почвенным слоем 8.

Слой 10 – аллювиальный грубозернистый песок, образующий русловый аллювий высокой поймы Ишима: в ТН-3 – косослоистый и в ТН-5 – без слоистости; видимой мощности – до 40 см.

Интерпретация материала

Таким образом, в описанном стратиграфическом профиле памятника Тургеневка-15 достаточно чётко выделяются три почвенных горизонта: современная почва (слой 1) – сложно построенная в верхней части пачки отложений старицы; верхняя ископаемая почва (слои 3–4) – также сложно построенная, в нижней части пачки отложений старицы; и нижняя ископаемая почва (слои 6–8) – сложно построенный горизонт в верхней части отложений высокой поймы. В данном разрезе отложения старицы, очевидно, одновременны отложениям нижней поймы Ишима, и врез в нижнюю пойму, вероятно, приходится на время формирования слоя 5. Горизонт нижней ископаемой почвы венчает собой аллювиально-субаэральную часть тела высокой поймы. Поскольку археологический материал в ТН-2 был извлечён из средней части почвы слоя 4, то время его формирования должно соответствовать не самому основанию отложений старицы (низы слоя 4б), а несколько более высокому уровню, т. е. где-то на контакте слоёв 4а и 4б или нижнему почвенному прослою в слое 4а. Из верхнего почвенного прослоя в слое 4а была получена радиоуглеродная дата по гумусу – 3000 +/-40 лет (ЛУ-2985) при календарном возрасте (в 2 сигмы) – 1394–1112 гг. до н.э. [Stuiver, Reimer 1993]. В ТН-2 на месте залегания археологического материала в слой 4 из образца грунта, взятого непосредственно под скоплением каменных артефактов, была получена дата – 3030 +/- 60 лет (ЛУ-2996) – календарный возраст (в 2 сигмы) составляет 1428–1058 гг. до н.э. Поскольку обе даты хорошо соответствуют друг другу, наиболее вероятным возрастом памятника следует считать XIV–XIII вв. до н.э. Возрастные рамки верхней ископаемой почвы (слои 3–4) будут естественно шире – XVI–XII вв. до н.э., а вышележащие суглинки слоя 2 займут своё также естественное положение во времени – рубеж II–I тыс. до н.э., т. е. будут приходиться как раз на время известного потепления и иссушения климата в регионе [Зданович и др. 1984; Ткачёв 2003]. Далее, следуя логике, нижележащие супеси слоя 5 нужно отнести соответственно ко времени рубежа III–II тыс. до н.э. и нижней трети II тыс. до н.э., а нижнюю ископаемую почву (слои 6–8 с явными следами высокого стояния воды в Ишиме), которая очевидно коррелирует с ископаемой почвой «А» в стратиграфическом разрезе памятника Шидерты-3 [Мерц 2008], – к сер. и 3-й четв. III тыс. до н.э. Соответственно, слои 9–10 Тургеневки-15 будут приходиться на IV – 1-ю пол. III тыс. до н.э., период иссушения климата в степной зоне Казахстана в 4,9–4,5 тыс. л.н. [Тарасов 1992] – на верхнюю часть слоя 9, а врез высокой поймы или, точнее, представленной здесь ритмопачки высокой поймы Ишима – на время вблизи рубежа V–IV тыс. до н.э.

Палинологические исследования разреза были проведены палинологом из МГУ П.Е. Тарасовым (рис. 2), отметившим бедность образцов пыльцой. В слоях 1а–1д, лучше всего представленных на графике, количество пыльцы древесных варьирует в пределах 20–30% (в основном сосна, а также берёза, ольха), а среди травянистых господствуют марево-полынные ассоциации и злаковые, что вполне обычно для современной подзоны типчаково-ковыльных степей, в пределах которой и вблизи Ерементausкого сосново-берёзового редколесья находится памятник. В слоях 9–10, также немногим лучше представленных пыльцой, объём древесных устойчиво держится на уровне 25–30%, и наряду с сосной и берёзой здесь единично присутствует дуб, вяз и липа; комплекс травянистых отличается большим разнообразием. Такие показатели свидетельствуют в пользу того, что данные слои откладывались в оптимуме голоцена, т. е. в IV тыс. до н.э. [Хотинский 1984; Boomer et al. 2000].

Археологический материал

Археологический материал, полученный из слоя 4 в ТН-2, включает 5134 предмета из красно-алеувитового туффиита девона – сырьё было доставлено из скалистого обнажения пород, расположенного в 18–20 км от памятника на противоположном берегу реки (местонахождение Вишнёвка-6). Все предметы были извлечены из средней части слоя на площади около 1,5 м² – они залежали сплошным покровом. Поверхности предметов совершенно «свежие». Подавляющее большинство из них – это чешуйки и мелкие сколы, только 26 экз. можно отнести к крупным сколам, 71 экз. – к отщепам и 41 экз. – это угловатые обломки породы. Нуклеусы отсутствуют. Следов ретуши на сколах и отщепках также не отмечено. Имеется только пять образцов бифасов и одно специфическое орудие из массивного отщепа. Одно изделие представляет собой бифас, формой, близкой к овальной, с прямым боковым обушком-гранью (рис. 3, 1); обушок утончён с обеих сторон серией небольших фасов и фасеток, частично заломившихся, а противоположный дугообразный край оформлен пологой и полукрутой распространённой и чешуйчатой ретушью с двух сторон. Данный тип бифасов известен среди материалов Вишнёвки-4 и 6 и встречен здесь более чем в одной хронологической серии. Близкий по форме двухсторонне обработанный нож с обушком-гранью известен из энеолита Ботая [Зайберт 1993: рис. 11]. Другое изделие, также типичное для памятников Вишнёвка-4 и 6, – это удлинённый бифас формой, близкой к лавролистной (рис. 3, 2); в профиль он ровный и симметричный, боковые края отцентрированы и почти прямые, отдельные угловатые выступы здесь, очевидно, следствие незавершённости процесса оформления. Ещё два бифаса (рис. 3, 3–4) – это вполне оформленные заготовки двухсторонних орудий с лезвием на конце (вероятно, стругов). Последний бифас представлен фрагментом заготовки удлинённого орудия листовидной формы (рис. 3, 6), вероятно, это тот же тип лавролистного орудия. Изделие из отщепа имеет подтреугольную форму и слегка выпуклое лезвие на конце, образованное пересечением двух плоскостей скальвания; это определённно кливер с боковыми обушками-гранями, утончёнными плоскими фасетками ретуши (рис. 3, 5). Близкая форма кливера из отщепа обнаружена в Вишнёвке-1 [Волошин 2022: рис. 3, 2]. Таким образом, имеющийся материал Тургеневки-15 позволяет рассматривать данный памятник как узко-локализованный пункт (закрытый комплекс) обработки каменного сырья в бифасной технологии, восходящей от палеолита. Удивительно поздний возраст памятника, соответствующий эпохе поздней бронзы в Казахстане, – это совершенно новое явление в нашей археологии.

Памятник Вишнёвка-8

Местонахождение Вишнёвка-8 находится на левом берегу Ишима напротив памятника Вишнёвка-1. Находки собраны здесь на эродированных участках современной чернозёмной почвы,

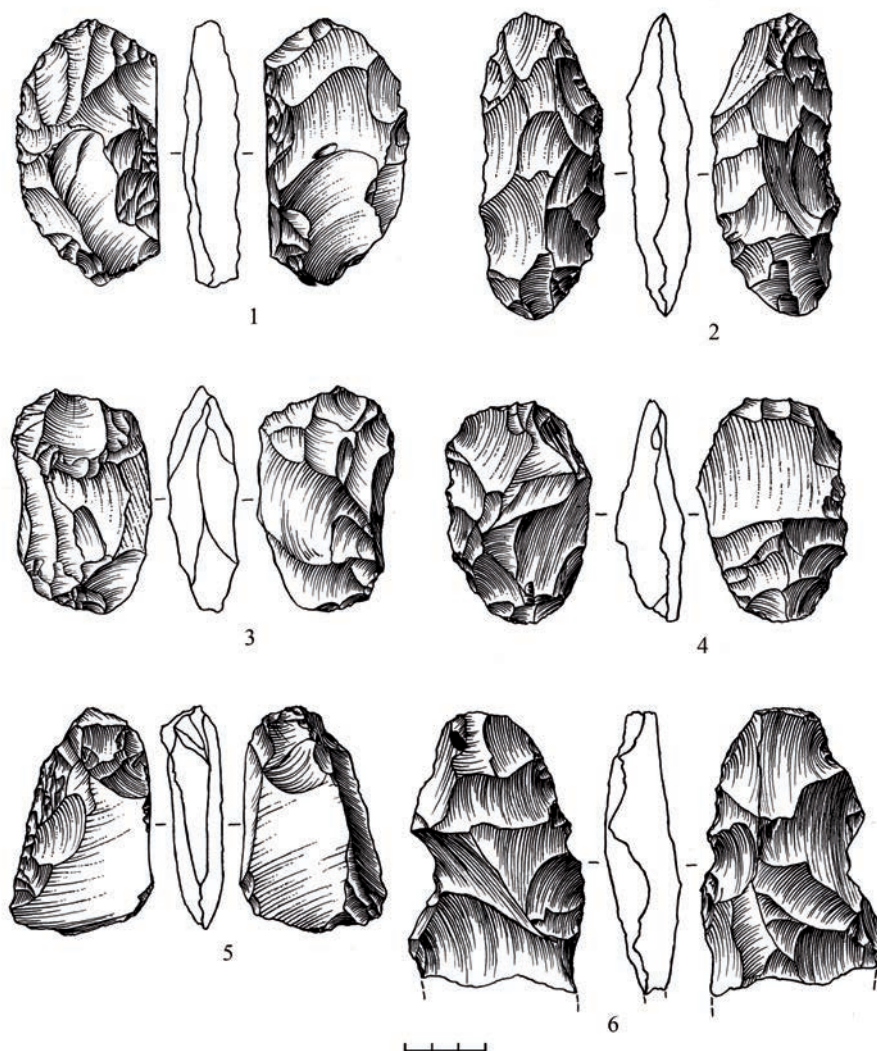

Рис. 3. Тургенеvка-15. Каменные артефакты: 1 – бифас с боковым обушком; 2 – бифас лавролистной формы; 3, 4, 6 – заготовки двухсторонне обработанных орудий; 5 – орудие из отщепя типа кливера

3-сур. Тургенеvка-15. Тас артефактілері: 1 – бифастың сынған қыры; 2 – лавр жапырағы формасындағы бифас; 3, 4, 6 – екі жағы өңделген құралдың дайындамасы; 5 – жаңқадан жасалған кливер тәрізді құрал

Fig. 3. Turgenevka-15. Stone artifacts: 1 – biface with a side back; 2 – biface of the laurel-leaf form; 3, 4, 6 – blanks of bifacial tools; 5 – cleaver-type flake

горизонт которой, мощностью 40–50 см, залегает поверх покровных суглинков второй надпойменной террасы реки. Всего в коллекции 56 артефактов, большинство – из местных девонских пород ороговикованного алевролита и алевритового туффита тёмно-серого и красного цвета; 20 артефактов – из приносных пород (пестроцветная кремнисто-глинистая брекчия карбона, светло-серая яшмовидная порода, кремьень желтовато-бурого и коричневого цвета).

Среди предметов из местных пород имеются нуклеусы (3 экз.), бифасные и унифасные орудия (5 экз.), орудия из отщепов и обломков (13 экз.), другие предметы со следами вторичной обработки (4 экз.), отщепы и пластины (8 экз.), а также отходы производства – сколы и обломки (3 экз.). Поверхность изделий лишена следов окатанности и лишь слегка затронута процессами химического выветривания; на отдельных образцах поверх слегка выветренных негативов наблюдаются фасетки ретуши совершенно «свежей» фактуры (феномен суперпозиции фасов), что даёт возможность предполагать наличие здесь технологических процессов двух временных периодов, как нам представляется, энеолита и эпохи бронзы.

Для приготовления нуклеусов использовались кливажированные блоки породы, что придавало этим изделиям весьма крупные размеры. Один такой нуклеус (27,0×13,3×7,5 см) имеет продолговатую форму и плоский фронт с одной стороны (расщепление велось с двух смежных ударных площадок). Другой нуклеус – в начальной стадии утилизации (22,0×17,0×11,5 см), также односторонний и плоскостной, но отличается от предыдущего наличием ударных площадок на противоположных концах и использованием расщепления во встречном направлении; ударные площадки скошенные и грубо фасетированные, использовалась техника тяжёлого отбойника. Третий нуклеус (19,0×8,4×6,2 см) отличается более тщательным приготовлением: боковой край оформлен двухсторонними фасами, а узкое основание утончено односторонними фасами; по форме изделие являет собой нечто среднее между конусовидным и клиновидным нуклеусами. Ударная площадка у него гладкая и скошенная, оформленная одним широким фасом с расчётом использования для последующего расщепления на другом боковом – обушковом краю, противоположном оформленному. Здесь наблюдаются три заломившихся негатива широких пластин (шириной более 2 см). Расщепление велось с помощью отбойника и было закончено ввиду неприемлемого брака на фронте нуклеуса.

Среди двухсторонних орудий обращает на себя внимание фрагмент крупного и широкого бифасного рубящего орудия, тщательно оформленного с обеих сторон пологими и широкими фасами; боковые края прямые ровные и острые, в профиль отцентрированные; лезвие на конце прямое и оформлено с обеих сторон небольшими фасами с заломами. Орудие, вероятно, служило топором (рис. 4, 1). Аналог ему имеется среди кварцитовых материалов Экибастуза-17 [Мерц 2005]. Ещё одно выразительное рубящее изделие – это крупное и массивное орудие подтреугольной формы (17,0×11,4×4,3 см) в виде унифасного кливера; лезвие у него оформлено широким скошенным фасом с лицевой стороны (рис. 4, 4), а выпуклый боковой край тщательно обработан крутой отёсывающей ретушью. Третье орудие – топор высокой подтреугольной формы, частично-бифасный, выполненный из продолговатого отщепа (10,1×5,1×2,2 см). Лезвие у него тщательно оформлено пологими фасами с лицевой стороны, а боковые края – преимущественно вентральной ретушью и интенсивными чешуйчатými снятиями. Окончание утончено лицевыми фасами, сужено ретушью – изделие явно предназначалось для закрепления в рукояти (рис. 4, 2). Орудия типа двухсторонне обработанных топоров известны среди материалов ботайской культуры [Зайберт 2009: рис. 61]. В коллекции имеется также заготовка бифасиального тесака из кливажированной плитки с выделенным широким и коротким ассиметричным выступом-рукояткой в основании (17,5×10,0×3,0 см). Боковой обушок и верхний заострённый конец у него оформлены сечением, а лезвие наполовину приготовлено рядом односторонних фасов. Нижняя часть (рукоять) утончена серией широких и плоских фасов. Последнее изделие – это фрагмент плоской мотыги листовидной формы, частично-бифасной и с ровными и отцентрированными в профиль боковыми краями; лезвие закруглено не-

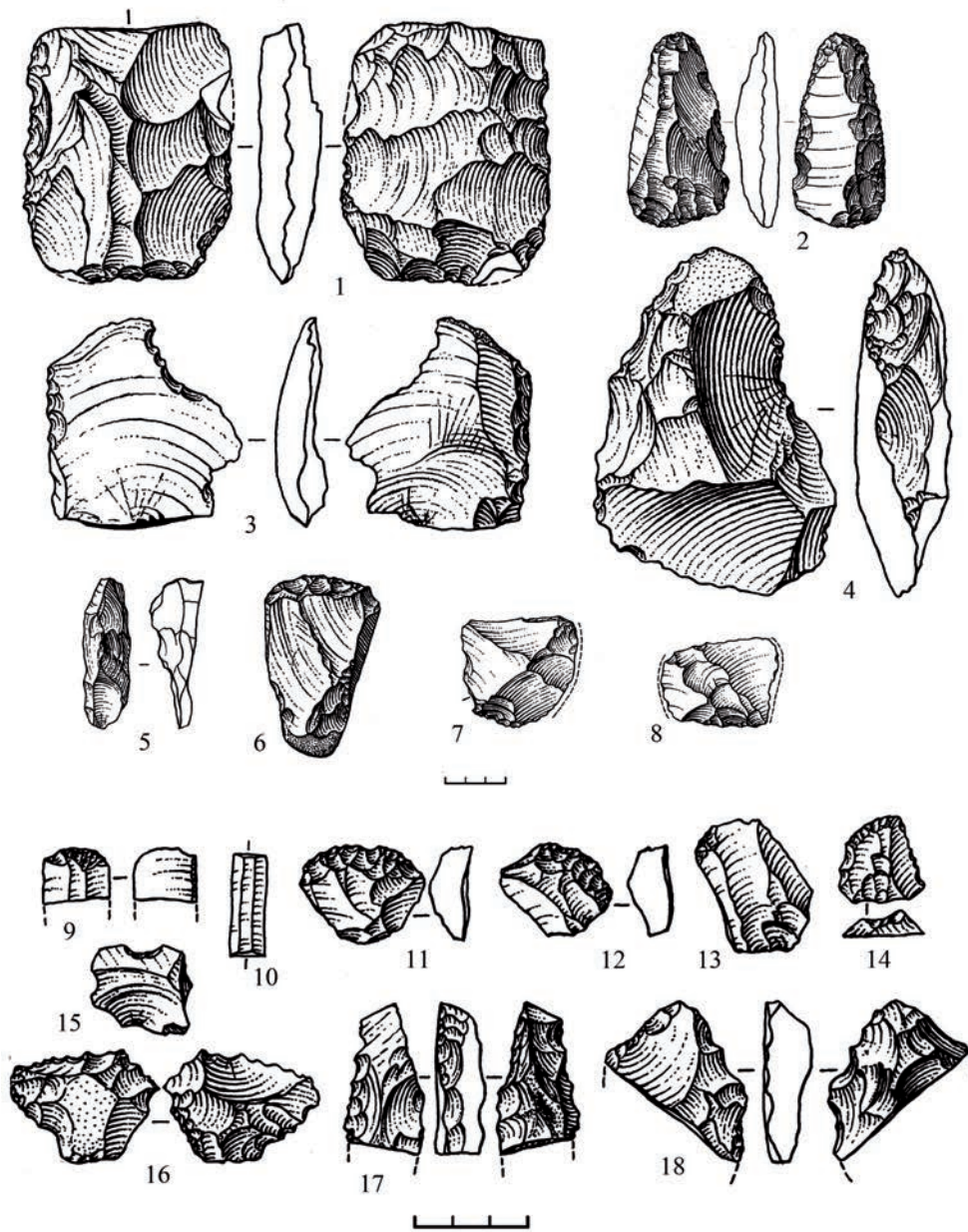

Рис. 4. Вишнёвка-8. Каменные артефакты: 1, 2 – топоры; 3 – клювовидное орудие; 4 – орудие типа кливера; 5 – реберчатая пластина; 6 – скребок из плитки; 7, 8 – ножи; 9 – концевой скребок из пластинки; 10 – сечение пластинки; 11–14 – скребки из отщепов; 16, 18 – двухсторонне обработанные изделия; 17 – трёхгранное остриё

4-сур. Вишневка-8. Тас артефактілері: 1, 2 – балталар; 3 – үшкір құрал; 4 – кливер типтес құрал; 5 – тарақ тәріздес тақтатас; 6 – тақтатастан жасалған қырғыш; 7, 8 – пышақтар; 9 – тақтатастан жасалған доғал қырғыш; 10 – тақтатастың көлденең қимасы; 11–14 – жаңқадан жасалған қырғыштар; 16, 18 – екі жақты өңделген бұйым; 17 – үш қырлы пышақ ұшы

Fig. 4. Vishnevka-8. Stone artifacts: 1, 2 – axes; 3 – beak-shaped tool; 4 – cleaver-type tool; 5 – ribbed plate; 6 – a scraper from a tile; 7, 8 – knives; 9 – end scraper from a plate; 10 – section of the plate; 11–14 – flake scrapers; 16, 18 – bifacial tools; 17 – trihedral point

большими пологими фасами с двух сторон. Длинной изделие было предположительно 17–18 см, шириной – 9,5 см, толщиной – 3,2 см. Изготовлено оно из плитки грубозернистого песчаника.

Группа орудий из отщепов и обломков представлена разнообразными формами изделий. Прежде всего, отметим орудие из крупного и массивного укороченного отщепа с широкой гладкой и скошенной ударной площадкой – его можно отнести к кливерам (колунам): лезвие оформлено на одном, более широком боковом краю отщепа (пологие дорзальные фасы создали здесь неровное острое лезвие с выступом); противоположный более узкий боковой край оформлен вентральной чешуйчатой ретушью. В поперечнике орудие – в форме трапеции. На вентральной стороне прочерчена прямая линия (2,5 см), обращённая одним концом по линии нанесения удара колуном.

Ножи – 3 экз. Один из них – нож с боковым обушком-гранью из массивного отщепа (снятого тяжёлым отбойником и с широкой и скошенной натуральной площадкой), дистальный конец у него наискось отсечён и лезвие выделено выемкой в базальной части заготовки и имеет вентральную ретушь (9,5×5,7×3,8 см). Два других орудия (рис. 4, 7–8) лишены обушков, ударные площадки у них удалены дорзальной или двухсторонней чешуйчатой ретушью; острые боковые лезвия лишены ретуши.

Орудия с выступом – 2 экз. У одного из них выступ оформлен серией мелких сечений и фасетками чешуйчатой ретуши, у другого – крутыми вентральными фасетками, создавшими острую поперечную кромку (0,5 см).

Комбинированные орудия – 2 экз. Одно из них представляет собой скребло – нож с зубчатым пильчатым лезвием (9,4×5,3×1,7 см). Другое орудие изготовлено из фрагментированного крупного отщепа (8,6×5,6×2,1 см): угловое остриё-проколка с альтернативной ретушью сочетается здесь с выемчатым скобелем, оформленным чешуйчатой ретушью.

Остальные изделия представляют собой единичные формы: клювовидный резчик из крупного отщепа (рис. 4, 3), крупный концевой короткий скребок из плиточки, лезвие которого оформлено крутой чешуйчатой ретушью, а лицевая сторона утончена плоскими боковыми фасетками (рис. 4, 6); выемчатый скобель из отщепа и фрагмент зубчатого орудия из отщепа.

Предметы со следами обработки (4 экз.) не включают выразительных форм, часть из них, вероятно, представляет собой заготовки нуклеусов. В группе отщепов и пластин обращает на себя внимание массивная реберчатая пластина (рис. 4, 5), очевидно, снятая с нуклеуса, предназначенного для получения широких пластин. Один из отщепов – массивный и укороченных пропорций – вполне подошёл к глубокому боковому негативу унифасного кливера.

Среди изделий из приносного кремнистого сырья имеются ножевидные пластинки и изделия из них (светло-серая яшмовидная порода), 4 экз. Это фрагмент концевого скребка с вентральной боковой ретушью (рис. 4, 9) – форма, известная среди энеолитических материалов памятника Шокпартас [Варфоломеев и др. 2021], а также сечения пластинок (рис. 4, 10). Имеются также четыре скребка из отщепов (рис. 4, 11–13), в т. ч. с притупленным окончанием (рис. 4, 14), выемчатый скобель (рис. 4, 15), а также весьма нетипичный трёхгранный в сечении остроконечник с интенсивной чешуйчатой ретушью на краях (рис. 4, 17), всё из серии кремнисто-глинистой брекчии карбона. Отметим также небольшое двухстороннее зубчатое орудие (желтовато-бурый кремень), изготовленное из отщепа с помощью чешуйчатой ретуши – здесь примечательно присутствие на лезвии тонких и острых микрзубчиков, специально оформленных микроретушью (рис. 4, 16). Ещё одно изделие из этого же кремня – это фрагмент двухстороннего орудия с зубчатым краем (в профиль весьма извилистым), которое, вероятно, было овальной формы и оформлено достаточно грубо (рис. 4, 18).

Таким образом, материал памятника Вишнёвка-8 включает в себя, наряду с изделиями из отщепов, также двухсторонне обработанные орудия и изделия из ножевидных пластинок, в т. ч. формы, свидетельствующие о присутствии технологии снятия с нуклеусов широких пластин. Здесь налицо элементы архаики (нуклеусы, орудия типа кливеров-колунов) и типы изделий, присущие каменным индустриям энеолита и ранней бронзы.

Памятник Вишнёвка-9

Ещё одно небольшое местонахождение – это Вишнёвка-9. Оно расположено также на левом берегу Ишима, в 200 м к юго-востоку от края посёлка Ижевский возле бывшего когда-то понтонного моста через реку. Стратиграфическая ситуация здесь аналогична Вишнёвке-8: слой современной почвы покрывает суглинки второй надпойменной террасы. Находки (их всего 14 экз.) подняты с поверхности возле небольшого обнажения почвы: здесь имеется 11 каменных артефактов из местной девонской породы и три фрагмента керамики.

Прежде всего, обращает на себя внимание изготовленный из обломка красного алевритового туффита в технике двухсторонней обработки нуклеус, по форме близкий к диску (рис. 5, 1). Негативы на нём совершенно «свежие». Нет сомнений в том, что это нуклеус леваллуа с выпуклой тыльной стороной и уплощённым фронтом, с которого уже было произведено два целевых снятия – ударной площадкой служила скошенная плоскость кливажа исходной заготовки (крупного обломка породы). Ещё одним и не менее интересным изделием является крупный тесак, изготовленный из плитки сизовато-серого алевритового туффита; негативы здесь слегка заглажены от эоловой корразии (рис. 5, 2). Изделие имеет боковой обушок-грань, сечёное наискось окончание и скошенное лезвие, оформленное чешуйчатыми фасетками с обеих сторон; в основании выделен широкий выступ-рукоять, специально утончённый широкими и плоскими фасами с нижней, более плоской стороны. По форме и стилю оформления данное изделие сходно с описанным выше образцом (заготовкой тесака) из Вишнёвки-8.

В коллекции имеется также два ножа из отщепов. У одного из них (рис. 5, 3) ударная площадка отсечена и боковое лезвие дополнительно приострено на углу дорзальным фасом, снятым от сечения; утолщённый дистальный конец заготовки специально утончён рядом вентральных фасеток. У другого ножа, меньших размеров (4,5×3,1×0,9 см), имеется сечёный боковой обушок и ассиметричный дистальный конец также с вентральной подтёской; в базальной части лезвие ограничено небольшим сечением. Интересно боковое скребло, изготовленное из пластинчатого отщепа симметричной правильной формы (рис. 5, 4). Дорзальная огранка заготовки указывает на то, что снятию отщепа на нуклеусе предшествовало скалывание широких пластин, а также специальное приготовление уплощённой базальной части заготовки рядом небольших пластинчатых фасов на нуклеусе (классика леваллуа); лезвие скребла обработано тонкой дорзальной ретушью. О присутствии в индустрии техники леваллуа свидетельствует также небольшой короткий и плоский, в профиль – прямоосный отщеп (6,3×4,0×0,8 см) с дорзальным центральным негативом от ударной площадки (последняя – тонкая изогнутая и гладкая). Изделие слегка заглажено эоловой корразией. На углу с площадкой вентральными фасетками оформлено небольшое лезвие скребка. Имеется также клювовидный резчик из сечения отщепа и орудие с выступом – угловатая проколка, изготовленная также из сечения отщепа.

Комбинированные орудия (3 экз.). Среди них один нетипичный скребок со смежным зубчатым лезвием с тонкой вентральной ретушью; вентрально-ретушированный выступ, комбиниро-

ванный с ретушированным выемчатым скобелем; вентрально-ретушированное лезвие скребка на месте площадки отщипа в комбинации с ретушированным выступом. Из фрагментов керамики один образец, желтовато-бурого цвета и с примесью талька, имеет орнамент в виде двух горизонтальных полос шагающей гребёнки от крупнозубчатого штампа; очевидно, это петровская керамика. Два других образца, тёмного коричневатосерого цвета с чёрным изломом, лишены орнамента и, скорее всего, относятся к раннему железному веку.

Таким образом, небольшой каменный материал Вишнёвки-9 весьма разнообразный и неопределённого возраста; основная его часть может быть отнесена к энеолиту, отдельные артефакты со следами эоловой корразии вполне могут оказаться палеолитическими. Двухсторонне обработанные изделия с широким выступом-черешком в основании (подобные нашему тесаку) известны в энеолите Ботая и в Экибастузе-17 – памятнике эпохи ранней бронзы [Мерц 2005], однако они имеют здесь симметричную листовидную форму в отличие от ассиметричного с боковым обушком тесака, подлинники которому нам пока неизвестны. Нельзя также исключить, что находки в Вишнёвке-9 ещё более поздние, т. е. вместе с фрагментом керамики относятся к петровскому времени.

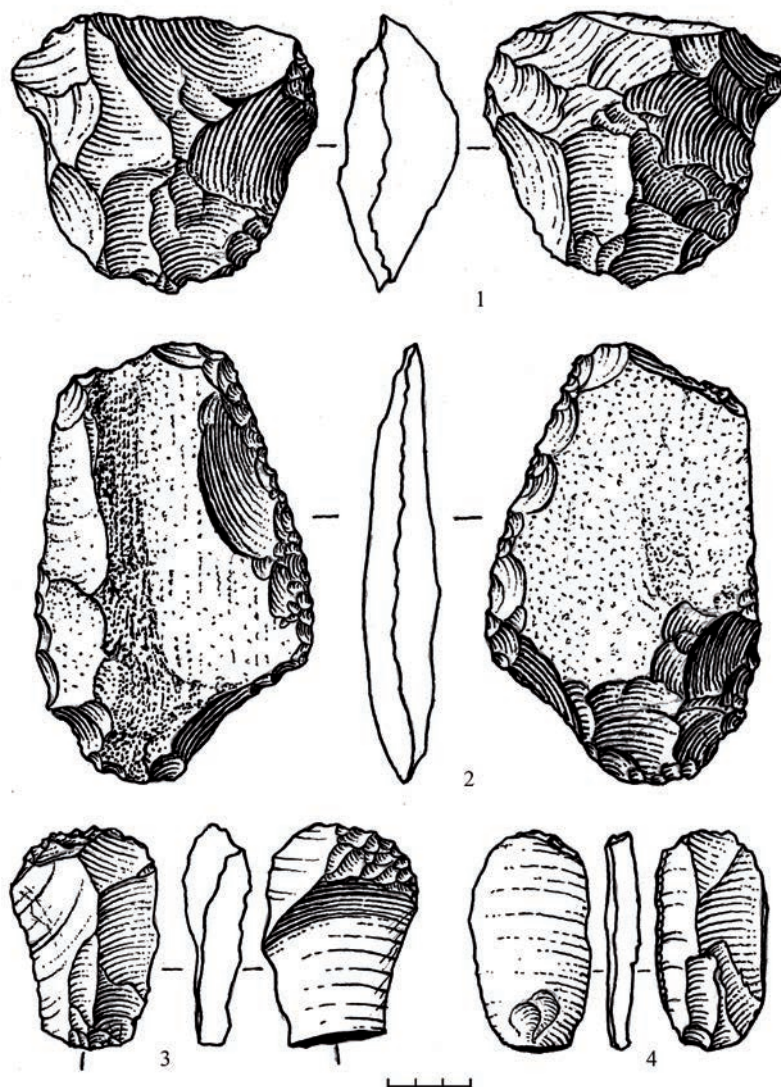

Рис. 5. Вишнёвка-9. Каменные артефакты: 1 – нуклеус; 2 – орудие типа тесака; 3, 4 – орудия из отщепов
5-сур. Вишневка-9. Тас артефактілері: 1 – нуклеус; 2 – шапашотқа ұқсас құрал; 3, 4 – жаңқадан жасалған құрал
Fig. 5. Vishnevka-9. Stone artifacts: 1 – core; 2 – cutlass-type tool; 3, 4 – flake tools

Заклучение

Описанный каменный инвентарь трёх памятников весьма специфичен – здесь присутствуют двухсторонне обработанные орудия разных типов (ножи с обушком, топоры и др.), макроформы орудий и нуклеусов (последние, в том числе, для снятия широких пластин на торце нуклеуса), нуклеусы близкие (если не идентичные) леваллуазским, отщепы леваллуа, орудия типа тесаков, кливеров и колунов; в Вишнёвке-8 наряду с таким инвентарём из местной девонской породы встречены изделия из приносных кремнистых пород – скребки из отщепов и пластинок, а также небольшие двухсторонне обработанные орудия. Весь этот инвентарь объединён одним общим признаком – это поздний материал в пределах голоцена (суббореал), и фасы изделий здесь можно характеризовать как совершенно «свежие» или с лёгкой степенью химического выветривания. По эти признакам в этот поздний комплекс следует включить материалы верхнего культурного горизонта стоянки Вишнёвка-1 (здесь помимо описанного прочего присутствует кремнёвый двухсторонний наконечник стрелы короткой листовидной формы с выемкой в основании), а также материалы самых поздних одной-двух серий с открытых местонахождений Вишнёвка-3–6. Одной из характерных черт всего этого собрания является присутствие восходящих ещё из палеолита пережиточных форм изделий (в том числе и бифасы ашельского облика) – этого своеобразного культурного феномена каменного века Сарыарки (возможно, также и Урала), корни и значение которого ещё только предстоит изучить. Памятник Тургеневка-15, бесспорно, являет собой аномалию – он показывает, что этот поздний индустриальный комплекс (энеолит–ранняя бронза) каким-то образом «доживает» в Сарыарке до эпохи поздней бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Варфоломеев В.В., Мерц В.К., Мерц И.В. Шокпартас – новый энеолитический памятник Центральной Сарыарки // Вестник ЕНУ. Сер. Истор. науки. Философия. Религиоведение. 2021. № 1 (34). С. 36-48.
- 2 Волошин В.С. О некоторых типах каменных изделий из археологических комплексов позднего голоцена // Маргулановские чтения–2022: м-лы междунар. научн.-практ. конф. (г. Алматы, 12–13 апреля 2022 г.) / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МОН РК, 2022. С. 317-326.
- 3 Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука, 1993. 249 с.
- 4 Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы: КазАқпарат, 2009. 576 с.
- 5 Зданович Г.Б., Иванов И.В., Хабдулина М.К. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования // СА. 1984. № 4. С. 35-48.
- 6 Мерц В.К. Охранные раскопки стоянки Экибастуз-17 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: м-лы научн.-практ. конф. / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2005. С. 131-138.
- 7 Мерц В.К. Периодизация и хронология голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты-3: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово: Кем. гос. ун-т, 2008. 26 с.
- 8 Тарасов П.Е. Палеогеография степной зоны Северного и Центрального Казахстана в голоцене: автореф. дис. ... канд. геол. наук. М.: МГУ, 1992. 25 с.
- 9 Ткачёв А.А. Природная среда Центрального Казахстана и особенности расселения в эпоху энеолита и бронзы // Экология древних и современных обществ / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Вып. 2. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. С. 178-180.
- 10 Хотинский Н.А. Взаимоотношение леса и степи в голоцене и погребённые чернозёмовидные почвы // История развития почв СССР в голоцене. Тез. докл. на Всесоюзн. конф. (4–7 декабря 1984 г., Пущино). Пущино, 1984. С. 23-24.
- 11 Boomer I., Aladin N., Plotnikov I., Whatley R. The palaeolimnology of the Aral Sea: a review // Quaternary Science Reviews. 2000. 19. P. 1259-1278.

- 12 Stuiver M., Reimer P.J. Extended 14C Data Base and Revised CALIB 3.0 14C Age Calibration Program // Radiocarbon. 1993. No. 35. P. 215-230. DOI: [10.1017/S0033822200013904](https://doi.org/10.1017/S0033822200013904)

REFERENCES

- 1 Varfolomeev, V. V., Merts, V. K., Merts, I. V. 2021. In: *Vestnik ENU. Ser. Istor. nauki. Filosofiya. Religiovedenie (Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series)*, 1 (34), 36-48 (in Russian).
- 2 Voloshin, V. S. 2022. In: Onggar, A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskie chteniya–2022 (Margulan readings–2022)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 317-326 (in Russian).
- 3 Zaibert, V. F. 1993. *Eneolit Uralo-Irtyshskogo mezhdurechiya (Eneolite of the Ural-Irtysh interfluves)*. Petropavlovsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 4 Zaibert, V. F. 2009. *Botayskaya kultura (Botay culture)*. Almaty: “KazAkparat” Publ. (in Russian).
- 5 Zdanovich, G. B., Ivanov, I. V., Khabdulina, M. K. 1984. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)*, 4, 35-48 (in Russian).
- 6 Merts, V. K. 2005. In: Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Sohranenie i izuchenie kulturnogo naslediya Altaya (Preservation and study of the cultural heritage of Altay)*. Barnaul: Altajskij gos. un-t, S. 131-138. (in Russian).
- 7 Merts, V. K. 2008. *Periodizatsiya i hronologiya golotsenovykh kompleksov Severnogo i Tsentralnogo Kazakhstana po materialam mnogosloinoy stoyanki Shiderty-3: avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk (Periodization and chronology of Holocene complexes of Northern and Central Kazakhstan based on the materials of the multilayer Shiderty-3 settlement: abstract. dis. ... Candidate of Historical Sciences)*. Kemerovo: Kemerovo State University (in Russian).
- 8 Tarasov, P. E. 1992. *Paleogeografiya stepnoy zony Severnogo i Tsentralnogo Kazakhstana v golotsene: avtoref. dis. ... kand. geol. nauk. (Paleogeography of the steppe zone of Northern and Central Kazakhstan in the Holocene: abstract. dis. ... Candidate of Geological Sciences)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- 9 Tkachyov, A. A. 2003. In: Matveeva, N. P. (ed.). *Ekologiya drevnih i sovremennykh obshchestv (Ecology of ancient and modern societies)*, vol. 2. Tyumen: Institute of the problem of Northern development SB RAS, 178-180 (in Russian).
- 10 Khotinskiy, N. A. 1984. In: *Istoriya razvitiya pochv SSSR v golotsene (The history of the development of soils of the USSR in the Holocene)*. Pushchino, 23-24 (in Russian).
- 11 Boomer, I., Aladin, N., Plotnikov, I., Whatley, R. 2000. In: *Quaternary Science Reviews*, 19, 1259-1278.
- 12 Stuiver, M., Reimer, P. J. 1993. In: *Radiocarbon*, 35, 215-230. DOI: [10.1017/S0033822200013904](https://doi.org/10.1017/S0033822200013904)

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 03.02.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 14.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 14.02.2023.

УДК 902/904 572.71
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.114.132>

О трепанации черепа на территории Азербайджана в эпоху неолита

© 2023 г. Кириченко Д.А.

Keywords: archaeology, physical anthropology, Azerbaijan, Near East, Neolithic, trepanation, paleopathology

Түйін сөздер: археология, физикалық антропология, Әзербайжан, Таяу Шығыс, неолит, трепанация, палеопатология

Ключевые слова: археология, физическая антропология, Азербайджан, Ближний Восток, неолит, трепанация, палеопатология

Dmitry Kirichenko¹

¹Candidate of Historical Sciences (PhD), Assoc. Professor, Institute of archaeology, ethnography and anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan Republic. Email: dmakirichenko@mail.ru

On skull trepanation on the territory of Azerbaijan in Neolithic period

Abstract: The article examines skulls with traces of craniotomy, which were found on archaeological sites of the New Stone Age period: Polutepe, Jalilabad district (published for the first time); Chalagantepe, Aghdam district, in the context of similar finds from the Middle East of the same period. Manipulation on the left side of occipital bone of a man from Polutepe was made by drilling method; at parietal bone of woman skull from Chalagantepe - by drilling and cutting. Craniotomies from Polutepe and Chalagantepe were probably performed for medical purposes. In the case of Polutepe, the patient died possibly during or immediately after the operation; from Chalagantepe, the person was still alive for a certain time. In the Middle East, cases of Neolithic craniotomy were found in Turkey: Chatal Höyük (drilling), Aşıklı Höyük (drilling), Çayönü (drilling), Göbekli Tepe (drilling), Kurban Höyük – the late Neolithic – early Chalcolithic (cutting), Kuruçay Höyük – early Chalcolithic (drilling); in Palestine – Tell es-Sultan/Jericho (method undescribed); in Israel – Kfar HaHoresh (drilling); in Iraq – Zawi Chemi Shanidar (cauterization); UAE – Jebel Buhais 18 (scraping). Manipulations from Chatal Höyük, Çayönü, Göbekli Tepe, Kfar HaHoresh, Zawi Chemi Shanidar were made in ritual-symbolic purposes; from Aşıklı Höyük, Kurban Höyük, Kuruçay Höyük, Jericho, Jebel Buhais 18 - for medicinal purposes. Drilling was the predominant method of trepanation in the Neolithic period in the South Caucasus and the Middle East. It is possible that this method of craniotomy came to Azerbaijan from the territory of Turkey, where it prevailed at the time under study.

For citation: Kirichenko, D. 2023. On skull trepanation on the territory of Azerbaijan in Neolithic period. *Kazakhstan Archeology*, 1 (19), 114–132 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.114.132](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.114.132)

Дмитрий Александрович Кириченко¹

¹тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, Әзербайжан Ұлттық ғылым академиясының Археология, этнография және антропология институты (ӘҰҒА АЭАИ), Баку қ., Әзербайжан Республикасы

Әзербайжан аумағындағы неолит дәуіріндегі бас сүйек трепанациясы жайында

Дмитрий Александрович Кириченко¹

¹кандидат исторических наук, доцент, Институт археологии, этнографии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (ИАЭА НАНА), г. Баку, Азербайджанская Республика

О трепанации черепа на территории Азербайджана в эпоху неолита

Аннотация. Мақалада жаңа тас ғасыры кезеңінің археологиялық ескерткіштері: Джалилабад ауданы, Полутепе (алғаш жариялануда); Агдам ауданы, Чалагантепеден табылған сүйекті тесу (краниотомия) іздері бар бас сүйек Таяу Шығыстағы осы кезеңінің баламалы табылымдары контекстінде зерттелді. Іс әрекет Полутепеден шыққан ер адамның желке сүйегінің сол жағы бұрғылау әдісімен; Чалагантепеден шыққан әйелдің төбе сүйегі кесу және бұрғылау әдісімен жүзеге асырылды. Полутепе мен Чалагантепеде бас сүйекті тесу медициналық мақсатта жасалған болуы мүмкін. Полутепеде науқас мүмкін ота кезінде немесе одан кейін қайтыс болды; Чалагантепедегі адам белгілі бір уақыт өмір сүрді. Неолит кезеңіндегі бас сүйекті тесу Таяу Шығыс аумағында Түркияда: Чатал Гюк (бұрғылау), Ашиклы Гюк (бұрғылау), Чаюню (бұрғылау), Гёбекли Тепе (бұрғылау), Курбан Гюк – кейінгі неолит–ерте халколит (кесу), Куручай Гюк – ерте халколит (бұрғылау); Палестинада – Телль эс-Султан/Иерихон (әдіс нақты сипатталмаған); Израилда – Кфар ХаХореш (бұрғылау); Иракта – Зави Чеми Шанидар (күйдіру); БАӘ – Джебель Бухайс 18 (қыру) табылды. Чатал Гюк, Чаюню, Гёбекли Тепе, Кфар ХаХореш, Зави Чеми Шанидардағы әрекеттер салттық-символдық мақсатта; ал Ашиклы Гюк, Курбан Гюк, Куручай Гюк, Иерихон, Джебель Бухайс 18-де – медициналық мақсатта жүргізілді. Оңтүстік Кавказ бен Таяу Шығыс аумағында неолит дәуіріндегі трепанациядағы басты әдіс бұрғылау әдісі болды. Зерттелген уақытта басым болған бас сүйекті тесудің бұл әдісі Түркия аумағынан Әзербайжанға келуі мүмкін.

Сілтеме жасау үшін: Кириченко Д.А. Әзербайжан аумағындағы неолит дәуіріндегі бас сүйек трепанациясы жайында. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 1 (19). 114–132-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.114.132](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.114.132)

Аннотация. В статье исследованы черепа со следами краниотомии, которые были обнаружены на археологических памятниках периода нового каменного века: Полутепе, Джалилабадский район (публикуется впервые); Чалагантепе, Агдамский район в контексте аналогичных находок с территории Ближнего Востока синхронного периода. Манипуляция на левой стороне затылочной кости черепа мужчины из Полутепе была осуществлена методом сверления; на теменной кости женского черепа из Чалагантепе – методом сверления и прорезывания. Краниотомии из Полутепе и Чалагантепе, вероятно, были осуществлены в медицинских целях. В случае из Полутепе пациент скончался, возможно, в течение или сразу же после операции; из Чалагантепе – человек прожил определенное время. На территории Ближнего Востока случаи краниотомии периода неолита были обнаружены в Турции: Чатал Гюк (сверление), Ашиклы Гюк (сверление), Чаюню (сверление), Гёбекли Тепе (сверление), Курбан Гюк – поздний неолит–ранний халколит (прорезывание), Куручай Гюк – ранний халколит (сверление); Палестине – Телль эс-Султан/Иерихон (метод точно не описан); Израиле – Кфар ХаХореш (сверление); Ираке – Зави Чеми Шанидар (прижигание); ОАЭ – Джебель Бухайс 18 (скобление). Манипуляции из Чатал Гюк, Чаюню, Гёбекли Тепе, Кфар ХаХореш, Зави Чеми Шанидар были осуществлены в ритуально-символических целях; а из Ашиклы Гюк, Курбан Гюк, Куручай Гюк, Иерихона, Джебель Бухайс 18 – в медицинских целях. Преобладающим методом трепанации в эпоху неолита на территории Южного Кавказа и Ближнего Востока был метод сверления. Возможно, этот метод краниотомии попал в Азербайджан с территории Турции, где он преобладал в исследуемое время.

Для цитирования: Кириченко Д.А. О трепанации черепа на территории Азербайджана в эпоху неолита. *Археология Казахстана*. 2023. № 1 (19). С. 114–132. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.114.132](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.114.132)

1 Введение

В статье в научный оборот вводится новый палеоантропологический материал – фрагмент черепа со следами краниотомии, который относится к периоду нового каменного века. Антропологический материал был обнаружен в погребении на поселении Полутепе (Джалилабадский р-н, Азербайджанская Республика), которое относится к кругу памятников – «традиция Муганского неолита».

Помимо случая из Полутепе в научной литературе имеется еще упоминание об одном черепе со следами трепанации из Чалагантепе (Агдамский район).

В конце 1980-х гг. азербайджанский антрополог д.и.н. Р.М. Касимова сделала о нем небольшую заметку в журнале «Наука и жизнь» [Qasimova 1988]. Некоторые сведения о трепанированном черепе из Чалагантепе приводятся также в книге д.и.н. Т.И. Ахундова [Ахундов 2017], который, вероятно, использовал данные, в свое время предоставленные первооткрывателю Чалагантепе – д.и.н. И.Г. Нариманову со стороны врача д.б.н. Д.В. Гаджиева. Для периода неолита в регионе Южного Кавказа черепа с трепанациями в настоящее время не выявлены и нам неизвестны.

Находки трепанированных черепов с территории нашей республики рассмотрены в контексте аналогичных случаев краниотомии синхронного периода с территории Ближнего Востока. В публикации указана характеристика археологических памятников Азербайджана, где были выявлены черепа со следами трепанации.

2 Материалы и методы

2.1 Методы исследования

Методика техники трепанации была описана согласно классификации, предложенной Ф.П. Лисовским [Lysowki 1967], Д.Р. Бротвеллом [Brothwell 1972] и М.Б. Медниковой [Медникова 2001]. Антропологические исследования были осуществлены на основе различных научных методик [Martin, Saller 1957; Алексеев, Дебец 1964; Бужилова 1995; 1998; Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998; Buikstra, Ubelaker 1994; Ortner, Putschar 1981; Ubelaker 1978; Waldron 2008].

Традиционно при определении трепанации было отмечено следующее: способ проведения краниотомии (сверление, прорезывание, скобление, прижигание), форма трепанационного отверстия (овал, круг, треугольник, квадрат, прямоугольник и т. д.), его размеры, зона нахождения на черепе (лобная, затылочная, височная, теменная кость, их правая/левая сторона), края отверстия, присутствие (ее выраженность) или отсутствие заживления, характер (прижизненная, предсмертная, посмертная), цели (медицинские показания, ритуально-символические).

Для изучения материалов применялись традиционные в науке методы – лабораторно-аналитические исследования. Новизной работы является попытка рассмотреть известные на настоящий момент случаи трепанации черепа периода неолита с территории Азербайджана. При подготовке материалов к публикации успешно применен метод систематизации имеющихся данных. С этой целью была подготовлена и составлена карта находок трепанированных черепов с территории Южного Кавказа и Ближнего Востока периода неолита – раннего халколита (рис. 4). Для каждого памятника отмечено количество наблюдений, указана методика краниотомии и, по возможности, форма и размеры трепанационного отверстия (-ий) и их иллюстрации.

2.2 Характеристика материала

Полутепе. Поселение расположено на восточной окраине села Учтепе (Джалилабадский р-н, Азербайджанская Республика). Археологический памятник был открыт археологом д.и.н., проф. И.Г. Наримановым в конце 1980-х гг. [Нариманов 1987: 60].

В 2004 г. здесь был заложен контрольный шурф, вскрывший неолитический слой. Начиная с 2006 г. на памятнике проводятся археологические раскопки под руководством д.и.н. Т.И. Ахундова. На поселении были выявлены погребения, гончарные печи, остатки строений из сырцового кирпича

[Ахундов и др. 2015: 82]. Люди различного возраста погребены в слабо выраженных неглубоких ямах овальной формы, на левом или правом боку, скорченно в различной степени, без определенной ориентации. Покойники часто посыпались красно-коричневатой охрой. В отдельных случаях в могилу клали один керамический сосуд и различные бусы [Ахундов и др. 2017: 84].

По данным радиоуглеродного анализа поселение Полутепе датируется 1-й пол. V – началом IV тыс. до н.э. (4590–3950 гг. до н.э.) [Akhundov et al. 2018: 150]. Анализ был проведен на основе образцов древесного угля массой 50 г [Akhundov et al. 2018: 149]. Толщина культурного отложения эпохи неолита на Полутепе составляет до 6 м. Поселение Полутепе относится к кругу памятников под названием «Традиция Муганского неолита» [Ахундов 2020: 90].

На фрагменте черепа (P2014-3) [Нәсәнов 2017: 82], предположительно, мужчины (определение пола было осуществлено на основе части нижней челюсти без сохранившихся зубов) из раскопок полевого сезона 2014 г. отмечены следы трепанации. Костные останки были выявлены в одном из погребений на поселении, но более подробной информации, увы, не сообщается. В нашем распоряжении, к сожалению, не имеется других костей черепа или посткраниального скелета из погребения, за исключением приведенных выше фрагмента затылочной кости и части нижней челюсти без зубов.

Чалагантепе. Поселение находится в 1 км к северу от с. Афагли (Агдамский р-н, Азербайджанская Республика) [Ахундов 2017: 423]. Археологические раскопки на памятнике проводились д.и.н., проф. И.Г. Наримановым с 1980 по 1987 г. [Нариманов 1987].

Раскопки в западной части холма выявили остатки круглых в плане построек из сырцового кирпича, керамических печей и детские погребения. Сохранились остатки циновки на полу жилых помещений. Очаги располагались у стен домов. Постройки расположены вплотную друг к другу или на близком расстоянии [Нариманов 1987: 50]. Помимо детских были выявлены и погребения взрослых людей. Всего на поселении Чалагантепе было раскопано 21 погребение. Захоронения в большинстве случаев находились или под полом строений или вблизи них [Ахундов 2017]. В погребении № 20 был обнаружен череп неудовлетворительной сохранности со следами трепанации.

Погребение № 20 было выявлено под полом строения № 60, на глубине 4,8 м. Оно было совершено в овальной яме, вытянутой по направлению: ССЗ–ЮЮВ, впущенной в материк, скелет находился скорчено на спине, головным отделом на ЮЮВ, лицевым – на восток. На костях скелета сохранились следы красной охры. На груди была зафиксирована порошковидная масса фиолетового цвета. Спектральный анализ, проведенный И.Р. Селимхановым, определил, что этот порошок, в основном, состоит из окислов никеля с незначительным процентом других минералов (им же было сделано предположение, что этот порошок использовался в косметических целях). Помимо этого, на грудной части скелета находились две трубочки из кости крупной птицы и подвеска из ребра крупного рогатого скота. На верхнем конце подвески было небольшое отверстие, нижний конец был сломан. Вторая подобная, но целая подвеска была найдена между грудной клеткой и левой рукой. Тут же находилась третья трубочка из кости птицы [Ахундов 2017: 469–470].

Поселение Чалагантепе на основе исследования древесного угля из средней толщи слоя радиоуглеродным методом относится к 1-й пол. V тыс. до н.э. [Ахундов 2017: 424], и принадлежит к кругу памятников Шомутепинской археологической культуры периода неолита.

3 Результаты

Полутепе. Отверстие округлой формы (рис. 1–2), зафиксировано на затылочной кости черепа слева, размеры отверстия: снаружи – 0,3 см, изнутри – 0,25 см. Следы заживления отсутствуют, края острые (наблюдение было произведено визуально, рентгенологическое исследование не проводилось), вероятно, в момент операции или сразу после нее человек умер.

Краниотомия была осуществлена, возможно, методом сверления (Drilling). На кости снаружи видны небольшие «зазубрины» и мелкая трещина (рис. 1), а изнутри – канавка, образовавшаяся в результате сверления.

Рис. 1. Полутепе. Фрагмент черепа со следами трепанации. Вид снаружи (фото автора)
1-сур. Полутепе. Трепанация ізі бар бас сүйек сынығы. Сыртқы көрініс (сурет автордікі)
Fig. 1. Polutepe. A fragment of the skull with traces of trepanation. Outside view (photo by the author)

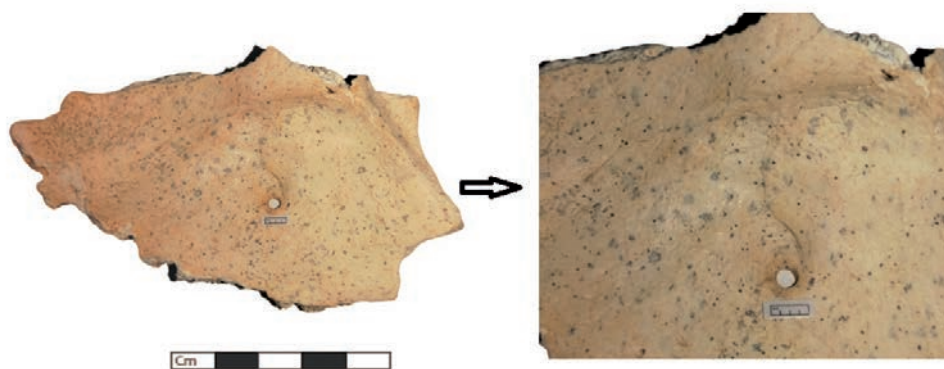

Рис. 2. Полутепе. Фрагмент черепа со следами трепанации. Вид изнутри (фото автора)
2-сур. Полутепе. Трепанация ізі бар бас сүйек сынығы. Ішкі жағынан көрініс (сурет автордікі)
Fig. 2. Polutepe. A fragment of the skull with traces of trepanation. Inside view (photo by the author)

В качестве инструмента, возможно, был использован какой-то острый предмет – костяное сверло/палочка из трубчатой кости животного, либо же другое не менее острое изделие, например, наконечник из кремния или же обсидиана. Похожие предметы из кости, камня и обсидиана были обнаружены в культурном слое поселения.

Костяные находки из поселения Полутепе представлены в подавляющем большинстве – шильями различной формы, размера, технологии изготовления и, вероятно, назначения. Кроме того, немало лоцил. Последние двух видов – сделанные на торце трубчатой кости и на лопаточной кости мелкого рогатого скота. Имеются также предметы неопределенного назначения, а также костяной кинжал и штык [Ахундов и др. 2017: 84]. Возможно, среди этих находок и был предмет, с помощью которого была осуществлена манипуляция.

В качестве вспомогательного средства для совершения манипуляции мог быть использован и лук, который уже широко применялся в неолите, так называемое «лучковое сверление» зафиксировано на изделиях и предметах из костей животных, кость человека, естественно, не могла быть исключением.

Сверло с длиной рукояткой, вращаемое тетивой лука, легко дает большое число оборотов, требует минимальных физических усилий для просверливания самой толстой кости в течение нескольких минут [Гойхман 1966: 117]. Древний хирург, вероятно, находился позади пациента.

На фрагменте черепа из патологий присутствует поротический гиперостоз как на внешней стороне, так и на эндокроне. Следует отметить, что в настоящее время случай из Полутепе является самым ранним в хронологическом плане проявлением поротического гиперостоза на краниологическом материале с территории Азербайджана, а, возможно, также и из региона Южного Кавказа.

Краниотомия на черепе P2014-3 из погребения Полутепе была произведена, по всей видимости, в медицинских целях, хотя полностью нельзя исключить и возможность совершения манипуляции уже посмертно (*post-mortem*).

Чалагантепе. Череп со следами трепанации (рис. 3) – овоидной формы, был представлен в экспозиции Национального музея истории Азербайджана, произвести его новую фотосъемку не представляется, к сожалению, возможным в виду закрытия археологической экспозиции сначала в период пандемии, а затем и на реконструкцию по обновлению экспозиционной коллекции. Фото, приведенное в публикации (рис. 3), было сделано автором несколько лет тому назад, когда череп из Чалагантепе еще находился в фонде отдела «Научная экспозиция» ИАЭ НАНА, с разрешения заведующего отделом к.и.н. Ф.Э. Гулиева.

Череп принадлежал, вероятно, женщине, в возрасте 30–35 лет [Qasimova 1988: 27]. Трепанационное отверстие овальной формы, размерами 3,5×2,5 см [Ахундов 2017: 471] находилось на теменной кости, почти посередине сагиттального шва. Часть отверстия расположена слева, а другая – справа на теменной кости. На левой стороне края отверстия обломаны, с правой стороны – целые. На правой стороне следы заживления отсутствуют, и слой диплоэ открыт. Это свидетельствует о том, что пациентка умерла сразу после операции или в ближайшее время после нее [Qasimova 1988: 27].

Р.М. Касимова предполагала, что краниотомия в Чалагантепе, как и в случае на мужском черепе (№ 54) из поздненеолитического могильника Вовниги (Украина), была произведена в медицинских целях. Сходны были также, по ее мнению, и методы осуществления манипуляции, а также отмечено, что, возможно, обе трепанации были осуществлены одним «хирургом» или «хирургами», между

которыми существовало тесное сотрудничество [Qasimova 1988: 27]. По определению врача, д.б.н. Д.В. Гаджиева, трепанационное отверстие было произведено каменным орудием, которым на темени было осуществлено три пропила, после чего кость была отломана [Ахундов 2017: 471].

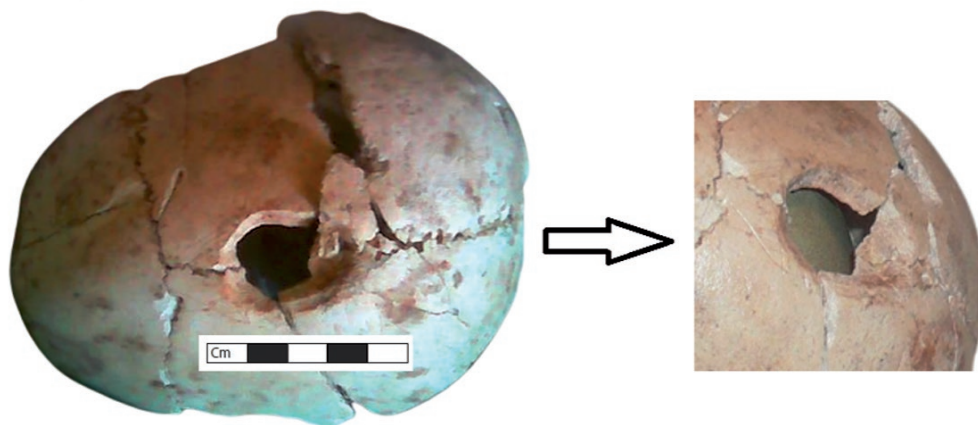

Рис. 3. Трепанированный череп из Чалагантепе (фото автора)
3-сур. Чалангантепеден табылған трепанцияланаған бас сүйек (сурет автордікі)
Fig. 3. Trephined skull from Chalagantepe (photo by the author)

Краниотомия была осуществлена, судя по всему, вначале методом сверления [Qasimova 1988], а затем – прорезывания. На черепе ребенка из погребения № 14 на поселении Чалагантепе имелось отверстие диаметром 0,9 см [Ахундов 2017: 467], но, к сожалению, в виду того, что краниум не сохранился и, вероятно, был утерян, мы не можем точно отметить было ли оно трепанационным отверстием, следом от травмы либо же механическим повреждением.

4 Обсуждение

В научной литературе в соответствии с наиболее общим определением под трепанацией понимают любое полное или частичное удаление кости из свода черепа, осуществленное преднамеренно [Медникова 2018: 6]. Трепанации проводились как в медицинских, так и в ритуально-символических целях. Трепанации или же краниотомии посвящена огромная литература. История исследования трепанаций на территории земного шара насчитывает уже не одно столетие.

Самое раннее упоминание о трепанации содержится в сочинении Гиппократов «О ранах головы» [Медникова 2001: 17]. Первое упоминание трепанаций в научной литературе датируется 1849 г. – публикация в Atlas de Morton, Cranea Americana [Медникова 2001: 17].

В задачи нашего исследования не входит подробный обзор всей научной литературы, посвященной краниотомии. Мы в своей работе коснемся случаев с территории Азербайджана и Ближнего Востока, относящихся к периоду нового каменного века.

В настоящее время самым древним случаем трепанации, хотя и символической, считается случай из верхнепалеолитической Тельмановской стоянки (Костенки 8) [Медникова 2018: 78].

В эпоху мезолита на территории Евразии самым ранним свидетельством краниотомии, осуществленной в медицинских целях, является мужской череп из погребения № 31 из могильника

Васильевка III с территории Украины [Гохман 1966; Гойхман 1966; Медникова 2018]. По мнению В.А. Гойхмана, последствия черепно-мозговой травмы служили показанием к оперативному вмешательству «древнего хирурга» [Гойхман 1966: 116]. Трепанация была осуществлена методом сверления. Инструментом, вероятно, послужила заостренная костяная палочка из компактного вещества трубчатых костей крупных животных, либо кремневый наконечник, укрепленный в расщепе деревянной палочкой или рог животного с помощью т. н. вкладышевой техники. Для осуществления трепанации был использован лук с тетивой [Гойхман 1966: 117]. Следы зарастания кости говорят о том, что «обладатель черепа на значительный срок пережил операционное воздействие» [Медникова 2018: 80].

Антрополог М.Б. Медникова отмечает возможную символическую трепанацию на черепе женщины из грота Мурзак-Коба в Крыму [Медникова 2018: 84]. Эпохой неолита датируются находки черепов со следами трепанации с территории Европы [Медникова 2001; 2018], Восточной Азии [Han, Chen 2007; Zhou et al. 2020], Северной Африки [Crubézy et al. 2001]. Манипуляции были осуществлены как в медицинских, так и в ритуально-символических целях.

Следует отметить, что нам неизвестны случаи трепанации в эпоху неолита на территории Кавказа, кроме находок из Азербайджана. На территории Северного Кавказа (Российская Федерация) случаи трепанации были отмечены с периода энеолита, преобладающим способом совершения манипуляции было скобление (Scraping/Grooving) [Gresky et al. 2016].

Случай трепанации методом сверления был отмечен в период халколита (4340–4050 гг. до н.э.) на черепе мужчины в возрасте 35–50 лет из погребения в кургане 5 Акналич (территория современной Армении), но, к сожалению, не приводятся ни фото, ни размеры трепанационного отверстия [Muradyan et al 2014; Aghikyan 2016].

Трепанованные черепа периода неолита были обнаружены и на археологических памятниках Ближнего Востока (рис. 4).

В частности, на территории Турции черепа со следами трепанации (рис. 5–6) были обнаружены на следующих археологических памятниках: Чатал Гуюк, Ашиклы Гуюк, Чаюню, Гёбекли Тепе.

Чатал Гуюк. Антрополог Дж.Л. Энджел на черепе молодой девушки (256 СН) из комнаты V.1 с территории поселения отметил два овальных отверстия (рис. 5.1) диаметром 6 мм на теменной кости. Повреждение произошло, когда кость была еще свежей, признаки костной реакции отсутствуют. Возможно, трепанация была совершена при вторичном перезахоронении. Отверстия были грубо просверлены [Angel 1971: 94].

Вероятно, здесь мы наблюдаем так называемую ритуально-символическую трепанацию. Метод вероятной трепанации – сверление (Drilling), манипуляция была совершена посмертно.

Ашиклы Гуюк. Антрополог М. Озбек слева на затылочной кости черепа (№ 7) девушки из погребения на поселении отметил округлое отверстие (рис. 5.2–5.3) диаметром 11,5 мм. Трепанация была осуществлена в медицинских целях, показанием к операции послужила черепная травма. Наблюдалось заживление кости, человек после операции жил определенное время [Özbek 1992: 153]. Трепанация была произведена методом сверления [Erdal Y.S., Erdal Ö.D. 2011: 533].

Чаюню. На теменной кости черепа (ÇТ 78 КЕ 6-2/3) молодого мужчины антропологом М. Озбеком было обнаружено округлое трепанационное отверстие (рис. 6.1), выполненное методом сверления [Özbek 1998: 109]. Фрагмент черепа относился ко вторичному погребению, был обнаружен рядом с другими человеческими останками, сложенными в кучу, в сгоревшей насыпи строения, во время полевого сезона 1978 г. [Özbek 1998: 119]. Края отверстия – гладкие,

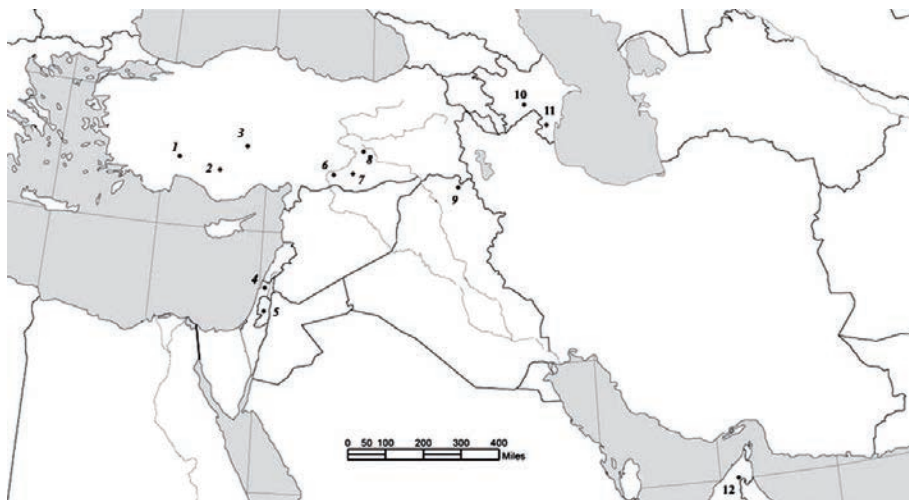

Рис. 4. Археологические памятники Южного Кавказа и Ближнего Востока периода неолита – раннего халколита. Случаи трепанации: 1 – Куручай Гуюк; 2 – Чатал Гуюк; 3 – Ашиклы Гуюк; 4 – Кфар ХаХореш; 5 – Телль эс-Султан/Иерихон; 6 – Курбан Гуюк; 7 – Гёбекли Тепе; 8 – Чаюню; 9 – Зави Чеми Шанидар; 10 – Чалагантепе; 11 – Полутепе; 12 – Джебель Бухайс 18-сүр. Неолит-ерте халколит кезеңіндегі Оңтүстік Кавказ бен Таяу Шығыстағы археологиялық ескерткіштер. Трепанация жағдайы: 1 – Куручай Гуюк; 2 – Чатал Гуюк; 3 – Ашиклы Гуюк; 4 – Кфар ХаХореш; 5 – Телль эс-Султан/Иерихон; 6 – Курбан Гуюк; 7 – Гёбекли Тепе; 8 – Чаюню; 9 – Зави Чеми Шанидар; 10 – Чалагантепе; 11 – Полутепе; 12 – Джебель Бухайс 18

Fig. 4. Archaeological sites of South Caucasus and Near East of Neolithic – early Chalcolithic. The cases of trepanation: 1 – Kuruçay Höyük; 2 – Chatal Höyük; 3 – Aşıklı Höyük; 4 – Kfar HaHoresh; 5 – Tell es-Sultan /Jericho; 6 – Kurban Höyük; 7 – Göbekli Tepe; 8 – Çayönü; 9 – Zawi Chemi Shanidar; 10 – Chalagantepe; 11 – Polutepe; 12 – Jebel Buhais 18

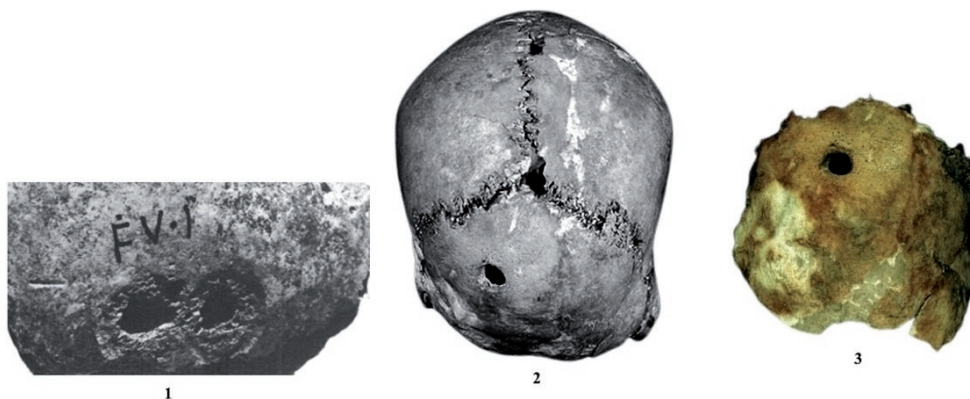

Рис. 5. 1 – Чатал Гуюк (по: [Angel 1971]); 2–3 – Ашиклы Гуюк (по: [Tuğcu 2010; Erdal Y., Erdal Ö. 2011])
5-сүр. Чатал Гуюк ([Angel 1971] бойынша); 2–3 – Ашиклы Гуюк ([Tuğcu 2010; Erdal Y., Erdal Ö. 2011] бойынша)
Fig. 5. 1 – Chatal Höyük, after – Angel 1971; 2–3 – Aşıklı Höyük, after – Tuğcu 2010; Erdal Y., Erdal Ö. 2011

имеют правильный профиль, было произведено правильное сверление. Диаметр отверстия снаружи составляет 8–10 мм, невозможно было измерить отверстие изнутри из-за разрывов табулы внутренней стенки. Рентгенологическое исследование показало, что отсутствуют следы заживления, нет реакции кости, вероятно, человек умер во время операции, либо она была сделана уже посмертно [Özbek 1998: 121].

Гёбекли Тепе. Антрополог Ю. Грески с соавторами на правой теменной кости черепа женщины (S1) в возрасте 25–40 лет из траншеи К 10-05 (loc. 18/24) с территории поселения отметили отверстие (рис. 6.2), произведенное методом сверления. Авторы предполагают, что через это отверстие череп был подвешен (рис. 7.3) к столбу или балке строения [Gresky et al. 2017a]. Отверстие просверлено снаружи внутрь и имеет форму воронки диаметром 6,7 мм снаружи и 5 мм изнутри. На некоторых участках видны ступенчатые канавки, образовавшиеся в результате сверления. Следы заживления отсутствуют, трепанация была произведена незадолго перед смертью или после [Gresky et al. 2017b: 176–177]. Вероятно, в случае из Гёбекли Тепе мы имеем дело с ритуальной посмертной трепанацией.

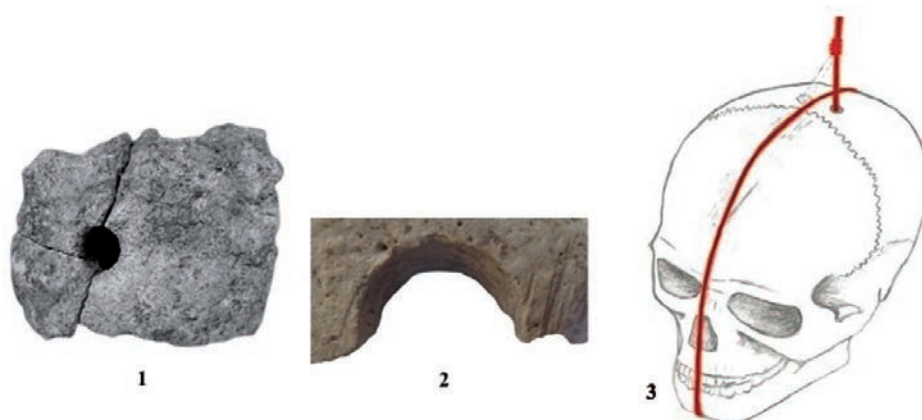

Рис. 6. 1 – Чаюню (по: [Erdal Y.S. 2010]); 2–3 – Гёбекли Тепе (по [Gresky et al. 2017a])
6-сур. 1 – Чаюню ([Erdal Y. 2010] бойынша); 2–3 – Гёбекли Тепе ([Gresky et al. 2017a] бойынша)
Fig. 6. 1 – Çayönü, after – Erdal Y.S. 2010; 2–3 – Göbekli Tepe, after – Gresky et al. 2017a

На территории Леванта случаи трепанации в эпоху неолита были засвидетельствованы в Тель эс-Султане/Иерихоне (Палестина) и в Кфар ХаХореш (Израиль).

Антропологи Г. Курт и О. Рёхрер-Эртл на правой теменной кости моделированного черепа (E 22) молодого мужчины из *Тель эс-Султана/Иерихона* (рис. 7.1) отмечают трепанационное отверстие со следами заживления [Kurth, Röhrer-Ertl 1981: 441]. Вероятно, трепанация была осуществлена в медицинских целях. К сожалению, ничего не сообщается ни о методе краниотомии, ни о размерах трепанационного отверстия.

Моделированный череп был обнаружен в квадрате EIII-IV и относился к периоду докерамического неолита В [Kurth, Röhrer-Ertl 1981: 492].

На поселении *Кфар ХаХореш* (докерамический неолит В) были обнаружены вторичные захоронения с человеческими останками. Среди них привлекает внимание мужской череп из погребального комплекса Locus 1155 (который содержал костные останки девяти человек: 5 взрослых и 4 подростков, выложенных в виде животного) с просверленным отверстием в теменной части краниума (рис. 7.2–7.3), сверление было произведено перед смертью, бороздки сверла отчетливо видны. Еще одной интересной особенностью черепа является то, что на нем отмечена травма, которая, вероятно, привела к смерти. Человек, по всей видимости, был убит [Simmons et al. 2007]. К сожалению, не приводится информация о размерах просверленного отверстия. Возможно, на черепе человека из Кфар ХаХореш была совершена ритуально-символическая трепанация.

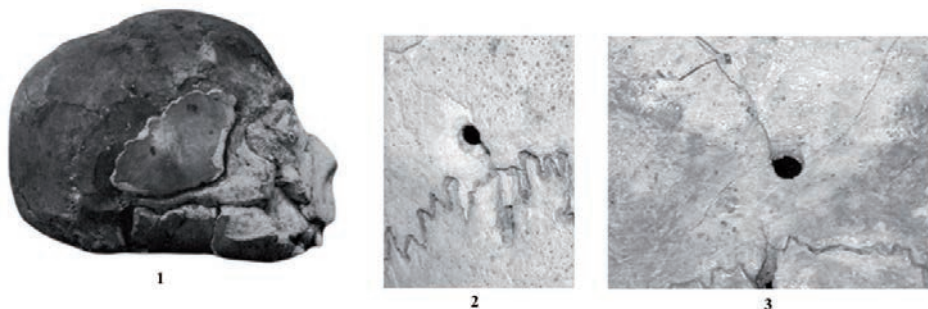

Рис. 7. 1 – Телль эс-Султан/Иерихон, моделированный череп E 22 (по: [Kenyon 1981]);
2–3 – Кфар ХаХореш, вид снаружи и внутри (по: [Simmons et al. 2007])

7-сур. 1 – Телль эс-Султан/Иерихон, моделденген бас сүйек E 22 ([Kenyon 1981] бойынша);
2–3 – Кфар ХаХореш, сыртынан және ішінен қараған көрініс ([Simmons et al. 2007] бойынша)

Fig. 7. 1 – Telles-Sultan/Jericho, plastered skull E 22, after – Kenyon 1981;
2–3 – Kfar HaHoresh, outside and inside views, after – Simmons et al. 2007

На археологическом памятнике *Зави Чами Шанидар* (Ирак) были обнаружены погребения периода неолита. Справа на лобной кости черепа (337-IV) мужчины в возрасте около 30 лет отмечено округлое вдавление диаметром 1 см (рис. 8.1), с неровным дном, пористое, образующее сплошную костную поверхность, не затрагивает диплоэ, отсутствуют воспалительные процессы, произошло полное зарубцевание кости. По мнению антрополога Д. Ферембах, здесь на черепе была произведена прижизненная символическая трепанация, в совершении которой практикующие древние хирурги достигли значительных успехов [Ferembach 1970: 41].

На правой теменной кости черепа (371-298IV) женщины в возрасте около 30 лет также отмечено овальное вдавление (рис. 8.2) размерами 13×11 мм [Ferembach 1970: 43]. На левой теменной кости черепа (382-IV) взрослого человека присутствует круглое вдавление диаметром 12 мм [Ferembach 1970: 43]. На всех черепах, где были зафиксированы углубления, отмечено заживление кости без следов инфекционной реакции, что говорит о мастерстве древних хирургов при совершении подобного рода действий [Ferembach 1970: 46].

Символическая трепанация у людей из *Зави Чами Шанидар*, вероятно, была связана с определенными инициациями во время жизненного цикла. Возможно, в случае из *Зави Чами Шанидара* был применен так называемый метод прижигания.

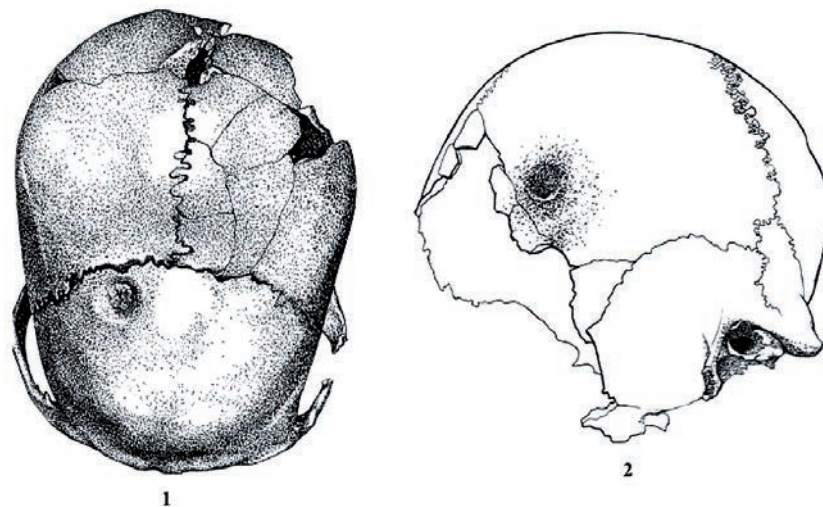

Рис. 8. Зави Чеми Шанидар: 1 – мужской череп 337-IV; 2 – женский череп 371-298 IV
(по: [Ferembach 1970])

8-сур. Зави Чеми Шанидар: 1 – 337-IV еркек бас сүйегі; 2 – 371-298 IV әйел бас сүйегі
([Ferembach 1970] бойынша)

Fig. 8. Zawi Chemi Shanidar: 1 – Male skull 337-IV; 2 – Female skull 371-298 IV, after – Ferembach 1970

Данный способ символической трепанации получил свое дальнейшее распространение уже в более поздние эпохи, а в средневековье он был описан в медицинском трактате врача Шарафеддина Сабунчуоглу «Kitab Al-Cerrahiyet Al-Nâniye (Имперская хирургия)» (1465 г.), но уже как один из методов лечения головной боли [Кириченко 2022].

Джебель Бухайс 18. На трех черепах из погребений периода неолита на поселении выявлены трепанационные отверстия [Potts 2015: 481]. Погребения, в которых были обнаружены черепа со следами трепанации, относились ко вторичным захоронениям [Kutterer et al.].

На черепе женщины (BC) в возрасте 30–40 лет в центре сагиттального шва на пересечении с сагиттальным синусом отмечено трепанационное отверстие размерами 47×34 мм (рис. 9.1), хирургическое вмешательство было осуществлено для лечения травмы, признаки длительного заживления отсутствуют; на черепе женщины (DW) в возрасте 40–50 лет по сагиттальному шву видно два вдавленных перелома, передний из которых лечили хирургическим путем с помощью трепанации (рис. 9.2), судя по образованию новой кости до 8 мм, процесс заживления после успешно проведенной операции длился не менее полугода; на черепе мужчины (HD) в возрасте 50–60 лет на правой теменной кости (рис. 9.3) присутствуют явные следы краниальной хирургии, первоначальное отверстие, осуществленное трепанацией, было расширено примерно на 20 мм в диаметре, части отверстия закрыты новой костью (отверстие 13 мм), другое поражение, близкое к брегме, совместимо с наличием опухоли, возможно, имеется связь между проведением трепанации и наличием опухоли [Kutterer et al.]. Трепанации были осуществлены методом скобления [Potts 2015: 481] и, вероятно, в медицинских целях.

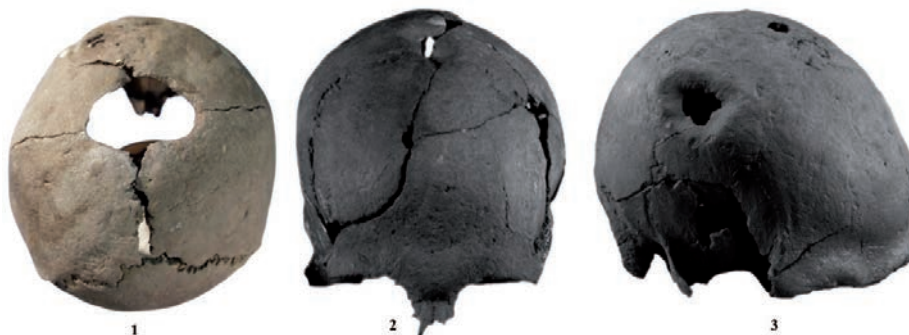

Рис. 9. Джебель Бухайс 18. Трепанации: 1 – женский череп BC; 2 – женский череп DW; 3 – мужской череп HD (по: [Kutterer et al.]

9-сур. Джебель Бухайс 18. Трепанациялар: 1 – BC әйел бас сүйегі; 2 – DW әйел бас сүйегі; 3 – HD еркек бас сүйегі ([Kutterer et al.] бойынша)

Fig. 9. Jebel Buhais 18. Trepanations: 1 – Female skull BC; 2 – Female skull DW; 3 – Male skull HD, after – Kutterer et al.

В перечень трепанаций с территории Ближнего Востока нам следует добавить и случаи из Курбан Гуюка и Куручай Гуюка (Турция).

Курбан Гуюк. Скелет (S1) женщины, в возрасте около 40 лет, находился в скорченном положении, ориентирован по направлению юг-восток, лицевым отделом на восток [Alpagut 1986: 149–151]. Погребение относится к халафскому периоду (VIII) [Alpagut 1986], который датируется эпохой позднего неолита – раннего халколита. На затылочной кости черепа справа (рис. 10.1) присутствуют следы гладко срезанной кости, вероятно, это было трепанационное отверстие со следами заживления на участке 1,7 мм. Невозможно восстановить границы отверстия в виду того, что часть затылочной кости обломана. Вероятно, пациент прожил какое-то время после операции [Alpagut 1986: 157]. Предположительно, трепанация была осуществлена методом прорезывания (Cutting).

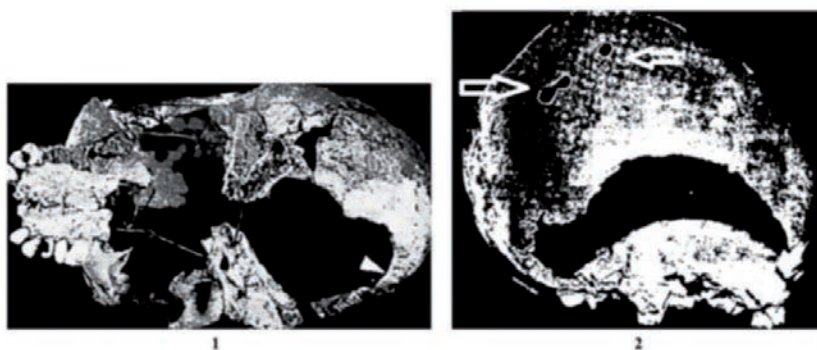

Рис. 10. 1 – Курбан Гуюк (по: [Alpagut 1986]); 2 – Куручай Гуюк (по: [Güleç, Pelin 1998]).

Стрелками показана зона трепанации и трепанационные отверстия

10-сур. 1 – Курбан Гуюк ([Alpagut 1986] бойынша); 2 – Куручай Гуюк ([Güleç, Pelin 1998] бойынша).

Бағыттамамен трепанация аймағы мен трепанация тесігі көрсетілген

Fig. 10. 1 – Kurban Höyük, after – Alpagut 1986; 2 – Kuruçay Höyük, after – Güleç, Pelin 1998.

The arrows show the trepanation zone and trepanation holes

Случай из *Куручай Гуюка* датируется периодом раннего халколита (около 5000 г. до н.э.) [Deniz, Şentuna 1988] и в хронологическом плане, учитывая даты, близок к случаям из Азербайджана.

На правой теменной кости женщины средних лет имеется три отверстия округлой формы (рис. 10.2). Из них два находились вплотную друг к другу. Размеры одного отверстия – 9×7 мм, а других, соответственно, 7 мм и 9 мм [Güleç, Pelin 1998: 347–348]. Трепанация была осуществлена методом сверления [Erdal Y., Erdal Ö. 2011: 533].

По мнению антропологов Э. Гюлеч и Дж. Пелин, трепанация была проведена в медицинских целях, показанием к ней послужили сильные головные боли у пациента. Однако женщина в течение или сразу же после операции скончалась [Güleç, Pelin 1998].

Приведенные выше случаи трепанации с территории Ближнего Востока показывают, что, как и в Европе, в синхронное время здесь были распространены манипуляции, осуществленные как в медицинских, так и в ритуально-символических целях.

5 Заключение

В настоящее время на территории Азербайджана имеются два случая трепанации (Полутепе, Чалагантепе) в эпоху нового каменного века. Краниотомии из Полутепе (метод сверления) и Чалагантепе (метод сверления и прорезывания) были осуществлены в медицинских целях, в обоих случаях пациенты скончались в течение или сразу же после операции, хотя в Чалагантепе, возможно, женщина, еще жила какое-то время после совершенной манипуляции. В случае из Полутепе нельзя также исключить и посмертное вмешательство с целью осуществления манипуляции.

На территории Ближнего Востока в период неолита – раннего халколита самым распространенным способом совершения трепанации был метод сверления (Чатал Гуюк, Ашиклы Гуюк, Чаюню, Гёбекли Тепе, Куручай Гуюк, Кфар ХаХореш), помимо него отмечены также методы прижигания (Зави Чеми Шанидар), скобления (Джебель Бухайс 18) и прорезывания (Курбан Гуюк).

Трепанации были осуществлены как в медицинских (Ашиклы Гуюк, Курбан Гуюк, Куручай Гуюк, Телль эс-Султан/Иерихон, Джебель Бухайс 18), так и в ритуально-символических (Чатал Гуюк, Чаюню, Гёбекли Тепе, Кфар ХаХореш, Зави Чеми Шанидар) целях.

В случае из Зави Чеми Шанидар трепанация выполняла своего рода функцию инициации на протяжении определенного жизненного цикла индивидуума. Манипуляции завершались удачно, присутствуют следы заживления, что говорит о профессионализме древних хирургов того времени. Успехом закончились и медицинские краниотомии в Ашиклы Гуюке, Курбан Гуюке, Иерихоне, Джебель Бухайсе 18, пациенты прожили после операции определенное время.

Трепанации были подвергнуты как черепа мужчин, так и женщин, в количественном отношении последних было больше, но это если судить по обнаруженным на настоящее время подобного рода находкам. Возможно, новые находки смогут изменить это соотношение. Вероятно, метод сверления, как способ осуществления трепанации, проник на территорию Азербайджана из Турции, где в основном он и преобладал.

Благодарности: Автор выражает свою благодарность и признательность д.и.н. Т.И. Ахундову за возможность исследовать антропологический материал из Полутепе.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- 2 Ахундов Т.И. У истоков кавказской цивилизации. Неолит Азербайджана. Книга вторая. Памятники Гарабахского неолита. Баку: АфПолиграф, 2017. 916 с.
- 3 Ахундов Т.И. Муганская степь в V–II тыс. до н.э. / Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения / Отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала: Мавраевъ, 2020. С. 90-92.
- 4 Ахундов Т.И., Махмудова В.А., Рамазанлы Г.Х., Рахманов А.А., Велиев С.С., Тагиева Е.Н., Гурбанов Т.Р. Работы Муганской неолит-энеолитической экспедиции в 2013 г. / Археологические исследования 2013–2014 гг. / Под ред. М.Н. Рагимовой. Баку: Khazar university publishing, 2015. С. 54-59.
- 5 Ахундов Т.И., Махмудова В.А., Гасанова А.М., Рамазанлы Г.Х., Рахманов А.А. Археологические исследования 2015–2016 гг. Муганской неолит-энеолитической экспедиции // Археологические исследования в Азербайджане 2015–2016 / Под ред. М.Н. Рагимовой. Баку: AfPoligraf, 2017. С. 81-86.
- 6 Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995. 189 с.
- 7 Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Бужилова А.П., Козловская М.В., Медникова М.Б. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад, 1998. С. 87-146.
- 8 Гойхман В.А. О трепанации черепа в эпоху мезолита // Вопросы антропологии. 1966. № 23. С. 111-118.
- 9 Гохман И.И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита (антропологический очерк). М.: Наука, 1966. 196 с.
- 10 Кириченко Д.А. Антропологические материалы из «Культового кургана» (Азербайджанская Республика) // Археология евразийских степей. 2022. № 1. С. 74-85.
- 11 Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный мир, 2001. 304 с.
- 12 Медникова М.Б. После Брока. Трепанации эпохи неолита из коллекции Прюньера в Музее Человека. М.: ClubPrint, 2018. 160 с.
- 13 Нариманов И.Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку: Элм, 1987. 259 с.
- 14 Aghikyan L. The First Chalcolithic Period Burials in Armenia / Analysis, Research and Planning for Armenia. Institute Newsletter. 2016. No. 23. P. 9.
- 15 Akhundov T.I., Mammadov S.G., Ahadova A.A., Abdullayev A.N. Dating of charcoal samples from the Polutepe archaeological site in Azerbaijan // Asian Journal of Humanities and Social Studies. 2018. Vol. 06. Issue 04. August 2018. P. 147-151.
- 16 Alpagut B. The human skeletal remains from Kurban Höyük (Urfa Province) // Anatolica. 1986. XIII. P. 149-174.
- 17 Angel J.L. Early Neolithic Skeletons from Çatal Hüyük: Demography and Pathology // Anatolian Studies. 1971. Vol. 21. P. 77-98.
- 18 Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 478 p.
- 19 Brothwell D.R. Digging up Bones: The Excavation, Treatment and Study of Human Skeletal Remains. London: British Museum (Natural History), 1972. 196 p.
- 20 Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards for data collection from human skeletal remains: proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History, organized by Jonathan Haas. Arkansas archaeological research series. 44. Indianapolis: Western Newspaper Company, 1994. 206 p.
- 21 Crubézy E., Bruzek J., Guilaine J., Cunha E., Rouge D., Jelinek J. The antiquity of cranial surgery in Europe and in the Mediterranean basin // Sciences de la Terre et des planètes // Earth and Planetary Sciences. 2001. Vol. 332. P. 417-423.

- 22 Deniz E., Şentuna C. Kuruçay Höyük Kazısı Arkeobiolojik Materyalinin Tüm Değerlendirilmesi // Arkeometri Sonuçları Toplantısı. 1988. IV. S. 169-185.
- 23 Erdal Y.S. A Retrospective Study on Trepanation in Anatolia / Proceedings of the 6th International Congress of the Archaeology of the Ancient Near East. P. Matthiae, F. Pinnock, L. Nigro, and N. Marchetti (eds.). Vol. 1. Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. P. 261-276.
- 24 Erdal Y.S., Erdal Ö.D.A Review of Trepanations in Anatolia with New Cases // International Journal of Osteoarchaeology. 2011. Vol. 21. P. 505-534. DOI: 10.1002/oa.1154
- 25 Ferembach D. Etude anthropologique des ossements humains Proto-Neolithiques de Zawi Chemi Shanidar // Sumer. 1970. 26. P. 21-64.
- 26 Gresky J., Batiava E., Kitova A., Kalmykov A., Belinskiy A., Reinhold S., Berezina N. New cases of trepanations from the 5th to 3rd millennia BC in Southern Russia in the context of previous research: Possible evidence for a ritually motivated tradition of cranial surgery // American Journal of Physical Anthropology. 2016. Vol. 160 (4). P. 665-682. DOI: 10.1002/ajpa.22996
- 27 Gresky J., Haelm J., Clare L. Modified human crania from Göbekli Tepe provide evidence for a new form of Neolithic skull cult // Science Advances. 2017a. Vol. 3 (6). e1700564. DOI: 10.1126/sciadv.1700564
- 28 Gresky J., Haelm J., Clare L. Göbekli Tepe, Türkei. Modifizierte menschliche Schädelfragmente vom Göbekli Tepe belegen eine neue Form Neolithischen Schädelkultes. Erste Ergebnisse der anthropologischen Untersuchungen der menschlichen Skelettreste aus den Grabungen 1997–2014 // e-Forschungsberichte. 2017b. Issue 2. P. 173-178. DOI: 10.34780/2g24-e9g1
- 29 Güleç E., Pelin C. Kuruçay Höyüğünde gün ışığına çıkarılan bir trepanasyon olgusu // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1998. Vol. 38 (1-2). S. 343-350.
- 30 Han K., Chen X. The archaeological evidence of trepanation in early China // Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin. 2007. Vol. 27. P. 3-34.
- 31 Həsənov V.P. Pövlətə qədim yaşayış yerindən aşkar olunmuş insan skeletlərinin antropoloji tədqiqi / Arif Akim oğlu Abbasovun anadan olmasının 80 illiyinə həsr olunmuş “2017-ci ildə Azərbaycanda aparılmış arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatların yekunları”, Bakı, 2017. S. 81-82.
- 32 Kenyon K.M. Excavations at Jericho: The architecture and stratigraphy of the tell: plates. Vol. 3. Oxford: British school of archaeology in Jerusalem, 1981. 343 pl.
- 33 Kurth G., Röhrer-Ertl O. On the Anthropology of the Mesolithic to Chalcolithic Human Remains from Tell es-Sultan in Jericho, Jordan / Kenyon K.M. Excavations at Jericho: The architecture and stratigraphy of the tell: text. Vol. 3. Oxford: British school of archaeology in Jerusalem, 1981. P. 407-499.
- 34 Kutterer A., Kutterer J., Uerpmann H-P. Interactive Catalog of the Results on the Human Remains from the Neolithic Graveyard al-Buhais 18 (BHS18, UAE). Archaeological, Osteological and Isotopic Data. URL: https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/static/html/EXTERN/Catalog_BHS18/index.html (дата обращения: 05.01.2023).
- 35 Lisowski F.P. Prehistoric and early historic trepanation / Diseases in Antiquity: A Survey of the Diseases, Injuries and Surgery of Early Populations (D. R. Brothwell and A.T. Sandison eds.). Springfield: C.C. Thomas, 1967. P. 651-672.
- 36 Martin R., Saller K. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer Darstellung, mit Besonderer Berücksichtigung der Anthropologischen Methoden. Bd. I. Stuttgart: Fischer, 1957. 518 p.
- 37 Muradyan F., Gasparyan B., Zardaryan D., Aghikyan L. Discovery of the First Chalcolithic Burial Mounds in the Republic of Armenia / Stone Age of Armenia. Gasparyan B., Arimura M. (Eds.). Kanazawa: Kanazawa University, 2014. P. 339-364.
- 38 Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington: Smithsonian Institution Press, 1981. 479 p.
- 39 Özbek M. Aşıklı Höyük neolitik insanları // Arkeometri Sonuçları Toplantısı. 1992. VII. S. 145-160.

- 40 *Özbek M.* Çayönü'nde kafatası delgi operasyonu // Hacettepe Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi. 1998. Cilt 15. Özel Sayı. S. 109-126.
- 41 *Potts D.T.* An Archaeological Meditation on Trepanation / The Frontiers of Ancient Science Essays in Honor of Heinrich von Staden (Brooke Holmes and Klaus-Dietrich Fischer eds.). Berlin: De Gruyter, 2015. P. 463-492.
- 42 *Qasimova R.* Paleoantropoloji materiallarda ibtidai “cərrahiyyə” izləri // Elm və həyat. 1988. 4. S. 26-27.
- 43 *Simmons T., Kolska-Horwitz L., Goring-Morris N.* What Ceremony Else? Taphonomy and the Ritual Treatment of the Dead in the Pre-Pottery Neolithic B Mortuary Complex at Kfar HaHoresh, Israel / Faces from the Past: Diachronic Patterns in the Biology of Human Populations from the Eastern Mediterranean: Papers in Honour of Patricia Smith (M. Faerman eds.). Oxford: Archaeopress, 2007. P. 100-126.
- 44 *Tuğcu B.* Anadolu'da, Canlıda Yapılan Trepanasyon Örneği: Aşıklı Höyük Höyük insanı // Türk Nöroşirürji Dergisi. 2010. Cilt 20. Sayı. 2. S. 70-75.
- 45 *Ubelaker D.H.* Human Skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago: Adline Publishing Company, 1978. 116 p.
- 46 *Waldron T.* Paleopathology. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 298 p.
- 47 *Zhou Y., Lin Sh., Gu W., He L., Zhang Q., Yeh H-Y.* Early evidence of trepanation along the Yellow River Basin in Neolithic China // Archaeological and Anthropological Sciences. 2020. Issue 12. DOI: [10.1007/s12520-020-01151-w](https://doi.org/10.1007/s12520-020-01151-w)

REFERENCES

- 1 *Alekseev, V. P., Debets, G. F.* 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniia (Cranimetry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 2 *Akhundov, T. I.* 2017. *U istokov kavkazskoj civilizacii. Neolit Azerbajdzhana. Kniga vtoraya. Pamyatniki Garabahskogo neolita (At the origins of the Caucasian civilization. Neolithic of Azerbaijan. Book two. The Monuments of Neolithic of the Karabakh)*. Baku: “AfPoligraf” Publ. (in Russian).
- 3 *Akhundov, T. I.* 2020. In: *Gadzhiev, M. S. (ed.). XXXI Krupnovskie chteniya (31st Krupnov's readings)*. Makhachkala: “Mavraev” Publ., 90-92 (in Russian).
- 4 *Akhundov, T. I., Mahmudova, V. A., Ramazanli, H. Kh., Rakhmanov, A. A., Valiyev, S. S., Tagiyeva, Y. N., Gurbanov, T. R.* 2015. In: *Rahimova, M. N. (ed.). Archaeological researches in Azerbaijan 2013–2014* Baku: “Khazar university” Publ., 54-59 (in Russian).
- 5 *Akhundov, T. I., Mahmudova, V. A., Gasanova, A. M., Ramazanli, H. Kh., Rakhmanov, A. A.* 2017. In: *Rahimova, M. N. (ed.). Archaeological researches in Azerbaijan 2015–2016*. Baku: “AfPoligraf” Publ., 81-86 (in Russian).
- 6 *Buzhilova, A. P.* 1995. *Drevnee naselenie: paleopatologicheskie issledovaniia (Ancient Population: Paleopathological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 7 *Buzhilova, A. P.* 1998. In: *Buzhilova, A. P., Kozlovskaya, M. V., Lebedinskaya, G. V., Mednikova, M. B. Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniia (Historical Ecology of Humans: Methodology of Biological Research)*. Moscow: “Staryi sad” Publ. (in Russian).
- 8 *Goyhman, V. A.* 1966. In: *Voprosy antropologii (Issues of anthropology)*, 23, 111-118 (in Russian).
- 9 *Gohman, I. I.* 1966. *Naselenie Ukrainy v epohu mezolita i neolita (antropologicheskii ocherk) (The population of Ukraine in Mesolithic and Neolithic (anthropological essay))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 10 *Kirichenko, D. A.* 2022. In: *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian steppes)*, 1, 74-85 (in Russian).
- 11 *Mednikova, M. B.* 2001. *Trepanatsiia u drevnikh narodov Evrazii (Trepanation Practices by the Ancient Peoples of Eurasia)*. Moscow: “Nauchnii mir” Publ. (in Russian).

- 12 Mednikova, M. B. 2018. *Posle Broka. Trepanatsii epohi neolita iz kolleksii Pryun'era v Muzee Cheloveka (After Broca. Trepanations of the Neolithic age from Prunieres collection in Museum of Man)*. Moscow: "Club Print" Publ. (in Russian).
- 13 Narimanov, I. G. 1987. *The culture of ancient agricultural and pastoral population of Azerbaijan*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).
- 14 Aghikyan, L. 2016. In: *Analysis, Research and Planning for Armenia. Institute Newsletter*, 23, 9 (in English).
- 15 Akhundov, T. I., Mammadov, S. G., Ahadova, A. A., Abdullayev, A. N. 2018. In: *Asian Journal of Humanities and Social Studies*, Vol. 06, Issue 04, 147-151 (in English).
- 16 Alpagut, B. 1986. In: *Anatolica*, XIII, 149-174 (in English).
- 17 Angel, J.L. 1971. In: *Anatolian Studies*, 21, 77-98 (in English).
- 18 Aufderheide, A. C., Rodriguez-Martin, C. 1998. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology*. New York and Cambridge: Cambridge University Press (in English).
- 19 Brothwell, D. R. 1972. *Digging up Bones: The Excavation, Treatment and Study of Human Skeletal Remains*. London: British Museum (Natural History) (in English).
- 20 Buikstra, J. E., Ubelaker, D. H. 1994. *Standards for data collection from human skeletal remains proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History, organized by Jonathan Haas. Arkansas archaeological research series. 44*. Indianapolis: Western Newspaper Company (in English).
- 21 Crubézy, E., Bruzek, J., Guilaine, J., Cunha, E., Rouge, D., Jelinek, J. 2001. In: *Sciences de la Terre et des planètes / Earth and Planetary Sciences*, 332, 417-423 (in English).
- 22 Deniz, E., Şentuna, C. 1988. In: *Arkeometri Sonuçları Toplantısı (Archaeometry Results Meeting)*, IV, 169-185.
- 23 Erdal, Y. S. 2010. In: Matthiae, P., Pinnock, F., Nigro, L., Marchetti, N. (eds.). *Proceedings of the 6th International Congress of the Archaeology of the Ancient Near East*, 1, 261-276 (in English).
- 24 Erdal, Y. S., Erdal, Ö. D. 2011. In: *International Journal of Osteoarchaeology*, 21, 505-534. DOI: 10.1002/oa.1154 (in English).
- 25 Ferembach, D. 1970. In: *Sumer*, 26, 21-64 (in French).
- 26 Gresky, J., Batieva, E., Kitova, A., Kalmykov, A., Belinskiy, A., Reinhold, S., Berezina, N. 2016. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 160 (4), 665-682. DOI: [10.1002/ajpa.22996](https://doi.org/10.1002/ajpa.22996) (in English).
- 27 Gresky, J., Haelm, J., Clare, L. 2017a. In: *Science advances*, 3(6), e1700564 DOI: [10.1126/sciadv.1700564](https://doi.org/10.1126/sciadv.1700564) (in English).
- 28 Gresky, J., Haelm, J., Clare, L. 2017b. In: *e-Forschungsberichte*, 2, 173-178. DOI: [10.34780/2g24-e9g1](https://doi.org/10.34780/2g24-e9g1) (in German).
- 29 Güleç, E., Pelin, C. 1998. In: *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi (The Journal of the Faculty of Languages and History-Geography)*, 38 (1-2), 343-350 (in Turkish).
- 30 Han, K., Chen, X. In: *Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin*, 27, 22-27 (in English).
- 31 Həsənov, V. P. 2017. In: *The topic dedicated to the 80th anniversary of Arif Akim oghlu Abbasov. The summation of archaeological and ethnographical researches in Azerbaijan*. Baku, 81-82 (in Azerbaijani).
- 32 Kenyon, K. M. 1981. *Excavations at Jericho: The architecture and stratigraphy of the tell: plates*, 3. Oxford: British school of archaeology in Jerusalem (in English).
- 33 Kurth, G., Röhrer-Ertl, O. 1981. In: *Kenyon, K. M. Excavations at Jericho: The architecture and stratigraphy of the tell: text*, 3. Oxford: British school of archaeology in Jerusalem, 407-499 (in English).
- 34 Kutterer, A., Kutterer, J., Uerpmann, H-P. In: URL: https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/static/html/EXTERN/Catalog_BHS18/index.html (accessed: 05.01.2023) (in English).
- 35 Lisowski, F. P. 1967. In: Brothwell, D. R., Sandison, A. T. (eds.). *Diseases in Antiquity: A Survey of the Diseases, Injuries and Surgery of Early Populations*. Springfield: C.C. Thomas, 651-672 (in English).
- 36 Martin, R., Saller, K. 1957. *Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer Darstellung, mit Besonderer Berücksichtigung der Anthropologischen Methoden*. Bd. I. Stuttgart: Fischer (in German).

- 37 Muradyan, F., Gasparyan, B., Zardaryan, D., Aghikyan, L. 2014. In: Gasparyan, B., Arimura, M. (eds.). *Stone Age of Armenia*. Kanazawa: Kanazawa University, 339-364 (in English).
- 38 Ortner, D., Putschar, W.G.J. 1981. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Washington: Smithsonian Institution Press (in English).
- 39 Özbek, M. 1992. In: *Arkeometri Sonuçları Toplantısı (Archaeometry Results Meeting)*, 7, 145-160 (in Turkish).
- 40 Özbek, M. 1998. In: *Hacettepe Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi (Hacettepe University Journal of the Faculty of Literature)*, 15, 109-126 (in Turkish).
- 41 Potts, D.T. 2015. In: *The Frontiers of Ancient Science Essays in Honor of Heinrich von Staden (Brooke Holmes and Klaus-Dietrich Fischer eds.)*. Berlin: De Gruyter, 463-492 (in English).
- 42 Qasimova, R. 1988. In: *Science and Life*, 4, 26-27 (in Azerbaijani).
- 43 Simmons, T., Kolska-Horwitz, L., Goring-Morris, N. 2007. In: *Faces from the Past: Diachronic Patterns in the Biology of Human Populations from the Eastern Mediterranean: Papers in Honour of Patricia Smith (M. Faerman eds.)*. Oxford: Archaeopress, 100-126 (in English).
- 44 Tuğcu, B. 2010. In: *Türk Nöroşirürji Dergisi (Turkish Neurosurgical Journal)*, 20, 2, 70-75 (in Turkish).
- 45 Ubelaker, D.H. 1978. *Human Skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation*. Chicago: Adline Publishing Company (in English).
- 46 Waldron, T. 2008. *Paleopathology*. Cambridge: Cambridge University Press (in English).
- 47 Zhou, Y., Lin, Sh., Gu, W., He, L., Zhang, Q., Yeh, H-Y. 2020. In: *Archaeological and Anthropological Sciences*. 12. DOI: [10.1007/s12520-020-01151-w](https://doi.org/10.1007/s12520-020-01151-w) (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 11.01.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 24.01.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.01.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.133.156>

Керамическое производство на поселении Деркул 1 (Западный Казахстан)

© 2023 г. Рахимжанова С.Ж., Мамиров Т.Б., Аккошкарова Ж.Т.

Keywords: archaeology,
Western Kazakhstan, Derkul 1,
Eneolithic, ceramics, technology,
ornamentation

Түйін сөздер: археология,
Батыс Қазақстан, Деркул 1,
энеолит, керамика, жасалу
технологиясы, ою өрнегі

Ключевые слова: археология,
Западный Казахстан, Деркул 1,
энеолит, керамика, технология,
орнаментация

Saule Rakhimzhanova^{1,2}, Talgat Mamirov^{1*}, Zhanna Akkoshkarova¹

¹Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan;

²Researcher, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan. E-mail: saule-rahim@inbox.ru

^{1*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director, Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan. E-mail: tmamirov@mail.ru

¹Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: jan-adil@mail.ru

Ceramic production at Derkul 1 settlement (Western Kazakhstan)

Abstract. The article for the first time introduces the results of the study of the technology of manufacturing and ornamentation of ceramics of the Eneolithic era from the excavations of the settlement Derkul 1. Fragments of 36 vessels were studied. The main task was to highlight cultural traditions in the technology of manufacturing and ornamentation of ceramics. The study of this aspect showed a sufficient sameness of the views of the potters on plastic raw materials. The study of the degree of sandiness of clay and the composition of natural mineral impurities allowed us to identify five different “places” of extraction of the initial plastic raw materials. The analysis of the molding masses indicates that the potters of this settlement made vessels according to the recipes “clay + shell in a concentration of 1:3 + organic solution” (48.7%), “clay + shell in a concentration of 1:4 + organic solution” (21.6%), “clay + shell in a concentration of 1:5 + organic solution” (16.2%) and “clay + shell in a concentration of 1:2 + organic solution” (13.5%). The authors recorded, according to the data of ornamentation, the allocation of two main cultural traditions – comb and rope. According to the peculiarities of patterns, motifs and their organization, it is possible to correlate the materials of this settlement with the Caspian and Khvalynsk cultures.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2022–2023, IRN BR11765630, as well as with the support of the French FMSH Foundation and IFEAC in the process of passing the post-doctoral program.

For citation: Rakhimzhanova, S., Mamirov, T., Akkoshkarova, Zh. 2023. Ceramic production in the settlement of Derkul 1 (Western Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 3 (19), 133–156. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.133.156](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.133.156)

**Сәуле Жангелдықызы Рахимжанова^{1,2},
Талғат Базарбайұлы Мамиров^{1*},
Жанна Төлепбергенқызы Аққошқарова¹**

¹тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми
қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты, Алматы, Қазақстан

**Сауле Жангельдыевна Рахимжанова^{1,2},
Талгат Базарбаевич Мамиров^{1*},
Жанна Төлепбергеневна Аккошкарова¹**

¹кандидат исторических наук, ведущий научный
сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан;

²ғылыми қызметкер, Қазақстан Республикасы
Ұлттық музейі, Астана, Қазақстан

^{1*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының
кандидаты, директордың орынбасары,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

¹кші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты, Алматы, Қазақстан

Деркул 1 қонысындағы керамика өндірісі (Батыс Қазақстан)

Аннотация. Мақалада алғаш рет Деркул 1 қонысындағы қазбадан алынған энеолит дәуірінің керамикасының ою өрнегі мен оның жасалу технологиясын зерттеу нәтижелері ғылыми айналымға енгізілуде. 36 ыдыстың сынықтары зерттелді. Керамиканың ою-өрнегі мен жасалу технологиясындағы мәдени дәстүрлерін бөлу негізгі міндет болды. Бұл аспектіні зерттеу құмырашылардың жұмсақ созылмалы шикізатқа деген көзқарастарының біркелкілігін көрсетті. Саздың құмдану дәрежесін және табиғи минералды қоспалардың құрамын зерттеу бастапқы жұмсақ созылмалы шикізатты өндірудің бес түрлі «орнын» анықтады. Қалыптау массаларын талдау осы қоныстың құмырашылары ыдыстарды «саз + 1:3 концентрациясындағы қабыршақ + органикалық ерітінді» (48,7%), «саз + 1:4 концентрациясындағы қабыршақ + органикалық ерітінді» (21,6%), «саз + 1:5 концентрациясындағы қабыршақ + органикалық ерітінді» (16,2%) және «саз + 1:2 концентрациясындағы қабыршақ + органикалық ерітінді» (13,5%) құрамы бойынша дайындағанын көрсетеді. Авторлар ою-өрнек деректері бойынша мәдени дәстүрдің екі негізгі – тарақты және жіпті бөлінуін тіркеді. Үлгілердің, мотивтердің және оларды ұйымдастырудың ерекшеліктері бойынша осы қоныстың материалдарын Каспий маңы және хвалын мәдениеттерімен байланыстыруға болады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2022–2023 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR11765630 жобасы аясында, сонымен қатар post-doctoral program өту кезінде FMSH және IFEAC француз қорының қолдауымен даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Рахимжанова С.Ж., Мамиров Т.Б., Аққошқарова Ж.Т. Деркул 1 қонысындағы керамика өндірісі (Батыс Қазақстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (19). 133–156-б. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.133.156](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.133.156)

²научный сотрудник, Национальный музей
Республики Казахстан, Астана, Казахстан

^{1*}автор-корреспондент, кандидат исторических
наук, заместитель директора, Институт археологии
им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

¹младший научный сотрудник,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

Керамическое производство на поселении Деркул 1 (Западный Казахстан)

Аннотация. В статье впервые в научные оборот вводятся результаты изучения технологии изготовления и орнаментации керамики эпохи энеолита из раскопок поселения Деркул 1. Изучены фрагменты от 36 сосудов. Основной задачей являлось выделение культурных традиций в технологии изготовления и орнаментации керамики. Изучение этого аспекта показало достаточную однородность взглядов гончаров на пластичное сырье. Исследование степени запесоченности глины и состава естественных минеральных примесей позволило выявить пять разных «мест» добычи исходного пластичного сырья. Анализ формовочных масс указывает на то, что гончары данного поселения изготавливали сосуды по рецептам «глина + раковина в концентрации 1:3 + органический раствор» (48,7%), «глина + раковина в концентрации 1:4 + органический раствор» (21,6%), «глина + раковина в концентрации 1:5 + органический раствор» (16,2%) и «глина + раковина в концентрации 1:2 + органический раствор» (13,5%). Авторами зафиксировано по данным орнаментации выделение двух основных культурных традиций – гребенчатая и веревочная. По особенностям узоров, мотивов и их организации возможно соотнести материалы данного поселения с прикаспийской и хвалынской культурами.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2023, ИРН проекта BR11765630, а также при поддержке французского фонда FMSH и IFEAC в процессе прохождения post-doctoral program.

Для цитирования: Рахимжанова С.Ж., Мамиров Т.Б., Аққошқарова Ж.Т. Керамическое производство на поселении Деркул 1 (Западный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (19). С. 133–156. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.133.156](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.133.156)

1 Введение *(Рахимжанова С.Ж., Мамиров Т.Б.)*

Керамика является одним из важных археологических источников, имеющих значение для реконструкции и понимания многих аспектов жизнедеятельности древнего населения. Особенно актуальны эти сведения для неолита–энеолита, когда, помимо каменной индустрии, появляется керамика на поселениях и стоянках Казахстана. В последние годы изданы публикации, посвященные технологии изготовления сосудов, происходящих из материалов памятников Северного Казахстана [Рахимжанова 2015; Рахимжанова, Зеленко 2019; Шевнина 2018; 2019; Rahimzhanova et al. 2022].

В Западном Казахстане керамика встречается в достаточно ограниченном и фрагментарном виде. Наиболее подробно, в частности, характеристика орнамента сосудов описана для материалов неолита–энеолита Мангыстау [Астафьев 2014]. Работ же, касающихся технологии изготовления сосудов неолита–энеолита региона, не проводилось.

Целью данной статьи является реконструкция гончарных традиций поселения Деркул 1 на доступных для изучения этапах гончарного производства. Для реализации поставленной цели решались следующие исследовательские задачи: 1) выделение исходных сведений о керамических комплексах эпохи энеолита Западного Казахстана; 2) выявление орнаментальных традиций энеолитической керамики данной территории; 3) выявление культурных традиций гончарного производства у населения эпохи энеолита изучаемого региона; 4) реконструкция историко-культурных процессов на основе обобщения данных, полученных при изучении керамики.

2 Материалы и методы исследования

2.1 Краткая характеристика памятника *(Мамиров Т.Б.)*

Памятник Деркул 1 расположен на левом берегу центральной поймы р. Деркул в 80 км к западу от г. Уральска (Западно-Казахстанская обл.). Впервые памятник был обнаружен в 1986 г. Приволжской экспедицией Саратовского государственного университета под руководством Н.М. Малова. Основной целью экспедиции было выявление памятников срубной культуры для составления Свода памятников данной культуры в Волго-Уральском междуречье. На стоянке-мастерской был собран подъемный материал с площади 40×140 м, отмечено, что по процентному соотношению большинство артефактов выполнено из кварцита и единично из кремнистых пород, в соотношении 303 к 39. Памятник был отнесен автором к энеолиту [Малов 1988а].

В 1988 г. Волго-Уральской археологической экспедицией под руководством Н.М. Малова были проведены повторные поверхностные сборы на памятнике Деркул 1. По характеру каменной индустрии стоянка-мастерская отнесена к типу самарско-прикаспийских энеолитических памятников [Малов 1988б].

В 1991 г. исследование на памятнике было проведено Оренбургской археологической экспедицией под руководством Н.Л. Моргуновой. На месте бóльшей концентрации артефактов был заложен раскоп площадью 20 кв. м, обнаружено 17 фр. керамики, 480 каменных артефактов, 123 костей животных, из которых определимы кости кулана, сайги, волка, овцы, КРС, лошадей, туров. Памятник датирован энеолитом [Моргунова 1991].

В 2018–2020 гг. на памятнике Деркул 1 работала экспедиция Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством Т.Б. Мамирова. Был заложен раскоп площадью 48 кв. м, мощностью погребенных отложений – до 1,8 м. Было выявлено более 40 тыс. каменных артефактов, из которых 98,5% выполнены из местного кварцитовидного песчаника желтовато-серого и светло-серого оттенка, выходы которого расположены на ближайшей сопке к северу от памятника (1–1,5 км).

В ходе работ был получен массовый фаунистический материал, представленный следующими видами: дикая лошадь (тарпан), кулан, сайга, благородный олень и др. [Мамиров и др. 2019].

На памятнике прослеживаются два слоя, первый слой фиксируется на глубине до 60–70 см, где встречается фрагментированная керамика, костные остатки домашнего крупного и мелкого рогатого скота. Для данного этапа получены калиброванные даты 3,7–3,4 тыс. л.н. [Мамиров, Гаврилов 2020: 181].

Артефакты из кварцитовидного песчаника фиксируются начиная с дневной поверхности, но до глубины 100 см, представлены в основном отходами производства (мелкими осколками, фрагментами пластин и отщепов), малым количеством орудий (1,2–2,5% в среднем на горизонт) – скребки на отщепах, фрагменты двусторонне обработанных наконечников, сколы с ретушью, резцы, крупная мотыга.

С глубины от 100 до 140 см начинается насыщенный культурный слой с костными остатками диких животных (кости лошади, тура, сайги и др. млекопитающих) по определению П.А. Косинцева. Увеличиваются в процентном отношении количество орудийных форм (14–18,2% на горизонт), преимущественно в виде двусторонне обработанных наконечников дротиков и стрел листовидных, овальных и треугольных форм, скребков, режущих орудий и др. Техника первичного раскалывания представлена в основном односторонними одноплощадочными нуклеусами для снятия пластинчатых сколов. Выявленные в ходе раскопок фрагменты керамики относятся к разным сосудам преимущественно с гребенчатым, реже ямочным и накольчатым орнаментом. Для данного горизонта (100–180 см) были получены калиброванные даты (δ^2) по коллагену костей (табл. 1).

*Таблица 1 – Результаты радиоуглеродного датирования
1-кесте – Радиокөміртекті мерзімдеудің нәтижесі
Table 1 – The radiocarbon dating results*

Индекс лаборатории	Глубина, см	^{14}C л.н.	Калиброванный возраст, лет до н.э.
FTMC-ZU88-1	90–110	5173±29	4047–3948 (95,4%)
FTMC-ZU88-2	90–110	5192±29	4050–3955 (95,4%)
NSKA-2386	100–110	4948 ± 54	3809–3640 (86,2%)
УОС-9557	120–130	5730±37	4689–4486 (95,4%)
FTMC-VP87-25	130–150	5231±29	4066–3967 (76,1%)
FTMC-ZU88-3	160–170	5168±29	4048–3944 (94,9%)
УОС-9555	170–180	5393±30	4336–4227 (86,6%)
УОС-9556	170–180	5408±29	4339–4232 (93,3%)
FTMC-VP87-26	170–180	5161±30	4045–3943 (89,4%)

В целом, результаты радиоуглеродного анализа укладываются в пределах 4050–3950 лет до н.э. Первое стационарное освоение поймы человеком приходится на энеолитическое время, когда человек занял участок низкой поймы в условиях относительного понижения обводненности русла реки. Наиболее активный период освоения памятника приурочен к глубине 100–120 см, где обнаружено максимальное скопление артефактов и загрязнение слоя соединениями фосфора.

В последующем, в связи с изменением гидрологического режима реки, начался нестабильный этап (увеличилась частота паводков), приведший к тому, что участок низкой поймы стал малопригоден для стационарного освоения человеком. Человек осваивал в дальнейшем участок эпизодически, что фиксируется в дисперсном распределении находок по всей толщине.

2.2 Методика исследования *(Рахимжанова С.Ж.)*

Методологической базой исследований служит историко-культурный подход к изучению древней керамики, разработанный А.А. Бобринским [Бобринский 1978; 1999]. В качестве основного объекта исследования при историко-культурном подходе выступают особые «следы» на поверхностях и в изломах глиняных сосудов, образовавшиеся в результате применения тех или иных навыков труда на всех ступенях изготовления сосуда, начиная с отбора сырья и заканчивая обжигом готовых изделий, а также «следы», возникшие в результате использования сосуда для определенных хозяйственных нужд. Основной задачей исследования при этом подходе является реконструкция по особым «следам» на керамике конкретных навыков труда и культурных традиций в гончарстве определенной группы населения в рамках отдельного памятника, локальной группы памятников или археологической культуры в целом. Основной способ интерпретации данных о культурных традициях в гончарстве населения базируется на знании закономерностей поведения навыков труда и культурных традиций в разных культурно-исторических ситуациях, например, в условиях изолированного существования человеческих коллективов, в условиях их смешения друг с другом, в условиях различных культурных контактов между ними [Бобринский 1978; Цетлин 2006; 2012; Степанова 2010; Васильева 1999; 2005; Волкова 1996; Васильева, Салугина 1999; 2002].

Наблюдения велись по свежим изломам черепков с помощью микроскопа Nikon и Leica и последующего сравнения выявленных особенностей с эталонными образцами. Для определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья применялся вторичный обжиг небольших обломков каждого сосуда в муфельной печи при 800°C. После обжига черепки сравнивались по цвету с экспериментальной шкалой ожелезненности глин [Цетлин 2006].

Для определения степени запесоченности глины по обожженному черепку в настоящее время используются наблюдения за размерностью и концентрацией примеси естественного песка. В данной работе использованы критерии глин разной пластичности, предложенные Е.В. Волковой [Каздым, Лопатина 2010: 33].

В связи с фрагментированностью керамики анализ проводился только по ступеням гончарной технологии, относящимся к подготовительной и закрепительной стадии производства: 1) отбор исходного сырья, 2) обработка исходного сырья; 3) составление формовочной массы, 4) обработка поверхности; 5) обжиг, 6) орнаментация.

Изучение орнаментов проводилось по методике, разработанной Ю.Б. Цетлиным [Цетлин 2008]. Ю.Б. Цетлиным выделено в структуре стилистики орнамента пять иерархических уровней. Это уровни элемента, узора, мотива, образа и композиции. При характеристике каждого иерархического уровня выявлены критерии строгого отделения их друг от друга [Цетлин 2012: 203; 2008].

Элементы орнамента – это «отпечатки» или динамические «следы» на поверхности сосуда, создававшиеся мастером за один трудовой акт.

Узоры – это локализованные изображения на поверхности сосуда, состоящие из одинаковых или разных элементов орнамента и выполненные за несколько трудовых актов [Цетлин 2012: 204, рис. 92].

Мотивы. Элементы и узоры орнамента могут быть организованы в «мотивы». Мотив – это определенный способ тиражирования (т. е. повторения) элементов и узоров на поверхности сосуда [Цетлин 2012: 204, рис. 93, а, б].

Образы. Следующим уровнем орнаментальной стилистики является орнаментальный «образ». Образ орнамента включает сочетание двух (двойные образы) или трех (тройные образы) соседних мотивов орнамента [Цетлин 2012: 205, рис. 94].

3 Результаты (Рахимжанова С.Ж., Аккошкарлова Ж.Т.)

Из коллекции, полученной при раскопках поселения Деркул 1, для изучения было отобрано всего 159 фр. керамики от 36 сосудов, из них: 36 от венчиков, 123 от тулова.

В выборку керамики вошли материалы раскопок 2019–2020 гг., которые возможно было идентифицировать как отдельную единицу сосуда в связи с необходимостью получить достоверные проценты и соотношение культурных традиций на поселении Деркул 1, в выборке не использованы только очень мелкие неорнаментированные фрагменты, а также такие, которые было сложно соотнести с конкретным сосудом. За единицу сосуда отнесены венчики и стенки, которые различаются по форме, орнаментации и ее особенностям (техника нанесения, особенности орнамента по отпечаткам), обработке поверхности. Данные критерии рассматривались комплексно.

3.1 Исходное сырье

По изученному материалу выявлено, что гончарами, обитавшими на поселении Деркул 1, отбирались природные незапесоченные и слабозапесоченные глины средней ожелезненности. В качестве естественных примесей природные глины содержат различное количество обломочного и оолитового бурого железняка; окатанного песка от пылевидного до среднего размера, окатанные комочки не растворившейся глины; округлой или овальной формы темно-серого и коричневого цвета; раковины; иногда следы естественной органики.

Стоит отметить возможность отнесения исходного пластичного сырья (именуемыми в статье – глины) к илистым глинам, но их дифференциация является сложной на данном этапе работы, в связи с присутствием в керамике большой концентрации раковины искусственно добавленной самых различных размеров, поэтому вопрос о точном его определении пока остается открытым.

Исходя из степени запесоченности и состава естественных примесей глин, выделены следующие условные места добычи исходного пластичного сырья:

- I. Глина без примесей (10 сосудов, 27,1%);
- II. Глина + бурый железняк + округлые комочки глины (6 сосудов 16,2%);
- III. Глина + песок размером 0,01–0,6 мм в концентрации 1:7 + бурый железняк (8 сосудов, 21,6%),
- IV. Глина + песок размером 0,5–1,2 мм в концентрации 1:8 + бурый железняк (2 сосуда, 5,4%),
- V. Глина + песок размером 0,01–0,3 мм в концентрации 1:8 + бурый железняк (11 сосудов, 29,7%).

3.2 Формовочные массы

При анализе состава формовочных масс выделялись минеральные и органические искусственно введенные примеси. В качестве искусственных минеральных примесей использовалась раковина размерностью от 0,01 мм до 8 мм в концентрации 1:2, 1:3, 1:4, 1:5.

Критериями определения искусственно добавленной в формовочную массу раковины являлись следующие признаки: 1) значительная концентрация; 2) преобладание остроугольных форм обломков; 3) наличие признаков калибровки раковины. Размеры включений позволяют предполагать целенаправленный отбор наиболее крупных частиц или операцию просеивания размельченной примеси. Очень редко в черепке керамики с поселения встречаются включения раковины размером 5–7 мм [Салугина 2006]; 4) присутствие в составе примеси значительного количества пылевидных и мелких частиц примеси. Из органических искусственных компонентов вносились органический раствор, который определяется по черному «жирному» блеску на поверхности минеральных включений и аморфным пустотам, стенки которых также покрыты маслянистым черным, сухим блестящим и молочно-белым налетом.

Анализ искусственных примесей, использовавшихся гончарами, изготовившими данную посуду, позволяет выделить четыре разных культурных традиций составления формовочных масс керамики.

Среди четырех выделенных рецептов формовочных масс наиболее массовым являются «глина + раковина в концентрации 1:3 + органический раствор» (48,7%) (рис. 1), «глина + раковина в концентрации 1:4 + органический раствор» (21,6%) (рис. 2), реже использовались рецепты: «глина + раковина в концентрации 1:5 + органический раствор» (16,2)% и «глина + раковина в концентрации 1:2 + органический раствор» (13,5%).

3.3 Обработка поверхности

В результате изучения обработки поверхности было выявлено пять видов ручного заглаживания. Среди них самым распространенным является горизонтально-диагональное заглаживание мягким инструментом внутренней поверхности (63%), относительно реже встречаются вертикальное заглаживание гребенчатым штампом внешней поверхности, диагональное заглаживание внутренней поверхности гребенчатым штампом и в некоторых случаях поверх мягким инструментом (14,8%) и горизонтальное заглаживание внутренней поверхности гребенчатым штампом, внешняя поверхность заглажена мягким инструментом (11,1%), еще реже – горизонтальное заглаживание внутренней поверхности веревочным штампом (7,4%). В единичном случае зафиксировано использование горизонтального заглаживания веревочным штампом внешней и внутренней поверхности (3,7%).

3.4 Обжиг сосудов

Для определения режимов обжига в ходе работы были изучены поверхность и излом образцов. По цвету, в изломе выявлены следующие группы:

1. Излом однослойный черного цвета (29,8%);
2. Излом двухслойный: внешний слой черного цвета, внутренний – коричневого (тонкий слой) (5,4%), внешний – светло-коричневого цвета (тонкий слой) (21,6%);
3. Излом трехслойный: внешний и внутренний светло-коричневого цвета (тонкий слой), середина черного цвета (21,6%), внешний и внутренний слой коричневого цвета (1–1,5 мм), середина черного цвета (10,8%), внешний и внутренний слой светло-коричневого цвета (0,6–2,8 мм), середина черного цвета (10,8%).

Анализ цветовой характеристики поверхностей и изломов исследованных фрагментов сосудов показывает, что они обжигались в условиях восстановительной и полувосстановительной сре-

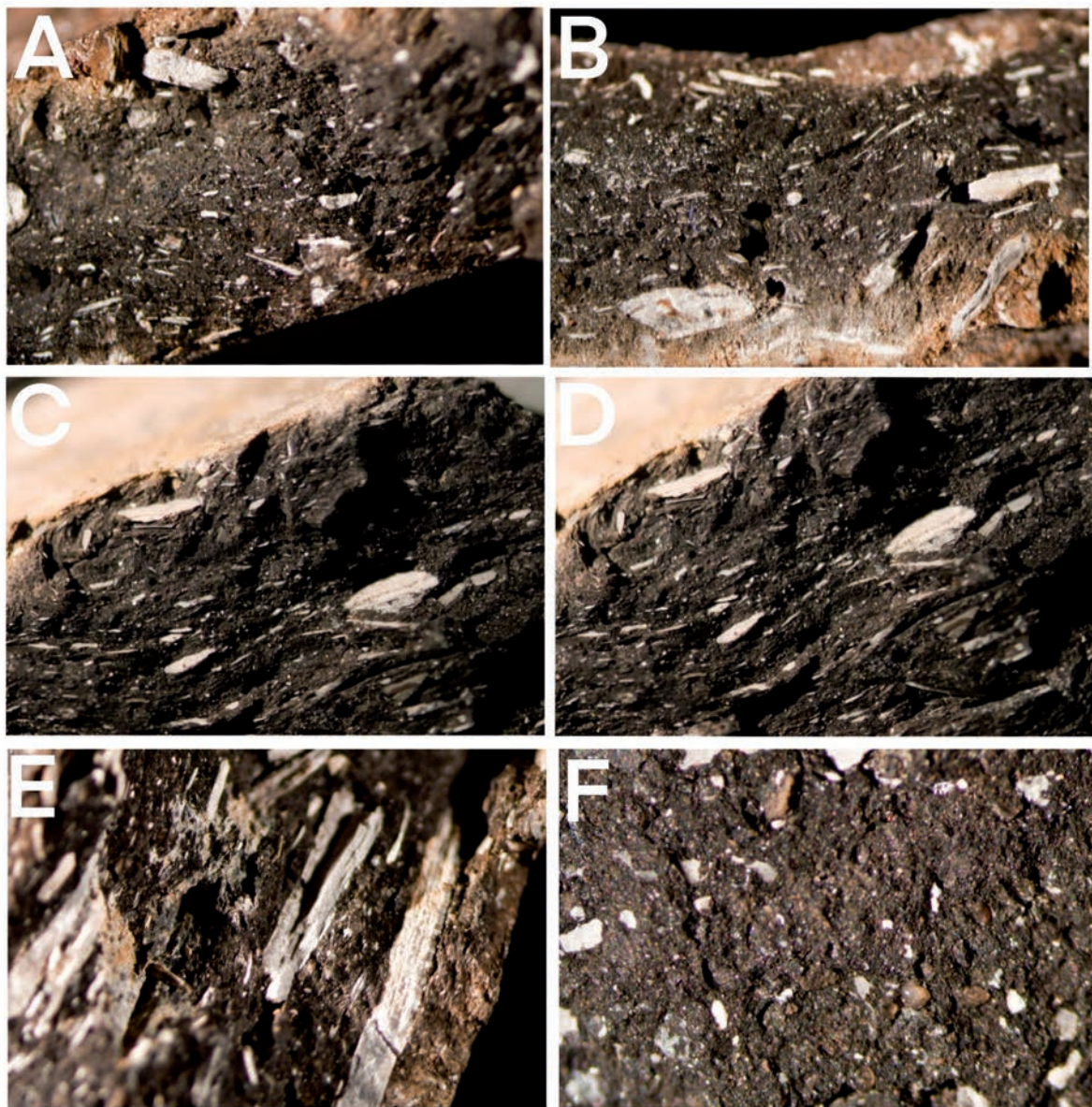

Рис. 1. Деркул 1. Керамика. Раковина в концентрации 1:3 + органический раствор.
Фото С.Ж. Рахимжановой

1-сур. Деркул 1. Керамика. 1:3 концентрациясындағы қабыршақ + органикалық ерітінді.
Сурет С.Ж. Рахимжанованыкі

Fig. 1. Derkul 1. Ceramics. Shell in a concentration of 1:3 + organic solution.
Photo by Saule Rakhimzhanova

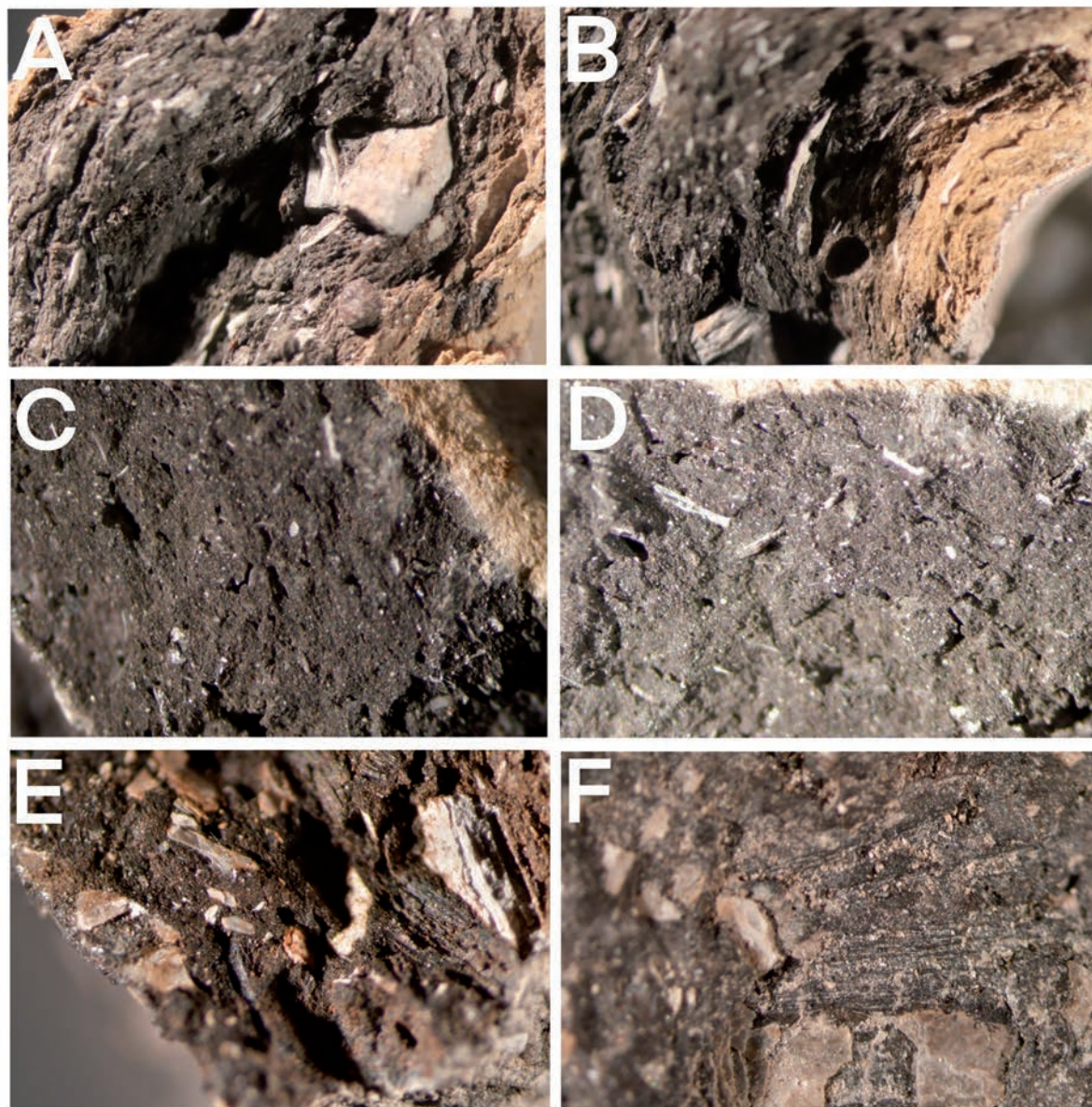

Рис. 2. Деркул 1. Керамика. Раковина в концентрации 1:4 + органический раствор.
Фото С.Ж. Рахимжановой

2-сур. Деркул 1. Керамика. 1:4 концентрациясындағы қабыршақ + органикалық ерітінді.
Сурет С.Ж. Рахимжанованыкі

Fig. 2. Derkul 1. Ceramics. Shell in a concentration of 1:4 + organic solution.
Photo by Saule Rakhimzhanova

ды. Первая группа фрагментов сосудов, у которой в изломе сплошная черная окрашенность, обожжена в восстановительном режиме. Фрагменты сосудов с двух- и трехслойным окрасом испытывали непродолжительное действие температур каления (650–700°C), наличие резких границ между осветленными и темными слоями указывает на быстрое извлечение из обжигового устройства.

Отмеченные цветовые характеристики поверхностей и изломов сосудов позволяет говорить, что обжиг изделий проводился в простых обжиговых устройствах – кострищах или очагах [Васильева, Салугина 2013].

3.5 Форма и орнамент

По профилям венчиков выявлены три формы сосудов, распространенных на поселении Деркул 1: горшечные (41,7%), горшечно-баночные (8,3%) и баночные (50%). Среди сосудов горшечной формы встречаются сильно отогнутые венчики (70%), слегка отогнутые венчики (30%). Срез венчиков – волнистый (60%), овальный (20%), прямой (20%). У сосудов баночной формы в основном венчик прямой (90,9%), у одного сосуда – слегка вогнут вовнутрь (9,1%). Срез венчиков чаще всего овальный (63,6%), по два случая – волнистый (18,2%) и прямой (18,2%).

Сосудов горшечно-баночной формы отмечено в коллекции всего два, оба с прямым профилем, срез венчиков – волнистый и прямой. На внутренней поверхности одного из них зафиксирован желобок, образовавшийся в результате выдавливания валика. На четырех сосудах встречаются сквозные сверленные круглые отверстия. Диаметр отверстий 6–7 мм. Среди всех выделенных сосудов орнаментированных – 29, неорнаментированных – 7. Толщина сосудов варьирует от 4 до 8 мм.

3.5.1 Техника орнаментации

Для декорирования посуды гончарами использованы разные технологические приемы нанесения орнамента. Наиболее распространенная технология это накальвание (61,5%), использовавшаяся для гребенчатых (28,2%) и веревочных (23%) элементов, ямочных (2,6%), фигурных (2,6%), лунчатых (2,6%) и аммонитовых (2,6%); шагание с прокатыванием – для гребенчатых элементов (качалка) (7,7%), прокатывание – для гребенчатых (7,7%), веревочных (7,7%), аммонитового (2,6%) элементов; накальвание с прокатыванием – для веревочных элементов (2,6%); отступление с накальванием – для накольчатых элементов (5,1%), протаскивание – для гладких элементов (5,1%).

3.5.2 Орнаменты

Зафиксировано использование семи видов орнаментов: среди них массовыми являются веревочка, намотанная на шаблон (31,6%), и гребенчатый штамп (33,3%), реже отмечено использование пальцев (11,1%), редко использовались – палочка для нанесения накольчатых и ямочных элементов (8,3%), фигурный штамп (5,6%) и аммонит (?) (5,6%).

3.5.3 Стилистика орнаментации. Элементы, узоры, мотивы и образы

Срез венчика орнаментирован у 14-ти сосудов пятью разными видами элементов – гребенчатым (35,7%), веревочным (21,4%), пальцевым (21,4%), накольчатым (14,2%) и лунчатым (7,2%) элементами.

Особенности элементов. У гребенчатых элементов форма отпечатка прямоугольная (100%). Техника нанесения во всех случаях – накальвание (100%). Угол наклона – 60° (60%), 70° (20%), 0° (20%). Длина отпечатка – 17 мм (20%), 10–12 мм (20%), 8 мм (40%), 5 мм (20%); ширина – 1 мм (40%), 2,5 мм (20%), 4 мм (20%). Количество зубцов удалось идентифицировать на трех сосудах – четыре зубца на одном сосуде, пять–шесть зубцов на двух сосудах. Ориентация зубцов идентифицирована на трех сосудах – поперечная (1 сосуд), симметричная (2 сосуда). Форма пальцевых элементов – овальная (100%). Диаметр одного из элементов – 5 мм, двух других – 6–7 мм.

Форма отпечатка веревочных элементов двух видов – овальная (25%), линзовидная (75%). Материал – мягкий (10). Техника нанесения – накальвание (100%). Угол наклона различный: 90° (50%), 60° (25%), 50–70° (25%). Длина отпечатка варьирует от 6 до 12 мм, ширина – 1,5–3 мм. Количество компонентов – от 4-х до 10. Ориентация компонентов – поперечная и продольная (по два случая).

Накольчатый элемент (2 сосуда). Форма – треугольная (1 сосуд), каплевидная (1 сосуд). Техника нанесения – накальвание (2 экз.). Наклон: 0° (1 экз.), 30° (1 экз.). Длина отпечатка – 5 мм (1 сосуд), 6 мм (1 сосуд), ширина – 2,8 мм (1 сосуд), 4 мм (1 сосуд).

Форма лунчатого отпечатка – сегментовидная. Ложе отпечатка – гладкое. Степень выраженности – дуга. Направленность выпуклости дуги – правая. Техника нанесения – накальвание. Наклон – 90°. Длина отпечатка – 4 мм, ширина – 2 мм.

Мотивов на срезе венчиков сосудов зафиксировано 11 в шести разных вариантах. Среди них наиболее массовые – простые мотивы (Вид 1): 1. Простой мотив из гребенчатых элементов (27,25%); 2. Простой мотив из веревочных элементов (27,25%); 3. Простой мотив из пальцево-ногтевых элементов (9,1%); 4. Простой мотив из накольчатых элементов (9,1%); 5. Простой мотив из лунчатых элементов (9,1%). Сложные мотивы (Вид 1 и Вид 2): 1. Сложный пересекающийся мотив из гребенчатых и пальцевых элементов (9,1%), 2. Сложный пересекающийся мотив из пальцевых элементов и наложение накольчатых элементов поверх (9,1%) (рис. 3, 3).

Ориентация элемента в мотиве отмечена в трех видах – наклонный вправо (54,5%), вертикальная (9,1%), горизонтальный (36,4%). Структура мотива во всех случаях линейная (100%). Число рядов в мотиве – 1 (100%). Ориентация мотива – горизонтальный (100%).

Внутренняя поверхность под срезом венчика орнаментирована у девяти сосудов веревочным (66,7%) и гребенчатым элементами (33,3%).

Особенности элементов. Форма отпечатка у всех гребенчатых элементов – прямоугольная (100%). Техника нанесения – накальвание (100%). Угол наклона элемента – 0° (1 сосуд), 50° (1 сосуд), 70° (1 сосуд). Длина отпечатка варьирует от 9 до 16 мм, ширина – 0,8–3 мм. Количество зубцов – 4 и 9 (зафиксировано у двух сосудов). Ориентация зубцов – поперечная (1 сосуд) и симметричная (1 сосуд).

Оттиски веревочных элементов наиболее часто линзовидной формы (85,7%), и у одного элемента – овальной (14,3%). Техника нанесения – накальвание (100%). Материал – мягкий (100%). Наклон – 60° (42,85%), 70° (42,85%), 90° (14,3%). Длина отпечатка – от 8 до 15 мм, ширина – 0,8–4 мм. Ориентация компонентов – поперечная (100%). Количество компонентов – 5 (50%), 6 (25%), 9 (25%).

Мотивы на внутренней поверхности под срезом венчика отмечены только простых видов: 1. Простой мотив из гребенчатых элементов (42,85%). 2. Простой мотив из веревочных элементов (57,15%).

Особенности мотивов в 100% случаев являются схожими. Ориентация элемента в мотиве – вертикальный и наклонный вправо. Структура мотива – линейный. Число рядов в мотиве – 1. Ориентация мотива – горизонтальный.

Внешняя поверхность орнаментирована семи различными видами элементов. Среди них самыми массовыми являются веревочный (42%) (рис. 3; 4, 1) и гребенчатый (38,7%) (рис. 5; 6) элементы, редко встречаемые – гладкий (6,5%), ямочный (3,2%), фигурный (3,2%), аммонитовый (?) (3,2%) (рис. 4, 2), лунчатый элементы (3,2%).

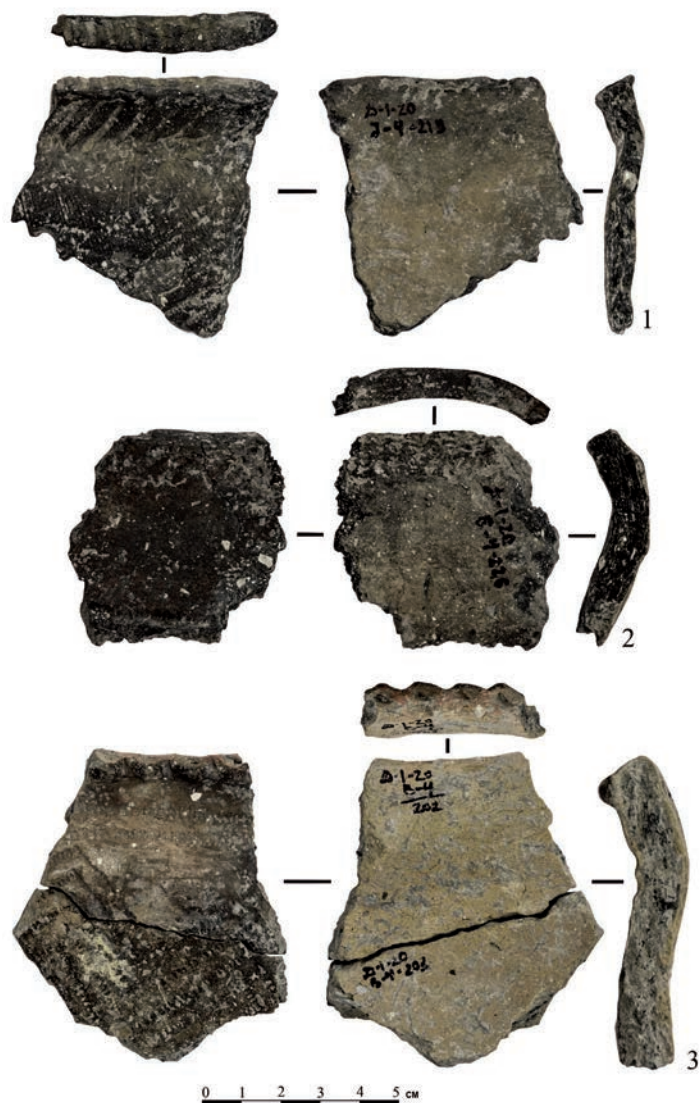

Рис. 3. Деркул 1. Сосуды с веревочной орнаментацией.
Иллюстрация подготовлена С.Ж. Рахимжановой
и Ж.Т. Аккошкаровой

3-сур. Деркул 1. Жіпті оюмен өрнектелген ыдыс.
Суретті С.Ж. Рахимжанова мен Ж.Т. Аққошқарова даярлаған

Fig. 3. Derkul 1. Vessels with rope ornamentation.
Illustration prepared by Saule Rakhimzhanova
and Zhanna Akkoshkarova

клон – 0° и 9°. Длина одного статичного отпечатка – 8,5 мм, ширина – 3 мм. Ориентация компонентов – поперечная.

Ямочный элемент подтрапещиевидной формы, диаметром – 5,5 мм (1 экз.) и глубиной – 2 мм. Ложе отпечатка – овальное. Ограничитель присутствует.

Особенности элементов. Форма отпечатков веревочных элементов – линзовидная (100%). Материал – мягкий (100%). Отмечено использование трех видов нанесения элементов орнамента. Большинство из них – накальвание (49,8%), редко использовалось прокатывание (21,4%) и шагание с прокатыванием (21,6%). При нанесении орнамента, гончары в основном использовали угол наклона 60° (43,75%) и 90° (43,75%), по одному случаю встречено использование 35° и 80°. Длина отпечатка варьирует от 3,5 до 17 мм, ширина от 1 до 3 мм. Ориентация компонентов – поперечная (100%). Количество компонентов – от пяти до восьми.

Все оттиски гребенчатых элементов прямоугольной формы (100%). Угол наклона нанесения на сосуды, как и у веревочных элементов в большинстве случаев – 0° (41,1%) и 60° (29,4%), по одному – два случая – 30–50° (11,8%), 30° (5,9%), 50° (5,9%), 70° (5,9%). Длина отпечатка – от 2,1 до 18 мм, ширина – 0,7–4 мм. Техника нанесения гребенчатого элемента – накальвание (66,6%), прокатывание (13,3%) и шагание с прокатыванием (20,1%). Количество зубцов – от трех до семи. Наиболее часто встречаемая ориентация зубцов симметричная (54,5%), поперечная (27,3%), продольная (18,2%).

Диаметр фигурного элемента – 6 мм. Наклон – 60°. Техника нанесения фигурного элемента – накальвание.

Форма аммонитовых отпечатков – овальная. Техника нанесения – накальвание и прокатывание.

Накальвание и прокатывание. Наклон – 0° и 9°.

Форма накольчатых элементов – подтреугольная. Техника нанесения – отступление с накалыванием. Угол наклона нанесения орнамента – 20°. Длина отпечатка – до 5 мм, ширина – 2–2,8 мм.

Характер воздействия гладким элементом в процессе нанесения орнамента – динамический (100%). Техника нанесения – протаскивание (100%). Инструмент нанесения – пальцы. Наклон – 0°. Ширина – 6,5–7,5 мм.

Лунчатый элемент имеет сегментовидную форму. Ложе отпечатка – гладкое. Степень выраженности – дуга. Направленность выпуклости дуги – правая. Техника нанесения элемента – накалывание. Наклон – 0°. Длина отпечатка – 6 мм, ширина – 1 мм.

Узоров на внешней поверхности зафиксировано всего 11 в семи различных вариантах: 1. Узор из гребенчатых элементов (елочка) (23,05%); 2. Узор из веревочных элементов (елочка) (15,4%) (рис. 3, 3); 3. Узор из веревочных элементов (зигзаг) (15,4%) (рис. 5, 1); 4. Узор из гребенчатых элементов (зигзаг) (7,7%); 5. Узор из гребенчатых элементов (качалка) (23,5%) (рис. 7, 3); 6. Узор из веревочных элементов (прямая линия наклонная влево) (7,7%); 7. Узор из веревочных элементов (сетка ромбов) (7,7%) (рис. 4, 1).

Рис. 4. Деркул 1. Керамика: 1 – сосуд с веревочной орнаментацией; 2 – с орнаментом, нанесенным аммонитом; 3 – с отступающе-накольчатым орнаментом.

Иллюстрация подготовлена С.Ж. Рахимжановой и Ж.Т. Аккошкаровой

4-сур. Деркул 1. Керамика: 1 – жіпті оюмен өрнектелген ыдыс; 2 – аммонитпен салынған өрнегімен; 3 – түйреу әдісімен салынған өрнегімен.

Суретті С.Ж. Рахимжанова мен Ж.Т. Аққошқарова даярлаған

Fig. 4. Derkul 1. Ceramics: 1 – vessel with rope ornamentation; 2 – with an ornament applied with ammonite; 3 – with a receding-pinned ornament.

Illustration prepared by Saule Rakhimzhanova and Zhanna Akkoshkarova

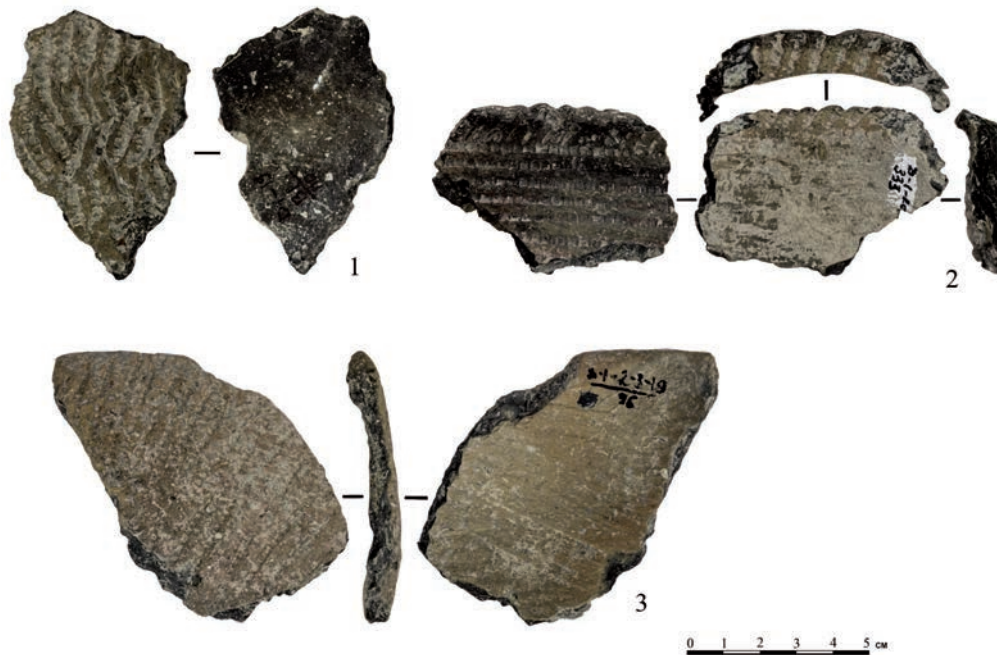

Рис. 5. Деркул 1. Сосуды с гребенчатой орнаментацией.
Иллюстрация подготовлена С.Ж. Рахимжановой и Ж.Т. Аккошкаровой
5-сур. Деркул 1. Тарақты оюмен өрнектелген ыдыс.
Суретті С.Ж. Рахимжанова мен Ж.Т. Аққошқарова даярлаған
Fig. 5. Derkul 1. Vessels with comb ornamentation.
Illustration prepared by Saule Rakhimzhanova and Zhanna Akkoshkarova

Мотивы. Выделяются три вида мотивов орнамента: Вид 1 – простые мотивы из элементов орнамента; Вид 2 – сложные мотивы из объединяющихся элементов или узоров (Вид 2 включает мотивы, которые состоят из двух или большего числа разных элементов или узоров орнамента, соединяющихся или чередующихся друг с другом) и Вид 3 – сложные мотивы из пересекающихся элементов орнамента (Вид 3 состоит из двух элементов или узоров орнамента, которые накладываются друг на друга).

На внешней поверхности сосудов, обнаруженных на поселении Деркул 1, зафиксировано большое разнообразие мотивов. Всего отмечено 42 мотива в 16-ти разных вариантах. Мотивы Вида 1 (простые) распространены наиболее широко. Всего их отмечено – 26 (61,86%), шести различных видов, из них часто использовались два мотива: из гребенчатых элементов (23,8%) (рис. 5, 2, 3; 6; 7, 3; 8, 1, 2), из веревочных элементов (23,81%) (рис. 3), очень редко встречаются мотивы из фигурных элементов (2,39%), из накольчатых элементов (4,75%) (рис. 4, 3), из гладких элементов (4,75%), из лунчатых элементов (2,39%), из аммонитовых элементов (2,39%) (рис. 4, 2). Мотивов Вида 2 (сложные объединяющиеся) зафиксировано 13 (30,97%) шести видов. Из них самым часто встречаемым является мотив из гребенчатых элементов (елочка) (9,52%), реже отмечено использование мотивов из узоров из веревочных элементов (зигзаг) (2,39%) (рис. 5, 1), из узоров из гребенчатых узоров (качалка) (4,78%) (рис. 7, 3) и мотив из узоров из веревочных элементов (елочка) (4,75%) (рис. 3, 3).

Рис. 6. Деркул 1. Сосуд с гребенчатым орнаментом на внешней поверхности и веревочным орнаментом на срезе венчика.

Иллюстрация подготовлена С.Ж. Рахимжановой и Ж.Т. Аккошкаровой

6-сур. Деркул 1. Тарақты оюмен жоғарғы сырты өрнектелген және жақтауы жіпті оюмен өрнектелген ыдыс. Суретті С.Ж. Рахимжанова мен Ж.Т. Аққошкарова даярлаған

Fig. 6. Derkul 1. Vessel with a comb ornament on the outer surface and a rope ornament on the slice of the rim. Illustration prepared by Saule Rakhimzhanova and Zhanna Akkoshkarova

Остальные мотивы зафиксированы по одному случаю – из узоров из лунчатых элементов (2,39%), из узоров из гребенчатых элементов (зигзаг) (2,39%), из чередующихся веревочных элементов и узора из веревочных элементов (прямая линия наклонная влево) (2,39%). Мотивы Вида 3 (сложные пересекающиеся) отмечены на сосудах поселения Деркул 1 реже всего, их обнаружено всего три (7,17%) – мотив из узоров из веревочных элементов (сетка ромбов) (2,39%) (рис. 4, 1), из веревочных элементов на валике (2,39%), из веревочных элементов и ямочных наложений (2,39%).

Индивидуальные особенности мотивов из разных элементов орнамента. При анализе простых мотивов из гребенчатых и веревочных элементов обнаружен большой коэффициент сходства их внутренней организации. В обоих случаях встречаются одинаковые виды ориентации элементов в мотиве – наклонная вправо – 50% случаев для гребенчатых элементов, 41,2% случаев для веревочных элементов; горизонтальная – 38,9% для гребенчатых элементов и 35,3% для веревочных элементов; вертикальная – 11,1% для гребенчатых элементов и 23,5% для веревочных элементов. Ориентация мотива: горизонтальная – 90,9% для мотивов из гребенчатых элементов и 100% случаев мотивов из веревочных элементов; вертикальная отмечена только у мотивов из гребенчатых элементов – 9,1%. Структура мотивов из веревочных и гребенчатых элементов во всех случаях линейная (100%). Число рядов в мотиве не всегда возможно идентифицировать в связи с фрагментарностью сосудов. Так, рассматривая имеющиеся данные, можно отметить использование одного ряда в мотиве – 70% для гребенчатых и 57,1% для веревочных; два ряда встречается только веревочных мотивов и составляет 21,4%, три ряда – 20% случаев составляет у гребенчатых мотивов и 14,3% у веревочных мотивов; четыре и девять рядов зафиксированы по одному экземпляру и составляет всего 17,2%.

Такое же заметное сходство проявляется между простыми мотивами накольчатого, фигурного, гладкого, лунчатого и аммонитового элементов. Ориентация элемента в мотиве – наклонная вправо в 100% случаев встречается фигурных и накольчатых элементов, горизонтальная – в 100% случаев у гладкого и лунчатых элементов. У всех простых мотивов ориентация мотива – горизонтальная (100%), а структура мотива – линейная (100%). Число рядов в мотиве различное, так у фигурного элемента всего один ряд, у гладкого и лунчатого – по два, у накольчатого элемента – не менее пяти.

Анализ сложных объединяющихся и пересекающихся мотивов указывает на сходство организации мотивов из гребенчатых узоров и элементов. Ориентация элемента в этих мотивах – наклонный вправо и влево (66,7%), наклонный вправо (33,3%). Структура мотивов – из узоров (100%). Ориентация мотива в большинстве случаев – горизонтальная (83,3%), вертикальная (16,7%). У веревочных мотивов ориентация элемента в мотиве более разнообразная: наклонный вправо и наклонный влево (33,35%), неориентированный (11,1%), наклонный вправо (11,1%), наклонный влево (11,1%), горизонтальный (33,3%). Структура мотива – линейный (2 экз.), из узоров (4 экз.).

У лунчатого мотива ориентация элемента в мотиве – горизонтальная. Структура мотива – из узоров.

Образы. По материалам поселения Деркул 1 зафиксировано всего 27 двойных образов. Масовых среди них практически нет, лишь один встречен в пяти экземплярах – это образ из двух простых мотивов из гребенчатых элементов, четыре случая – образ из двух простых мотивов из веревочных элементов, по три случая отмечены – образ из зоны без орнамента и простого мотива из веревочных элементов и образ из простого мотива из веревочных элементов и зоны без орнамента. Все остальные образы обнаружены лишь по одному экземпляру – образ из двух простых мотивов из гребенчатых и фигурных элементов; из двух простых мотивов из фигурных и гребенчатых элементов; из простого мотива из гребенчатых элементов и каннелюра; из каннелюра и сложного объединяющегося мотива из гребенчатых элементов (елочка); из простого мотива из гребенчатых элементов и сложного объединяющегося мотива из гребенчатых элементов (елочка); из простого мотива из гребенчатых элементов и сложного объединяющегося мотива из узоров из гребенчатых элементов (качалка); из сложного объединяющегося мотива из узоров из гребенчатых элементов (качалка) и зоны без орнамента; из простого мотива из гладких элементов и зоны без орнамента, из зоны без орнамента и простого мотива из лунчатых элементов; из простого мотива из лунчатых элементов и зоны без орнамента; из простого мотива из веревочных элементов и сложного объединяющегося мотива из чередующихся веревочных элементов и узора из веревочных элементов (прямая линия наклонная влево); из сложного объединяющегося мотива из чередующихся веревочных элементов и узора из веревочных элементов (прямая линия наклонная влево) и простого мотива из веревочных элементов; из простого мотива из веревочных элементов и сложного объединяющегося мотива из узоров из веревочных элементов (зигзаг); из сложного объединяющегося мотива из узоров из веревочных элементов (зигзаг) и простого мотива из гребенчатых элементов; из зоны без орнамента и сложного пересекающегося мотива из веревочных элементов; из простого мотива из веревочных элементов и сложного пересекающегося мотива из узоров из веревочных элементов (сетка ромбов); из простого мотива из веревочных элементов и сложного объединяющегося мотива из веревочных элементов (елочка); из простого мотива из веревочных элементов и сложного пересекающегося мотива из аммонитовых элементов на валике; из сложного пересекающегося мотива из аммонитовых элементов на валике и простого мотива из аммонитовых элементов; из простого мотива из аммо-

нитовых элементов и сложного пересекающегося мотива из аммонитовых элементов и ямочных наложений; из простого мотива из веревочных элементов и сложного объединяющегося мотива из веревочных элементов (зигзаг); из сложного объединяющегося мотива из веревочных элементов (зигзаг) и простого мотива из веревочных элементов; из простого мотива из лунчатых элементов и сложного объединяющегося мотива из узоров из лунчатых элементов.

Тройные орнаментальные образы. Сюда относится 21 орнаментальный образ. Часто встречаемых среди них нет, все они отмечены только по 1 экз., что, вероятнее всего, явилось следствием фрагментарности изучаемых сосудов – образ из двух простых мотивов из гребенчатых элементов и простого мотива из фигурных элементов; из двух простых мотивов из гребенчатых элементов и простого мотива из фигурных элементов между ними; из двух простых мотивов из фигурных элементов и мотива из гребенчатых элементов между ними; из простого мотива из гребенчатых элементов, зоны без орнамента и сложного объединяющегося мотива из гребенчатых элементов (елочка); из двух простых мотивов из гребенчатых элементов и сложного объединяющегося мотива из гребенчатых элементов (елочка); из простого мотива из гребенчатых элементов, сложного объединяющегося мотива из узоров из гребенчатых элементов (качалка) и зоны без орнамента; из двух простых мотивов из веревочных элементов и сложного объединяющегося мотива из чередующихся веревочных элементов и узора из веревочных элементов (прямая линия наклонная влево); из двух простых мотивов из веревочных элементов и сложного объединяющегося мотива из чередующихся веревочных элементов и узора из веревочных элементов (прямая линия наклонная влево) между ними; из сложного объединяющегося мотива из чередующихся веревочных элементов и узора из веревочных элементов (прямая линия наклонная влево), простого мотива из веревочных элементов и сложного объединяющегося мотива из узоров из веревочных элементов. Также встречаются образы: из двух простых мотивов из веревочных элементов и сложного объединяющегося мотива из узоров из веревочных элементов (зигзаг); из простого мотива из веревочных элементов, зоны без орнамента и сложного пересекающегося мотива из веревочных элементов; из двух простых мотивов из веревочных элементов и зоны без орнамента между ними; из двух простых мотивов из веревочных элементов и сложного пересекающегося мотива из узоров из веревочных элементов (сетка ромбов); из зоны без орнамента, простого мотива из веревочных элементов и сложного объединяющегося мотива из веревочных элементов (елочка). Иногда были отмечены: образ из двух простых мотивов из аммонитовых элементов и сложного пересекающегося мотива из аммонитовых элементов на валике между ними; из сложного пересекающегося мотива из аммонитовых элементов на валике, простого мотива из аммонитовых элементов и сложного пересекающегося мотива из аммонитовых элементов и ямочных наложений; из двух простых мотивов из веревочных элементов и сложного объединяющегося мотива из веревочных элементов (зигзаг) между ними; из двух простых мотивов из веревочных элементов и зоны без орнамента между ними; из зоны без орнамента, простого мотива из лунчатых элементов и зоны без орнамента; из двух простых мотивов из лунчатых элементов и зоны без орнамента между ними; из зоны без орнамента, простого мотива из лунчатых элементов и сложного объединяющегося мотива из узоров из лунчатых элементов.

4 Обсуждение и выводы *(Рахимжанова С.Ж., Мамиров Т.Б.)*

В данном разделе приведены результаты сравнительного изучения полученных данных по гончарной технологии сосудов поселения Деркул 1.

1) Изучение керамики поселения Деркул 1 выявило достаточную однородность взглядов гончаров на пластичное сырье. В качестве сырья использовали в 100% случаев среднежелезистые природные глины.

2) Изучение степени запесоченности глины и состава естественных минеральных примесей позволило выявить пять разных «мест» добычи исходного пластичного сырья. Это может указывать на бытование здесь нескольких гончаров или нескольких групп гончаров, использовавших разные источники этого сырья. Необходимо уточнить, что под вариантами исходного пластичного сырья понимаются не конкретные, а условные места добычи, то есть залежи глин с приблизительно одинаковым качественным составом, обусловленным близостью места расположения источников. Массово применялись три залежи: слабозапесоченной глины в сочетании с песком размером 0,01–0,3 мм в концентрации 1:8 и бурого железняка (29,7% сосудов), незапесоченной глины (27,1% сосудов) и слабозапесоченной глины в сочетании с примесью песка размером 0,01–0,6 мм в концентрации 1:7 и бурого железняка (21,6% сосудов).

3) Изучение формовочных масс 36 сосудов показало, что гончары, жившие на данном памятнике, изготавливали сосуды по рецептам «глина + раковина в концентрации 1:3 + органический раствор» (48,7%), «глина + раковина в концентрации 1:4 + органический раствор» (21,6%), «глина + раковина в концентрации 1:5 + органический раствор» (16,2)% и «глина + раковина в концентрации 1:2 + органический раствор» (13,5%).

4) Для обработки поверхности сосудов использовалось ручное заглаживание мягким предметом, гребенчатым и веревочным штампами.

5) Практически в равной степени отмечено использование двух форм – горшечных (41,7%) и баночных (50%).

6) Анализ цветовой характеристики поверхностей и изломов исследованных фрагментов сосудов показывает, что они обжигались в кострищах или очагах в условиях восстановительной и полувосстановительной среды при непродолжительной температуре каления (650–700°C) с быстрым извлечением из огня.

7) Самыми распространенными орнаментирами среди шести были веревочка, намотанная на шаблон (31,6%), и гребенчатый штамп (33,3%). В такой же равной степени зафиксированы элементы орнамента, нанесенные вышеописанными орнаментирами. При анализе элементов, узоров и мотивов орнамента обнаружен большой коэффициент сходства их внутренней организации (за редким исключением отдельных случаев).

Таким образом, по данным орнаментации выделяются две основные культурные традиции – гребенчатая и веревочная. По особенностям узоров, мотивов и их организации возможно соотнести материалы данного поселения с прикаспийской и хвалынской культурами.

К этому выводу удалось прийти в связи с тем, что часть группы тонкостенных сосудов с прямым профилем в сочетании с гребенчатым орнаментом, а именно, с узорами и мотивами в виде елочки, зигзага, шагающей гребенки (качалка), прямых и косых линий а также сосуды с накольчатый орнаментом (отступающе-накольчатая техника) (рис. 7; 8) находят свои аналогии с керамическими комплексами Варфоломеевской стоянки 1 слоя 1 группы керамики Кумыски [Юдин 2012: 64, рис. 43] прикаспийской культуры [Дога 2019]. Также следует отметить, что это находит свое подтверждение в том, что каменная индустрия данного памятника находит аналогии с прикаспийской культурой.

Сосуды с веревочной и часть сосудов с гребенчатой орнаментацией соотносятся на данном памятнике с хвалынской культурой. Это находит свое подтверждение в ряде признаков: во-первых,

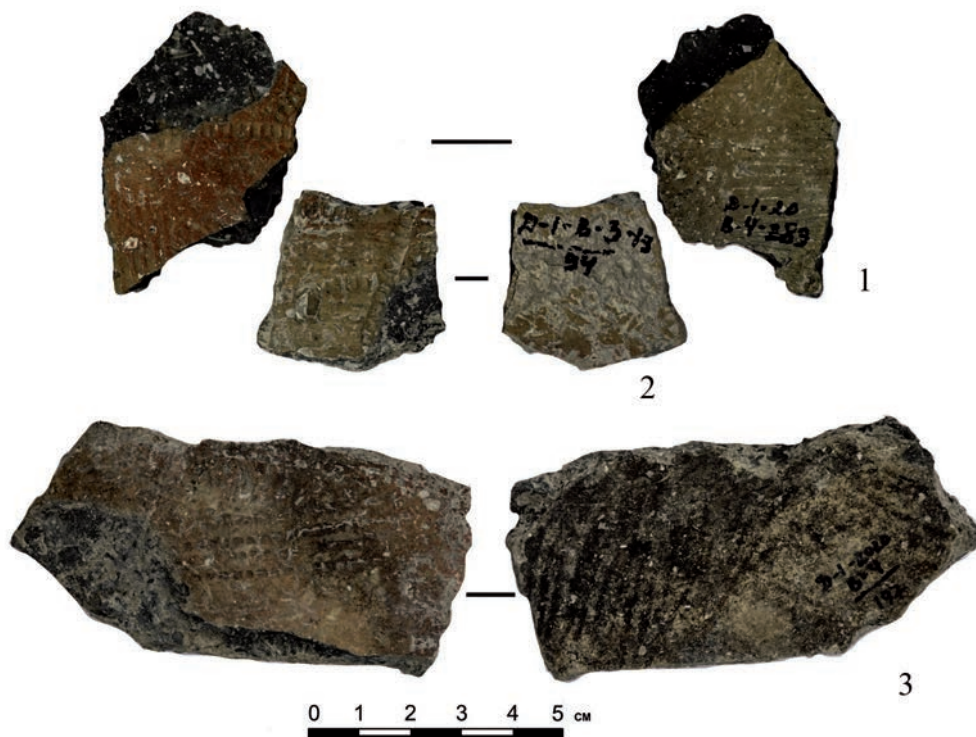

Рис. 7. Деркул 1. Сосуды с гребенчатой орнаментацией.
Иллюстрация подготовлена С.Ж. Рахимжановой и Ж.Т. Аккошкаровой

7-сур. Деркул 1. Тарақты оюмен өрнектелген ыдыс.
Суретті С.Ж. Рахимжанова мен Ж.Т. Аққошқарова даярлаған

Fig. 7. Derkul 1. Vessels with comb ornamentation.
Illustration prepared by Saule Rakhimzhanova and Zhanna Akkoshkarova

профиль сосудов и срезы венчиков имеют значительное сходство с сосудами вышеупомянутой культуры, но при этом следует отметить, отсутствие на поселении Деркул 1 «воротничковых» профилей; во-вторых, самое главное, схемы орнаментов, такие как прямые и косые линии (таких мотивов среди материалов поселения Деркул 1 большинство) (рис. 3–6), также находят свои аналогии в хвалынской культуре (I Хвалынский могильник, поселение Кумыска) [Васильева 2010: 153–179; Юдин 2012]; в-третьих, керамика с фигурным орнаментом (возможно аммонитом) (рис. 4, 2) также соотнесена с хвалынской культурой, так как сосуды с такой же орнаментацией обнаружены в I Хвалынском могильнике, который находится в Хвалынском районе Саратовской области (Россия), где обнаружены сосуды, которые орнаментированы, по версии авторов раскопок, аммонитами (в технике нанесения орнамента – прокатывание) [Васильева 2010: 33–34].

Важным выводом является наличие у обеих культур на данном памятнике общих традиций в выборе исходного сырья и составлении рецептов формовочных масс. Корреляция орнаментов с технологией изготовления на подготовительной стадии производственного процесса не позволила выявить отличительные черты.

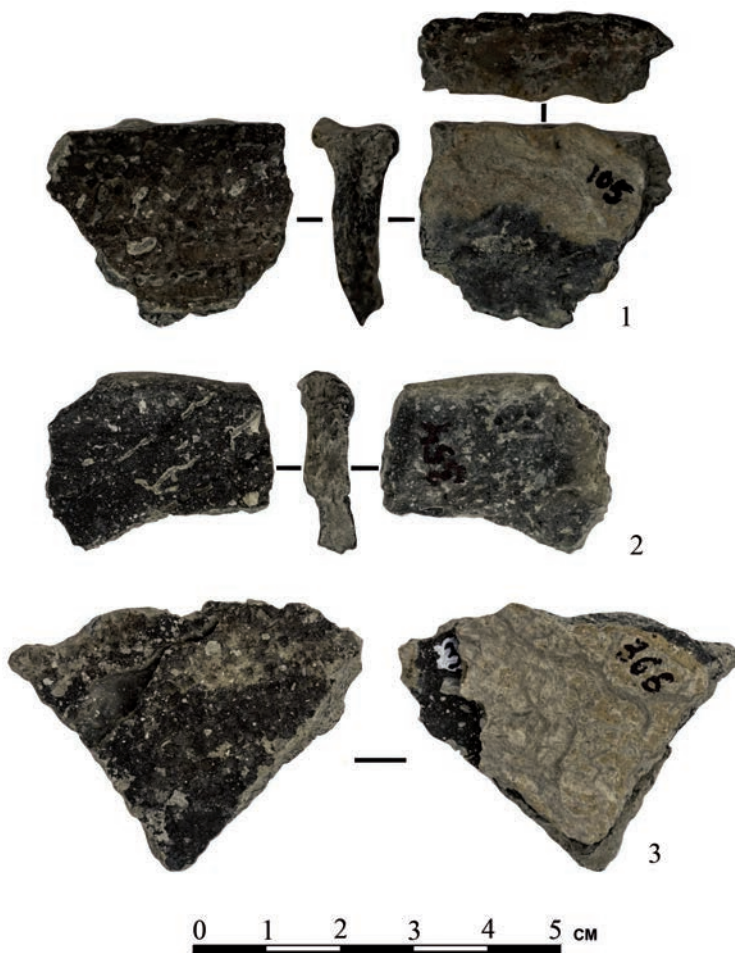

Рис. 8. Деркул 1. Сосуды с гребенчатой орнаментацией.
Иллюстрация подготовлена С.Ж. Рахимжановой и Ж.Т. Аккошкаровой
8-сур. Деркул 1. Тарақты оюмен өрнектелген ыдыс.
Суретті С.Ж. Рахимжанова мен Ж.Т. Аққошқарова даярлаған
Fig. 8. Derkul 1. Vessels with comb ornamentation.
Illustration prepared by Saule Rakhimzhanova and Zhanna Akkoshkarova

Дополнительный признак смешения населения прослеживается также в наличии у нескольких сосудов сочетания гребенчатого и веревочного орнамента. Стоит отметить, что среди археологов, изучающих данные культуры, существует две точки зрения об их периодизации. 1. И.Б. Васильев считал, что хвалынская культура сформировалась на основе прикаспийской и самарской культур [Васильев 2003: 72], А.А. Выборнов [Выборнов и др. 2008], А.И. Юдин [Юдин 2004; 2012], Н.С. Дога, считают, что прикаспийская культура является предшествующей хвалынской культуре [Дога 2019]; 2. Н.Л. Моргунова, анализируя радиоуглеродные даты, высказала мнение, что хвалынская культура является более поздней относительно прикаспийской, но допускает их сосуществование в период формирования хвалынской культуры [Моргунова 1995; 2010], П.П. Барынкин считает, что прикаспийская и хвалынская культуры сосуществовали в волжском регионе [Барынкин 1992].

Таким образом, керамический материал, проанализированный в данной статье, происходит из одного слоя, датируемого энеолитом. Представляется возможным допустить, что эти две культуры сосуществовали (на каком-то этапе, так как в целом керамика хвалынской культуры на данном поселении является доминантной, а керамика прикаспийской культуры из-за малочисленности, скорее всего, имеет пережиточный характер) на данном поселении. Радиоуглеродные датировки, полученные на памятнике, также соотносятся с поздним этапом хвалынской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Астафьев А.Е.* Неолит и энеолит полуострова Мангышлак / *Материалы и исследования по археологии Казахстана.* Т. VI. Астана: Изд. группа ФИА, 2014. 359 с.
- 2 *Барынкин П.П.* Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 26 с.
- 3 *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы исследования. М.: Наука, 1978. 272 с.
- 4 *Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (Коллективная монография).* Самара: Самарский СПУ, 1999. С. 5-109.
- 5 *Васильев И.Б.* Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги изучения) // *Вопросы археологии Поволжья.* Вып. 3. Отв.ред. А.А. Выборнов. Самара: изд-во: СНЦ РАН, 2003. С. 61-99.
- 6 *Васильева И.Н.* Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // *Вопросы археологии Поволжья.* Отв.ред. А.А. Выборнов. Самара: СамГПУ, 1999. С. 72-96.
- 7 *Васильева И.Н.* Сравнительный анализ технологии керамики Съезженского и I-II Хвалынского могильников // *РА.* 2005. № 3. С. 76-84.
- 8 *Васильева И.Н.* О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // *Хвалынские энеолитические могильники и Хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов.* Т. 2. Науч. ред. С.А. Агапов. Самара: изд-во «Поволжье», 2010. С. 153-179.
- 9 *Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Работы экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // *Вопросы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А. Сташенков.* Самара: изд-во Самарский ун-т, 1999. С. 234-257.
- 10 *Васильева И.Н., Салугина Н.П.* О работе Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // *Современные проблемы археологии: тез. докл. междунар. конф., посвящ. памяти В.Ф. Генинга / Отв. ред. С.Д. Крыжицкий.* Киев: ИА НАНУ, 2002. С. 54.
- 11 *Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Из опыта проведения экспериментального обжига глиняной посуды // *Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. М-лы междунар. полевой научн. конф. (с. Новая Беденьга, Ульяновский р-н, Ульяновская обл., 6–12 августа 2012 г.) / Отв. ред. С.А. Агапов.* Ульяновск: Обл. типография «Печатный двор», 2013. С. 57-89.
- 12 *Волкова Е.В.* Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука, 1996. 276 с.
- 13 *Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // *Труды II (XVIII) всерос. археологического съезда в Суздале (20–25 октября 2018 г.) / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров.* М.: ИА РАН, 2008. Т. 1. С. 191-193.
- 14 *Дога Н.С.* Периодизация и хронология прикаспийской культуры // *Самарский научный вестник.* 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 144-149.
- 15 *Каздым А.А., Лопатина О.А.* О естественной примеси песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // *Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин, Н.П. Салугина, И.Н. Васильева.* М.: ИА РАН, 2010. С. 46-57.
- 16 *Малов Н.М.* Разведки на Деркуле // *Археологические открытия 1986 г. / Отв. ред. В.П. Шилов.* М.: Наука, 1988а. С. 486.
- 17 *Малов Н.М.* Отчет об археологических исследованиях на р. Деркул за 1988(б) год // *Архив ИА КН МНВО РК.* Ф. 11, оп. 2, д. 2234, 100 л.

- 18 Мамиров Т.Б., Баиров Н.М., Клышев Е.Е., Мамиров К.Б., Куандык С.Р. Полевые исследования каменного века в Западно-Казахстанской области в 2018 г. (предварительный отчет) // Археология Казахстана. 2019. № 1 (3). С. 91-98.
- 19 Мамиров Т.Б., Гаврилов Д.А. Археологические исследования стоянки Деркул 1 в 2018 году // Труды VI (XXII) Всерос. археол. съезда (г. Самара, 10–12 февраля 2020 г.). В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: Изд-во СГСПУ, 2020. Т. I. С. 181-182.
- 20 Моргунова Н.Л. Отчет об археологических исследованиях на р. Деркул у с. Кузнецово Каменского района Уральской области по Открытому листу, выданному Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова (от 24.06.91 г.). Оренбург, 1991 // Архив ИА КН МНВО РК. Ф. 11, оп. 2, д. 2362, 30 л.
- 21 Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: Южный Урал, 1995. 224 с.
- 22 Моргунова Н.Л. К вопросу о синхронизации и культурных связях культур энеолита и ранней бронзы степного и лесостепного Поволжья и Урала с культурами лесной зоны Волго-Камья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV. Самара: Офорт, 2010. С. 184-193.
- 23 Рахимжанова С.Ж. Технологический анализ керамики ботайской культуры (по материалам раскопок 2011 года) // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты: сб. ст. по матер. XXIV–XXV междунар. научн.-практ. конф. (г. Новосибирск, 2 октября 2019 г.) № 9–10 (17). / Предс. ред. кол. В.Е. Карпенко. Новосибирск: СибАК, 2019. С. 12-16.
- 24 Рахимжанова С.Ж., Зеленко М.Г. Новые данные о гончарной технологии ботайской культуры // Новые материалы и методы археологического исследования: м-лы III Междунар. конф. молодых ученых (г. Москва, 16–19 марта 2019 г.) / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2015. С. 67-68.
- 25 Салугина Н.П. К методике определения раковины в составе древней керамики // Современные проблемы археологии России / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Т. 2. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 379-381.
- 26 Степанова Н.Ф. Особенности сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин, Н.П. Салугина, И.Н. Васильева. М.: ИА РАН, 2010. С. 117-125.
- 27 Цетлин Ю.Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья: Вып. 4. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 421-425.
- 28 Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. М.: ИА РАН, 2008. 352 с.
- 29 Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
- 30 Шевнина И.В. Керамический комплекс маханджарской культуры в системе неолитических древностей Евразийских степей // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Соц.-гум. науки». 2018. Т. 18. № 4. С. 63-74.
- 31 Шевнина И.В. Керамический комплекс неолитической стоянки Екидин 24 // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2019. Т. 21. № 1. С. 37-43.
- 32 Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Саратовский ун-т, 2004. 201 с.
- 33 Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Научная книга, 2012. 212 с.
- 34 Rahimzhanova S., Ananyevskaya E., Zaibert V. Technological characteristics of the ceramics of the Botai culture in relation to the Eneolithic cultures of northern Kazakhstan // Archaeological Research in Asia. 2022. Vol. 29. 100353.

REFERENCES

- 1 Astafiev, A. E. 2014. *Neolit i eneolit poluostrova Mangyshlak / Materialy i issledovaniya po arheologii Kazahstana (Neolithic and Eneolithic of Mangyshlak peninsula / Materials and research on archaeology of Kazakhstan)*. Vol. VI. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology (in Kazakh, Russian, English).

- 2 Barynkin, P. P. 1992. *Eneolit i rannyya bronza Severnogo Prikaspiya (Eneolite and early bronze of the Northern Caspian)*: abstract. dis. ... Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).
- 3 Bobrinskiy, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody issledovaniya (Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of research)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 4 Bobrinskiy, A. A. 1999. In: *Aktualnye problemy izucheniya drevnego goncharstva (Actual problems of studying ancient pottery)*. Samara: Samara Socio-Pedagogical University, 5-109 (in Russian).
- 5 Vasiliev, I. B. 2003. In: Vybornov, A. A. (ed.). *Voprosy arheologii Povolzhiya (Archaeology issues of the Volga river region)*. Issue 3. Samara: Samara Scientific Center of the RAS, 61-99 (in Russian).
- 6 Vasilieva, I. N. 1999. In: Vybornov, A. A. (ed.). *Voprosy arheologii Povolzhiya (Archaeology issues of the Volga river region)*. Samara: Samara Socio-Pedagogical University, 72-96 (in Russian).
- 7 Vasilieva, I. N. 2005. In: *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)*, 3, 76-84 (in Russian).
- 8 Vasilieva, I. N. 2010. In: Agapov, S. A. (ed.). *Hvalynskie eneoliticheskie mogilniki i Hvalynskaya eneoliticheskaya kultura. Issledovaniya materialov (Khvalyn Eneolithic burial grounds and Khvalyn Eneolithic culture. Research of materials)*. Vol. 2. Samara: "Povolzhie" Publ., 153-179 (in Russian).
- 9 Vasilieva, I. N., Salugina, N. P. 1999. In: Stashenkov, D. A. (ed.). *Voprosy arheologii Urala i Povolzhiya (Archaeology issues of the Ural and Volga river regions)*. Samara: Samara University, 234-257 (in Russian).
- 10 Vasilieva, I. N., Salugina, N. P. 2002. In: Kryzhitskiy, S. D. (ed.). *Sovremennye problemy arheologii (Modern problems of archaeology)*. Kyiv: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 54 (in Russian).
- 11 Vasilieva, I. N., Salugina, N. P. 2013. In: Agapov, S. A. (ed.). *Eksperimentalnaya arheologiya. Vzglyad v XXI vek (Experimental archaeology. A look into the 21st century)*. Uliyanovsk: "Pechatnyi dvor" Publ., 57-89 (in Russian).
- 12 Volkova, E. V. 1996. *Goncharstvo fatyanovskih plemen (Pottery of the Fatyanovsky tribes)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 13 Vybornov, A. A., Kovalyukh, N. N., Skripkin, V. V. 2008. In: Derevianko, A. P., Makarov, N. A. (eds). *Trudy II (XVIII) vseros. arheologicheskogo s'ezda v Suzdale (Proceedings 2nd (18th) All-Russian archaeological congress in Suzdal)*. Vol. 1. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 191-193 (in Russian).
- 14 Doga, N. S. 2019. In: *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara scientific bulletin)*, vol. 8, no. 2 (27), 144-149 (in Russian).
- 15 Kazdym, A. A., Lopatina, O. A. 2010. In: Tsetlin, Yu. B., Salugina, N. P., Vasilieva, I. N. (eds.). *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya (Ancient pottery: results and prospects of study)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 46-57 (in Russian).
- 16 Malov, N. M. 1988a. In: Shilov, V. P. (ed.). *Arheologicheskie otkrytiya 1986 goda (Archaeological discoveries of the 1986)*. Moscow: Nauka, S. 486 (in Russian).
- 17 Malov, N. M. 1988b. In: *Archive of the Margulan Institute of Archaeology*, dossier 2234 (in Russian).
- 18 Mamirov, T. B., Bairov, N. M., Klyshev, E. E., Mamirov, K. B., Kuandyk, S. R. 2019. In: *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan archeology)*, 1 (3), 91-98 (in Russian).
- 19 Mamirov, T. B., Gavrillov, D. A. 2020. In: Derevianko, A. P., Makarov, N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vseros. arheol. siezda (Proceedings 6th (22nd) all-Russian archaeol. Congress)*. In 3-vol. Vol. I. Samara: Samara State Socio-Pedagogical University, 181-182 (in Russian).
- 20 Morgunova, N. L. 1991. In: *Archive of the Margulan Institute of Archaeology*, dossier 2362 (in Russian).
- 21 Morgunova, N. L. 1995. *Neolit i eneolit yuga lesostepi Volgo-Uralskogo mezhdurechiya (Neolithic and Eneolithic of the southern forest-steppe of the Volga-Ural rivers interfluvium)*. Orenburg: "Yuzhnyi Ural" Publ. (in Russian).
- 22 Morgunova, N. L. 2010. In: *40 let Srednevolzhskoy arheologicheskoy ekspeditsii: Kraevedcheskie zapiski (40 years of the Middle Volga river archaeological expedition: Local history notes)*. Issue 15. Samara: "Ofort" Publ., 184-193 (in Russian).
- 23 Rahimzhanova, S. Zh. 2019. In: Karpenko, V. E. (ed.). *Istoriya, politologiya, sociologiya, filosofiya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty (History, political science, sociology, philosophy: theoretical and practical aspects)*, no. 9-10 (17). Novosibirsk: "SibAK", 12-16 (in Russian).

- 24 Rahimzhanova, S. Zh., Zelenko, M. G. 2015. In: Rodinkova, V. E. (ed.). *Novye materialy i metody arheologicheskogo issledovaniya (New materials and methods of archaeological research)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 67-68 (in Russian).
- 25 Salugina, N. P. 2006. In: Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Sovremennye problemy arheologii Rossii (Modern problems of archaeology of Russia)*. Vol. 2. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 379-381 (in Russian).
- 26 Stepanova, N. F. 2010. In: Tsetlin, Yu. B., Salugina, N. P., Vasilieva, I. N. (eds.). *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya (Ancient pottery: results and prospects of study)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 117-125 (in Russian).
- 27 Tsetlin, Yu. B. 2006. In: *Voprosy arheologii Povolzh'ya (Archaeology issues of the Volga river region)*. Vol. 4. Samara: Scientific and Technical Center, 421-425 (in Russian).
- 28 Tsetlin, Yu. B. 2008. *Neolit tsentra Russkoy ravniny: ornamentatsiya keramiki i metodika periodizatsii kultur (Neolithic center of the Russian plain: ornamentation of ceramics and methods of periodization of cultures)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 29 Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kulturnogo podhoda (Ancient ceramics. Theory and methods of historical and cultural approach)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 30 Shevnina, I. V. 2018. In: *Vestnik YuUrGU. Ser. "Sots.-gum. nauki" (Bulletin of the South Ural State University. The series "Social and Humanitarian Sciences")*. vol. 18, no. 4, 63-74 (in Russian).
- 31 Shevnina, I. V. 2019. In: *Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta (Bulletin of the Kemerovo State University)*, vol. 21, no. 1, 37-43 (in Russian).
- 32 Yudin, A. I. 2004. *Varfolomeevskaya stoyanka i neolit stepnogo Povolzh'ya (The Varfolomeevskaya site and the Neolithic of the steppe Volga river region)*. Saratov: Saratov University (in Russian).
- 33 Yudin, A. I. 2012. *Poselenie Kumyska i eneolit stepnogo Povolzh'ya (The settlement of Kumyska and the Eneolithic of the steppe Volga river region)*. Saratov: "Nauchnaya kniga" (in Russian).
- 34 Rahimzhanova, S., Ananyevskaya, E., Zaibert, V. 2022. In: *Archaeological Research in Asia*, 29, 100353 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 07.02.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 01.03.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 02.03.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ: 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.157.176>

Трасолого-технологический анализ каменного и керамического инвентаря из поселения раннего железного века Бутақты-І (Юго-Восточный Казахстан)

© 2023 г. Ержанова А.Е., Дубягина Е.В., Горячев А.А.

Keywords: archaeology, Butakty-I, the Zharbulak River, early Iron Age, metalworking, stone tools, ceramics, handicrafts, traceology, production technology

Түйін сөздер: археология, Бұтақты-І, Жарбұлақ өзені, ерте темір дәуірі, метал өңдеу, тас еңбек құралдары, керамика, қолөнер кәсібі, трасология, өндіріс технологиясы

Ключевые слова: археология, Бутақты-І, река Жарбулак, ранний железный век, металлообработка, каменные орудия труда, керамика, ремёсла, трасология, технология производства

Albina Yerzhanova¹, Yekaterina Dubyagina¹, Alexander Goryachev¹

¹PhD, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: erjanova_a@mail.ru

¹Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: nkatykat@gmail.com

¹Corresponding author, Leading researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: aga.2805@mail.ru

Traceological and technological analysis of stone and ceramic inventory from the early Iron Age settlement Butakty-I (Southern-Eastern Kazakhstan)

Abstract. The multi-layered and multi-component site Butakty-I is known to include settlements of the Bronze and early Iron Ages overlain by burial grounds of the Wusun times and the early Middle Ages. The aim of the study was to elucidate technological aspects of ceramics and stone tools, with a hypothesis that the tools in question could represent the early Iron Age metalworking. The early Iron Age archaeological record provides rich evidence on a number of tools associated with such activities as metalworking (ore-crushing hammer, anvil, various hammers, smoother, whetstone, abrasive), processing of hides and skins (scraper, cutter), pottery making (polisher, various tables, grainer, pestle), processing of plants (grain grinder), and earthworks (hoe, mattock). Studies of pottery samples showed that the molding masses used have sprung from local mineral and raw material environments, and the recipes included mainly sand or grit with organic additives. The analysis of tools and products allows us to speak about the high level of development of blacksmithing, pottery making, and jewelry, which have reached a high level of development since professional craftsmen have already been specialized in certain areas of production.

Funding of source: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2022–2023, IRN BR11765630.

For citation: Yerzhanova, A., Dubyagina, Ye., Goryachev, A. 2023. Traceological and technological analysis of stone and ceramic inventory from the early Iron Age settlement Butakty-I (Southern-Eastern Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 1 (19), 157–176 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.157.176](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.157.176)

Альбина Ергешбайқызы Ержанова¹,
Екатерина Викторовна Дубягина¹,
Александр Анатольевич Горячев¹

¹PhD, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан
¹ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан
¹корреспондент авторы, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

Ерте темір дәуірінің Бұтақты-І қонысынан табылған тас және керамикалық заттарына трасологиялық-технологиялық талдаулар (Оңтүстік-Шығыс Қазақстан)

Аннотация. Үстіне үйсін кезеңі мен ерте орта ғасырлардың қорымдары салынып кеткен көп қабатты және көпкомпонентті Бұтақты-І ескерткішінің негізі қола және ерте темір дәуірі қоныстарынан құралған. Зерттеудің мақсаты тас еңбек құралдары мен керамиканың технологиялық аспектілерін анықтау арқылы олардың ерте темір дәуірі кезеңінде темір өндірісіне қатысы бар екендігі жөнінде болжам жасау. Ерте темір дәуірінің заттық кешені төмендегідей шаруашылығы мен қолөнер кәсібіне қатысты құралдар қатары жайында ақпарат алуға мүмкіндік береді: темір өндірісі (кенді үгітетін балға, төс, ұрғыш, балға, үтікше, қайрақ, абразив), тері өңдеуге арналған (қырғыш, кескіш), керамика өндірісі (тегістегіш, диск, үйкек, тақтатас, үккіш), өсімдіктерді өңдеуге арналған (дәнүккіш, үгуге арналған құрал) және жер өңдеуге (кетпен, шапқы). Керамика үлгілерін зерттеу нәтижесі оның жергілікті минералды-шикізат ортасына тән екендігін, құрамында органикалық қоспалары бар құм немесе ұсақтастар басымдығын көрсетті. Өндірістің белгілі бір мамандық шеберіне машықтанғанын бұйымдар мен құралдардың түрлерінен көре отырып, ұсталық, көзешілік зергерлік кәсібінің жоғарғы деңгейде дамығандығын айта аламыз.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2022–2023 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR11765630 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Ержанова А.Е., Дубягина Е.В., Горячев А.А. Ерте темір дәуірінің Бұтақты-І қонысынан табылған тас және керамикалық заттарына трасологиялық-технологиялық талдаулар (Оңтүстік-Шығыс Қазақстан). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 1 (19). 157–176-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.157.176](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.157.176)

Альбина Ергешбаевна Ержанова¹,
Екатерина Викторовна Дубягина¹,
Александр Анатольевич Горячев¹

¹PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан
¹научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан
¹автор-корреспондент, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

Трасолого-технологический анализ каменного и керамического инвентаря из поселения раннего железного века Бутақты-І (Юго-Восточный Казахстан)

Аннотация. Многослойный и многокомпонентный памятник Бутақты-І включал поселения бронзового и раннего железного веков, перекрытые могильниками усуньского времени и раннего средневековья. Целью исследования являлось выяснение технологических аспектов керамики и каменных орудий труда с выдвиганием гипотезы о принадлежности орудий к металлообработке раннего железного века. Предметный комплекс раннего железного века позволяет получить информацию о ряде инструментов, соотнесенных со следующими видами ремесленной и бытовой деятельности: металлопроизводством (рудодробильный молоточек, наковальня, отбойник, молот, гладилка, оселок, абразив), обработкой шкур и кож (скребок, резак), гончарством (лощило, диск, подставка, плита, пест), обработкой растительных материалов (зернотёрка, тёрочник) и земляными работами (мотыга, мотыжка). Исследования образцов керамики показали соответствие их формовочных масс местной минерально-сырьевой среде, а рецептура включала в основном песок либо дресву с добавками органики. Характер инструментов и изделий позволяет говорить о высоком уровне развития кузнечного, гончарного, ювелирного ремёсел, который стал результатом специализации мастеров одной профессии на отдельных видах производств.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2023, ИРН проекта BR11765630.

Для цитирования: Ержанова А.Е., Дубягина Е.В., Горячев А.А. Трасолого-технологический анализ каменного и керамического инвентаря из поселения раннего железного века Бутақты-І (Юго-Восточный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 1 (19). С. 157–176. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.157.176](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.157.176)

1 Введение (Горячев А.А., Ержанова А.Е., Дубягина Е.В.)

Предгорья Иле Алатау, с их плодородными почвами и обилием горных рек, обусловили особую привлекательность этой местности для проживания древних обитателей. Иле Алатау – одна из крайних северных дуг горной системы Тянь-Шаня и, в свою очередь, представляет собой наиболее высокий горный хребет Азии. С практической точки зрения данная территория была и остаётся весьма благоприятной для обитания [Горячев, Мотов 2018: 10–20].

История изучения археологических памятников региона началась в XIX в. Вопросы историко-культурного развития территории Алматы и окрестностей освещаются в ряде монографий [Байпаков и др. 2005: 8–18; Самашев и др. 2005: 5–16; Туякбаева 2008: 27–107]. Детальная характеристика обследования и изучения археологических памятников в дореволюционный период выполнена Ф.П. Григорьевым [Григорьев 1998: 260–270]. Наиболее исследованным памятником в данном микрорайоне стал археологический комплекс Бутақты-І, открытый в 1996 г. Он расположен на юго-восточной окраине г. Алматы, в 200 м к востоку от поворота трассы в урочище Медео к посёлку Юбилейный (Кольсай). Территория памятника представляет собой ровную террасу правого берега р. Жарбулак (Казачка), упирающуюся в отроги северного склона хребта Иле Алатау [Горячев, Мотов 2010: 13]. Памятник находился в аварийном состоянии, и в период 1996–2011 гг. в связи с угрозой уничтожения здесь были проведены археологические работы [Горячев, Егорова 2015: 90–99; Горячев, Сараев 2015: 5–18; Горячев, Мотов 2018: 3–20].

Материалы археологического комплекса Бутақты-І неоднократно использовались в специализированных археозоологических, антропологических и трасологических исследованиях отечественных и зарубежных специалистов, включая обобщающие публикации по территории Северной Евразии [Гасс 2015: 84–89; Damgaard et al. 2018: 369–374; Naruda et al. 2019: 50–57; Китов и др. 2019; Ержанова и др. 2020: 187–196; Ananyevskaya et al. 2020; Goryachev, Frachetti 2022: 24–56].

Уровень древней дневной поверхности поселения раннего железного века находился на глубине 70–100 см от современной поверхности. Культурный слой с находками указанного периода составляет около 40 см. В переотложенных слоях встречаются также находки бронзового века и Средневековья [Горячев, Мотов 2010: 16]. Вещевой инвентарь поселения Бутақты-І включает около 200 каменных орудий труда, более 30 костяных инструментов и около 3000 фрагментов керамической посуды [Горячев, Мотов 2018: 56].

В данной статье рассматриваются каменные и керамические изделия, относящиеся к периоду функционирования поселения в раннем железном веке (III–II вв. до н.э.). Данная коллекция артефактов позволяет исследовать ряд аспектов, указывающих, в частности, на существование местной металлообработки.

2 Материалы и методы

2.1 Методы исследования (Ержанова А.Е., Дубягина Е.В.)

Изделия из камня и керамики раннего железного века поселения Бутақты-І изучены с применением комплексного подхода, включавшего морфологический, трасологический и статистический анализы. Известное смешение поселенческих культурных слоёв и перемещение артефактов потребовали специального распознавания и отделения индустрии горных пород раннего железного века от бронзового века. За основу взяты данные о составе, формовых и технологических особенностях инвентаря из непотревоженных стратиграфических контекстов, из атрибутированных и да-

тированных комплексов; такие контексты и комплексы обнаружены преимущественно в низовых отделах отложений памятника. Выборки индустрий, получаемые в ходе этих изысканий, обязательно сопоставлялись с окружающими их керамическими находками, важными для культурно-хронологической атрибуции. Трасологическим анализом выявлены следы изготовления и использования, определены их характерные особенности на отдельных артефактах.

Исследование керамических изделий основывалось на принципах технико-технологического анализа керамики и сырья (компонентный анализ). Выявление микроследов изготовления и использования орудий из горных пород и технико-технологический анализ керамики производился с помощью стереоскопического микроскопа ZEISS SteREO Discovery.V8, имеющего увеличение до 200 крат.

На основе трасологического анализа орудий из горных пород выстраивается их классификация по назначению и способам употребления, обычно называемая функциональной типологией [Коробкова, Щелинский 1996: 3–4]. Методика трасологического анализа орудий труда, разработанная С.А. Семёновым, вполне универсальна, так как не требует существенной адаптации к особенностям местного сырья, но уделяет внимание преимущественно характеру видоизменений и разрушений рабочей поверхности. Так как критерии выделения разновидностей деформаций носят сравнительно общий характер, их можно успешно применять к орудиям из различных пород. С.А. Семёнов ввёл в методику микроанализа представление о блоках линейных следов и их дифференциацию, обусловленную различиями кинематики [Семёнов 1957].

Так как в интерпретации и функциональной классификации орудий регулярно используются данные об остатках металлов на рабочих поверхностях, то в методической части рекомендуется уточнить, что трасологическое исследование сочеталось с исследованием остатков. Это немаловажно, поскольку даже не зная характера следов, уже по одним остаткам, можно ставить вопрос об участии артефактов в металлообработке.

2.2 Характеристика материала (Ержанова А.Е., Дубягина Е.В., Горячев А.А.)

В ходе исследования каменных орудий под микроскопом изучено 50 предметов из гранита, алевролита, базальта и песчаника; из них 33 экз. определены как орудия труда и приспособления, использовавшиеся в различных производственных процессах. На поверхностях изделий выявлены признаки изнашивания, характеризующие их назначение и способы употребления (функции).

На основе трасологических данных каменный инвентарь распределён по следующим функциональным группам (табл. 2; рис. 5; 6):

Орудия, связанные с металлопроизводством. В качестве **наковален** (2 экз.) использованы массивные целостности крупнозернистого гранита и мелкозернистого алевролита с ровными поверхностями, весом 0,88 и 1,2 кг (рис. 1). Орудия имеют треугольную форму и следующие размеры: 13,5×12×2,7 см и 15×13,7×3,1 см. Боковые грани оббиты для придания формы в технике пикетажа, нижние части скошены к середине. Такого рода наковальня зажимается между колен или вставляется в желобчатый паз, выдолбленный посередине бревна. На боковых гранях образовались затёртости матовой фактуры от прикосновения к мягкому материалу. На поверхности зафиксированы многочисленные остатки прикипевшего металла от обработки горячего железа. Крупные выступающие участки микрорельефа стали от работы весьма плоскими, и на поверхности появились редкие широкие точечные вдавления. В результате рабочая поверхность выглядит как тёмный фон, выступающие вершины микрорельефа утратили чёткость очертаний, и плоскостные участки приобрели более регулярный характер по сравнению с натуральной поверхностью породы.

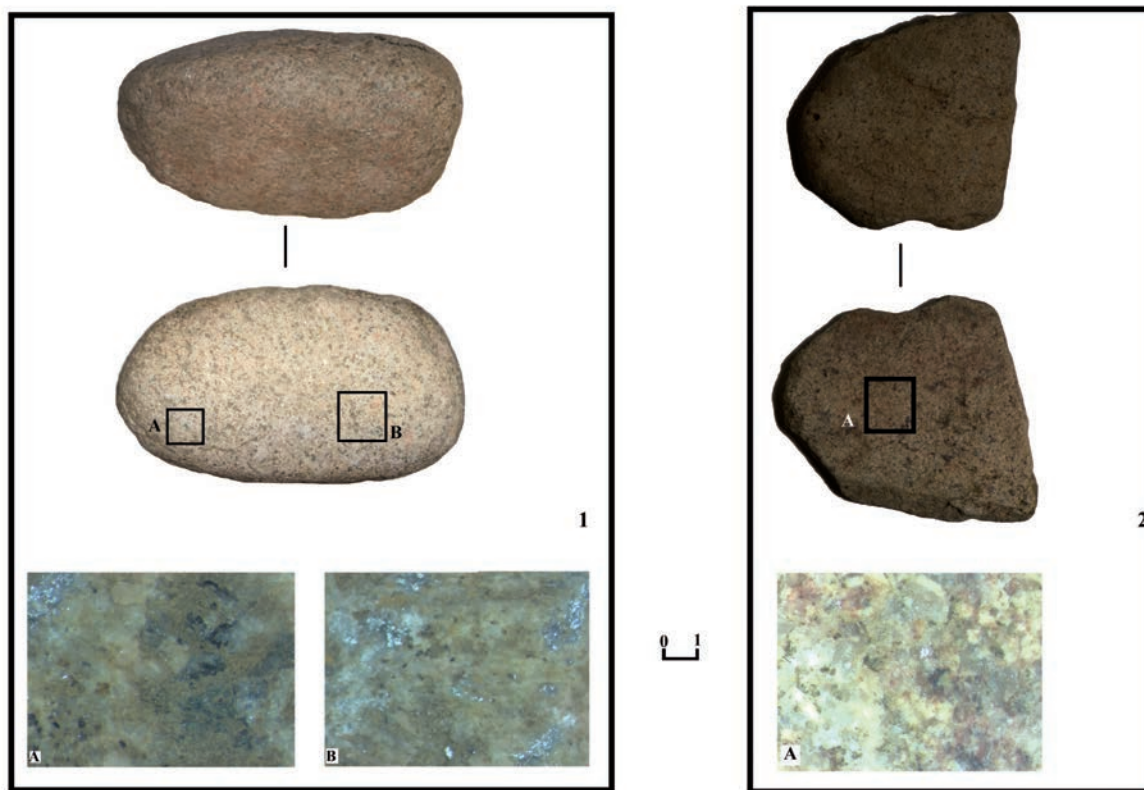

Рис. 1. Бутакты-І. Наковальни. Следы утилизации и металла на рабочих поверхностях.
Макросъёмка с увеличением 100х. Фото А.Е. Ержановой

1-сур. Бұтақты-І. Төс. Қолданыс бетіндегі тозу іздері мен метал. 100 есе үлкейтілген макротүсірілім.
Сурет А.Е. Ержанованікі

Fig. 1. Butakty-I. Anvils. Use-wear and metal residues on working surfaces. Magnification 100x.
Photo by Albina Yerzhanova

Отбойники-молоточки. Найдено 2 экземпляра, один из них фрагментарен (рис. 2, 1, 2). Используются гальки плотной мелкозернистой горной породы. Одно орудие первоначально было овальной формы, но из-за долгого использования поломалось; сохранившиеся размеры – 9,6×6,4×4 см. Второй инструмент представлен целым массивным изделием размерами 9,1×7,5×5,5 см. На боковой грани имеется неглубокая желобчатая выемка для приспособления к удержанию в руке шириной 2 см, глубиной 0,4 см. На боковых гранях виден жирный матовый блеск от прикосновения руки. На рабочей поверхности обоих отбойников видны следы точечной сплошной оббивки для получения определённой скульптурной формы. Фасетки сколов многоярусные, на сохранившейся поверхности имеются выбоины, царапины, следы подправки каменным абразивом. Отбойники использовались для удаления шлаковых включений с поверхности изделия, образовавшихся в процессе отливки металла в форму. Подобные отбойники встречаются на таких поселениях позднего бронзового века Центрального Казахстана, как Талдысай, Атасу, Мыржик [Erzhanova, Šotbaev 2018: 93–103] и раннего железного века Восточного Казахстана (Акбауыр 1) [Самашев 2020: 108].

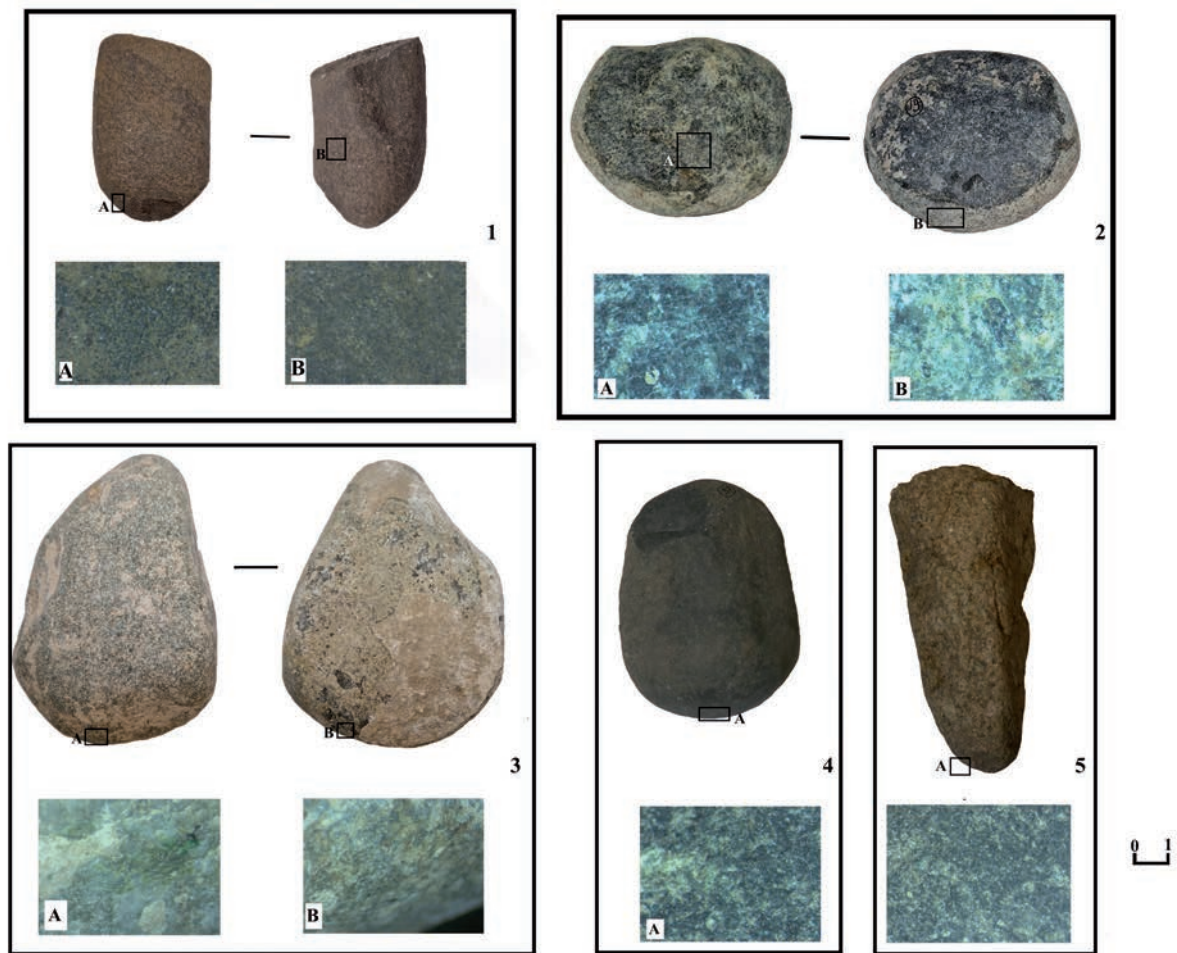

Рис. 2. Бұтақты-І. Орудия: 1, 2 – отбойники; 3–5 – молоты. Следы утилизации на рабочих участках. Макросъёмка с увеличением 100х. Фото А.Е. Ержановой

2-сур. Бұтақты-І, Құралдар: 1, 2 – ұрғыштар; 3–5 – балғалар. Қолданыс бөлігіндегі тозу белгілері. 100 есе үлкейтілген макротүсірілім. Сурет А.Е. Ержанованікі

Fig. 2. Butakty-I. Tools: 1, 2 – slag removing hammers; 3–5 – sledgehammers. Use-wear marks on working surfaces. Magnification 100x. Photo by Albina Yerzhanova

Молоты (3 экз.) изготовлены из мелкозернистых пород – песчаника и базальта (рис. 2, 3–5). Углы орудий оббиты техникой пикетажа, на одной из боковых граней видна выемка для привязывания к рукояти (рис. 2, 5). Все молоты с плоским бойком имеют остатки от металла, размеры орудий варьируют: 10,6–18,5×7,8–13,5×5,5–6,5 см. Форма рабочего края у каждого молота овальная, на нём видны выбоины, царапины, затёртости. На боковых гранях прослеживается жирный блеск от кожного ремня, который привязывался к Т-образной рукояти.

Молоточки (3 экз.) имеют удлинённые пропорции и овальные сечения корпусов (рис. 3, 1). Форма изделий predetermined исходной заготовкой: для изготовления этих орудий использовались гальки из гранита, размеры которых варьируют: 3,7–7,5×4–9,1×2,3–5,5 см. Корпуса инструментов

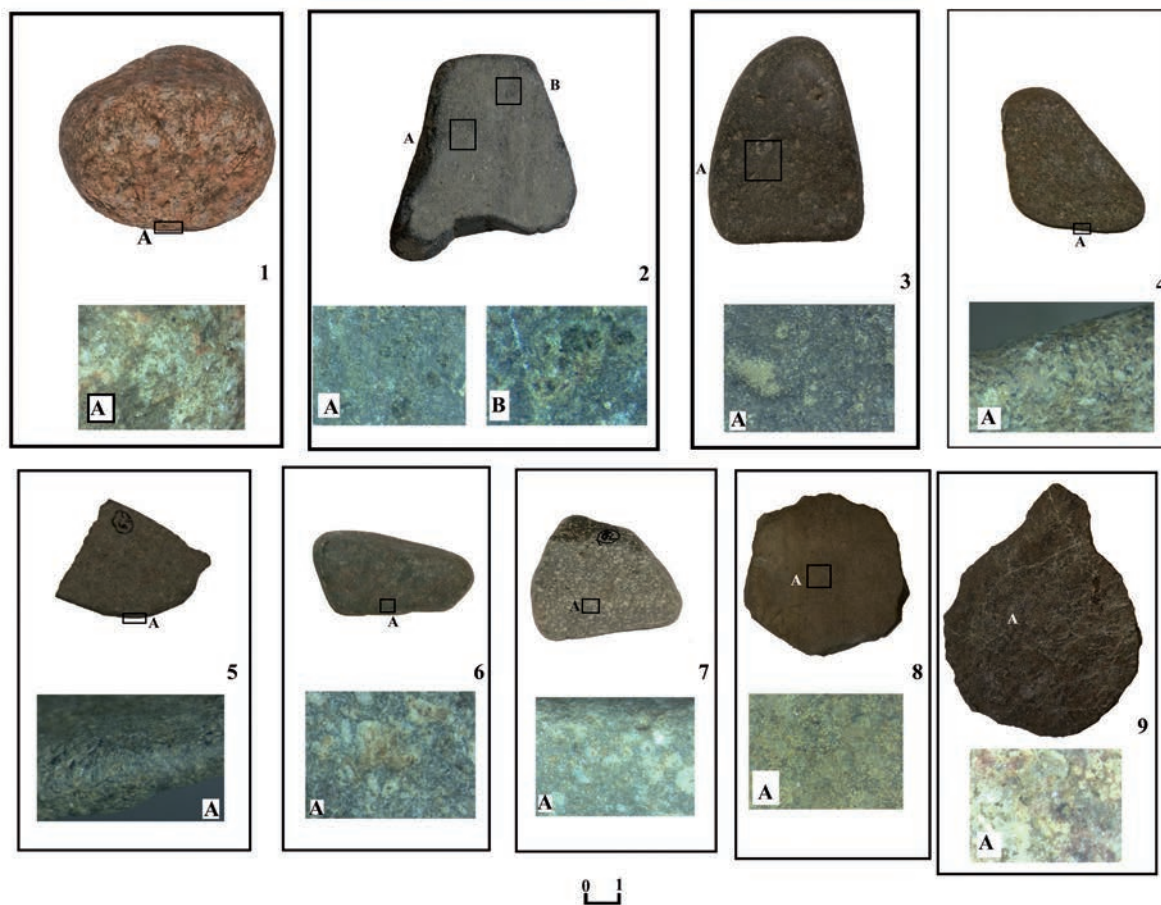

Рис. 3. Бутақты-І. Орудия: 1 – молоточек; 2, 3 – гладилки; 4 – резак; 5 – скребок; 6 – оселок; 7 – абразив; 8 – диск-подставка; 9 – подставка с ручкой. Макросъёмка с увеличением 100х. Фото А.Е. Ержановой

3-сур. Бұтақты-І, Құралдар: 1 – балғаша; 2–3 – үтікшелер; 4 – кескіш, 5 – қырғыш; 6 – қайрақ; 7 – абразив; 8 – диск-үйкек; 9 – сабы бар үйкек. 100 есе үлкейтілген макротүсірілім. Сурет А.Е. Ержанованікі

Fig. 3. Butakty-I. Tools: 1 – ore-crushing hammer; 2, 3 – metalworking smoothers; 4 – skin cutter; 5 – hide scraper; 6 – whetstone; 7 – abrasive; 8 – pottery disk-stand; 9 – pottery disk-stand with a handle. Magnification 100x. Photo by Albina Yerzhanova

практически не обработаны: оббивкой и пикетажем выполнены лишь углубления на рёбрах для крепления рукояти, и сняты самые грубые выступы. Рабочие площадки имеют форму вытянутого подпрямоугольника и овала, шероховатые, покрыты глубокой забитостью с выбоинами, трещинами и выщерблинами разной ширины и глубины, которые накладываются друг на друга. Характер износа рабочих поверхностей свидетельствует об использовании молоточков для дробления руды на втором этапе её переработки. Пятки их практически не подвергались обработке и использовались для ударных операций.

Изделия крупных размеров, называемые некоторыми исследователями «гладилками» [Ширинов 1986: 43], представляют собой базальтовую породу моноклинной формы с одной или двумя рабочими плоскостями. Найденные на поселении Бутақты-І подтреугольные **гладилки** (2 экз.)

использовались для выравнивания поверхностей металлических заготовок (рис. 3, 2, 3). Рабочей поверхностью служила плоская часть орудия. Размеры гладилок: 6,7×5,5×4 см и 6×4,5×3,3 см. Следы износа формировались на рабочей поверхности гладилок в ходе обработки горячей меди и сопровождаются чёрными металлическими пятнами и слоистыми более светлыми чешуйками меди. Окаймляющие их участки потемнели. Зафиксированы заполировка и параллельные друг другу линейные следы. От холодной меди остался металлический блеск, но он проникает в волны микрорельефа очень слабо. Частицы меди располагаются на поверхности довольно крупными отдельными вкраплениями. Выступающие участки микрорельефа рабочей плоскости интенсивно заглаживались и образовывались взаимно параллельные линейные следы. Подобные инструменты в урало-казахстанском регионе встречаются от энеолита до средневековья. В энеолите гладилки в большинстве случаев бесформенные [Зайберт 2011: 92–105], а в бронзовом веке они приобретают прямоугольные, овальные очертания [Ержанова, Лошакова 2022: 229]. Начиная с раннего железного века, их формы отличаются значительным разнообразием. Литейщики и кузнецы брали естественную форму определённого минерала и использовали его как гладилки для выравнивания металлических изделий [Самашев 2020: 109–110].

Оселки (4 экз.). Орудия выполнены из базальтовой породы трапециевидной и треугольной формы без дополнительной обработки (рис. 3, 6). Размеры варьируют: 2,9–4×2,4–5×1,8–2,1 см. Использовалась боковая часть, где на рабочей поверхности видны следы заполировки. На сильно заполированной поверхности видны нитевидные следы, направленные поперёк орудия. Два оселка находились в работе непродолжительное время. Инструменты применялись для подправки затупившихся металлических лезвий, наконечников копий и стрел.

Абразивы (2 экз.) изготовлены из мелкозернистого песчаника (рис. 3, 7). Размеры предметов: 9×3,4×1,9 см и 9×5×3,7 см. Наблюдается шлифовка зёрен кварца, что позволяет говорить об интенсивном истирании, видны частицы металла. Рабочие поверхности залощенные, с плавными углублениями, желобками и узкими прорезями. Такого рода орудие использовалось для первичной абразивной обработки откованного предмета.

Оселки и абразивы часто использовались в металлообработке – как производственной, так и бытовой – для заточки и правки режущих кромок (табл. 1). Такого вида изделия встречаются на многих поселениях раннего железного века Жетысу и Сарыарки, в частности на поселениях Тургень-II, Кызылбулак-IV и Абылай [Горячев 2020: 154; Бейсенов и др. 2021: 192].

*Таблица 1 – Сравнительный анализ оселков и абразивов
1-кесте – Қайрақ пен абразивке салыстырмалы талдау
Table 1 – Comparative analysis of whetstones and abrasives*

свойства	оселки	абразивы
сырьё	базальт	песчаник мелкого зерна
форма	натуральная; трапеции, треугольники	прямоугольная
размеры	2,9–4×2,4–5×1,8–2,1 см	9×3,4×1,9 см и 9×5×3,7 см
рабочая часть	боковина	боковая грань
следы и остатки	заполировка, поперечные нитевидные следы	пришлифовка, лощение, высокий плавный желобчато-бороздчатый рельеф, медь
назначение	подправка затупившихся металлических лезвий	первичная абразивная обработка откованного предмета

Орудия обработки шкур и кож – скребок и резак.

Обломок **скребка**, сделанного из отщепа мелкозернистого песчаника, размеры 3×2,8×0,4 см (рис. 3, 5). На рабочей кромке лезвия видна выраженная матовая заполировка. Она проникает в складки микрорельефа, а также заходит на прилегающие к кромке лезвия боковые участки; скребок использован для мездрения сухих шкур. На кромке лезвия образовались однонаправленные линейные следы.

Резак размерами 3,5×3×1,4 см был обнаружен близ жилого помещения юртообразной формы на глубине 60–80 см (рис. 3, 4). Рабочая часть резца представляет собой как бы один зуб пилы, режущая кромка которого прорезает канавку в материале повторными односторонними движениями, постепенно её углубляя. Процессу изнашивания подвергалась режущая кромка, видны еле заметные линейные следы в виде нитевидных линий, параллельных плоскости разрезания и перпендикулярных оси резца.

Орудия и приспособления гончарства представлены ложилами, подставками, тёрочником и тёрочными плитами, а также пестом.

Ложила треугольной формы выполнены из гранитовой гальки прямоугольной формы, размеры 5×3,5×3,7 см и 4,3×2,9×2,5 см (рис. 4, 5). На рабочей поверхности прослеживаются грубые линейные следы вдоль и поперёк. На ней невооружённым глазом можно заметить яркую, хотя и матовую, полировку, которая под микроскопом выглядит не столь выразительно (рис. 4, 4). На одном из ложил видны параллельные царапины, расположенные не столь хаотично, потому как орудие было использовано для лощения просохших сосудов.

Среди изделий этого функционального класса встречаются **диски-подставки** (2 экз.). Они обработаны методом оббивки и пикетажа для придания нужной формы, углы изделий зашлифованы. Плоские поверхности затёрты, поскольку диски использовались как подставки для керамических сосудов во время сушки (рис. 3, 8). Диаметр первого диска 7,3 см, толщина 1,6 см. Вторая подставка, также круглой формы, сделана с ручкой (рис. 3, 9). На одной из плоских сторон имеется не слишком интенсивная шлифовка и затёртость. Местами видны неглубокие царапины. Диаметр основания 11 см, толщина 1,6 см, длина ручки 3,5 см, ширина 3,7 см, толщина 0,9 см. Подставка была использована для переноса предметов.

Тёрочник (рис. 4, 2) сделан из гальки размерами 16,5×6,9×3,7 см. Орудие имеет одну ровную рабочую площадку и обработанные техникой пикетажа и пришлифовкой боковые грани. Рабочая сторона затёрта, на ней фиксируются выбоины, расположенные, как правило, скоплениями, а также углублённые пришлифовки и резкие царапины. Орудие использовалось для дробления минералов на мелкие фракции.

Тёрочные плиты (2 экз.) выполнены из естественной формы крупнозернистого гранита (рис. 4, 7). На сильно изношенной рабочей поверхности представлены следы от интенсивного растирания грубых частиц твёрдого минерала, в результате чего образовались поперечные царапины различной интенсивности, блеск шлифовки. От воздействия крупных зёрен возник эффект гофрированной поверхности с поперечно расположенными бороздками; размеры плиты 9,6×6,4×4 см. Другая плита обломана, сохранность очень плохая, на сохранившейся поверхности видны следы мягкого материала (тонкого минерального пигмента) и затёртости от поступательно-возвратного действия.

Пест грушевидной формы выполнен из базальта (рис. 4, 1). Вся поверхность тщательно обработана, рукоятка выделена пикетажем. Использование инструмента зафиксировано чёткими ли-

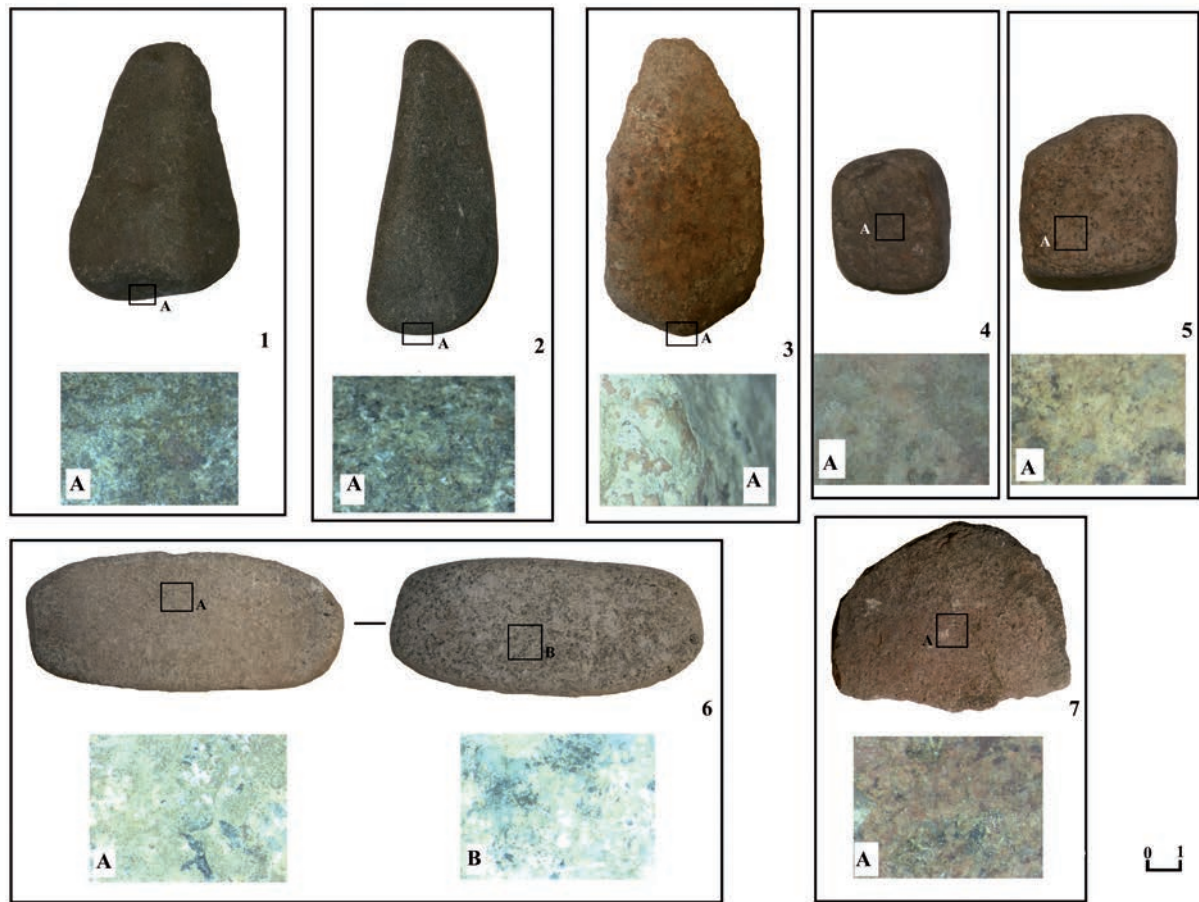

Рис. 4. Бутақты-І. Орудия: 1 – пест; 2 – төрочник; 3 – мотыга; 4, 5 – ложила для керамики; 6 – зернотёрка; 7 – төрочная плита. Макросъёмка с увеличением 100х. Фото А.Е. Ержановой

4-сур. Бұтақты-І, Құралдар: 1 – үккіш; 2 – үгітуге арналған құрал; 3 – кетпен;
4, 5 – керамикаға арналған тегістегіш; 6 – дәнүккіш; 7 – үгуге арналған тақтатас.
100 есе үлкейтілген макротүсірілім. Сурет А.Е. Ержанованікі

Fig. 4. Butakty-I. Tools: 1 – dyestuff grinding pestle; 2 – grit grainer; 3 – hoe; 4, 5 – pottery smoothers; 6 – grain grinding mortar; 7 – grit grinding mortar. Magnification 100x. Photo by Albina Yerzhanova

нейными следами – пересекающимися под различными углами линиями либо, при круговом растирании, параллельными дугообразными рисками. Следы такого характера образуются только во время растирания краски. Аналогичные песты встречаются на поселениях Восточного Казахстана [Самашев 2020: 108–109].

Орудия земляных работ представлены мотыгой и мотыжкой. Мотыга размерами 13,5×11,5×6,7 см изготовлена из базальта, мотыжка (9,1×5,3×2,8 см) выполнена из гранита (рис. 4, 3). На торцовых частях прослеживаются выемки для крепления деревянной Т-образной рукояти. Рабочее лезвие сильно выкрошено, имеет ступенчатые изломы, которые образовались от работ по

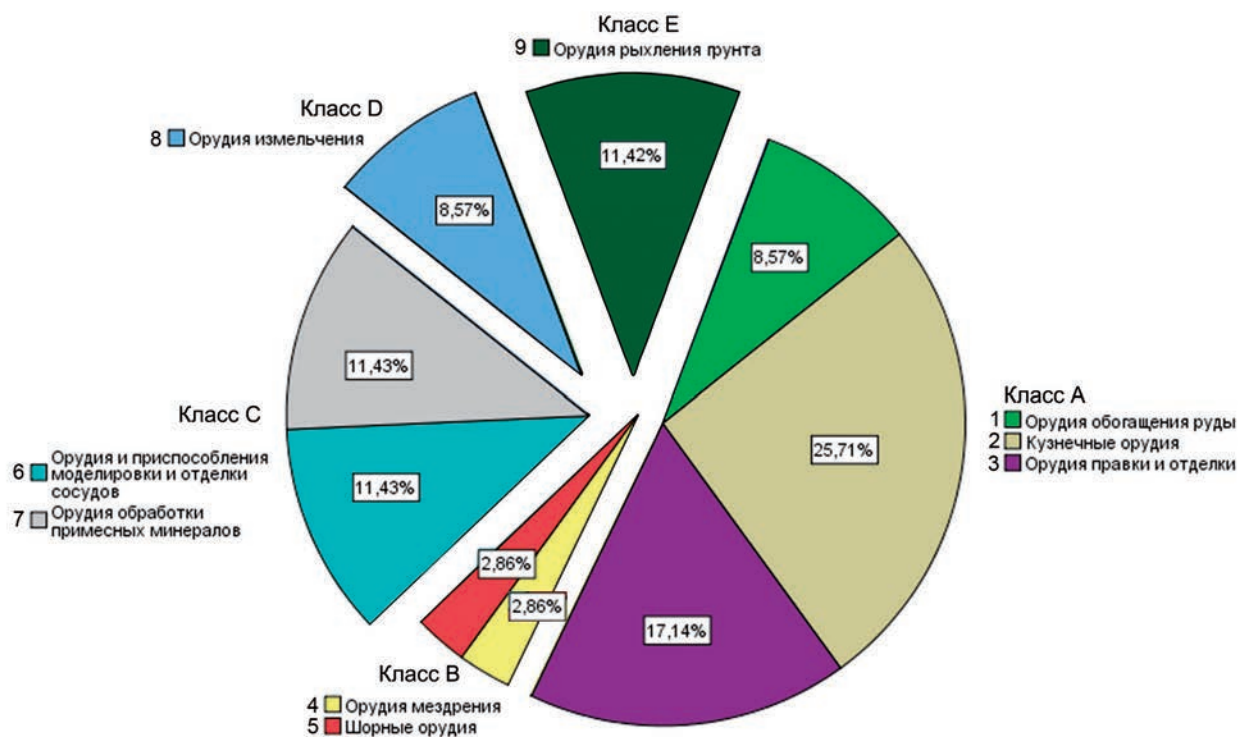

Рис. 5. Бутақты-І. Аналитическая диаграмма по индустрии горных пород раннего железного века. Доли функциональных классов, групп и подгрупп в выборке каменного инвентаря. Исполнитель А.Е. Ержанова

5-сур. Бутақты-І. Ерте темір дәуіріндегі тау жыныстары өнеркәсібі бойынша аналитикалық диаграмма. Тас құралдарды сұрыптауда функционалдық кластардың, топтардың және топшалардың үлестері. Класс А: 1 – кен байыту құралдары; 2 – ұсталық құралдар; 3 – түзету және өңдеу құралдары. Класс В: 4 – шелдеу құралы; 5 – тері өңдеуге арналған құралдар. Класс С: 6 – ыдыстарды тегістеуге және өңдеуге арналған құралдар; 7 – қоспалы минералдарды өңдеуге арналған құралдар. Класс D: 8 – үгітуге арналған құралдар. Класс E: 9 – топырақты қопсытуға арналған құралдар. Орындаған А.Е. Ержанова

Fig. 5. Butakty-I. Analytic chart showing ratios within early Iron Age rock stone industry. Proportion of functional classes, groups, and subgroups in the sample of stone inventory. Class A: 1 – ore dressing tools; 2 – blacksmith tools; 3 – dressing and finishing tools. Class B: 4 – tools for removing the subcutaneous layer from the skin; 5 – saddlery tools. Class C: 6 – tools and devices for modeling and finishing vessels; 7 – tools for processing impurity minerals. Class D: 8 – grinding tools. Class E: 9 – soil loosening tools. Performed by Albina Yerzhanova

рыхлению почвы, местами до сколов. Подобные орудия труда широко известны на поселениях северных склонов Иле Алатау в бронзовом и раннем железном веках [Горячев, Егорова 2015: 90–99; Сараев 2015: 406–414].

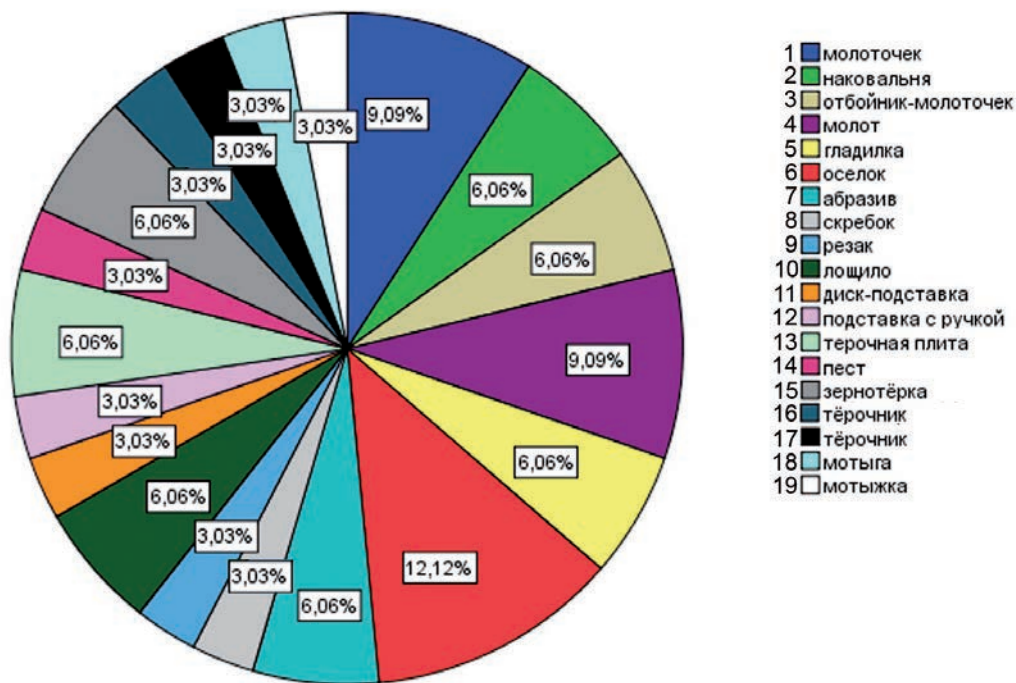

Рис. 6. Бутакты-І. Аналитическая диаграмма по индустрии горных пород раннего железного века. Доли функциональных типов в выборке каменного инвентаря (16, 17 – терочники имеют разное функциональное назначение: для работы с минералами и для использования в гончарном деле). Исполнитель А.Е. Ержанова

6-сур. Бұтақты-І. Ерте темір дәуіріндегі тау жыныстары өнеркәсібі бойынша аналитикалық диаграмма. Тас құралдарды сұрыптаудағы функционалдық түрлердің топтары: 1 – балға; 2 – төс; 3 – балға-ұрғыш; 4 – балта; 5 – үтікше; 6 – қайрақ; 7 – абразив; 8 – қырғыш; 9 – кескіш; 10 – жылтыратқыш; 11 – диск-үйкек; 12 – тұтқасы бар үйкек; 13 – үгітуге арналған тақтас; 14 – үккіш; 15 – дәнүккіш; 16, 17 – үгуге арналған құрал (түрлі өндірісте пайдаланылады: минералдармен және көзешілікте); 18 – кетпен; 19 – шапқы. Орындаған А.Е. Ержанова

Fig. 6. Butakty-I. Analytic chart showing ratios within early Iron Age rock stone industry. Functional types in the sample of stone inventory: 1 – ore-crushing hammer; 2 – anvil; 3 – hammer; 4 – sledge hammer; 5 – metalworking smoother; 6 – whetstone; 7 – abrasive; 8 – hide scraper; 9 – skin cutter; 10 – smoother; 11 – pottery disk-stand; 12 – pottery disk-stand with a handle; 13 – grit grinding mortar; 14 – dyestuff grinding pestle; 15 – grain grinding mortar; 16, 17 – grit grainer (for minerals processing and for pottery); 18 – hoe; 19 – hoe-farming tool. Performed by Albina Yerzhanova

Орудия обработки растительных продуктов состоят из зернотёрки и тёрочника.

Зернотёрка размерами 26×11×3,5 см (рис. 4, б) и обломок зернотёрки размерами 14,8×17,5×4,4 см изготовлены из местного гранита. Натуральный микрорельеф слегка изменён, видны точечные вдавления и выщерблины, а также макросглаживание рабочей площадки, в некоторых местах фиксируется полировка, проникающая в волны микрорельефа. Она образовывалась на поверхности, непосредственно соприкасавшейся с обрабатываемым материалом. Здесь фиксируются очень тонкие линейные следы разного направления. Следы утилизации на зернотёрках характеризуются общей гладкостью рабочей поверхности. Все выступающие участки микрорельефа сглаживаются и мягко пришлифовываются.

На небольшом **тёрчнике** (16,5×6,9×3,7 см) для мягких зернистых органических материалов рабочими поверхностями служили длинные грани и плоскости гальки, следы износа аналогичны следам на зернотёрке (рис. 4, 7). Однако имеются также вогнутые участки и широкие борозды с покатыми заполированными краями. Тёрчный камень удобен для захвата рукой. Он интенсивно использовался для растирания средне- и мелкочастотного сырья (зерна). На его поверхности видны широкие поперечные борозды, более углублённые и выкрошенные на краевых участках. Середина орудия зашлифовалась в процессе истирания порошковой абразивной массой. Орудие было предварительно оббито с боков сколами, пикетажем, подшлифовано.

Выборку **керамики** составили фрагменты в количестве 31 экз. При помощи микроскопического анализа был проведён разбор исходного сырья и формовочных масс.

Формы посуды в раннем железном веке региона отличаются разнообразием и представляют все основные виды. Встречаются фрагменты крупных хумообразных, горшкообразных, баночных, кувшинообразных и котловидных сосудов с наклепными ручками, пиалы, кружки, чашки и миски, а также фрагменты круглых пряслиц [Горячев, Мотов 2018: 65, рис. 78–88]. Характерным признаком посуды раннего железного века выступают разнообразные по форме ручки. Горшковидные сосуды снабжались в основном дугообразными ручками, но имеются и различные горизонтальные ручки [Горячев, Мотов 2018: 65, 67]. Для сравнения и представления в статье выбраны фрагменты трёх сосудов с разной формой ручек и отличающихся по формовочной массе. Есть основания предполагать, что сосуды с горизонтальными плоскими прямыми ручками применялись в металлургическом производстве: такое расположение ручек гораздо удобнее приспособлено под «щипцы», которыми брали горячий сосуд с металлом. Ещё два образца относятся к баночным сосудам.

Первый сосуд представлен фрагментом венчика с ручкой (рис. 7, 1); длина ручки от места излома составляет 4,9 см, расстояние от венчика – 4,7 см, округло-овальная ручка расположена перпендикулярно тулову. Венчик прямой, в сечении прямоугольный, шейка прямая. Толщина венчика – 0,7 см, стенки – 0,9 см. Диаметр по венчику – 20 см. Имеются следы заглаживания с использованием каменного лощила. Поверхность однородная, тёмно-коричневая с чёрными пятнами. Центральное ядро чёрного цвета. Тесто в изломе однородное, средней твёрдости. Исходное сырьё: полевой шпат, слюда, кварц, бурый железняк, авгит; отошитель: сухая глина (1:5) + органика.

К первому сосуду примыкает баночный сосуд (возможно тигель) (рис. 7, 2), представленный фрагментом прямого и овально-прямоугольного в сечении венчика. Толщина венчика – 0,7 см, стенки – 0,6 см. Поверхность шероховатая, тёмно-коричневая. Центральное ядро коричневое. Тесто в изломе комковато-обломочное, средней твёрдости. Исходное сырьё: полевой шпат, слюда, кварц, авгит; отошитель: дресва (мелкая) + сухая глина + органика (выгорела с образованием пор).

Второй сосуд с ручкой представлен фрагментом венчика (рис. 7, 3) с выразительными следами формовки. Длина ручки от края до края – 5,7 см, расстояние от венчика – 2,8 см. Венчик прямой, в сечении прямоугольный, направлен вовнутрь. Толщина венчика – 1,1 см, стенки – 1,1 см. Поверхность шероховатая, внешняя сторона кирпичного цвета, внутренняя – светло-серая. Сверху была нанесена жидкая глина. Центральное ядро серо-коричневое. Тесто в изломе комковато-обломочное, твёрдое. Исходное сырьё: полевой шпат, слюда, бурый железняк, кварц; отошитель: дресва (1:3). Зёрна мелкой размерности, субглобоватой формы, отсортированы (0,2–0,5).

Рис. 7. Бутакты-І. Фрагменты сосудов. Фото Е.В. Дубягиной
7-сур. Бұтақты-І. Ыдыстардың бөлшектері. Сурет Е.В. Дубягинанікі
Fig. 7. Butakty-I. Pottery fragments. Photo by Yekaterina Dubyagina

Третий сосуд представлен фрагментом боковой части с ручкой округло-овальной формы и диаметром 5,5 см (рис. 7, 4). Поверхность шероховатая, внешняя сторона кирпичного цвета, внутренняя – светло-серая. Центральное ядро серое. Тесто в изломе комковато-обломочное, твёрдое. Исходное сырьё: ортоклаз, слюда; отошитель: дресва (1:3) + кость. Зёрна мелкой размерности, субугловатой формы, средне отсортированы (0,2–0,5).

Фрагмент кухонного баночного сосуда (рис. 7, 5) включает прямой, округлый в сечении венчик над прямой шейкой. Толщина венчика – 1 см, стенки – 1,2 см. Диаметр по венчику – 18 см. Поверхность шероховатая, внешняя и внутренняя сторона, а также центральное ядро кирпичного цвета. Тесто в изломе зернисто-ровное, средней твёрдости. Исходное сырьё: полевые шпаты, кварц, слюда; отошитель: дресва (1:4) + кость. Зёрна мелкой размерности, субугловатой формы, средне отсортированы (0,2–0,5). Обжиг восстановительный. На внешней поверхности имеется пара вдавлений овальной формы диаметром 0,6 см.

3 Обсуждение и результаты (Ержанова А.Е., Дубягина Е.В., Горячев А.А.)

Инструментарии, подобные изученному, характерны для поселений земледельцев и ремесленников в предгорной зоне Иле и Жетысу Алатау бронзового и раннего железного веков [Байпаков, Марьяшев 2001: рис. 8; Горячев, Мотов 2012: рис. 4, 5; Горячев, Егорова 2015: 90–99]. Имеющиеся знания об индустриях изготовления орудий труда бронзового века, в т. ч. из Бутакты-І [Ержанова и др. 2020: 187–196], подтверждают традиционность хозяйственно-бытового уклада древнего населения северных склонов Иле Алатау вплоть до раннего железного века.

Таблица 2 – Типлист по результатам функционального группирования каменных орудий труда
2-кесте – Тас еңбек құралдарын функционалды топтастыру нәтижесі бойынша типпарағы
Table 2 – Tiplist based on the results of the functional grouping of stone tools

Классы	Группы, подгруппы	Типы	Экз.	% от общего числа орудий в классе	
А. Орудия металлопроизводства и обращения с металлическим инвентарём	A1. Орудия обогащения руды	молоточек	3	16,7%	
	Итого в подгруппе А1		3		
	A2. Кузнечные орудия		наковальня	2	11,1%
			отбойник-молоточек	2	11,1%
			молот	3	16,7%
			гладилка	2	11,1%
	Итого в подгруппе А2		9		
A3. Орудия правки и отделки		оселок	4	22,2%	
		абразив	2	11,1%	
Итого в подгруппе А3		6			
Итого в классе А			18	100%	
В. Орудия обработки шкур и кож	В1. Орудия мездрения	скребок	1	50%	
		Итого в подгруппе В1		1	
	В2. Шорные орудия	резак	1	50%	
Итого в подгруппе В2		1			
Итого в классе В			2	100%	
С. Орудия и приспособления гончарства	С1. Орудия и приспособления моделировки и отделки сосудов	лощило	2	28%	
		диск-подставка	1	14%	
		подставка с ручкой	1	14%	
	Итого в подгруппе С1		4		
	С2. Орудия обработки примесных минералов		тёрочник	1	14%
тёрочная плита			2	28%	
пест			1		
Итого в подгруппе С2		4			
Итого в классе С			8	100%	
D. Орудия обработки растительных продуктов	D1. Орудия измельчения	зернотёрка	2	25%	
		тёрочник	1	50%	
	Итого в группе D1		3	25%	
Итого в классе D			3	100%	
E. Орудия земляных работ	E1. Орудия рыхления грунта	мотыга	1	50%	
		мотыжка	1	50%	
	Итого в группе E1		2		
Итого в классе E			2	100%	

Анализ каменных орудий, найденных на поселении Бутақты-І, выполненный на основе трасологических исследований, показал наличие мастерских, связанных с металлообработкой, обработкой шкур, орудий и приспособлений гончарства, орудий земляных работ. В раннем железном веке уже преобладают орудия из металла, однако каменные орудия по-прежнему остаются функционально значимыми в работе.

Анализ керамических материалов (выборка из 31 фрагмента) позволяет выделить 10 разновидностей формовочных масс (рис. 8), объединённых в три группы рецепта формовочных масс:

Рис. 8. Бутакты-І. Соотношение рецептов формовочных масс. Исполнитель Е.В. Дубягина
8-сур. Бұтақты-І. Қалыптағы қоспаның құрамдық ара салмағы. Орындаған Е.В. Дубягина
Fig. 8. Butakty-I. The ratio of recipes for molding masses. Performer Yekaterina Dubyagina

Группа 1 – рецептуры на основе глины с добавлением жёстких минеральных отошителей и растительного органического отошителя.

- дресва+ органика (выгорела с образованием пор) – 11 образцов (36%),
- песок+ органика (выгорела с образованием пор) – 8 (26%).
- дресва + органика (навоз) – 1 образец,
- песок + органика (навоз) – 1 образец,
- дресва + сухая глина + органика (выгорела с образованием пор) – 2 образца,
- сухая глина + органика (выгорела с образованием пор) – 2 образца.

Группа 2 – рецептуры на основе глины с добавлением только жёстких отошителей.

- песок – 1 образец,
- дресва – 2 образца,
- дресва + сухая глина – 1 образец,

Группа 3 – рецептуры на основе глины с добавлением жёстких отошителей и органического материала.

- дресва + кость – 2 образца.

Рецептура формовочных масс в большинстве случаев включала песок либо дресву с добавками органики. Наличие рецепта с добавлением кости, вероятно, указывает на присутствие в микрорайоне иной группы населения [Калиева 2022: 124]. Идентифицируемые минералы в основном представляют собой филлосиликаты, кварц, полевои шпат (плагноклаз), калиевый полевои шпат, реже бурый железняк, диорит, кальцит и кварцит. В некоторых образцах выделены халькопирит, авгит, магнетит. Данные минералы распространены в микрорайонах поблизости от изучаемого памятника. По концентрации основных элементов образцы теста довольно однородны, лишь несколько фрагментов керамики имели значительную концентрацию кварца. Во всех образцах представлены зёрна мелкой размерности (0,2–0,5 мм), субугловатой и/или субокруглой формы, средне- или хорошо отсортированные. Тесто в изломе представлено двумя позициями: комковато-обломочное (43%) и зернисто-ровное (57%). Концентрации примесей в исходном сырье составляют: дресва 1:3 – 19,2%; 1:4 – 19,2%; 1:5 – 15,4%; песок 1:3 – 15,4%; 1:4 – 7,7%; 1:5 – 15,4%; сухая глина 1:5 – 7,7%.

4 Заключение (Ержанова А.Е., Дубягина Е.В., Горячев А.А.)

Хотя памятник и был частично разрушен современными постройками, и это всячески затрудняло его изучение и интерпретацию, на основе имеющихся материалов всё-таки определены виды и направления хозяйственной и ремесленной деятельности жителей поселения. Идентификация каменных орудий труда по назначениям и способам употребления свидетельствует о том, что жители поселения Бутакты-I занимались обработкой железа, цветных металлов и сплавов, изготавливая предметы вооружения, орудия труда, утварь и украшения. Существенным свидетельством наличия развитой металлообработки ранее служили обнаруженные в культурном слое раннего железного века объекты разрушенной последующими перестройками ремесленной мастерской. В её восточной части зафиксированы скопления железорудных шлаков, а с западной стороны отмечено плотное скопление керамического шлака и битой керамической посуды самых разнообразных форм [Горячев, Мотов 2018: 52]. Глиняные сосуды, которые были необходимы для работы с жидким металлом, использовались в процессе плавки и литья.

В изготовлении каменных орудий использовалось местное сырьё горных пород. Материалы, использованные для изготовления формовочных масс, соответствуют местной минерально-сырьевой среде. При этом вполне определённо вырисовывается устойчивая рецептура с базовым применением песка и дресвы, предпочтительной добавкой к которым выступали органические (растительные) материалы.

Таким образом, артефакты комплекса Бутакты-I в совокупности с материалами случайных находок и кладов раннего железного века на территории города Алматы свидетельствуют о высоком уровне ремесленного производства [Горячев, Мотов 2018: 56–69, 139]. Вероятно, в данных отраслях происходит специализация мастеров одной профессии на отдельных видах производств (кузнецы, ювелиры, гончары, оружейники, кожевники, ткачи и т. д.), начавшаяся в регионе ещё в позднебронзовое время [Сараев, Горячев 2011: 37–47].

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Новые данные по изучению поселений эпохи раннего железного века в Жетысу // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2001. № 1 (230). С. 53–65.
- 2 Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы: Институт археологии НАН РК, 2005. 212 с.

- 3 Бейсенов А.З., Горащук И.В., Дүйсенбай Д.Б. Трасологическое исследование каменных орудий поселения сакского времени Абылай, Центральный Казахстан // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 182-199.
- 4 Гасс А. Радиоуглеродная датировка памятников раннего железного века Юго-Восточного Жетысу // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. памяти К.А. Акишева / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 84-89.
- 5 Горячев А.А. Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. 260 с.
- 6 Горячев А.А., Егорова Т.А. Поселения раннего железного века в ущелье Бутаковка (на юго-восточной окраине города Алматы) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. памяти К.А. Акишева / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 90-99.
- 7 Горячев А.А., Мотов Ю.А. Результаты исследований археологического комплекса Бутақты-І на юго-восточной окраине города Алматы в 2008 году // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. № 1. С. 13-24.
- 8 Горячев А.А., Мотов Ю.А. Результаты исследований археологического комплекса Бутақты-І на юго-восточной окраине города Алматы в 2010 году // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2012. № 3. С. 3-15.
- 9 Горячев А.А., Мотов Ю.А. Археологический комплекс Бутақты-І. Алматы: KazBookTrade, 2018. 264 с.
- 10 Горячев А.А., Сараев В.В. К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2015. № 6 (304). С. 5-18.
- 11 Григорьев Ф.П. Древняя история Алматы // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: м-лы междунар. археол. конф., посвящ. памяти А.М. Оразбаева (1923–1997) / Отв. ред. А.Т. Толеубаев. Алматы: КазНУ им. аль Фараби, 1998. С. 260-270.
- 12 Ержанова А.Е., Горячев А.А., Горащук И.В. Каменные орудия с древних поселений северных склонов Иле Алатау // Маргулановские чтения – 2020: м-лы междунар. научн.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). В 2-х т. Т. 1. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. С. 187-196.
- 13 Ержанова А.Е., Лошакова Т.Н. Утюжки поселений эпохи бронзы северо-восточного Прикаспия // Вестник КазНУ. Сер. историч. 2022. № 3 (106). С. 227-233.
- 14 Зайберт В.Ф. Ботай. У истоков степной цивилизации. Алматы: Балауса, 2011. 480 с. (қазақша, орысша, ағылшынша).
- 15 Калиева Ж.С. Общая характеристика керамики из поселений эпохи бронзы Жезказган-Улытауского региона // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2022. № 2 (16). С. 121-135.
- 16 Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – 1-ая половина II в. до н.э.). Алматы: Хикари, 2019. 300 с.
- 17 Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика макро-микрoанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН, 1996. Ч. 1. 80 с.
- 18 Самашев З. Производственный центр ранних саков в Казахском Алтае (поселенческий комплекс Акбауыр) // Археология Южной Сибири. К 75-летию со дня рождения В.В. Боброва. Кемерово: Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2020. Вып. 28. С. 103-118.
- 19 Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. Алматы: ТОО «Археология», 2005. 182 с.
- 20 Сараев В.В. К вопросу о каменных мотыгах и их функциональных возможностях // Казахское ханство в потоке истории: м-лы междунар. научн. конф., посвящ. 550-летию образования Казахского ханства / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: ИА КН МОН РК, 2015. С. 406-414.
- 21 Сараев В.В., Горячев А.А. Шамсунский клад эпохи поздней бронзы у северных склонов Заилийского Алатау // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2011. № 3. С. 37-47.
- 22 Семёнов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) / Материалы и исследования по археологии СССР. № 54. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.

- 23 Туякбаева Б. Алматы: древний, средневековый, колониальный, советский этапы урбанизации. Алматы: «World Discovery», 2008. 245 с.
- 24 Ширинов Т. Орудия производства и оружие эпохи бронзы среднеазиатского междуречья (по данным экспериментально-трасологического изучения). Ташкент: Фан, 1986. 137 с.
- 25 Ananyevskaya E. et al. The effect of animal herding practices on the diversity of human stable isotope values in North Central Asia // *JAS: Reports*. 2020. No. 34. 102615.
- 26 Goryachev A., Frachetti M.D. Traditions of Settlement in Bronze Age Zhetyysu (Kazakhstan) // *Kazakhstan archeology*. 2022. No. 2 (16). Pp. 24-56. (на англ. яз.).
- 27 Eržanova A., Čotbaev A. Steingeräte und Steinwaffen aus den Bronzezeitlichen Siedlungen der Atasu- und Taldysaj-Regionen in Zentral Kazachstan // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 2018. Band 47 (2015). P. 93-103.
- 28 Damgaard P. de B. et al. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // *Nature Research*. March 2018. Vol. 557, no. 7705. Pp. 369-374.
- 29 Haruda A.F., Varfolomeev V., Goriachev A., Yermolayeva A., Outram A.K. A new zooarchaeological application for geometric morphometric methods: Distinguishing *Ovis aries* morphotypes to address connectivity and mobility of prehistoric Central Asian pastoralists // *JAS*. 2019. Vol. 107. Pp. 50-57.

REFERENCES

- 1 Baipakov, K. M., Maryashev, A. N. 2001. In: *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk (News NAS RK. Ser. societies sciences)*, 1 (230), 53-65 (in Russian).
- 2 Baipakov, K. M., Savelyeva, T. V. Chang, K. 2005. *Srednevekovye goroda i poseleniya Severo-Vostochnogo Zhetyysu (Medieval towns and settlements of Northeastern Zhetyysu)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 3 Beisenov, A. Z., Gorashchuk, I. V., Duisenbay, D. B. 2021. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga river region archaeology)*, 3 (37), 182-199 (in Russian).
- 4 Gass, A. 2015. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokulturnykh protsessov stepnoy Evrazii (The Saka culture of Saryarka in the context of the study of ethnosociocultural processes of Steppe Eurasia)*. Almaty: “Begazy-Tasmola”; Margulan Institute of Archaeology, 84-89 (in Russian).
- 5 Goryachev, A. A. 2020. *Drevniyarheologicheskiy kompleks verkhoviev ushcheliya Kishi-Turgen (Ancient archaeological complex of the upper reaches of the Kishi-Turgen gorge)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 6 Goryachev, A. A., Egorova, T. A. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokulturnykh protsessov stepnoy Evrazii (The Saka culture of Saryarka in the context of the study of ethnosociocultural processes of Steppe Eurasia)*. Almaty: “Begazy-Tasmola”; Margulan Institute of Archaeology, 90-99 (in Russian).
- 7 Goryachev, A. A., Motov, Yu. A. 2010. In: *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk (News NAS RK. Ser. societies sciences)*, 1, 13-24 (in Russian).
- 8 Goryachev, A. A., Motov, Yu. A. 2012. In: *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk (News NAS RK. Ser. societies sciences)*, 3, 3-15 (in Russian).
- 9 Goryachev, A. A., Motov, Yu. A. 2018. *Arheologicheskiy kompleks Butakty-I (Butakty-I archaeological complex)*. Almaty: “KazBookTrade” Publ. (in Russian).
- 10 Goryachev, A. A., Saraev, V. V. 2015. In: *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk (News NAS RK. Ser. societies sciences)*, 6 (304), 5-18 (in Russian).
- 11 Grigoriev, F. P. 1998. In: Toleubayev, A. T. (ed.). *Problemy izucheniya i sohraneniya istoricheskogo naslediya (Problems of studying and preserving historical heritage)*. Almaty: al Farabi Kazakh National University, 260-270 (in Russian).
- 12 Eržanova, A. E., Goryachev, A. A., Gorashchuk, I. V. 2020. In: *Margulan readings–2020*. In 2 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 187-196 (in Russian).
- 13 Eržanova, A. E., Loshakova, T. N. 2022. In: *Journal of History*, 3 (106), 227-233 (in Russian).

- 14 Zaibert, V. F. 2011. *Botay u istokov stepnoy tsivilizatsii (Botay. At the origins of the steppe civilization)*. Almaty: “Balausa” Publ. (in Kazakh, Russian, English).
- 15 Kaliyeva, Zh. S. 2022. In: *Kazakstan arkeologiyasy (Kazakhstan archaeology)*, 2 (16), 121-135 (in Russian).
- 16 Kitov, E. P., Tur, S. S., Ivanov, S. S. 2019. *Paleoantropologiya sakskikh kultur Prityanshanya (VIII – I-aya polovina II v. do n.e.) (Paleoanthropology of the Saka cultures of Tyanshan (8th – 1st half of the 2nd century BC))*. Almaty: Hikari (in Russian).
- 17 Korobkova, G. F., Shchelinskiy, V. E. 1996. *Metodika makro-mikroanaliza drevnikh orudiy truda (The technique of macro-microanalysis of ancient tools)*. Part 1. Saint Petersburg: Institute for the History of Material culture RAS (in Russian).
- 18 Samashev, Z. 2020. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri (Archaeology of Southern Siberia)*. Vol. 28. Kemerovo: Kuzbasskiy regionalnyi institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki rabotnikov obrazovaniya, 103-118 (in Russian).
- 19 Samashev, Z., Grigoriev, F., Jumabekova, G. 2005. *Drevnosti Almaty (Antiquities of Almaty)*. Almaty: “Archaeology LTD” Publ. (in Russian).
- 20 Saraev, V. V. 2015. In: Baipakov, K. M. (ed.). *Kazahskoe khanstvo v potoke istorii (The Kazakh Khanate in the flow of history)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 406-414 (in Russian).
- 21 Saraev, V. V., Goryachev, A. A. 2011. In: *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk (News NAS RK. Ser. societies sciences)*, 3, 37-47 (in Russian).
- 22 Semenov, S. A. 1957. *Pervobytnaya tekhnika (opyt izucheniya drevneyshikh orudiy i izdeliy po sledam raboty) (Primitive technique (the experience of studying the oldest tools and products on the traces of work))*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR (in Russian).
- 23 Tuyakbaeva, B. 2008. *Almaty: drevniy, srednevekoviy, kolonialnyi, sovetskiy etapy urbanizatsii (Almaty: ancient, medieval, colonial, Soviet stages of urbanization)*. Almaty: “World Discovery” Publ. (in Russian).
- 24 Shirinov, T. 1986. *Orudiya proizvodstva i oruzhie epohi bronzy sredneaziatskogo mezhdurechiya (po dannym eksperimentalno-trasologicheskogo izucheniya) (Production tools and weapons of the Bronze Age of the Central Asian interfluves (according to experimental tracological study))*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
- 25 Ananyevskaya, E. et al. 2020. In: *JAS: Reports*, 34, 102615 (in English).
- 26 Goryachev, A., Frachetti, M. D. 2022. In: *Kazakhstan arkeologiyasy (Kazakhstan archaeology)*, 2 (16), 24-56 (in English).
- 27 Erzanova, A., Čotbaev, A. 2018. In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, bd 47 (2015), 93-103 (in German).
- 28 Damgaard, P. de B. et al. 2018. In: *Nature Research*, March, 557, no. 7705, 369-374 (in English).
- 29 Haruda, A. F., Varfolomeev, V., Goriachev, A., Yermolayeva, A., Outram, A. K. 2019. In: *JAS*, 107, 50-57 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 27.02.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 23.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.03.2023

УДК 902/904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.177.197>

«Мгновенно убивающий вепрь»: по материалам комплекса сарматского времени Урысай-2 (Западный Казахстан)

© 2023 г. Лукпанова Я., Антонов М., Джумабекова Г., Базарбаева Г.

Keywords: archaeology, Western Kazakhstan, Urysay-2, early Iron Age, animal style, stone-cutting art, interdisciplinary research

Түйін сөздер: археология, Батыс Қазақстан, Урысай-2, ерте темір ғасыры, аң стилі, тас кесу өнері, пәнаралық зерттеулер

Ключевые слова: археология, Западный Казахстан, Урысай-2, ранний железный век, звериный стиль, камнерезное искусство, междисциплинарные исследования

Yana Lukpanova¹, Mikhail Antonov², Gulnara Jumabekova², Galiya Bazarbayeva^{2*}

¹Senior Researcher, West Kazakhstan Regional Museum of Local History, Uralsk, Kazakhstan.

E-mail: lukpanovayana@gmail.com

²Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: xeofox@mail.ru

²Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: gdzhuma@mail.ru

^{2*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: galiya2002@gmail.com

“A boar that kills at one stroke”: based on the materials of the Sarmatian time complex Urysay-2 (Western Kazakhstan)

Abstract. The article presents the results of an interdisciplinary study of a zoomorphically decorated altar from the Urysay-2 complex (5th century BC). Using the capabilities of the photogrammetry method (Agisoft Metshape software, as well as CloudCompare, MeshLab, etc.), an analysis of a stone product containing animal-style images on the surface was performed. The peculiarity of this method is that the created three-dimensional model allows you to conduct a thorough study without compromising the authentic subject. The analyzed object is a fine example of the stone-cutting art of the ancient population of the region. The tradition of artistic stone carving distinguishes Western Kazakhstan from other regions of the country, where the ancient art of sculpture manifested itself in the development of other materials – metal (Zhetysay, Aral-Caspian, Saryarka, Altai), bone/horn (Western and Central Kazakhstan), wood, felt (Altai). The last two components, of course, were distributed throughout the entire expanse of the steppe belt of Eurasia. However, in this case, we are referring to finds from mounds with permafrost. The analysis of the image of the boar in the art of the population of the early Iron Age allows us to conclude about the mediative nature of the beast.

Funding source: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2022–2024, project IRN AP14870513.

For citation: Lukpanova, Ya., Antonov, M., Jumabekova, G., Bazarbayeva, G. 2023. “A boar that kills at one stroke”: based on the materials of the Sarmatian time complex Urysay-2 (Western Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 1 (19), 177–197 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.177.197](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.177.197)

Яна Лұқпанова¹, Михаил Антонов²,
Гүлнара Жұмабекова², Галия Базарбаева^{2*}

¹аға ғылыми қызметкер, Батыс Қазақстан облыстық
тарихи-өлкетану музейі, Орал, Қазақстан

²ғылыми қызметкер,

Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан

²тарих ғылымдарының кандидаты,
жетекші ғылыми қызметкер,

Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан

^{2*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының
кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер,

Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан

**«Бірден өлтіретін қабан»: Урысай-2 сармат кезеңі
кешенінің материалдары бойынша
(Батыс Қазақстан)**

Аннотация. Мақалада Урысай-2 (б.д.д. V ғ.) кешенінен алынған зооморфты безендірілген құрбандық тасына жүргізілген пәнаралық зерттеу нәтижелері келтірілген. Фотограмметрия әдісінің (Agisoft Metshape бағдарламалық қамтамасыз ету, сонымен қатар CloudCompare, MeshLab және т. б.) мүмкіндіктерін пайдалана отырып бет жағында аң стиліндегі жануарлардың суреттері бар тастан жасалған бұйымға талдау жасалды. Бұл әдістің ерекшелігі – жасалған үш өлшемді модель түпнұсқа затқа нұсқан келтірмей мұқият зерттеу жүргізуге мүмкіндік береді. Талданатын зат аймақтың ежелгі тұрғындарының тас кесу өнерінің тамаша үлгісі болып табылады. Тастан көркем ою дәстүрі Батыс Қазақстанды ежелгі өнердің пластикасы басқа да материалдарды: металды (Жетісу, Арал-Каспий, Сарыарқа, Алтай), сүйекті/мүйізді (Батыс және Орталық Қазақстан), ағашты, киізді (Алтай) пайдаланған еліміздің басқа аймақтарынан ерекшелендіреді. Соңғы екі компонент, Еуразия дала белдеуінің бүкіл кеңістігіндегі территорияларда сөзсіз тараған. Алайда, бұл жағдайда біз мәңгі мұзды обалардан табылған заттарды айтамыз. Ерте темір дәуіріндегі тұрғындардың өнеріндегі қабан бейнесін талдау аңның медиативті табиғаты туралы қорытынды жасауға мүмкіндік береді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2022–2024 жж. гранттық қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН АР 14870513 жобасы аясында орындалды.

Сілтеме жасау үшін: Лұқпанова Я., Антонов М., Жұмабекова Г., Базарбаева Г. «Бірден өлтіретін қабан»: Урысай-2 сармат кезеңі кешенінің материалдары бойынша (Батыс Қазақстан). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 1 (19). 177–197-бб. (Орысша). DOI: 10.52967/akz2023.1.19.177.197

Яна Лукпанова¹, Михаил Антонов²,
Гүлнара Джумабекова², Галия Базарбаева^{2*}

¹старший научный сотрудник,

Западно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей, г. Уральск, Казахстан

²научный сотрудник,

Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

²кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

^{2*}автор-корреспондент, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,

Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

**«Мгновенно убивающий вепрь»:
по материалам комплекса сарматского времени
Урысай-2 (Западный Казахстан)**

Аннотация. В статье изложены результаты междисциплинарного исследования зооморфно декорированного жертвенника из комплекса Урысай-2 (V в. до н.э.). С использованием возможностей метода фотограмметрии (программное обеспечение Agisoft Metshape, а также CloudCompare, MeshLab и др.) выполнен анализ каменного изделия, содержащего на поверхности изображения животных в зверином стиле. Особенность данного метода заключается в том, что созданная трехмерная модель позволяет провести тщательное исследование без ущерба для аутентичного предмета. Анализируемый предмет представляет собой прекрасный образец камнерезного искусства древнего населения региона. Традиция художественной резьбы по камню выделяет Западный Казахстан на фоне других регионов страны, где пластика древнего искусства проявилась в освоении других материалов – металла (Жетысу, Арало-Каспий, Сарыарка, Алтай), кости/рога (Западный и Центральный Казахстан), дерева, войлока (Алтай). Последние два компонента, безусловно, были распространены на территории всего пространства степного пояса Евразии. Однако в данном случае имеются в виду находки из курганов с мерзлотой. Анализ образа вепря в искусстве населения раннего железного века позволяет сделать заключение о медиативной природе зверя.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2024, ИРН проекта АР 14870513.

Для цитирования: Лукпанова Я., Антонов М., Джумабекова Г., Базарбаева Г. «Мгновенно убивающий вепрь»: по материалам комплекса сарматского времени Урысай-2 (Западный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 1 (19). С. 177–197. DOI: 10.52967/akz2023.1.19.177.197

1 Введение (Базарбаева Г.)

Изобразительные памятники раннего железного века Казахстана демонстрируют шедевры древнего искусства, воплощенные в различных материалах: камне, металле, войлоке, дереве, кости/роге. За каждым предметом скрываются фрагменты насыщенной событиями истории региона, связь с которыми сохраняется на протяжении тысячелетий.

Предметом исследования настоящей статьи является каменный жертвенник на трёх ножках из комплекса Урысай-2 (рис. 1, 1), изучавшегося раскопками в полевом сезоне 2021 г. экспедицией Западно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея под руководством Я. Лукпановой [Лукпанова 2022: рис. 9]. Целью статьи ставится анализ стилистических особенностей изделия

Рис. 1. Локализация памятников, упоминаемых в статье: 1 – Урысай-2; 2 – Лебедёвка; 3 – Курайлы; 4 – Сынтас, Бесоба; 5 – Филипповка; 6 – Биш-Оба/Сара; 7 – Кичигино; 8 – Каинды; 9 – Зынгертау; 10 – Байконур; 11 – Тагискен; 12 – Сауыскандык; 13 – Жыланды; 14 – Нурманбет-2; 15 – Тасмола-5; 16 – Бирлік; 17 – Кызылшилик; 18 – Кестелетас; 19 – Талды-2; 20 – Ушбиик; 21 – Байке-2; 22 – Тамгалы; 23 – Иссык; 24 – Жалаулы; 25 – Ешкиолмес; 26 – Урджар/Тасарык; 27 – Елеке сазы; 28 – Шиликты; 29 – Тамураши; 30 – Берел; 31 – Ак-Алаха; 32 – Башадар; 33 – Пазырык; 34 – Аржан 1–2; 35 – Кош-Пей. Условные обозначения: а – могильник; б – петроглифы; с – клады, случайные находки; d – олений камень

1-сур. Мақалада аталған ескерткіштердің орналасуы: 1 – Ұрысай-2; 2 – Лебедёвка; 3 – Құрайлы; 4 – Сынтас, Бесоба; 5 – Филипповка; 6 – Биш-Оба/Сара; 7 – Кичигино; 8 – Қайыңды; 9 – Зыңғыртау; 10 – Байқоңыр; 11 – Түгіскен; 12 – Сауыскандык; 13 – Жыланды; 14 – Нұрманбет-2; 15 – Тасмола-5; 16 – Бірлік; 17 – Қызылшілік; 18 – Кестелітас; 19 – Талды-2; 20 – Үшбиік; 21 – Байке-2; 22 – Тамғалы; 23 – Есік; 24 – Жалаулы; 25 – Ешкіөлмес; 26 – Үржар/Тасарык; 27 – Елеке сазы; 28 – Шілікті; 29 – Тамураши; 30 – Берел; 31 – Ак-Алаха; 32 – Башадар; 33 – Пазырык; 34 – Аржан 1–2; 35 – Кош-Пей. Шартты белгілер: а – қорым; б – петроглифтер; с – көмбе, кездейсоқ олжалар; d – бұғы тас

Fig. 1. Localization of the sites mentioned in the article: 1 – Urysay-2; 2 – Lebedevka; 3 – Kuraili; 4 – Syntas, Besoba; 5 – Filippovka; 6 – Bish-Oba/Sara; 7 – Kichigino; 8 – Kaindy; 9 – Zyngertau; 10 – Baikonur; 11 – Tagisken; 12 – Sauyskandyk; 13 – Zhylandy; 14 – Nurmanbet-2; 15 – Tasmola-5; 16 – Birlik; 17 – Kyzylshilik; 18 – Kesteletas; 19 – Taldy-2; 20 – Ushbiik; 21 – Bayke-2; 22 – Tamgaly; 23 – Issyk; 24 – Zhalauly; 25 – Eshkiolmes; 26 – Urjar/Tasaryk; 27 – Eleke sazy; 28 – Shilikty; 29 – Tamurashi; 30 – Berel; 31 – Ak-Alakha; 32 – Bashadar; 33 – Pazyryk; 34 – Arzhan 1–2; 35 – Kosh-Pey.

Symbols: a – burial ground; b – petroglyphs; c – hoards, accidental finds; d – deer stone

с использованием возможностей фотограмметрии. В процессе изучения предмета составлено его описание, получена серия снимков. Выполнена атрибуция находки.

Аналогичные по функциональному назначению предметы были распространены в Жетысу, Кыргызстане. Однако они выполнены из металла и представляют собой жертвенные столы, курильницы, котлы. Другое название, закрепившееся за этой категорией предметов, – «художественные бронзы Жетысу», так как в декоре изделий в большинстве случаев присутствуют антропо-, зоо-, орнитоморфные изображения, выполненные в зверином стиле, образующие наполненные определенным смыслом композиции и тесно связанные с формой и назначением предметов.

2 Материалы и методы

2.1 Методика исследований (Антонов М.)

В ходе подготовки статьи анализировались полевая документация, отчеты, чертежи. Также был изготовлен «дубликат» жертвенника в виде трехмерной модели, полученной методом фотограмметрии. Для этих целей была произведена фотосъемка артефакта с помощью фотокамеры NIKON D7200 (объектив Nikkor 18-140). Объект помещался на вращающийся столик внутри фотобокса (сборная конструкция для равномерного освещения фотографируемого объекта). В результате съемки получен пакет из 242 фотоснимков. Для упрощения съемки, которая делалась с помощью захвата кадров и их записи на жесткий диск компьютера, использовалось программное обеспечение (далее ПО) с открытым кодом Entangle¹.

Далее, при обработке полученного фотоматериала с помощью ПО для создания моделей методом фотограмметрии – Agisoft Metshape, было получено облако точек (более 17 млн.). Затем построенная модель использовалась участниками проекта с помощью различного программного обеспечения, такого как MeshLab, CloudCompare, GigaMesh и Blender, для различного анализа, измерений и графической обработки. Применение выше перечисленного ПО весьма распространено в научной сфере, в частности в археологии [Антонов 2021]. Также стоит отметить полезность такого программного обеспечения как GigaMesh, с помощью которого модель была трансформирована по принципу развертки цилиндрической поверхности, что помогло в создании иллюстраций для данной публикации (рис. 2; 3, 2–4)².

Для простейшего анализа кривизны поверхности предмета, а точнее сказать: для демонстративного отображения ее особенностей, можно было воспользоваться шейдерами «Radiance Scaling» или «E.D.L.» (и др.) доступными в таком ПО, как MeshLab и CloudCompare [Антонов 2018]. Однако в рамках исследований было принято решение использовать «карту кривизны», также известную как «Curvature» текстура (*curvatura* от лат. – кривизна) [Дворецкий 1976: 281]. Данный метод весьма надежен и информативен, не только для анализа особенностей поверхности, но и для мониторинга объекта (напр.: разрушаемого) [Gatzke et al. 2005]. Для исследуемого жертвенника использовалась процедура генерирования текстуры с помощью нодов (*nodus* от лат – узел) [Дворецкий 1976: 674] в ПО для трехмерного моделирования Blender. Несмотря на то, что в сетке трехмерной модели жертвенника не достаточно полигонов для отображения мелких деталей, полезных для трасологических исследований (для получения более подробной модели методом фотограмметрии требуется более

¹ URL: <https://entangle-photo.org/> дата обращения: 18.01.2023 г.

² Все иллюстрации к статье подготовлены М. Антоновым

Рис. 2. Урысай-2, жертвенник. Вид с разных сторон
2-сур. Ұрысай-2, құрбандық тасы. Әр түрлі жағынан көрініс
Fig. 2. Urysay-2, the altar. View from different sides

крупный пакет, включающий наборы макрофотоснимков артефакта), результат генерированной «карты кривизны» оказался вполне удовлетворительным для некоторых исследований (рис. 3, 6).

2.2 Характеристика материала (Лукпанова Я., Базарбаева Г., Антонов М.)

Курганный комплекс Урысай-2 находится на р. Илек (Шынгырлауский р-н, Западно-Казахстанская обл.); состоял из 14 курганов, вытянутых цепочкой по оси З–В [Лукпанова 2022: рис. 2]. Раскопано три аварийных объекта № 5, 13, 14. Анализируемый предмет происходит из кургана № 13. Под его насыпью (диаметр – 26,0 м, высота – 1,0 м) была зафиксирована конструкция из бревен, выложенных по направлению С–Ю. Она опиралась на небольшие валы из грунтовых блоков, расположенных вокруг могил. Диаметр бревен составлял от 0,15 до 0,30 м. В кургане обнаружено пять ям: две – в центральной части и три – в периферийной, восточной части кургана [Лукпанова 2022: рис. 5].

Жертвенник выявлен в парном погребении, совершенном в могиле № 2. Анализ особенностей элементов сопроводительного комплекса позволяет предположить, что здесь захоронены мужчина

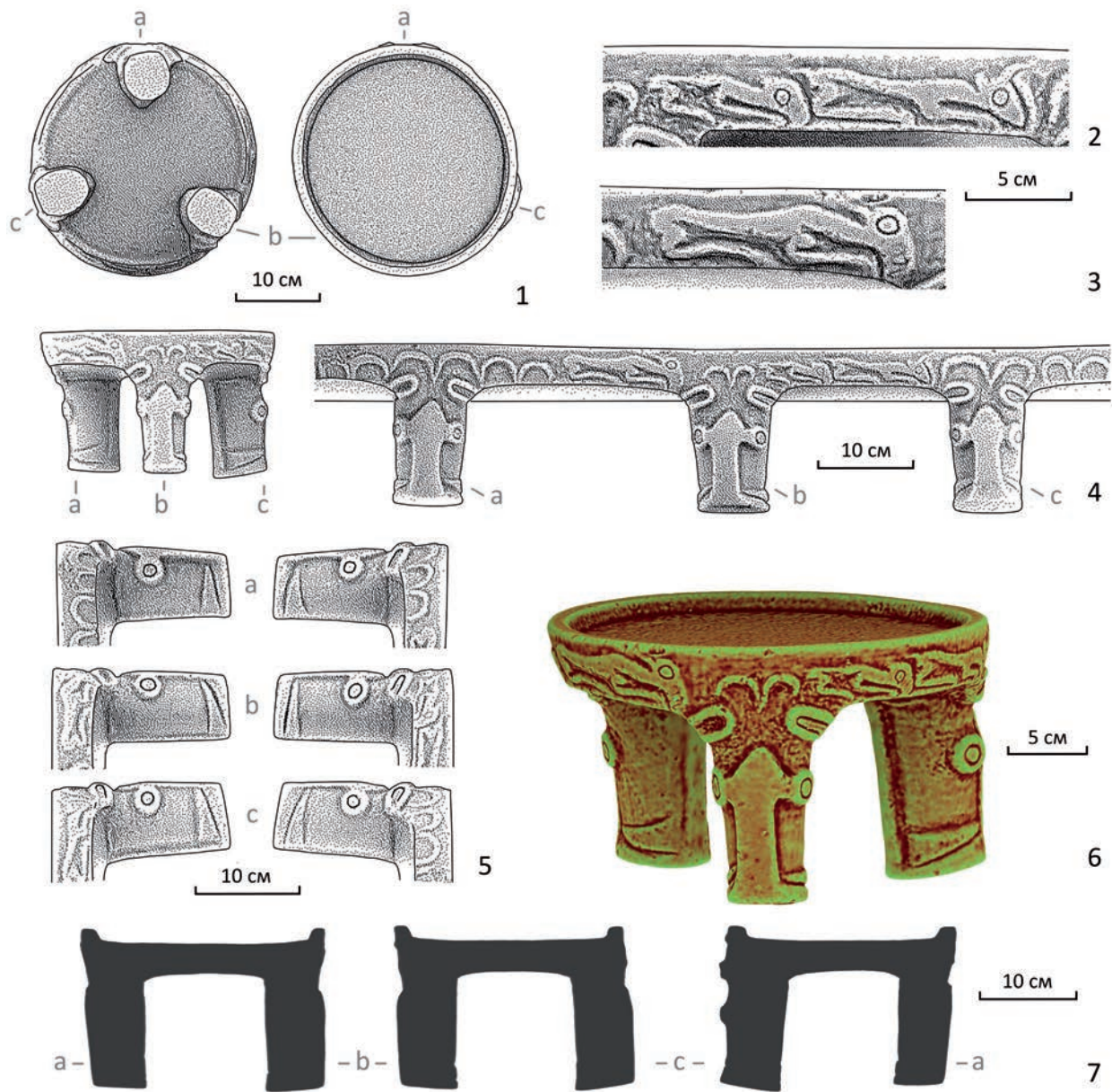

Рис. 3. Урысай-2, жертвенник: 1 – вид с разных сторон; 2, 3 – участки с изображением сайгаков; 4 – развернутая цилиндрическая проекция; 5 – ножки, вид с двух сторон; 6 – наложенная на модель текстура кривизны; 7 – сечения по линиям внешних центров ножек

3-сур. Ұрысай-2, құрбандық тасы: 1 – әр түрлі жағынан көрініс; 2, 3 – ақбөкендер бейнеленген бөліктер; 4 – кеңейтілген цилиндрлік проекция; 5 – аяқтар, екі жағынан көрініс; 6 – модельге салынған қисықтық құрылымы; 7 – аяқтың сыртқы орталықтары сызықтары бойынша кесінділер

Fig. 3. Urysay-2, altar: 1 – view from different sides; 2, 3 – sections with the image of saigas; 4 – expanded cylindrical projection; 5 – legs, view from both sides; 6 – texture of curvature superimposed on the model; 7 – sections along the lines of the outer centers of the legs

и женщина [Лукпанова 2022: 81]. Предметы, имеющие отношение к мужскому погребению, располагавшемуся в южной части могилы, представлены акинаком и колчаном, в котором находилось 79 трехлопастных бронзовых наконечников стрел.

Погребение женщины находилось у северной стенки могилы. Комплекс предметов, сопровождавших захороненную, разнообразен: различной формы и размеров бусины, браслеты; набор инструментов, в составе которого два ножа, предмет в виде прямого железного стержня, фрагмент шила (?); в изголовье находился каменный жертвенник, а рядом с ним – деревянная шкатулка.

Описание каменного жертвенника

Каменный жертвенник на трех ножках представляет собой изделие, выполненное в технике круглой скульптуры (рис. 2). Мастерски проработаны ножки, представляющие собой скульптурные изображения голов животных, обращенных в фас. В центральной части каждой ножки в высоком рельефе переданы такие содержательные элементы, как большие круглые глаза, лоб, нос, большие и острые клыки, тупое окончание морды; линии, подчеркивающие те или иные анатомические особенности, плавные. Углубленной бороздкой подчеркнуты контуры зрачков. Ушки маленькие, показаны плотно прижатыми к голове. Над каждой головой проработано по паре полукружьев, возможно, обозначающих мощный загривок. Такие признаки как мощный загривок, характерные особенности морды, клыки позволяют предположить, что в оформлении ножек жертвенника передан образ кабана³. Большие круглые глаза, возможно, отражают определенное состояние зверя.

Внешняя поверхность бортика жертвенника занята изображениями шести пар полукружьев и трех животных – двух взрослых и детеныша, вероятно, сайгаков, обращенных вправо. Отметим, что в одном случае пара полукружьев несколько меньших размеров, и именно она является границей, которая как бы разделяет зверей – самца с детенышем и самку. О том, что показана взрослая особь, свидетельствуют пропорции фигуры, а также наличие рога. Самка – безрогая.

Обращает на себя внимание последовательность расположения животных и полукружьев, вписанных в пространство между головами кабанов. Наблюдается следующая закономерность, проявляющаяся в парности элементов: два животных, два полукружья и пара, образованная из животного и полукружья (рис. 2).

Результаты обмеров предмета

Благодаря использованию ПО был вычислен общий объем каменного изделия – 3175 см³. Соответственно, при весе 7,25 кг плотность материала из которого изготовлен жертвенник равна 2283 кг/м³, что близко к плотности песчаника 2250–2670 кг/м³ [БРЭ]. Также стало известно, что объем и вес каждой, отдельной ножки (от контура основания) занимает 10–11% от общего объема и веса артефакта* (*вес – при условии, что состав породы камня однороден по всему телу объекта). Трехмерная модель жертвенника упростила некоторые сложности замеров, связанных с поверхностью исследуемого объекта. К примеру, площадь всей поверхности объекта составляет 2309 см², а декор занимает около 22% всей поверхности (расчет производился по внешним контурам элементов декора, без учета поверхности бортика). Объем жертвенника (блюдо) 770 см³ (0.77 литра).

Площадь всей наиболее гладкой, обработанной поверхности (напр.: наружная часть ножки) занимает около 18% всей площади тела объекта. Без учета площадей повреждений на поверхности объекта, грубая поверхность, (т. е. мало обработанная), такая как на участках между ушами кабана, занимает более 7% от всей площади тела артефакта. Оставшиеся, около 75% процентов поверх-

³ Благодарим П.А. Косинцева за консультацию.

ности с отличающейся на разных участках степенью обработки, можно условно охарактеризовать, как поверхность со средней гладкостью. Также стоит отметить, что с помощью карты кривизны некоторые детали метода нанесения декора становятся более очевидными, точнее сказать, что карта кривизны «подчеркивает» внутренние и внешние углы какой-либо поверхности (напр.: заметны различия в оформлении ушей кабана на ножках жертвенника) (рис. 3, 4, 5). Внутренний контур ушек справа (на рисунке), на ножках (а), (б) и оба ушка на ножке (с) выполнены процарапыванием, а внутренний контур ушек кабана, слева на ножках (а) и (б) сформирован углублением (с шероховатой поверхностью) по всей площади внутреннего контура ушка. Это хорошо заметно на изображении (рис. 2, б), где на переднем плане представлена ножка (б).

3 Анализ декора предмета (Джумабекова Г., Базарбаева Г.)

Образ кабана отмечен на территории Казахстана в памятниках как раннесакского времени, так и периода расцвета культуры ранних кочевников. Ранее была приведена таблица ряда целых изображений этого животного, отмеченных в древнем искусстве Казахстана [Бейсенов и др. 2015: 89, табл. 2]. В раннесакское время в Восточном Казахстане изображения кабана присутствуют в материалах кургана № 5 Шиликты (VII–VI вв. до н.э.) [Черников 1965: табл. XVII; XVIII], в материалах из Сарыарки образ кабана зафиксирован в декоре поясной пряжки из мог. Тасмола-5, кург. 3, на зеркалах из Жиланды/Жыланды (VIII – сер. VI в. до н.э.) и Бирлика, фигурная ручка-петелька которого, возможно, совмещает черты хищника и кабана (сер. VIII – начало VII в. до н.э.), а также на пронизи от конского снаряжения из мог. Нурманбет II, к. 3 (VIII – сер. VI в. до н.э.), в декоре костяного футляра из мог. Байке-2 (VII в. до н.э.), случайной находке из Тургая [Кадырбаев 1966: рис. 35; 62; Бейсенов, Минасян 2015; Бейсенов и др. 2017; Сеитов 2015] (см. табл.).

Изображения кабана известны и в сюжетах петроглифов на скальных поверхностях Юго-Восточного [Бейсенов, Марьяшев 2014: рис. 37, 38, 39, 39а, 40, 41; табл. VII, VIII], Восточного, Южного и Центрального Казахстана [Черников 1947; Кадырбаев, Марьяшев 1977; Новоженов 2002; Самашев 2006]. В Жетысу зафиксированы скальные плиты с изображениями козла, кабана и архара в одной сцене, обращенные головой в одну сторону – Ешкиолмес [Бейсенов, Марьяшев 2014: рис. 37]. Для петроглифов Сарыарки В.А. Новоженовым определена доля присутствия изображений кабанов и антилоп: по вычислениям автора, сделанным для байконурских петроглифов, процент присутствия первого животного определяется 0,11%, второго – 2,5%* (*здесь дан суммарный показатель по изображениям сайгака и антилопы) [Новоженов 2002: 26].

Вызывает интерес присутствие в ряде случаев в одной композиции кабана и травоядного животного (антилопа, лань, олень): зеркала из мог. Жыланды и Лебедевка, мифологический сюжет с изображениями животных в Сауыскандыке [Швец и др. 2008], так как здесь обозначена роль или представление о роли этих животных в картине мира древнего населения.

Прекрасный образец подобной композиции есть на зооморфно декорированном зеркале из мог. Лебедевка в Западном Казахстане [Тасмагамбетов 2003: 158–159] (VI–IV вв. до н.э.): на ручке размещено изображение головы хищной птицы, кабан упирается ногами и кончиком морды в голову синкретичного существа с рогами таутеке и клювовидной мордой. Можно предположить, что в данном случае иллюстрируется сцена оппозиции животных. Совмещение в одном комплексе – «синкретический персонаж и кабан» – представлено в материалах мог. Берел, кург. № 71 [Самашев 2011: 163, рис. 397]: поверхность одного клыка – элемента уздечного набора – декорирована резным изображением головы фантастического орнитоморфа, обращенного клювом к комлевой части.

В материалах Первого Пазырыкского кургана декор одного уздечного набора, изготовленного из дерева, содержал сцену противоборства кошачьего хищника и кабана, где последний показан в качестве жертвы, представленного сокращенно – клыком, узда № 2 [Руденко 1953: табл. XLII, 1, 2, 5; Грязнов 1950: рис. 7], здесь изображена голова барса с кабаньим клыком в пасти.

Курган Иссык. Изображение кабана есть на обеих сторонах акинака (V–III вв. до н.э.). Изображение зверя помещено в веренице животных, среди которых на одной стороне – змея, лиса, заяц, барс, коза, кабан, волк, архар, тигр; на другой – змея, лиса, заяц, архар, джейран (косуля), кабан, волк, архар, заяц, волк, кабан и половина туловища какого-то животного [Акишев 1978: ил. 40], кабан расположен между хищником и травоядным животным. Возможно, здесь отражается двойственная сущность животного – копытное, но опасное и свирепое.

Что касается алтарей, то, видимо, Урысай-2 – это не единственный случай, когда ножки каменного жертвенника оформлены в виде головы кабана. Известен, например, экземпляр из Западного Казахстана, ножки которого выполнены в виде головы животного, у которого ухо листовидное (даже «сердцевидное»), глаз округлый и клык, идущий снизу, лоб выпуклый, что позволяет предположить в нем кабана или синкретический обобщенный образ, совмещающий признаки вепря и хищника [Тасмагамбетов 2003: 48–49].

Таблица – Изображение кабана и антилопы в искусстве древнего населения Казахстана
Кесте – Қазақстанның ежелгі тұрғындары өнеріндегі қабан мен бөкеннің бейнесі
Table – Image of boar and antelope in the art of the ancient inhabitants of Kazakhstan

Название памятника, номер кургана	Образ зверя		Изделие/ поверхность	Регион
	Кабан	Антилопа		
Камень/скала				
Урысай-2, к. 13	+	+	жертвенник	Жайык ¹
Случайная находка ²	+		жертвенник	Жайык
Сауыскандык	++		скала ³	Каратау
Тамгалы	+		скала	Жетысу
Ешкиолмес	+		скала	Жетысу
Тамураши	+		скала	К. Алтай ⁴
Байконур «В», пл. 1 ⁵		+?	скала	Сарыарка
Байконур «В», пл. 18	+?		скала	Сарыарка
Байконур «В», пл. 23	++?		скала	Сарыарка
Байконур «Д», пл. 1	++?		скала	Сарыарка
Байконур «И», пл. 7	+?		скала	Сарыарка
Байконур «И», пл. 10	+?		скала	Сарыарка
Байконур I, пл. 1		+?	скала	Сарыарка
Байконур II, пл. 9	3		скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 2	+		скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 4	+?	+?	скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 5	+?		скала	Сарыарка

Продолжение таблицы
Кестенің жалғасы
Continuation of table

Байконур III, пл. 7		2?	скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 9		+?	скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 12	+?	2+1?	скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 14		2?	скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 16		+	скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 17	+?		скала	Сарыарка
Кестелетас, валун 7		+?	валун	Сарыарка
Кестелетас, валун 10	+		валун	Сарыарка
Зынгертау, валун 2	+?		валун	Сарыарка
Кость/рог				
Сынтас I, к. 1, п. 3		+	ложка	Жайык
Сынтас I, к. 2		+	ложка	Жайык
Лебедевка	+		навершие	Жайык
Тасмола-5, к. 3	+	+	пряжка	Сарыарка
Байке-2, к. 7	+	+	футляр	Сарыарка
Нурманбет 2, к. 3	+		пронизь	Сарыарка
Металл				
Лебедевка-II, к. 6	+		зеркало	Жайык
Сынтас I, к. 1, п. 3		+	пронизь	Жайык
Бесоба, к. 5		+	пронизь	Жайык
Алматы, с.н.	+		сосуд	Жетысу
Тагискен, к. 66		+	бляшка	В. Приаралье ⁶
Каинды, с.н. (клад)		+	пронизь	Сарыарка
Тургай, с.н.		+	пронизь?	Сарыарка
Тургай, с.н.	+		пронизь	Сарыарка
Кызылшилик, к. 8		+	бляшка	Сарыарка
Талды-2, к. 5		+	ворворка	Сарыарка
Бирлик, к. 29	+		зеркало?	Сарыарка
Жыланды, к. 1	+	+?	зеркало	Сарыарка
Темирши, с.н.		+	акинак	Сарыарка
Прииртышье, с.н.		+	бляха	Сарыарка
Ушбиик, с.н.		+	пряжка	Тарбагатай
Тасарык (Урджар)		+	бляшка	Тарбагатай
Елеке сазы, к. 4 (клад)		+	накладка	Тарбагатай

Окончание таблицы
Кестенің соңы
End of table

Шиликты, к. 5	+		накладка	Тарбагатай
Берел, к. 10		+	элемент декора головного убора	К. Алтай
Курган Иссык	+	+	кинжал	Жетысу
Жалаулы, с.н.		+	бляшка	Жетысу
Алматы, с.н.		+	котёл	Жетысу
Итого случаев:	31	31		
Примечания: ¹ бассейн реки Жайык (Урал); ² далее для обозначения словосочетания «случайная находка» используется сокращение с.н.; ³ имеются в виду изображения на скальных поверхностях – петроглифы. В таблице отражены не все данные по наскальным изображениям; ⁴ Казахский Алтай; ⁵ плоскость; ⁶ Восточное Приаралье.				

В данной таблице показатели по выборке случаев с изображениями кабана и антилопы совпали* (*случайно – так как учтены не все наскальные изображения). На поверхности пяти изделий присутствуют оба образа. На предметах из Урысай-2, Байке-2, Жыланды и Иссыка – это полнофигурные изображения, из Тасмолы-5 – лишь кабан представлен целым изображением, а сайгак редуцированно – изображением головы. Материал изделий различен: камень, кость/рог (два случая), металл (два случая). Функционально также это разные категории предметов: жертвенник, пряжка, футляр, акинак и зеркало. По технике нанесения изображений присутствуют: художественная резьба (камень, кость/рог), гравировка (зеркало), а также, видимо, штамповка (пластина на клинке акинака).

Что касается остальных данных, приведенных в таблице, то необходимо отметить, что доминирующие показатели относительно материала – скальные поверхности, а среди предметов – металлические. Больше всего изделий происходит из Сарыарки. По мнению П.А. Косинцева, в доисторическое время и сайга, и кабан обитали на всей территории Казахстана [Косинцев 2015: 276].

Установлено, что зооморфное оформление жертвенников отражает их обрядовую и религиозную принадлежность, также как и форма изделия отражает религиозно-мировоззренческие представления кочевников, сам выбор видов животных для декора связан с идеей алтаря. Предполагается, что в представлениях древних кочевников южно-уральского региона животное, образ которого использован в оформлении ножек, символизировало нижний мир, «поверхность блюда – верхний, а фриз являлся разделительным символом» [Банников 2009: 167].

А.Л. Банников выделяет животных нескольких видов, выявленных в оформлении алтарей: волки (или собаки?); медведи; орлы (грифы); волко-медведи; очень стилизованные, комбинированные изображения. В этом случае хищные животные, в т. ч. обобщенные стилизованные, являлись хтоническими символами, связанными с почитанием нижнего мира, культом предков и воинским культом [Банников 2009: 168–171]. Присутствие кабана в оформлении ножек алтаря ставит этот образ в один ряд с хищниками. Но известны экземпляры, где ножки декорированы изображениями

антилопы, козла (травоядного животного) [Молчанова 2016: рис. 1, 12, 13]. Возможно, предложенная схема не универсальна.

На жертвеннике из Курайли (VI–V вв. до н.э.) ножки смоделированы в виде голов лошадей, на другом алтаре из того же памятника на бортике размещены профильные изображения хищников (волков) [Кадырбаев 1977: рис. 7; 8]. М.К. Кадырбаев считал, что каменные алтари - атрибуты культа домашнего очага и солнца [Кадырбаев 1977: 211].

К культовым атрибутам относятся и сосуды с зооморфным декором. Среди них - металлический сосуд, в оформлении которого использован образ кабана – две петли в виде скульптурных фигурок бегущего секача, носик-слив в виде головы кабана с открытой пастью, длинная ручка, заканчивающаяся стилизованной головой этого животного (с отверстиями – для подвешивания?) (V–III вв. до н.э. г. Алматы. Случайная находка. 1952 г. КП ЦГМ 8664) [Культура... 2011: 84]. Возможно, он входит в круг ритуальной зооморфной посуды, зафиксированной в конце VI – IV в. до н.э. на территории Тувы, Алтая, Южного Урала, Поднепровья. Предполагается, что такая посуда служила емкостями для кумыса, олицетворяла идею возрождения, связана с обрядами перехода, в ее оформлении использовался декор в виде животного, которое являлось охранителем сакрального напитка – кумыса, молока, крови жертвенного животного, молочно-конопляной смеси [Кисель 2013].

Хорошо известны ритуальные сосуды из Филипповки с зооморфными ручками, экземпляр в виде медведя [Золотые олени... 2001: кат. 29, 31, 71, 75, 83]. Также опубликован, например, керамический сосуд с ручкой в виде фигурки кабана, I–II вв. н.э. Крым, Керчь [Золотые олени... 2001: кат. 145, с. 161].

На территории Таджикистана и Пакистана известны миниатюрные сосуды V–III вв. до н.э. из бронзы, с зооморфно оформленными ложными носиками-сливами и ручками [Литвинский 1972: 44–50]. Зооморфный декор, оформление сосудов связаны с погребальной обрядностью древних кочевников и представлениями о потустороннем мире [Королькова 2001: 48–51].

К разряду ритуальных атрибутов относятся зеркала, особенно с гравировкой, которая усиливала их охранительные функции. Среди животных, изображения которых наносились на тыльную сторону зеркала, а также использовались для оформления ручек, – хищники, травоядные, птицы. Среди таковых есть и кабан, в т. ч. в композиции с оленем; волком и лошастью; кошачьим хищником и антилопами. Есть изображения, где кабан находится в оппозиции к хищнику. В.Д. Кубарев предполагает, что таким образом передан сюжет терзания. В целом, декор зеркал передает картину мира его владельцев. Птицы, олени, косули и лошади, козлы символизируют средний мир, фантастические хищники и кабаны – подземный [Кубарев 2002: 68, 72, 74]. Присутствие образа кабана в декоре таких изделий как алтарь, металлический сосуд и зеркало показывает, что это животное занимало свое определенное место в системе мира древнего населения.

Специалисты сходятся во мнении, что сущность кабана двоякая, объединяющая две противоположности: парнокопытное животное и свирепый зверь. Так, это проявилось в том, что, например, на оленном камне из Кош-Пея кабан изображен в зоне под поясом, символизирующем нижний мир, как хтоническое существо. На оленных камнях и плитах Тувы и Монголии известны примеры соединения в одной композиции кабанов с травоядными – оленями и козлами. В этих же регионах «представлены антитетические композиции, когда пара кабанов находится в состоянии конфронтации или между ними оказываются и другие животные». Вероятно, как условное противостояние оленей и кабанов можно «прочитать» изображения на оленном камне из Баян-Зурх [Семенов 2017: 61, 63, 66; рис. 1; 2, 3].

С такой интерпретацией разнонаправленных изображений оленей и кабанов из Баян-Зурх соотносится предположение о том, что олени, отождествляемые с культом солнца, стремятся вверх; вепри, как хищники, символы подземного мира, направляются вниз [Муршидова, Заика 2018: 131].

Об этой роли кабана в представлениях древних, вероятно, свидетельствует его изображение на футляре со сценой терзания сайгака группой хищников («загадочная картинка») [Бейсенов и др. 2017]. Не участвуя напрямую в акте, он, тем не менее, показан целой фигурой, но отстраненно, между кабаном и сайгаком расположены хищники, вепрь находится среди хищников, но им как будто «заполнено пространство», – спиной к одному кошачьему хищнику, под лапами другого. Тем не менее, его клыкастая пасть выглядит едва ли не страшнее пасти изображенных здесь хищников. Таким образом обозначена роль вепря в ряду хищников, и одновременно его двойственная природа.

Звериная, хищная сущность вепря передана в мастерски вырезанной из кости голове вепря, украшавшем навершие из мог. Лебедевка [Тасмагамбетов 2003: 164–165]: большой округлый зрачок, гипертрофированные ажурные нижние клыки, зуб/клык в приоткрытой пасти, рыло, напоминающее сморщенную в оскале верхнюю губу хищника, прижатые к голове полуовальные уши с завитком (у кабанов – стоячие удлиненные уши острой формы).

Считается, что кабан в представлениях древних кочевников олицетворял собой агрессивное начало и зло, подземный мир, смерть. О том, что кабан соотносился в картине мира населения с хищником, возможно, свидетельствует не только оформление ножек алтарей его изображением, но и то, что в петроглифах севера Минусинской котловины, например, зафиксирован сюжет с хищником, имеющим кабаньи черты или представляющим собой собирательный образ с присутствием признаков кабана. Также на сопредельных территориях – Монголии, Алтая – зафиксированы петроглифы с изображениями существ с чертами вепря [Муршидова, Заика 2018: 128–129].

Существует серия изображений синкретических существ, объединивших в себе признаки хищника и копытного животного в различных вариантах, а также хищника и кабана, обобщенный образ хищника. Так, в мог. Биш-Оба/Сара (конец VI – V в. до н.э.) известна находка ложечки из женского погребения (кург. 1). На ней изображены два животных, одно в другом. Первое животное, – внешнее, – медведь. «Внутренняя» фигура – синкретичный образ хищника и травоядного либо кабарга [Федоров 2014]. Ярким примером совмещения признаков хищника и кабана является оформление окончаний гривны из кургана 3 мог. Кичигино I (конец V – сер. IV в. до н.э.) [Переводчикова 2017]. Такие существа, широко представленные в зверином стиле Центральной Азии, демонстрируют связь различных областей скифо-сибирского мира ранних кочевников, например, Южного Урала с Центральной Азией [Федоров 2014: 64]. Сближает кабана с хищником то, что они наделены апотропеическими функциями [Семенов 2017: 66].

Ю.Б. Полидович, Е.А. Величко ставят рядом таких животных, как лев и кабан, последний считался особым жертвенным животным, пищей богов и героев [Полидович, Величко 2022: 88–89]. О семантике образа кабана в мировоззрении скифов, например, свидетельствуют изображения синкретического животного – крылатого полукабана-полульва в декоре женских головных уборов. Он связан с представлениями о жизни и смерти [Полидович, Величко 2022: 91].

Стоит обратить внимание на то, что в изображении головы кабана из Урысай-2 круглая форма глаза с выделенным большим зрачком наводит на сходство с хищником. В целом, в вепре все же уживаются два существа – копытное и хищник, это тоже своего рода синкретическое существо, но реально существующее. Возможно, это отразилось в облике ряда синкретических животных, в котором соединены черты хищника и кабана.

В целом, совмещение в образе вепря черт копытных и хищных животных, предполагает все же его медиативную роль между мирами, между хищником и жертвой. Этому не противоречит соединение в некоторых синкретических существах черт хищника и кабана. С сер. VI в. до н.э. в зверином стиле выявляются изменения, кабан выступает уже в качестве жертвы [Савинов 2020]: изображение на детали горита, кург. 1, Ак-Алаха-1 (сер. IV – начало III в. до н.э.) [Полосьмак 2001: рис. 123]. Сюда же, вероятно, можно отнести сцены охоты на вепря на мече из Филипповки 1, изображение кабана присутствует также на перекрестье вместе с травоядными животными, V–IV вв. до н.э. [Яблонский 2013: 86–87, кат. 296], на пряжке из Сибирской коллекции Петра I [Руденко 1962: табл. I, 5; IV, 5].

В петроглифах урочища Тамгалы образ кабана зафиксирован на плоскости по форме, близкой к стеле, где изображения животных размещены друг над другом, что находит параллели с организацией композиций на оленных камнях, на рукоятках предметов вооружения (рис. 4). За спинами кабанов, головой обращено в ту же сторону, изображение козла (?). На отколовшейся части скального выхода, впереди (слева по отношению к зрителю) – еще одно изображение кабана⁴.

Из элитарного памятника Аржан 2 (сер. VII в. до н.э.) происходит большое количество блях, деталей изделий, выполненных в виде кабана или содержащих таковые изображения: бляшки от горита в виде фигурок кабанов [Чугунов и др. 2017: табл. 16; 17, 16–18; 44]; гривна: декорирована рядами животных, бегущих вправо и влево, изображены двугорбые верблюды, дикие кабаны, взнузданные лошади, козлы, бараны, кошачьи хищники, олень [Чугунов и др. 2017: табл. 36]. Первый ряд состоит из чередующихся групп из 3–5 верблюдов и диких кабанов с кошачьими хищниками на концах, второй ряд – чередующиеся козлы и бараны, одна лошадь; третий ряд – группы лошадей и кошачьих хищников сменяют друг друга. Кабаны и единственная на всей гривне фигурка оленя украшают концы ряда. Четвертый ряд состоит из фигурок козлов, кошачьих хищников и группы баранов [Чугунов и др. 2017: 39]. Декоративная пластина на окончании ножен кинжала: кошачий хищник, копытное животное (оленуха?), козел, еще один согнувшийся кошачий хищник, копытное (оленуха?), кабан, баран, трудно распознаваемое животное [Чугунов и др. 2017: 47; табл. 13, 9]. Шпилька с навершием в виде полушаровидной головки, поверхность стержня которой украшена орнаментом – витой фриз с изображениями животных: коза, зебу, коза, дикий кабан, олень, коза, зебу, лошадь, баран, олень, кошачий хищник, коза, олень, дикий кабан, верблюд и снова олень [Чугунов и др. 2017: 58; табл. 55]. Пектораль: «по внутреннему краю справа налево следуют один за другим пять коз, один кошачий хищник (или волк), коза, баран, кабан, четыре козы» [Чугунов и др. 2017: 68]. В материалах из кургана Аржан 1 (рубеж IX – VIII вв. до н.э.) анализируемый персонаж встречен в декоре кинжала – фигура кабана помещена на навершии [Грязнов 1980: рис. 11, 3, 4].

В отличие от более позднего кинжала из кургана Иссык, в декоре предметов из кургана Аржан 2 изображение кабана расположено преимущественно между рисунками травоядных животных. В раннесакских примерах изображения кабана отмечены как среди травоядных, в сочетании с хищной птицей (Нурманбет-2, кург. 3), так и среди хищников (Байке-2).

Оппозиция «кабан и кошачий хищник» проиллюстрирована в петроглифах местонахождения Сауыскандык и рассматривается О.С. Советовой как пример антитетической композиции [Советова 2011: 387, рис. 1, б]. Изображены три пары животных: кошачий хищник и кабан, далее кабан и хищник и третья пара – кошачий хищник и хищник. Внизу композиции расположены изображения

⁴ Благодарим А.Е. Рогожинского за предоставленные фотографии.

двух оленей с ветвистыми рогами, развернутые спинами в противоположные стороны, головы обращены назад – друг к другу.

В вопросе взаимоотношения кабана и хищника, кабана и травоядного животного интерес представляет башадарская колода. Тигры, представленные на стенке колоды, показаны движущимися вправо по отношению к зрителю; на крышке колоды они идут влево. Л.Л. Баркова отмечает, что в целом картина представлена в следующем виде: первый тигр идет влево, на запад по отношению к могиле, три других следуют за ним. Вырезанные на стенке колоды звери продолжают начатое движение вверх по спирали. Обе сцены можно рассматривать как «единую многофигурную композицию, началом которой являются изображения на крышке колоды» [Баркова 1984: 87]. В композиции присутствуют три лоса (лосихи? или сайга?), поверженные тиграми – на крышке (два) и на стенке колоды.

Горные бараны в жертвенной позе (три) показаны под лапами тигров на крышке колоды. Л.Л. Баркова отмечает, что в организации изображений прослеживаются верх, низ, правая, левая стороны, а «противопоставление в направлении голов хищников и копытных пронизывает всю композицию строгим чувством ритма и подчёркивает присущий ей динамизм» [Баркова 1984: 88]. Выявленный сюжет шествия животных и развёртывание действия по поясам находит соответствие в рельефных композициях древнего Востока [Баркова 1984: 88].

Как шествие животных, замкнутую круговую циклическую композицию рассматривает изображения на крышке и стенке колоды Л.С. Марсадолов. В основе ее лежат представления о «постоянном природно-сакральном круговороте», связанные с неразрывностью жизни и смерти, образы хищников и копытных на саркофаге составляли «главную идею годового календарного круга-цикла» населения сер. I тыс. до н.э. [Марсадолов 2020: 137, 146].

Шествие хищных животных напоминает о вереницах барсов, бычков, верблюдов, фигурки которых расположены по бортикам курильниц и жертвенных столов юго-востока Казахстана и Кыргызстана, а также хищника на венчике медного котла. Возможно, и на колоде, по сути, передано движение тигров по кругу. В таком случае бараны и лоси (за исключением одного) находятся внутри сакрального пространства. В отношении культовых бронз, связанных с отправлением обря-

Рис. 4. Тамгалы. Изображения кабанов
4-сур. Тамғалы. Қабандардың бейнелері
Fig. 4. Tamgaly. Images of boars

дов, в т. ч. погребально-поминального характера, почитания предков, шествующие по кругу звери – охранители этого пространства с жертвой в его центре или священным огнем, здесь – и охранители, и терзатели. И, может быть, соотносится декор колоды с оформлением седельных покрытий, где по обеим сторонам расположены хищники, фантастические орнитоморфы, а в центре образуемой композиции – терзаемые травоядные, вместе с виртуальным седоком, уносимым конем в иной мир (напр.: [Самашев 2011: рис. 29, 385, 390; Алтынбеков и др. 2019; Джумабекова, Базарбаева 2019; Bazarbayeva, Jumabekova 2021]).

Кроме того, определенная параллель прослеживается с группой оленных камней (3 класс), где фигуры хищников сворачиваются в **круг** (выделено авт.) или в спираль в орнаментальном поле при создании композиции с оленями [Килуновская, Семенов 1999: 136].

Также на крышке колоды кабаны показаны в ряду с травоядными животными, под ногами хищников, но в оппозиции к ним – развернуты в противоположную сторону. Возможно, здесь идея перекликается с той, которая выражена на оленных камнях, учитывая предполагаемую их семантику – полифункционального медиатора между мирами живых и мертвых. Оленные камни с антропоморфными мотивам могли замещать человеческое жертвоприношение [Килуновская, Семенов 2018: 57].

В представленной схеме иерархии изображений копытных животных в саяно-алтайском варианте раннего этапа звериного стиля кабан расположен между травоядными (олень, козел) и хищниками [Савинов 2020: рис. 4]. В этот период он наделен общественной – военно-оборонительной – функцией [Савинов 2020: 38–41].

Каменные алтари [Банников 2009: 173], бронзовые (медные) курильницы, жертвенные столы, котлы, как и оленные камни, очевидно, связаны с погребальным ритуалом, схожей схемой моделирования сакрального пространства, передачей определенным bestiарием и топографией образов представления о строении мира. Само обнаружение этих артефактов в погребальных комплексах подразумевает такое предположение. К схожему выводу приходит В.К. Федоров: декор, условия находок каменных алтарей свидетельствует, скорее, об их сакральной функции [Федоров 2000].

4 Заключение (Антонов М., Джумабекова Г.)

Таким образом, результаты проведенного анализа с использованием междисциплинарных исследований позволяют подробно изучить поверхность артефакта. Данные подходы не являются инновационными, однако использование таких или схожих методов распространено в научной сфере, в частности в археологии. Опробованная методика может оказаться полезной в дальнейших исследованиях (напр.: применение карты кривизны, для моделей с более плотным количеством полигонов в коллективной работе с трасологами).

Изучение стилистических особенностей декора предмета делает невозможным четко разделить символику образа вепря на протяжении нескольких веков от раннесакского времени. В памятниках всего скифо-сакского периода отмечены их изображения как в оппозиции к травоядным и хищным животным, так и в одном ряду с другими копытными, а также в качестве жертвы. Эта позиция вепря, а также наличие синкретических существ с признаками хищника и кабана, свидетельствуют о его двойственной природе в мировосприятии древних кочевников. Оформление ножек алтаря в качестве головы вепря может говорить о его медиативной роли в обрядах перехода.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- 2 Алтынбеков К., Железнякова В.Л., Алтынбекова Э.К. Новый образец древнего искусства из Казахского Алтая // Поволжская археология. 2019. № 3 (29). С. 100-114.
- 3 Антонов М.А. Текелийская буддийская стела: исследование методом фотограмметрии // Маргулановские чтения – 2018: м-лы междунар. научн.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие» (г. Актобе, 19–20 апреля 2018 г.) / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Алматы; Актобе: ИА КН МОН РК, 2018. С. 606-612.
- 4 Антонов М.А. Программное обеспечение для создания реконструкций в археологии методом трехмерного моделирования // Маргулановские чтения–2021: м-лы междунар. научн.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.). В 3-х т. / Гл. ред. А. Онгар; отв. ред. Б.А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МОН РК, 2021. Т. 3. С. 153-158.
- 5 Банников А.Л. Сакральные и социальные аспекты интерпретаций изображений на алтариках ранних кочевников Южного Урала // Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. I. / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 167-175.
- 6 Баркова Л.Л. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 83-89.
- 7 Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Искусство саков Сарыарки. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА “Бегазы-Тасмола”, 2015. 168 с. и цв.ил.
- 8 Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Дуйсенбай Д.Б. Зооморфный декор футляра из кургана раннесакского времени (Центральный Казахстан) // КСИА. 2017. № 248. С. 134-148.
- 9 Бейсенов А.З., Марьяшев А.Н. Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы: ИА КН МОН РК, 2014. 156 с.+46 с. цв. ил.
- 10 Бейсенов А.З., Минасян Р.С. Зеркало из тасмолинского могильника Бирлик // Вестник Дагестанского научного центра. 2015. № 58. С. 60-64.
- 11 БРЭ – Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geology/text/2776969> (дата обращения: 23.01.2023 г.).
- 12 Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. 92 с.
- 13 Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.
- 14 Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1976. 1096 с.
- 15 Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Высокохудожественная вышивка в декоре конского снаряжения из элитного погребения в Казахском Алтае // Поволжская археология. 2019. № 3 (29). С. 115-127.
- 16 Золотые олени Евразии. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже, СПб, 18.X.2001 г.-20.I.2002 г. СПб: Славия, 2001.
- 17 Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303-433.
- 18 Кадырбаев М.К. Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана // СА. 1977. № 3. С. 204-212.
- 19 Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 232 с.
- 20 Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы (Ч. 2. Сюжеты, стиль, семантика) // Археологические вести. 1999. № 6. С. 130-146.
- 21 Килуновская М.Е., Семёнов Вл.А. Антропоморфные элементы на оленных камнях Тувы и Монголии // Записки ИИМК РАН. 2018. № 18. С. 50-59.
- 22 Кисель В.А. Деревянные ковши с зооморфными ручками в погребальном наборе древних кочевников // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 51-64. (Радловский сборник).
- 23 Королькова Е.Ф. Ритуальная посуда кочевников // Золотые олени Евразии. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже, СПб, 18.X.2001 г.-20.I.2002 г. СПб: Славия, 2001. С. 48-51.

- 24 Косинцев П.А. Промысловые млекопитающие степной зоны Казахстана в голоцене // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Сб. научн. статей, посвящ. 70-летию В.Н. Логвина / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы; Костанай: ИА КН МОН РК, 2015. С. 274-280.
- 25 Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3. С. 63-77.
- 26 Культура саков и усуней Казахстана в археологических коллекциях ЦГМ РК. Научный каталог. Алматы: Онер, 2011. 320 с.
- 27 Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, ГРВЛ, 1972. 272 с.
- 28 Лукпанова Я.А. Исследования курганного комплекса Урысай-2 // Археология Казахстана. 2022. № 2 (16). С. 74-93. DOI: [10.52967/akz2022.2.16.74.93](https://doi.org/10.52967/akz2022.2.16.74.93)
- 29 Марсадолов Л.С. Новая семантика зооморфных образов на саркофаге из кургана Башадар-2 на Алтае // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 127-150.
- 30 Молчанова В.В. Традиции зооморфного оформления каменных жертвенников Южного Урала в VI–IV вв. до н.э. // Константин Фёдорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. М-лы IX Междунар. научн. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова (г. Оренбург, 12–15 мая 2016 г.) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 184-188.
- 31 Муришидова М.А., Заика А.Л. Образ кабана-хищника в петроглифах Среднего Енисея // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. / Отв. ред. П.В. Мандрыка. Вып. IX. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 127-136.
- 32 Новоженев В.А. Петроглифы Сары-Арки. Алматы: ИА КН МОН РК, 2002. 125 с.
- 33 Полідович Ю.Б., Величко Є.О. Крилатий кабан: образ на перетині скіфської, іранської та давньогрецької міфологій // Shodoznavstvo. 2022. № 89. С. 73-106.
- 34 Переводчикова Е.В. Гривна с изображениями в зверином стиле из кургана 3 у села Кичигино // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) научн. конф. (г. Челябинск, 27–28 ноября 2017 г.) / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2017. С. 106-110.
- 35 Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс. 2001. 336 с.
- 36 Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 402 с.
- 37 Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1960. 360 с. + 128 табл.
- 38 Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I / САИ ДЗ-9. М.; Л.: АН СССР, 1962. 52 с.+27 табл.
- 39 Советова О.С. Геральдические (антитетические) композиции в наскальном искусстве // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 386-388.
- 40 Савинов Д.Г. Иерархия копытных в искусстве саяно-алтайского звериного стиля // ДИАЛОГ 2018–2017. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: М-лы объединенного семинара ИА РАН и ИИМК РАН (СПб., 6–7 декабря 2017 г.; Москва, 6–7 декабря 2018 г.). Сб. научн. статей / Отв. ред. Е.С. Леванова, Н.Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. С. 32-51.
- 41 Самашев З. Петроглифы Казахстана. Алматы: Онер, 2006. 200 с.
- 42 Самашев З. Берел. Алматы: изд. дом «Таймас», 2011. 236 с.
- 43 Сеитов А.М. Степи Торгая в раннесакское время: к постановке проблемы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 264–270.
- 44 Семенов Вл.А. Кабан: «Копытный хищник» в скифском искусстве и мифологии // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 61-73.
- 45 Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. Алматы: ОФ «Берел», 2003. 336 с.

- 46 Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2000. Вып. 1. С. 49-75.
- 47 Федоров В.К. Изображение «копытного хищника» на костяной ложечке из могильника Сара в Восточном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 3 (59). С. 55-65.
- 48 Швец И., Самашев З., Мургабаев С., Бедельбаева М. Некоторые итоги изучения местонахождения петроглифов Саускандык в Южном Казахстане // Вестник КарГУ. Сер. история, философия, право. 2008. № 4 (52). С. 22-26.
- 49 Черников С.С. Наскальные изображения верховий Иртыша // СА. 1947. IX. С. 251-282.
- 50 Черников С.С. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука, 1965. 190 с.
- 51 Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
- 52 Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004-2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.: ил.
- 53 Bazarbayeva G.A., Jumabekova G.S. On the study of the scenes of torment in the art of people of Pazyryk culture based on materials from kurgan 11 of the Berel graveyard in the Kazakh Altay // Archaeology and Early History of Ukraine. 2021. No. 4 (41). P. 107–120. DOI: 10.37445/adu.2021.04.08
- 54 Gatzke T., Grimm C., Garland M., Zelinka S. Curvature Maps For Local Shape Comparison // Conference: Shape Modeling and Applications. 2005. DOI:10.1109/SMI.2005.13

REFERENCES

- 1 Akishev, K. A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazahstana (Kurgan Issyk. The Art of the Sakas of Kazakhstan)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
- 2 Altynbekov, K., Zheleznyakova, V. L., Altynbekova, E. K. 2019. In: *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga river region archaeology)*, 3 (29), 100-114 (in Russian).
- 3 Antonov, M. A. 2018. In: Bisseмбаев, A. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2018 (Margulan readings–2018)*. Almaty; Aktobe: Margulan Institute of Archaeology, 606-612 (in Russian).
- 4 Antonov, M. A. 2021. In: Onggar, A., Baitanayev, B. A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskie chteniya–2021 (Margulan readings–2018)*. Vol. 3. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 153-158 (in Russian).
- 5 Bannikov, A. L. 2009. In: Pavlinskaya, L. R. (ed.). *Sibirskiy sbornik-1 (Siberian collection-1)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), 167-175 (in Russian).
- 6 Barkova, L. L. 1984. In: *Arheologicheskii sbornik Gos. Ermitazha (Archaeological collection of the State Hermitage Museum)*, 25, 83-89 (in Russian).
- 7 Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2015. *Iskusstvo sakov Saryarki (The art of the Sakas of Saryarka)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; “Begazy-Tasmola” (in Russian).
- 8 Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., Duisenbay, D. B. 2017. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief reports of the Institute of Archeology)*, 248, 134–148 (in Russian).
- 9 Beisenov, A. Z., Mariyashev, A. N. 2014. *Petroglify rannego zheleznogo veka Zhetysu (Petroglyphs of the early Iron Age of Zhetysu)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 10 Beisenov, A. Z., Minasyan, R. S. 2015. In: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra (Bulletin of the Dagestan Scientific Center)*, 58, 60-64 (in Russian).
- 11 BRE – Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya (Large Russian encyclopedia). URL: <https://bigenc.ru/geology/text/2776969> (accessed: 23.01.2023) (in Russian).
- 12 Gryaznov, M. P. 1950. *Pervyi Pazyrykskiy kurgan (The first Pazyryk kurgan)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).
- 13 Gryaznov, M. P. 1980. *Arzhan. Tsarskiy kurgan ranneskijskogo vremeni (Arzhan. The Royal burial mound of the Early Scythian time)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 14 Dvoretzkiy, I. H. 1976. *Latinsko-russkiy slovar (Latin-Russian dictionary)*. Moscow: “Russkiy yazyk” Publ. (in Russian).

- 15 Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2019. In: *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga river region archaeology)*, 3 (29), 115-127 (in Russian).
- 16 Zolotyie oleni Evrazii. 2001. *Katalog vystavki v Gos. Ermitazhe (Golden deer of Eurasia. Exhibition catalog in the State Hermitage museum)*, Saint Petersburg, 18.10.2001 – 20.01.2002. Saint Petersburg: “Slaviya” Publ. (in Russian).
- 17 Kadyrbayev, M. K. 1966. In: Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 303-433 (in Russian).
- 18 Kadyrbayev, M. K. 1977. In: *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)*, 3, 204-212 (in Russian).
- 19 Kadyrbayev, M. K., Mariyashev, A. N. 1977. *Naskalnye izobrazheniya khrebta Karatau (Rock carvings of the Karatau ridge)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 20 Kilunovskaya, M. E., Semyonov, Vl. A. 1999. In: *Arheologicheskie vesti (Archaeological news)*, 6, 130-146 (in Russian).
- 21 Kilunovskaya, M. E., Semyonov, Vl. A. 2018. In: *Zapiski Instituta istorii materialnoy kultury RAN (Notes of the Institute for the History of Material Culture of the RAS)*, 18, 50-59 (in Russian).
- 22 Kisel, V. A. 2013. In: *Radlovskiy sbornik (Radlov collection)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), 51-64 (in Russian).
- 23 Korolkova, E. F. 2001. In: *Zolotyie oleni Evrazii. Katalog vystavki v Gos. Ermitazhe (Golden deer of Eurasia. Exhibition catalog in the State Hermitage museum)*, Saint Petersburg, 18.10.2001 – 20.01.2002. Saint Petersburg: “Slaviya” Publ., 48-51 (in Russian).
- 24 Kosintsev, P. A. 2015. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Drevniy Turgay i Velikaya Step: chast i tseloe (Ancient Turgay and the Great Steppe: part and whole)*. Almaty; Kostanay: Margulan Institute of Archaeology, 274-280 (in Russian).
- 25 Kubarev, V. D. 2002. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)*, 3, 63-77 (in Russian).
- 26 *Kultura sakov i usuney Kazakhstana v arheologicheskikh kollektsiyah TsGM RK. Nauchnyi katalog (The culture of the Sakas and Usuns of Kazakhstan in the archaeological collections of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan. Scientific catalog)*. 2011. Almaty: “Oner” Publ. (in Russian).
- 27 Litvinskiy, B. A. 1972. *Drevnie kochevniki «Kryshi mira» (Ancient nomads of the “Roof of the world”)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 28 Lukpanova, Ya. A. 2022. In: *Kazakhstan Arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (16), 74-93. DOI: [10.52967/akz2022.2.16.74.93](https://doi.org/10.52967/akz2022.2.16.74.93) (in Russian).
- 29 Marsadolov, L. S. 2020. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and religions of Eurasia)*, 3 (24), 127-150 (in Russian).
- 30 Molchanova, V. V. 2016. In: Yablonskiy, L. T. Kraeva, L. A. (eds.). *Konstantin Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoy arheologii (Konstantin Smirnov and modern problems of Sarmatian archaeology)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 184-188 (in Russian).
- 31 Murshidova, M. A., Zaika, A. L. 2018. In: Mandryka, P. V. (ed.). *Drevnosti Prieniseyskoy Sibiri (Antiquities of the Yenisei river region in Siberia)*. Vol. 9. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 127-136 (in Russian).
- 32 Novozhenov, V. A. 2002. *Petroglify Sary-Arki (Petroglyphs of Saryarka)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 33 Polidovich, Yu. B., Velichko, E. O. 2022. In: *Shodoznavstvo*, 89, 73-106 (in Russian).
- 34 Perevodchikova, E. V. 2017. In: Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ih okruzenie (Ethnic interactions in the Southern Urals. Sarmatians and their environment)*. Chelyabinsk: South Ural State University, 106-110 (in Russian).
- 35 Polosmak, N. V. 2001. *Vsadniki Ukoka (Ukok Cavaliers)*. Novosibirsk: “INFOLIO-press” Publ. (in Russian).
- 36 Rudenko, S. I. 1953. *Kultura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya (Culture of the population of the Altai Mountains in the Scythian period)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

- 37 Rudenko, S. I. 1960. *Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoe vremya (Culture of the population of the Central Altai in the Scythian time)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 38 Rudenko, S. I. 1962. *Sibirskaya kolleksiya Petra I (Siberian collection of the Peter the Great)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 39 Sovetova, O. S. 2011. In: Makarov, N. A., Nosov, E. N. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arheologicheskogo siezda (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Congress)*. Vol. 1. Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod, 386-388 (in Russian).
- 40 Savinov, D. G. 2020. In: Levanova, E. S., Smirnov, N. Yu. (eds.). *DIALOG 2018–2017*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 32-51 (in Russian).
- 41 Samashev, Z. 2006. *Petroglify Kazahstana (Petroglyphs of Kazakhstan)*. Almaty: “Oner” Publ. (in Russian).
- 42 Samashev, Z. 2011. Berel. Almaty: “Taymas” Publ. (in Russian).
- 43 Seitov, A. M. 2015. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokulturnykh protsessov stepnoy Evrazii (Saka culture of Saryarka in the context of the study of ethnosociocultural processes of steppe Eurasia)*. Almaty: “Begazy-Tasmola” Publ., 264-270 (in Russian).
- 44 Semyonov, V. A. 2017. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief reports of the Institute of Archaeology)*, 247, 61-73 (in Russian).
- 45 Tasmagambetov, I. 2003. *Kentavry Velikoy stepi. Hudozhestvennaya kultura drevnih kochevnikov (Centaur of the Great Steppe. The artistic culture of the ancient nomads)*. Almaty: “Berel” (in Russian).
- 46 Fedorov, V. K. 2000. In: *Ufimskiy arheologicheskii vestnik*, 1, 49-75 (in Russian).
- 47 Fedorov, V. K. 2014. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)*, 3 (59), 55-65 (in Russian).
- 48 Shvets, I., Samashev, Z., Murgabayev, S., Bedelbayeva, M. 2008. In: *Vestnik Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. istoriya, filosofiya, pravo (Bulletin of the Karagandy State University. Ser. history, philosophy, law)*, 4 (52), 22-26 (in Russian).
- 49 Chernikov, S. S. 1947. In: *Sovetskaya arkeologiya (Soviet archaeology)*, 9, 251-282 (in Russian).
- 50 Chernikov, S. S. 1965. *Zagadka Zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos «skifskoe iskusstvo» (The Riddle of the Golden Mound. Where and when the “Scythian art” was born)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 51 Chugunov, K. V., Parzinger, G., Nagler, A. 2017. *Tsarskiy kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve (The Royal burial mound of the Scythian period Arzhan-2 in Tuva)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).
- 52 Yablonskiy, L. T. 2013. *Zoloto sarmatskih vozhdov. Elitnyi nekropol Filippovka I (po materialam raskopok 2004–2009). Katalog kolleksii. Kn. 1. (Gold of the Sarmatian leaders. Elite necropolis Filippovka I (based on the materials of excavations 2004–2009). Collection catalog. Book 1)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 53 Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. 2021. In: *Archaeology and Early History of Ukraine*, 4 (41), 107-120. DOI: 10.37445/adiu.2021.04.08
- 54 Gatzke, T., Grimm, C., Garland, M., Zelinka, S. 2005. Conference: Shape Modeling and Applications. DOI:10.1109/SMI.2005.13

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 03.02.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 06.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.02.2023.

УДК 902.904 (470.631-25)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.198.221>

Сезонные загоны Южного Урала: параметры остеологического материала и модификационные изменения костей домашнего скота

© 2023 г. Рассадников А.Ю.

Keywords: archaeozoology, ethnoarchaeology, pastoralism, taphonomy, osteophagia, enclosures, bone surface modifications (BSM), large cattle, small cattle, horse

Түйін сөздер: археозоология, этноархеология, мал шаруашылығы, тафаномия, остеофагия, мал қоралары, сүйектерді модификациялау, ірі қара мал, уақ мал, жылқы

Ключевые слова: археозоология, этноархеология, скотоводство, тафаномия, остеофагия, загоны для скота, модификации костей, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, лошадь

Alexey Rassadnikov¹

¹Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ekaterinburg, Russia. E-mail: ralu87@mail.ru

Seasonal enclosures of the South Urals: parameters of osteological material and bone surface modifications of livestock bones

Abstract. The article is devoted to the description of the main characteristics of osteological complexes of modern operating and abandoned summer livestock enclosures. The research area belongs to the steppe zone and is notable for the fact that both in the Bronze Age and in our time, the main form of farming is the livestock breeding. The main goal of the work is to try to identify stable markers of bone material, which will be used in future archaeological and archaeozoological research to determine the functional purpose of the monument under study. Another goal of the work is to identify all possible forms of exposure of pets to bones. The study showed that one of the most stable markers of osteological complexes of modern enclosures are bones with traces of the impact of cattle and small cattle. Livestock itself is an extremely active taphonomic agent and has an effect on the objects around it, which can and should be used in archaeological research. This work proposes to use osteophagy markers of domestic ungulates as a reliable indicator of livestock activity and the location of livestock stabling. The article also presents diagnostic criteria for distinguishing bone modifications that are left by large and small cattle and herding dogs.

For citation: Rassadnikov, A. 2023. Seasonal enclosures of the South Urals: parameters of osteological material and bone surface modifications of livestock bones. *Kazakhstan Archeology*, 1 (19), 198–221 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.198.221](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.198.221)

Алексей Юрьевич Рассадников¹

¹тарих ғылымдарының кандидаты, Тарих және археология институты, Екатеринбург қ. Ресей

Оңтүстік Оралдың маусымдық қоралары: остеологиялық материалдардың сипаттамасы және үй жануарларының сүйектеріндегі модификациялық өзгерістер

Аннотация. Мақала қазіргі уақытта пайдаланылып отырған және тастап кеткен жаздық мал қоралардың

Алексей Юрьевич Рассадников¹

¹кандидат исторических наук, Институт истории и археологии, г. Екатеринбург, Россия

Сезонные загоны Южного Урала: параметры остеологического материала и модификационные изменения костей домашнего скота

Аннотация. Статья посвящена описанию основных характеристик остеологических комплексов

остеологиялық кешендерінің негізгі сипаттамасына арналған. Зерттеу ауданы дала аймағына жатады және қола дәуірінде де, қазіргі уақытта да шаруашылықтың негізгі нысаны мал өсіру болып табылатындығымен ерекшеленеді. Жұмыстың негізгі мақсаты археологиялық және археозоологиялық зерттеулер бойынша зерттелетін ескерткіштің функционалдық бағытын анықтауға қажетті сүйек материалдарының нақты маркерін табу болып табылады. Келесі мақсаты сүйектерге үй жануарларының әсерін анықтау. Зерттеу жұмысы ірі қара және уақ малдың әсерінің белгісі бар сүйектер қазіргі қоралардағы остеологиялық кешеннің бірден-бір нақты маркері болатындығын көрсетіп отыр. Үй жануары археологиялық зерттеулер кезінде пайдалануға болатын жан-жағын қоршап тұрған заттарға әсер ететін және өте жылдам тафономикалық орындаушы болып табылады. Бұл жұмыс мал шаруашылығының белсенділігі мен малды ұстау орнының сенімді индикаторы ретінде үй тұяқтыларының остеофагия маркерлерін пайдалануды ұсынады. Мақалада сонымен қатар ірі және уақ малдар мен мал бағатын иттердің сүйектерінің модификациясын ажырату үшін анықтаушы критерийлер берілген.

Сілтеме жасау үшін: Рассадников А.Ю. Оңтүстік Оралдың маусымдық қоралары: остеологиялық материалдардың сипаттамасы және үй жануарларының сүйектеріндегі модификациялық өзгерістер. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 1 (19). 198–221- бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.198.221](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.198.221)

1 Введение

Современные загоны для скота представляют собой обширные хранилища информации по различным вопросам, связанным с животноводством. Эти скотоводческие объекты обычно наименее подвержены технологическим нововведениям и их система практически не меняется на протяжении многих веков. Данное обстоятельство делает изучение современных загонов чрезвычайно актуальным при археологическом изучении памятников, система жизнеобеспечения которых связана со скотоводством. Чем больше мы будем знать о системе функционирования таких структур и их остеологических, химических и ботанических маркерах, тем выше будет уровень изучения этих же систем у древних коллективов в археологических исследованиях. Именно по этой причине в археологии распространены исследования, посвященные изучению современных скотоводческих стоянок и загонов [Shahack-Gross 2011; Egüez, Makarewicz 2018; Portillo et al. 2021]. Все подобные работы направлены на выявление специфических маркеров, способных отражать животноводческую деятельность и назначение объекта как места содержания скота. Особую актуальность изучение современных загонов может иметь в Казахстане и ряде сопредельных государств, где в древности и в настоящее время существуют летние (жайлау) и зимние (кыстау) скотоводческие стоянки

современных действующих и заброшенных летних загонов для скота. Район исследований относится к степной зоне и примечателен тем, что и в бронзовом веке, и в наше время основной формой хозяйства является разведение домашнего скота. Основная цель работы заключается в попытке выявления устойчивых маркеров костного материала, по которым в будущих археологических и археозоологических исследованиях можно будет определять функциональное назначение изучаемого памятника. Другой целью работы является выявление всевозможных форм воздействия домашних животных на кости. Исследование показало, что одним из наиболее устойчивых маркеров остеологических комплексов современных загонов являются кости со следами воздействия крупного и мелкого рогатого скота. Сам же домашний скот является чрезвычайно активным тафономическим агентом и оказывает воздействие на окружающие его предметы, что можно и необходимо использовать при археологических исследованиях. Данная работа предлагает использовать маркеры остеофагии домашних копытных в качестве надежного индикатора животноводческой активности и места содержания скота. В статье также представлены диагностические критерии для различения модификаций костей, которые оставлены крупным и мелким рогатым скотом и пастушескими собаками.

Для цитирования: Рассадников А.Ю. Сезонные загоны Южного Урала: параметры остеологического материала и модификационные изменения костей домашнего скота. *Археология Казахстана*. 2023. № 1 (19). С. 198–221. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.198.221](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.198.221)

и периодически ведется их археологическое изучение [Шагирбаев и др. 2022]. Данная работа посвящена характеристике основных параметров остеологических комплексов современных загонов степной зоны Южного Урала. Особое внимание уделено изучению модификационных изменений костей и маркеров, по которым можно достоверно определять того или иного тафономического агента. Другой целью работы является создание иллюстративно-сравнительной базы данных по модификациям костей домашними копытными и пастушескими собаками. Рассматриваемые загоны расположены в шести речных долинах степной зоны Южного Урала, которая в пределах РФ почти полностью совпадает с южной частью Челябинской области (рис. 1). Большая часть загонов расположена в долине р. Карагайлы-Аят (рис. 1А). Исследуемая территория относится к степной зоне с разнотравно-ковыльными и типчаковыми степями или ковыльными степями [Stobbe 2013: 307].

2 Материал и методы исследования

2.1 Методы исследования

При обнаружении действующего или заброшенного загона производился осмотр как непосредственно площади внутри ограды, так и прилегающей территории на предмет наличия костей и следов воздействия копытных и собак на них. Особое внимание уделялось месту, где стоит или стоял домик пастуха. Как правило, это место аккумулирует достаточно большое количество костей скота, бытового мусора и остатков еды собаки. Предметы бытового и строительного мусора также проверялись на наличие следов воздействия копытными. Одним из важных моментов является методика определения срока функционирования загона. В некоторых случаях точный срок функционирования или время прекращения работы можно было узнать у пастухов. Если такой возможности не было, то исследуемый загон сравнивали с эталонным загонем, который был заброшен в начале 1990-х гг. (загон № 5) или другим заброшенным загонем, ориентировочный срок эксплуатации которого известен. После сбора всех костей производился общий подсчет. При обработке костного материала регистрировались только самые основные параметры, заключающиеся в определении вида, возрастных маркерах [Silver 1969; Payne 1973] и модификационных изменениях. В связи с большими временными затратами на обработку костей из одного загона в работе используется предельно упрощенная система фиксации фрагментации (целая кость, проксимальный фрагмент, фрагмент диафиза и дистальный фрагмент). Основные усилия при обработке костного материала были направлены на фиксацию модификационных изменений и степень естественной сохранности [Behrensmeyer 1978]. Для видового разделения костей овец и коз использовались методы М. Zeder и соавторов [Zeder, Lapham 2010; Zeder, Pilaar 2010].

2.2 Характеристика материала

Обследовано 60 действующих и заброшенных загонов (табл. 1). Некоторые загоны по разным причинам (непродолжительность работы, отсутствие забоя скота и др.) не имеют костей (табл. 1). Общий объем остеологического материала составляет 5341 кость домашнего скота и единичные кости диких животных. Бытовые отходы, шкуры и шерсть скота не подсчитывались, но фиксировалось их наличие или отсутствие. Летние загоны или карды являются частью традиционной системы животноводства на Южном Урале и более широкой территории. Они являются вторым компонентом пастбищно-стойловой системы, при которой в течение всего бесснежного периода с помощью этих загонов скот распределяется по долинам рек, а зимой содержится в стойлах деревни [Рассадников 2022]. Типичный летний загон представляет собой огороженную территорию и пастушеский до-

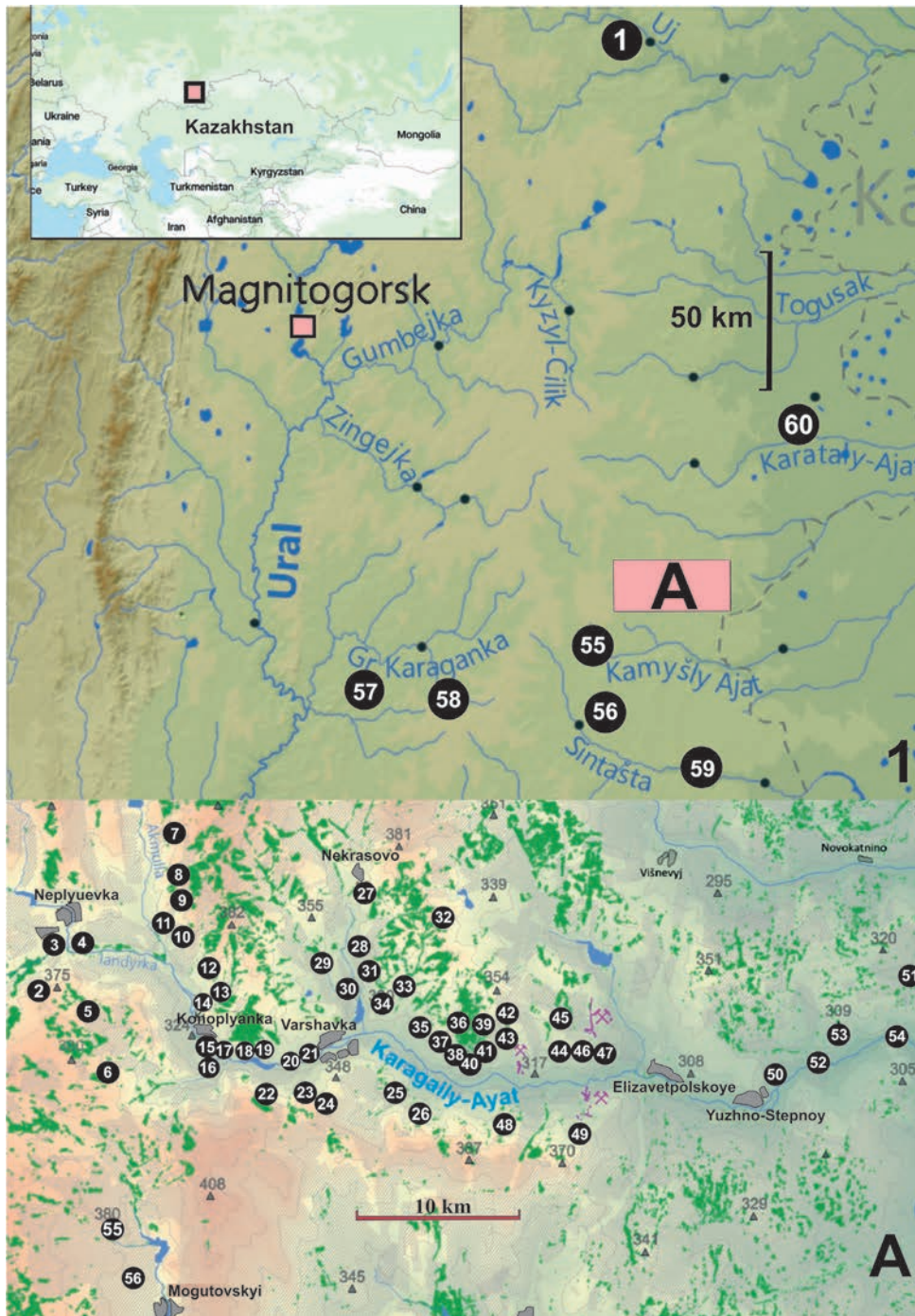

Рис. 1. Расположение изучаемых загонов для скота: 1 – степная зона Южного Урала; А – расположение загонов 2–54 в долине р. Карагайлы-Аят. Карта по D. Knoll (2014 г.)
 1-сур. Зерттелген мал қоралардың орналасуы. 1– Оңтүстік Оралдың далалық аймағы; А – Қарағайлы-Аят өзені аңғарындағы 2–54 қоралардың орналасуы. D. Knoll бойынша карта (2014 ж.)

Fig. 1. Location of the studied livestock enclosures: 1 – Steppe zone of the South Urals; А – Location of enclosures 2–54 in the valley of the Karagaily-Ayat River. Map by D. Knoll (2014)

Таблица 1 – Основные характеристики и показатели остеологических комплексов современных загонов степной зоны Южного Урала
1-кесте – Оңтүстік Оралдың далалық аймағындағы уақытша мал қорасынан алынған остеологиялық кешеннің негізгі сипаттамалары мен көрсеткіштері
Table 1 – Main characteristics and indicators of the osteological complexes of enclosures in the steppe zone of the South Urals

Number of the enclosure	Enclosure specialization	Approximate age, years/operating time, years	NISP	Average number of bones per year	Cattle	Caprines	Horse	Dog	Pig	Roe deer	Fox	Marmot	Indefinite bones	Cattle skin	Caprines wool	The presence of the ungulate osteoplasia	The presence of household waste/remains of the shepherd's house	Number of illustrations in Supplementary Dataset#2
1	Cattle/caprines/horse	5/5	342	68.4	74	67	169	2	-	-	-	-	30	-	-	+	+	Fig. S57-85
2	Cattle/caprines	About 5/5	96	19.2	15	72	4	-	-	-	-	-	5	-	-	+	+	Fig. S86-123
3	Caprines	5-7/5-7	193	27.5	31	147	2	-	1	-	-	-	12	-	+	+	+	Fig. S124-131
4	Caprines	5/5	66	13.2	9	43	10	-	-	-	-	-	4	-	-	+	+	Fig. S132-135
5	Caprines	Over 30/unknown	123	unknown	11	73	3	4	-	-	-	-	32	-	-	+	+	Fig. S136-142
6	Cattle/caprines/horse	Over 10/10	340	34	30	139	69	-	-	-	-	-	102	-	+	+	+	Fig. S143-145
7	Cattle/caprines	About 5/2	21	10.5	3	7	1	-	-	-	-	-	10	-	-	-	+	Fig. S146-174
8	Cattle	Over 10-15/unknown	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S175-189
9	Cattle	Over 10-15/unknown	4	unknown	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	Fig. S190-206
10	Horse	3/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	Fig. S207-236
11	Caprines	Over 10/unknown	148	unknown	9	130	2	-	2	-	-	-	5	-	-	+	+	Fig. S237-272
12	Cattle/caprines	Over 10-15/unknown	49	unknown	35	8	4	-	-	-	-	-	2	-	-	+	+	Fig. S273-298
13	Caprines	4/1	71	71	1	63	-	-	-	-	-	-	7	-	-	+	+	Fig. S299-311
14	Caprines	3/1	71	71	-	70	-	1	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S312-330
15	Caprines	2/2	125	62.5	54	65	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	Fig. S331-349
16	Caprines	About 30/unknown	366	unknown	131	182	17	13	3	3	2	1	14	-	-	+	+	Fig. S350-353
17	Caprines	About 10/10	492	49.2	36	406	27	-	-	-	1	-	22	-	-	+	+	Fig. S354-438
18	Caprines	Over 30/unknown	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	Fig. S439-453
19	Horse	1/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	Fig. S454-479

Продолжение таблицы 1
1-кестменің жалғасы
Continuation of table 1

20	Cattle	Over 10/10	52	5.2	39	-	10	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S480-496
21	Caprines	Over 15-20/15-20	214	10.7	83	69	6	12	3	-	-	-	41	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S497-532
22	Cattle	Over 20-25/unknown	3	unknown	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S533-554
23	Cattle	Over 15/unknown	24	unknown	22	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S555-559
24	Cattle	About 10/10	34	3.4	31	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S560-577
25	Cattle	Over 10/10	75	7.5	59	1	14	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S578-603
26	Cattle	Over 10/10	42	4.2	33	1	4	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S604-620
27	Cattle	1/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Fig. S621
28	Cattle/caprines	Over 15/unknown	13	unknown	3	5	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S622-641
29	Cattle	5-7/5-7	14	2	9	1	2	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S642-663
30	Cattle	Over 10/unknown	8	unknown	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S664-679
31	Cattle	5-7/5-7	103	14.7	87	1	8	3	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S680-685
32	Cattle	Over 15/15	41	2.7	39	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	+	+	-
33	Cattle	Over 15/unknown	66	unknown	50	-	15	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S686-696
34	Cattle	Over 10/10	349	34.9	300	5	16	2	-	-	-	-	17	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S697-745
35	Cattle	3/3	145	48.3	143	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S746-784
36	Cattle	Over 15/unknown	1	unknown	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S785-796
37	Cattle	Over 10/unknown	34	3.4	32	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S797-822
38	Cattle	Over 15/unknown	9	unknown	3	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S823-826
39	Cattle	Over 15/unknown	4	unknown	3	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S827-848
40	Cattle	Over 15/15	206	13.7	187	5	7	2	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S849-858
41	Cattle	About 5/5	4	0.8	2	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S859-867
42	Horse	2/2	28	14	1	25	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S868-884
43	Cattle/horse	Over 10/unknown	5	unknown	3	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S885-912

Окончание таблицы 1
1-кестенің соңы
End of table 1

44	Cattle/horse	Over 10/10	86	8.6	68	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	+	+	Fig. S913-939
45	Cattle/horse	5/5	25	5	16	1	7	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	+	+	Fig. S940-961
46	Cattle/caprines	3/3	92	30.6	71	14	5	-	-	-	-	-	-	2	+	-	-	-	+	+	Fig. S962-991
47	Cattle/caprines/ horse	Over 10/10	130	13	79	22	23	-	3	-	-	-	-	3	-	-	-	-	+	+	Fig. S992-1021
48	Horse	3/3	29	9.6	3	13	9	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	+	+	Fig. S1022-1049
49	Cattle	3/3	3	1	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S1050-1072
50	Caprines	6 months/6 months	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Fig. S1073-1076
51	Cattle/caprines/ horse	About 10/10	30	3	19	7	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S1077-1111
52	Cattle/caprines	Over 30/ unknown	4	unknown	1	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S1112-1121
53	Cattle/caprines	Over 20/20	186	9.3	177	3	4	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	+	+	Fig. S1122-1163
54	Caprines	1/1	3	3	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S1164-1182
55	Cattle	About 5/5	34	6.8	30	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S1183-1198
56	Cattle/caprines/ horse	Over 20/20	417	20.8	78	293	38	4	-	-	-	-	-	3	+	-	-	-	+	+	Fig. S1199-1249
57	Cattle	3/3	199	66.3	147	10	11	-	-	-	-	-	-	30	-	-	-	-	+	+	Fig. S1250-1270
58	Cattle	About 10-15/ unknown	29	unknown	7	-	18	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	+	+	Fig. S1271-1272
59	Cattle	3-4/3-4	16	4	12	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	Fig. S1273-1286
60	Cattle/caprines/ horse	Over 5	77	unknown	43	18	15	-	-	-	-	-	-	1	+	-	-	-	+	+	Fig. S1287-1333

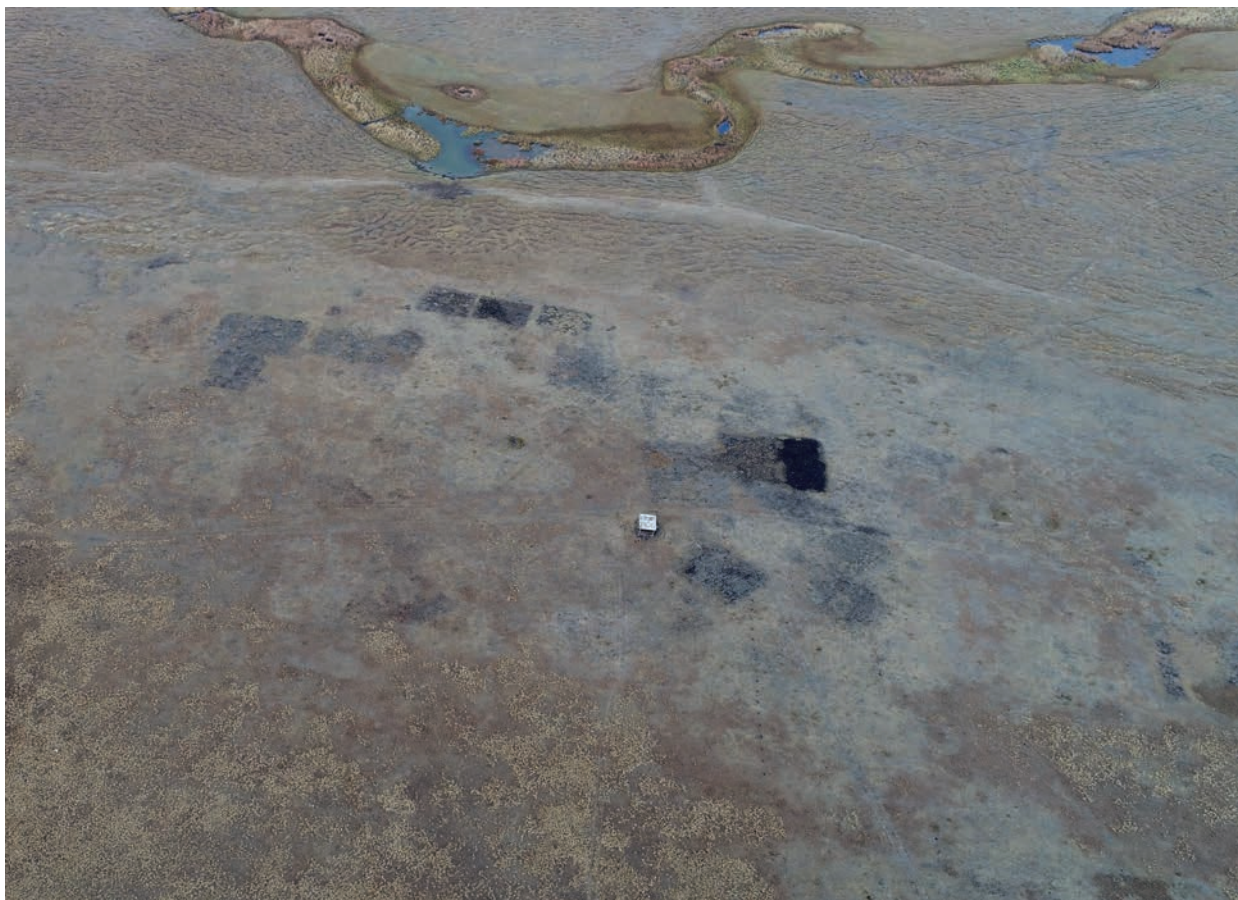

Рис. 2. Вид с воздуха на типичный загон мелкого рогатого скота (вольер № 11). На фото можно увидеть свидетельства как минимум 15–17 переносов загона. Фото Н. Солдаткина (октябрь 2021 г.)

2-сур. Уақ малға арналған типтік қораның әуеден түсірілген түрі. Суреттен қораның 15–17 ауысымын көруге болады. Н. Солдаткин түсірген сурет (қазан 2021 ж.)

Fig. 2. Aerial view of a typical caprines pens (enclosure no. 11). In the photo you can see evidence of at least 15–17 pen transfers in different periods. Photo by N. Soldatkin (October 2021)

мик, который часто является передвижным. В районе загонов для овец и коз часто можно увидеть следы переносов загона (рис. 2; также рис. S124, 331, 481, Dataset#2). Маленькие овечьи загоны с легкой оградой не принято очищать от навоза и поэтому их просто переносят на новое место. Рядом с более крупными коровьими и лошадиными кардами часто можно наблюдать довольно большие кучи навоза, которые выгребают из загона. Рядом с домом пастуха или под ним находится жилище пастушеской собаки и помойная яма (напр., рис. S719–720; 798–799, Dataset#2¹). Тела умершего скота могут лежать как в ближайшем овраге или поляне или непосредственно у ограды загона (напр., рис. S582, S728–734, S765, S777, S763, S1091 и др., Dataset#2). Средний размер загона для крупного рогатого скота (далее крс) составляет 20×20 м, для мелкого рогатого скота (далее мрс) – около 10×10 м или чуть больше. В загонах такого размера можно разместить стадо в 200–400 голов крс и 400–500 голов овец.

3 Результаты

Одним из важнейших аспектов в контексте изучения остеологического материала сезонных загонов является интенсивность накопления костей за один сезон. Изучение этого вопроса осложняется тем, что исследуемая группа загонов достаточно неоднородна. Поверхность одних загонов может быть усеяна костями (например, рис. S376–405, Dataset#2), а на других, несмотря на несколько сезонов работы, костей может почти не быть (табл. 1). По разным причинам только 38 из 60 загонов могут быть использованы для определения примерного среднего количества костей, накапливающихся за один сезон работы. Количество костей колеблется от 0,8 до 71 кости (табл. 1), составляя в среднем 20,5 костей.

Большая часть костного материала находится в удовлетворительном или даже превосходном состоянии естественной сохранности (табл. S17–20, Dataset#2). Только очень небольшая часть костей имеет признаки длительного воздействия атмосферных явлений (рис. S2991–2996, Dataset#2). Наибольшая доля таких костей отмечена в загонах № 5 и 16, которые были заброшены в начале 1990-х годов и расположены на открытых участках степи с очень низкой травой.

Кости домашнего скота (крс, мрс и лошадей) являются основными составляющими остеологических комплексов и были обнаружены в 53 из 60 исследованных загонах. Эти три вида животных являются основными домашними копытными в животноводстве Южного Урала. В большинстве случаев преобладают кости того копытного, на содержании которого специализируется загон. В остальных случаях присутствуют кости только одного или двух видов копытных. В 4-х смешанных загонах не выявлено устойчивого преобладания костей какого-либо вида копытного. Остальные домашние виды представлены небольшим количеством костей пастушеских собак и единичными костями свиней. В загонах отмечены также единичные кости диких видов, которые представлены косулей, лисицей и сурком (табл. 1).

В большинстве загонов скот практически не забивают. Лишь иногда пастухи или сельские жители могут зарезать корову, овцу или лошадь прямо в загоне и единственной формой разделки является отрубание нижних частей ног и реже головы. На некоторых загонах отмечены большие скопления отрубленных черепов и метаподий с фалангами крс и мрс (напр., рис. S1247, S1150–1159, Dataset#2). Несмотря на отсутствие разделки всех частей туши, только 45% костей крс и лошадей полностью целы. У мрс только 32% костей целы. Среди целых костей домашнего скота преобладают кости черепа и особенно метаподии с фалангами. Большинство трубчатых костей представлено в виде проксимальных или дистальных концов. У большинства нетрубчатых костей вначале отламываются различные отростки, и только самые массивные концы костей остаются целыми (рис. S2997–3002, Dataset#2). В случае трубчатых костей овец и коз причиной фрагментации может являться сильное выветривание костей (рис. S3006–3007, Dataset#2). Особенности состава элементов скелета у крс, мрс и лошадей примерно одинаковы. Чем больше костей любого вида копытных на конкретном загоне, тем более полный набор элементов скелета. Тем не менее, даже если в загоне регистрируется относительно большое количество костей того или иного копытного, полный набор костей всегда отсутствует. Практически полный состав элементов скелета обнаружен только в случае лошади в загоне 1. Во всех остальных случаях почти всегда отсутствуют хвостовые позвонки у всех видов копытных, различные мелкие кости скелета, особенно у овец и коз (отдельные зубы, рудиментарные метаподии, кости запястья и плюсны, сесамовидные кости). Наиболее многочисленными элементами скелета вне зависимости от вида копытного являются метаподии с фалангами и в меньшей степени кости черепа и ребра.

Несмотря на то, что возраст забоя скота является одним из важнейших аспектов в любом археозоологическом исследовании, в данной работе этот вопрос будет рассмотрен очень кратко. На наш взгляд, возрастной маркер наименьшим образом отражает особенности функционирования летних загонов и напрямую зависит от практикуемой системы животноводства. Данные по зубной системе крс показывают, что чуть более половины костей приходится на особей старше 2 лет. Обращает на себя внимание относительно высокая доля телят в возрасте до 6 мес. (табл. S37, Dataset#2). Данные по эпифизам более репрезентативны. В возрастных группах, где эпифизы срастаются в 1–1,5 и 2–3 года, отмечается преобладание костей от животных, которые были забиты после прирастания эпифизов. Возрастные группы, у которых эпифизы срастаются в 3,5–4 и 5 лет, имеют примерно одинаковое соотношение костей скота, забитого или умершего до- и после прирастания эпифизов (табл. S50, Dataset#2). Данные о состоянии зубной системы мрс показывают, что чуть более половины костей приходится на животных, которые умерли или были забиты после 1,5–2 лет. Также как и с крс весьма высока доля ягнят (табл. S39, Dataset#2). Для ряда загонов села Коноплянка и его окрестностей (загоны № 15–17) также имеются возрастные данные по степени стертости зубов. Большая часть фрагментов зубной системы происходит от овец и коз в возрасте 4–6 лет. Доля животных в возрасте 3–4 лет также значительна. В выборке также присутствует небольшое количество костей старых особей (табл. S40, Dataset#2). Обширные данные о состоянии эпифизов свидетельствуют о почти полном отсутствии костей животных, не достигших возраста 1–1,5 года. В возрастной группе, где эпифизы срастаются в возрасте 1,5–2 года, несколько увеличивается доля костей от животных, не достигших этого возраста. В возрастных группах, в которых эпифизы прирастают в 2,5–3 и 5 лет, преобладают кости животных, забитые на мясо или умершие после срастания эпифизов (табл. S57, Dataset#2). Данные о состоянии эпифизов лошади свидетельствуют о почти полном отсутствии костей животных до наступления 1–1,5 лет. В возрастных группах 1,5–2 года и 5 лет преобладают кости с эпифизами, которые приросли после этих двух периодов. Только в группе прирастания эпифизов в 3–3,5 лет больше костей от животных, не достигших этого возрастного диапазона (табл. S64, Dataset#2).

На костях из коллекций 52 загонов зафиксированы разные виды воздействия со стороны различных факторов. Количество костей с модификационными изменениями на каждом загоне колеблется от 4 до 100% от общего числа, составляя в среднем 35,3% (табл. 2). Всего 21,8% костей среди остеологического материала загонов подверглись различным модификациям. Выявлено семь видов воздействия на поверхность кости, которые объединены в четыре основные группы – модификации копытными, собаками, человеком и неизвестные модификации (диаграмма 1). Одну из двух самых больших групп модификаций составляют кости со следами воздействия домашними копытными (диаграмма 1). Большую часть костей этой группы составляют кости со следами погрыза крс и в меньшей степени мрс. Такие кости являются проявлением остеофагии копытных. Следы погрыза копытными не удалось зафиксировать только на подъязычной кости, костях запястья и предплюсны и сесамовидных костях. 70% случаев погрыза крс и мрс приходилось на трубчатые кости, из них 40% были представлены метаподиями. Трубчатые кости наиболее удобны для погрыза копытными.

Удалось выявить все стадии погрыза костей крупным рогатым скотом на примере трубчатых костей и других типов костей (рис. 3; рис. S1334–2304, Dataset#2). Непосредственно внутри загонов был обнаружен ряд костей со следами погрыза крс. Это позволяет рассматривать такие кости как эталонные при определении модификаций копытными (рис. S594–599; S609–620; S1160–1163 и др., Dataset#2). Проанализировано 218 костей со следами погрыза крс, и эти данные позволяют сформулировать основные маркеры воздействия крс на кость. Наиболее характерным признаком

Таблица 2 – Типы модификаций костей и ограждений загонов и доля модифицированных костей из современных загонов степной зоны Южного Урала. В случае погрыза и полировки ограды лошадыми и мрс один случай означает одну ограду загона
2-кесте – Оңтүстік Оралдың далалық аймағының қазіргі мал қораларынан алынған модификацияланған сүйектердің бөлігі және қораның қоршауы мен сүйек модификациясының түрлері

Table2 – Types of modifications of bones and fences of enclosures and the proportion of modified bones from modern enclosures in the steppe zone of the South Urals. In case of chewing and polishing of the fence by horses and caprines, one case means one fence of the enclosure

Number of the enclosure	NISP (total bones in enclosure)	Chewed by cattle	From the cattle stomach	Chewed by caprines	Chewed by dog	Burnt bones	Butchering marks	Unknown modification	Chewed by horse (cribbing)	Polished fence walls	Total modified bones	% of modified bones from NISP
1	342	25	-	4	44	-	6	-	-	-	79	23.0
2	96	2	-	2	21	-	12	-	-	-	37	38.5
3	193	3	-	1	21	-	5	-	-	-	30	15.5
4	66	-	-	1	3	-	1	-	-	-	5	7.5
5	123	2	-	2	-	-	1	-	-	-	5	4.0
6	340	21	-	24	17	-	7	1	-	-	70	20.5
7	21	-	-	-	1	-	7	-	-	-	8	38.0
8	1 (plastic bottle)	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
10	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11	148	-	-	4	14	-	6	-	-	-	24	16.2
12	49	14	-	3	1	-	-	-	-	-	18	36.7
13	71	1	-	1	1	-	-	-	-	-	3	4.2
14	71	-	-	-	9	-	-	-	-	-	9	12.6
15	125	-	-	-	17	-	9	-	-	-	26	20.8
16	366	2	-	10	13	-	45	-	-	-	70	19.1
17	492	1	-	4	18	-	47	1	-	1	71	14.4
18	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
19	0	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
20	52	10	2	-	7	-	1	-	-	-	20	38.4
21	214	31	-	6	14	-	3	-	-	1	54	25.2
22	3	3	-	-	-	-	-	-	-	-	3	100
23	24	5	-	-	5	-	-	-	-	-	10	41.6
24	34	4	-	-	8	-	-	-	-	-	12	35.2
25	75	2	-	-	16	-	3	-	-	-	21	28.0
26	42	12	1	-	2	-	-	-	-	-	14	33.3
27	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
28	13	6	-	-	-	-	-	-	-	-	6	46.1
29	14	9	1	-	1	-	-	-	-	-	11	78.5

Окончание таблицы 2
2-кестенің соңы
End of table 2

30	8	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	37.5
31	103	12	-	-	6	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	19	18.4
32	41	6	-	-	15	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	21	51.2
33	66	33	1	-	2	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	37	56.0
34	349	2	-	-	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	14	4.0
35	145	7	-	-	24	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	34	23.4
36	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	100
37	34	8	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	12	35.2
38	9	4	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	55.5
39	4	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	25.0
40	206	24	-	-	26	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	53	25.7
41	4	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	25.0
42	28	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	21.4
43	5	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	40.0
44	86	11	-	-	20	1	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	38	44.1
45	25	14	-	-	7	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	23	92.0
46	92	1	-	-	4	-	-	24	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	29	31.5
47	130	21	-	-	3	-	-	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	36	27.6
48	29	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	13.7
49	3	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1 (plastic bottle)	33.3
50	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
51	30	16	-	-	-	-	-	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	19	63.3
52	4	3	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5 (+1 plastic bottle)/100	100
53	186	32	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	35	18.8
54	3	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	33.3
55	34	-	-	-	10	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11	32.3
56	417	14	-	3	12	-	-	7	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	37	8.8
57	199	11	2	-	2	-	-	17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	32	16.0
58	29	-	-	-	4	-	-	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	7	24.1
59	16	5	-	-	8	-	-	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	13	81.2
60	77	1	-	-	37	0	-	2	-	0	-	0	-	-	-	-	-	-	40	51.9

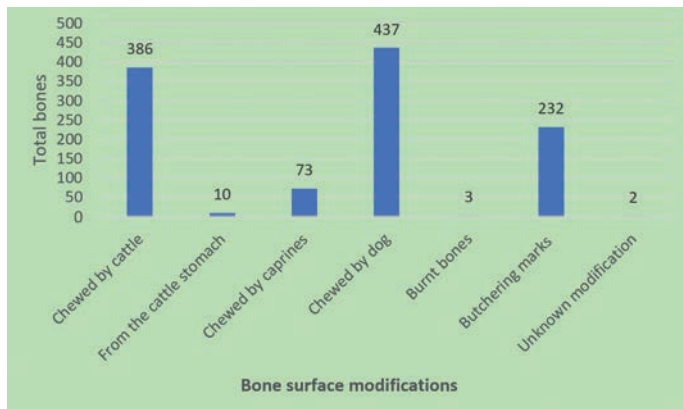

Диаграмма 1. Соотношение видов модифицированных костей из современных загонов.

Данные по всем 60 загонам объединены

1-диаграмма. Қазіргі заманғы мал қоралардан табылған модификацияланған сүйектердің жануар түрі бойынша қатынасы. Барлық 60 мал қораның мәліметтері біріктірілген

Diagram 1. The ratio of types of modified bones from modern enclosures. Data on all 60 pens are pooled

является наличие продолговатых, иногда слегка дугообразных борозд, перпендикулярных оси кости (диаграмма 2, рис. 3а; напр., рис. S1733–1736, Dataset#2). В самом начале жевания присутствуют либо только эти бороздки, либо бороздки и полированный участок (напр., рис. S1740, Dataset#2). На всех остальных стадиях погрыза характерно сочетание бороздок, стертой кости и сломанных губчатых трабекул в этой стертой области (диаграмма 2, рис. 3б–е). Другими отличительными признаками жевания костей крс являются полированный скол кости и очень плавный переход от губчатой части кости к компактному костному веществу в месте, где копытное жевало кость (диаграмма 2, рис. 3д–h). Последние стадии жевания характеризуются наличием раздвоенного конца кости или так называемого «вилочного» эффекта (диаграмма 2, рис. 3f–h). Средняя и последняя стадии обгрызания кости копытными могут быть очень похожи на воздействие на кость рашпилем или напильником (рис. 3d). В случае с костями телят и молодняка при погрызе крс тонкие стенки таких костей могут пробиваться или проламываться (напр., рис. S1603–1625, Dataset#2). В редких случаях перечисленные характерные маркеры могут практически отсутствовать, но погрыз копытного можно идентифицировать по наличию слегка волнистой поверхности на краю кости (напр., рис. S1565, Dataset#2).

Особый интерес представляют кости, которые прошли через желудочно-кишечный тракт крс (далее ЖКТ). Это те же самые кости, которые были пожеваны крс, но по какой-либо причине были проглочены животными и на них помимо следов воздействия зубочелюстной системы крс присутствуют следы воздействия ЖКТ. При осмотре загонов было обнаружено около 10 костей, которые сначала были пережеваны, а затем попали в ЖКТ крс (диаграмма 1; рис. 4–5; рис. S2305–2359, Dataset#2). Некоторые из этих костей были найдены в свежих «коровьих лепешках» и непосредственно в загоне (рис. S619, Dataset#2). Именно это позволяет считать такие кости эталонными для определения костей, побывавших в ЖКТ крс. Некоторые кости могут быть ошибочно отнесены к этой категории модификаций, так как не все они находятся непосредственно в навозе копытных и имеют больше следов погрыза, чем воздействия ЖКТ копытных (рис. 5б–с; рис. S2356–2359, Dataset#2). Кости из ЖКТ других видов копытных не обнаружены. Характерной особенностью костей, побывавших в ЖКТ крс, является их небольшой размер — от 5 до 15 см. По этой причине первые и вторые фаланги крс или зубы крупных копытных являются наиболее подходящими элементами скелета для проглатывания крс (рис. 4–5). Максимальный размер костей, побывавших в ЖКТ крс, составляет примерно 10–15 см (рис. 4б; рис. S2322–2349, Dataset#2). Отличительными чертами таких костей являются «оплавленный» вид и «полированные» сколы. Кости из ЖКТ крс наиболее уместно сравнивать с леденцами (напр., рис. 4б). В случае фрагментов диафизов трубчатых костей

Рис. 3. Все стадии погрыза костей крупным рогатым скотом на примере метаподий крс и лошади.

Верхняя линия – вид спереди; нижняя линия – вид сзади:

A – начальный этап жевания на примере пястной кости лошади;

B–D – различные проявления средней стадии на примере пястных и плюневых костей крс;

E – переходная от средней к последней стадии обгрызания на примере пястной кости крупного рогатого скота; F – начало «вилочного» эффекта на примере плюсны крс;

G – «вилочный» эффект на примере пястной кости лошади;

H – завершение вилочной стадии погрыза на примере плюсны крс

3-сур. Уақ мал мен жылқы сирағының (метоподий) мысалындағы ірі қара сүйектерінің мүжілуінің барлық сатысы. Жоғарғы сызық – алдыңғы көрінісі, төменгі сызық – арты көрінісі: A – жылқының алдыңғы сирағы мысалындағы шайнауудың алғашқы кезеңі; B–D – ірі қараның артқы сирағы мен алдыңғы сирағы мысалындағы орта сатысының әртүрлі көрінісі; E – ірі қараның алдыңғы сирағының мысалында мүжілудің ортадан соңғы сатысына өтуі; F – ірі қараның арты сирағы мысалындағы «шанышқылану» әсердің бастауы; H – ірі қараның артқы сирағы мысалындағы мүжілудің шанышқылы сатысының аяқталуы

Fig. 3. All stages of bone chewing by cattle on the example of cattle and horse metapodials. Upper line – dorsal view; bottom line – palmar view: A – the initial stage of chewing on the example of the horse metacarpal; B–D – various displays of the middle stage on the example of metacarpal and metatarsal bones of cattle; E – transitional from the middle to the last stage of gnawing on the example of the metacarpal bone of cattle; F – the beginning of the fork effect on the example of the metatarsal bone of cattle; G – fork stage of gnawing on the example of the metacarpal bone of a horse; H – completion of the fork stage of gnawing on the example of the metatarsal bone of cattle

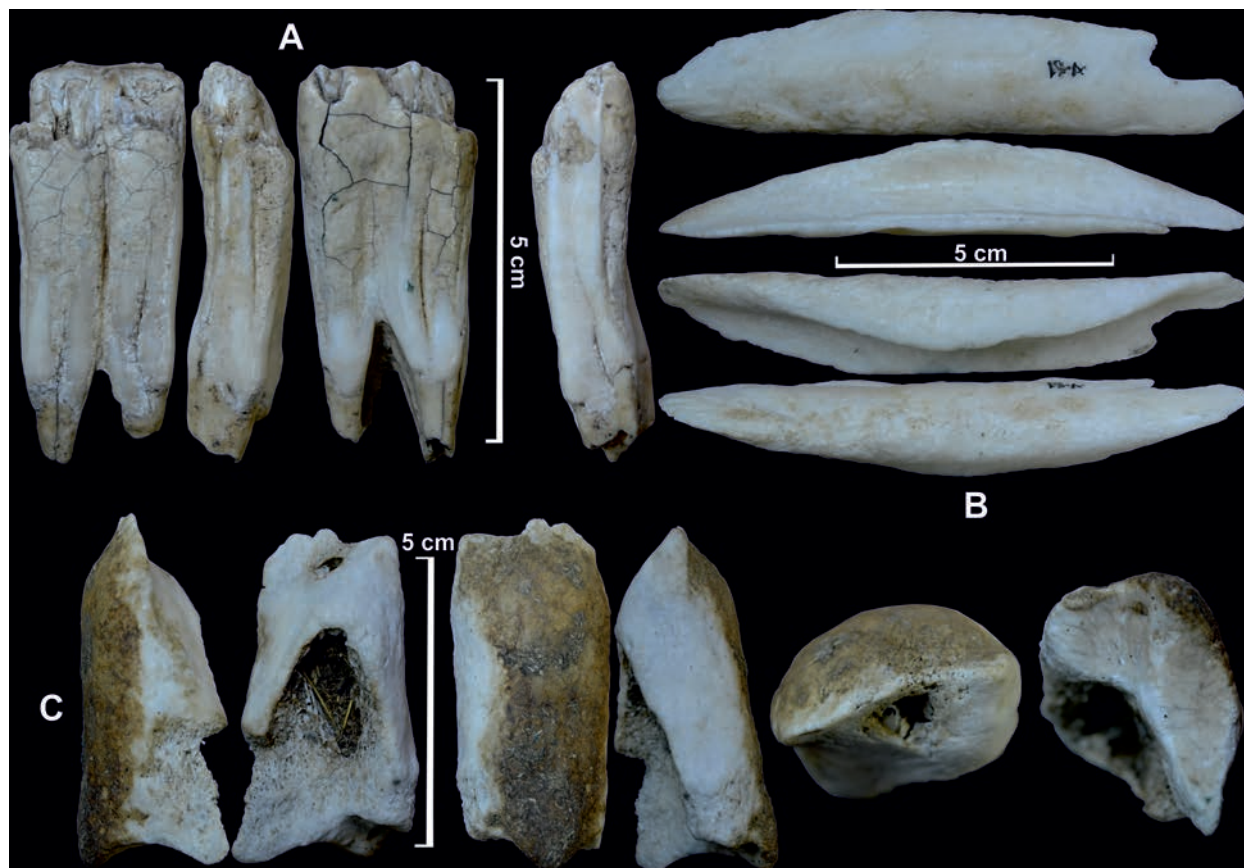

Рис. 4. Кости из желудка крупного рогатого скота: А – нижний моляр лошади. Обратите внимание на полировку сколов; В – фрагмент диафиза трубчатой кости крупного копытного. Кость найдена в свежем коровьем навозе в загоне крс; С – первая фаланга крс; темная часть фаланги была в свежем навозе

4-сур. Ірі қараның асқазанынан алынған сүйектер: А – жылқының астыңғы азу тісі. Кетігінің жылтыратылуына назар аударыңыз; В – Ірі тұяқты жануардың жілігі дифизінің сынығы. Сүйек ірі қара қорасындағы сиырдың көңінен табылды; С – ірі қараның бірінші бақай сүйегі; бақай сүйектің қара бөлігі жас көңнің ішінде болған

Fig. 4. Bones from the stomach of cattle: A – the lower molar of a horse. Pay attention to the polishing of the chips; B – a fragment of the diaphysis of the tubular bone of a large ungulate. Bone found in fresh cow dung in cattle pen; C – the first phalanx of cattle; the dark side of the phalanx was in fresh manure

наблюдается сочетание следов обгрызания и признаков шлифовки поверхности кости поверхностью ЖКТ крс. Края канавок кажутся «оплавленными» или «отполированными» (рис. S2331–2345, Dataset#2).

Так же, как и у крс, удалось выявить все этапы погрыза костей овцами и козами на большинстве элементов скелета и, особенно, на примере метаподий (рис. 6; рис. S2360–2637, Dataset#2). Было проанализировано 103 кости для определения основных индикаторов погрыза костей мрс. Погрыз костей мрс почти полностью повторяет черты погрыза костей крс и характеризуется всеми теми же типами модификаций, но соотношение маркеров погрыза отличается от крс (диаграмма 2).

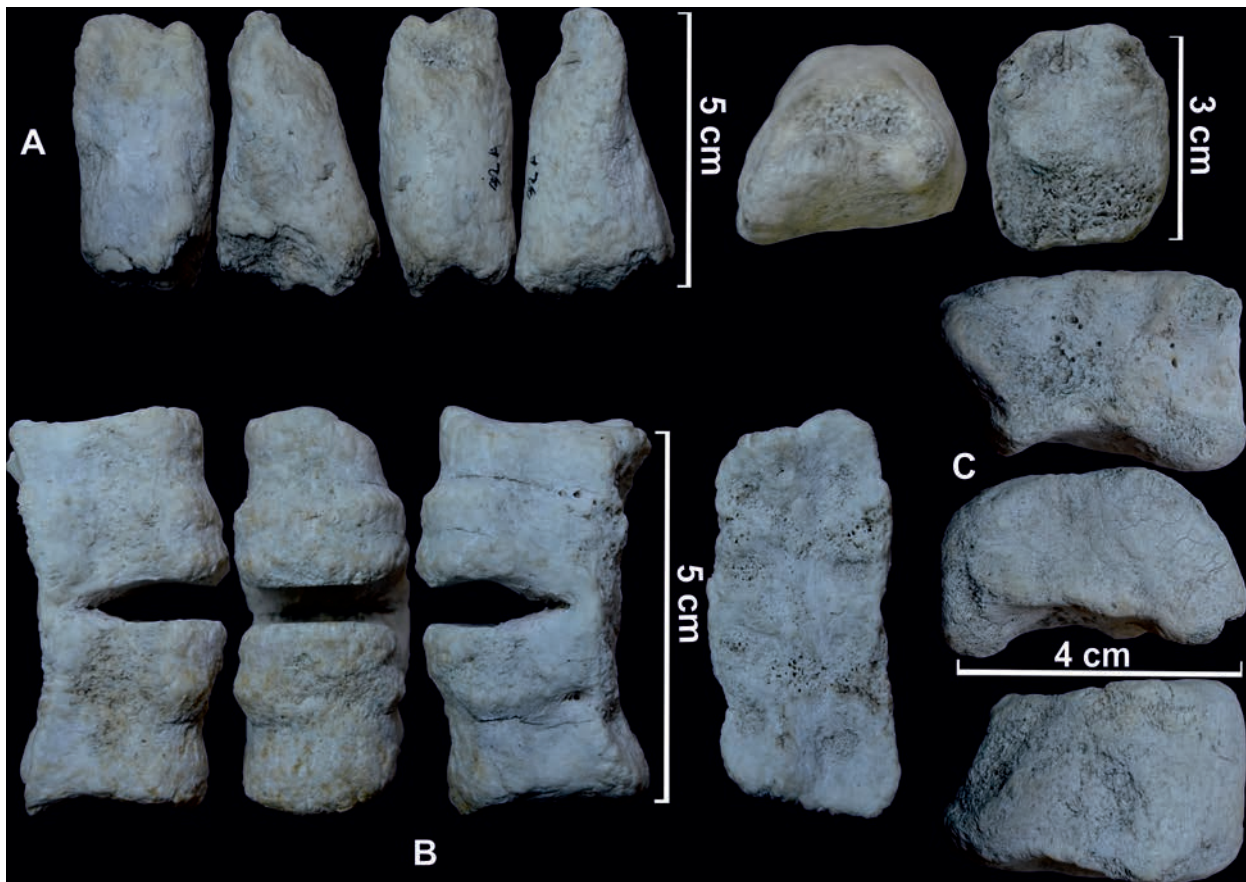

Рис. 5. Кости из желудка крс и кости, которые предположительно побывали в желудке крс: А – первая фаланга крс из желудка крс; В – дистальный неприросший эпифиз метаподии крс предположительно из желудка крс; С – карпальная кость крс предположительно побывавшая в желудке крс
5-сур. Ірі қараның асқазанынан шығуы мүмкін сүйектер және ірі қараның асқазанынан алынған сүйектер: А – ірі қараның асқазанынан алынған бірінші бақай сүйегі; В – ірі қараның асқазанында болуы мүмкін сиыр сирағының дистальды эпифизи; С – ірі қараның асқазанында болуы мүмкін сиырдың карпальды сүйегі;

Fig. 5. Bones from the stomach of cattle and bones that are believed to have been in the stomach of cattle: А – first phalanx of cattle from the stomach of cattle; В – distal non-fused epiphysis of the cattle metapodium, which presumably has been in the cattle stomach; С – carpal bone of cattle, which presumably has been in the stomach of cattle

По сравнению с погрызом костей крс у овец и коз выше доля таких маркеров, как поперечные бороздки и наличие отверстий на концах костей (диаграмма 2; рис. 6а–f; рис. S2538–2551, Dataset#2). В некоторых случаях бороздки могут отсутствовать, но могут наблюдаться участки с отверстиями (рис. 6b–d). При этом, в отличие от погрыза костей крс, у мрс меньше таких маркеров, как полированный участок и полированный скол (диаграмма 2). Также как и у крс, средние стадии пережевывания костей у мрс могут напоминать воздействие напильником и иметь вид весьма значительных насечек и бороздок (рис. 6e–f). Переход от компактной кости к губчатой также чрезвычайно гладкий и «полированный» (рис. 6f). Последние этапы жевания могут выглядеть как раздвоенный конец или

«вилочный» эффект, но по сравнению с крс раздвоенные концы кости короче, а само углубление не такое глубокое. В отличие от крс, на конечной стадии развилки можно наблюдать участки с проломленной поверхностью (рис. 6i–j). Самая последняя стадия обгрызания кости мрс, скорее всего, может выглядеть как кость с хорошо отполированной выемкой на конце (рис. 6k–l). Размерный класс копытных, кости которых грызут овцы и козы, также является критерием для определения вида копытных, воздействовавших на кость. Овцы и козы обгладывают кости таких же мелких копытных, как и они сами, а крс обгладывает кости крс или лошадей. Вы не найдете метаподии лошади со следами погрыза мрс и наоборот, метаподии овцы со следами погрыза крс.

В ряде загонов в их навозных кучах удалось обнаружить бытовые отходы со следами погрыза и из ЖКТ крс. Помимо деревянных предметов были обнаружены пластиковые бутылки и их крышки, металлическая ложка, консервная банка и куски шифера со следами погрыза (рис. S2638–2682, Dataset#2). Также было обнаружено несколько фрагментов шифера из ЖКТ крс (рис. S2676, 2678, Dataset#2). Они имеют такой же «оплавленный» вид, как фрагменты костей из ЖКТ крс. Нет сомнения, что именно крс оказал влияние на эти вещи. Предметы находились либо в свежих «лепешках» крс в загонах, либо в навозе, который периодически выгребают из загонов. Пастушеские собаки не проявляют интереса к несъедобным предметам. Также были обнаружены свидетельства воздействия домашнего скота на ограду (табл. S9–11, Dataset#2). В случае с мрс удалось зафиксировать полированные участки деревянной ограды (рис. S2708–2728, Dataset#2). Полировка заканчивается на высоте 60–70 см, что соответствует среднему росту овец и коз. Это явление вызвано частым трением овец и коз об ограду. В загонах для лошадей удалось зафиксировать явление криббинга (*cribbing*), заключающееся в трении морды о забор и его погрызе (рис. S2683–2707, Dataset#2; видео S1–5). В загоне № 60 удалось зафиксировать фрагменты металлического забора со следами полировки лошадьми (рис. S2729–2730, Dataset#2).

Вторая по количеству группа модификаций представлена костями со следами воздействия пастушескими собаками (диаграмма 1; рис. 7; рис. S2731–2982, Dataset#2). Костей из ЖКТ собак было обнаружено очень мало (рис. S2983–2990, Dataset#2). Наиболее характерными маркерами погрыза костей собаками являются сочетание рваного (крайне неровного) края кости, точечных бороздок и ямок, продолговатых бороздок в губчатом веществе кости, нередко единичных проколов костных стенок (диаграмма 2; рис. 7a–f).

Крайне важным вопросом является надежное различие модификаций поверхности костей, которые сделаны копытными и собаками. Одной из проблем является то, что в ряде случаев копытные и собаки оставляют на костях очень похожие модификации. Например, и копытные, и собаки могут делать бороздки в месте укуса, полировать край кости и место погрыза, а также делать отверстия в поверхности (диаграмма 2). Однако в каждом из этих пересечений есть черты, присущие только копытным и собакам. В случае бороздок копытные в большинстве случаев оставляют борозды, расположенные перпендикулярно оси кости (рис. 3a). Собаки могут оставлять борозды в любом направлении (рис. 7a, 7g – проксимальный конец). Еще одним диагностическим критерием является то, что только собаки способны оставлять борозды на торцах трубчатых костей (напр., рис. S2799, S2848, Dataset#2). Копытные в силу строения зубной системы на это не способны. И собаки, и копытные воздействуют на губчатую кость. После копытных губчатое вещество относительно ровное и сглаженное (рис. 3b–f); после собак часто остаются борозды (рис. S2741, Dataset#2). Кости после погрыза собаками могут проявлять «вилочный» эффект, но боковые отростки очень короткие и неровные по сравнению с «вилочным» эффектом копытных (рис. 7a). Наличие общей гладкости и

полировки очень хорошо выдает погрызы копытных по сравнению с собаками при наличии неочевидных маркеров. В некоторых случаях на костях могут быть одновременно видны следы жевания собак и копытных. Если собака обгрызла один конец кости, а копытное потом другой конец кости, то достоверное определение источника модификации будет возможно (рис. 7g; рис. S2055–2068, S2860–2872, 2930–2937, Dataset#2). Если бы собака и копытное грызли один и тот же участок кости, то определить вид животного, грызущего кость, будет крайне проблематично. Как и в случае с обгрызанием костей, одной из проблем является достоверное различение костей, побывавших в ЖКТ крс или собак. Наиболее достоверным критерием являются значительно меньшие размеры и нередко наличие пористости и ямок на костях из ЖКТ собак. На плотных костях будут небольшие «оплавленные» ямки, оставшиеся от зубов собаки (напр., рис. S2989–2990, Dataset#2). Копытные же не оказывают столь интенсивного воздействия на кость и компактное костное вещество лишь частично истончается или «шлифуется» (рис. 4–5; рис. 2983–2990, Dataset#2).

Наименьшую из трех основных групп модификаций составляют различные следы воздействия человеком (диаграмма 1). К этой группе относятся, в первую очередь, следы рубки (напр., рис. 7h) и порезы (рис. 6a, 6e, 6i). Зарубки и порезы на костях скота в загонах свидетельствуют о первоначальной разделке животных и перерезании связок для отделения нижних частей ног (метаподии с фалангами).

Подавляющее большинство костей со следами воздействия копытными обнаружено при осмотре периметра вольера. Небольшая часть костей была найдена непосредственно в загонах (рис. S594–599; S609–620, Dataset#2). Кости со следами погрыза крс и мрс были обнаружены и вне загонов. В первую очередь это касается деревенских свалок, поверхность которых усыпана костями и там может пастись домашний скот. Если животные могут оставаться на одном небольшом участке несколько часов, то они могут подбирать кости с земли.

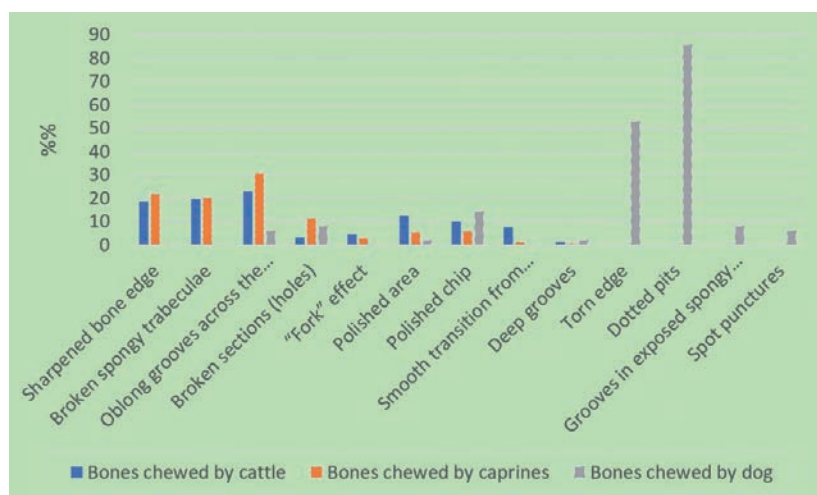

Диаграмма 2. Соотношение основных диагностических критериев модификаций костей, вызванных воздействием крс, мрс и пастушеских собак

2-диаграмма. Ірі қара, уақ мал және мал бағатын иттердің әсерінен модификацияланған сүйектерді анықтайтын негізгі критерийлердің қатынасы

Diagram 2. The ratio of the main diagnostic criteria of bone modifications caused by exposure to cattle and caprines and herding dogs

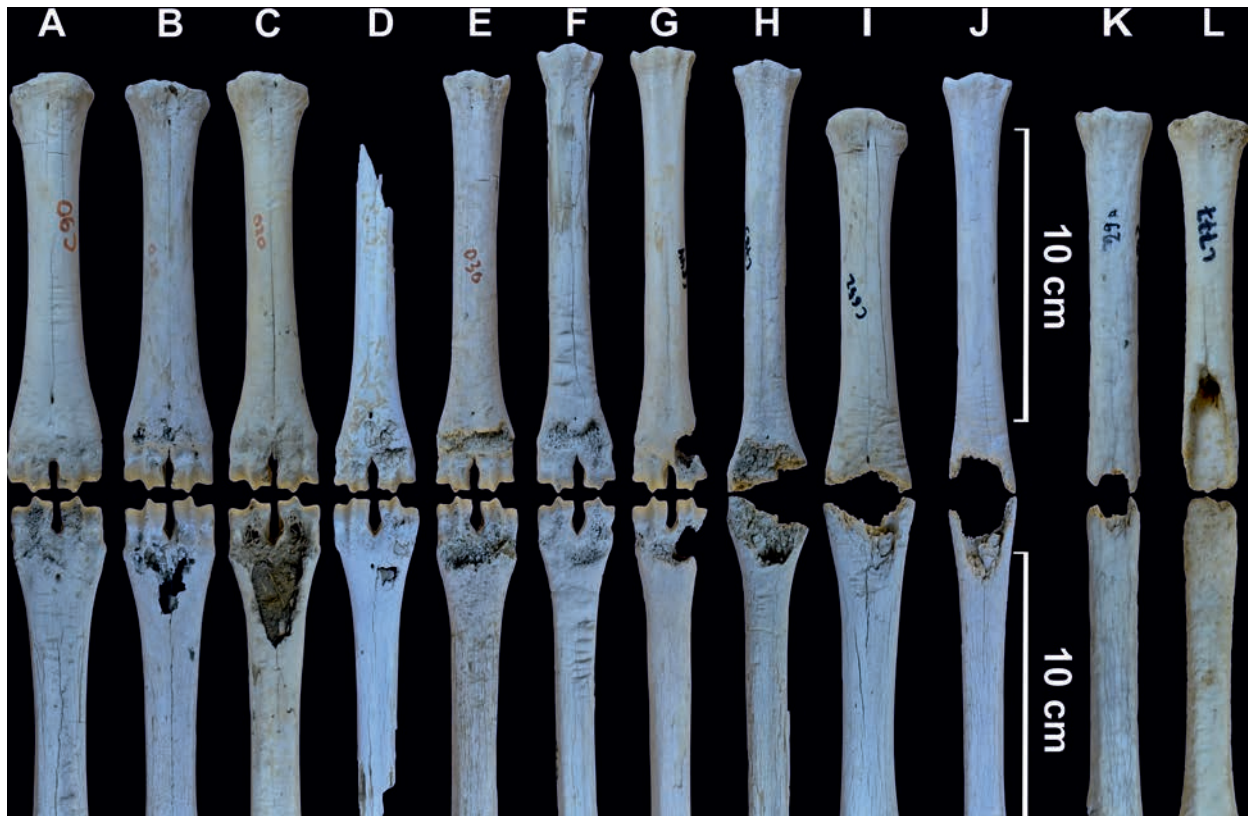

Рис. 6. Все этапы погрыза костей мелким рогатым скотом на примере метаподий мрс.
Верхняя линия – вид спереди; нижняя линия – вид сзади:

A – начальная стадия погрыза на примере пясти овцы;
B–F – различные проявления средней стадии погрыза на примере пястных и плюсневых костей овец;
G–H – проявления переходной стадии погрыза от средней к вилочной стадии на примере плюсневых костей мрс; *I* – начало стадии «вилочного» эффекта на примере пясти мрс;
J – «вилочный» эффект на примере плюсны мрс; *K* – завершение «вилочной» стадии на примере плюсны мрс; *L* – последний этап погрыза на примере плюсны мрс

Рис. 6. Мүжілудің барлық кезеңі көрсетілген уақ малдың сирағы. Жоғарғы сызық – алдынан қарағанда; төменгі сызық – артынан қарағанда: *A* – қой сирағының мысалындағы мүжілудің алғашқы сатысы; *B–F* – қойдың алдыңғы және артқы сирақтарының мысалындағы мүжілудің ортаңғы сатысы; *G–H* – уақ малдың артқы сирағы мысалындағы мүжілудің ортаңғы сатысынан шанышқылану сатысына өту көрінісі; *I* – уақ малдың алдыңғы сирағы мысалындағы «шанышқылану» әсерінің алғашқы сатысы; *J* – уақ малдың артқы сирағы мысалындағы «шанышқылану» әсері; *K* – уақ малдың артқы сирағы мысалындағы «шанышқылану» әсерінің аяқталуы; *L* – уақ малдың артқы сирағы мысалындағы мүжілудің соңғы сатысы

Fig. 6. All stages of bone chewing by caprines on the example of caprines metapodials. Upper line – dorsal view; bottom line – palmar view: *A* – the initial stage of gnawing on the example of the metacarpal bone of a sheep; *B–F* – various displays of the middle stage of gnawing on the example of the metacarpal and metatarsal bones of sheep; *G–H* – displays of the transitional stage of chewing from the middle stage to the fork stage on the example of the metatarsal bones of caprines; *I* – the beginning of the fork stage on the example of the metacarpal bone of caprines; *J* – forked stage on the example of the metatarsal bone of caprines; *K* – completion of the fork stage on the example of the metatarsal bone of caprines; *L* – the last stage of chewing on the example of the metatarsal bone of caprines

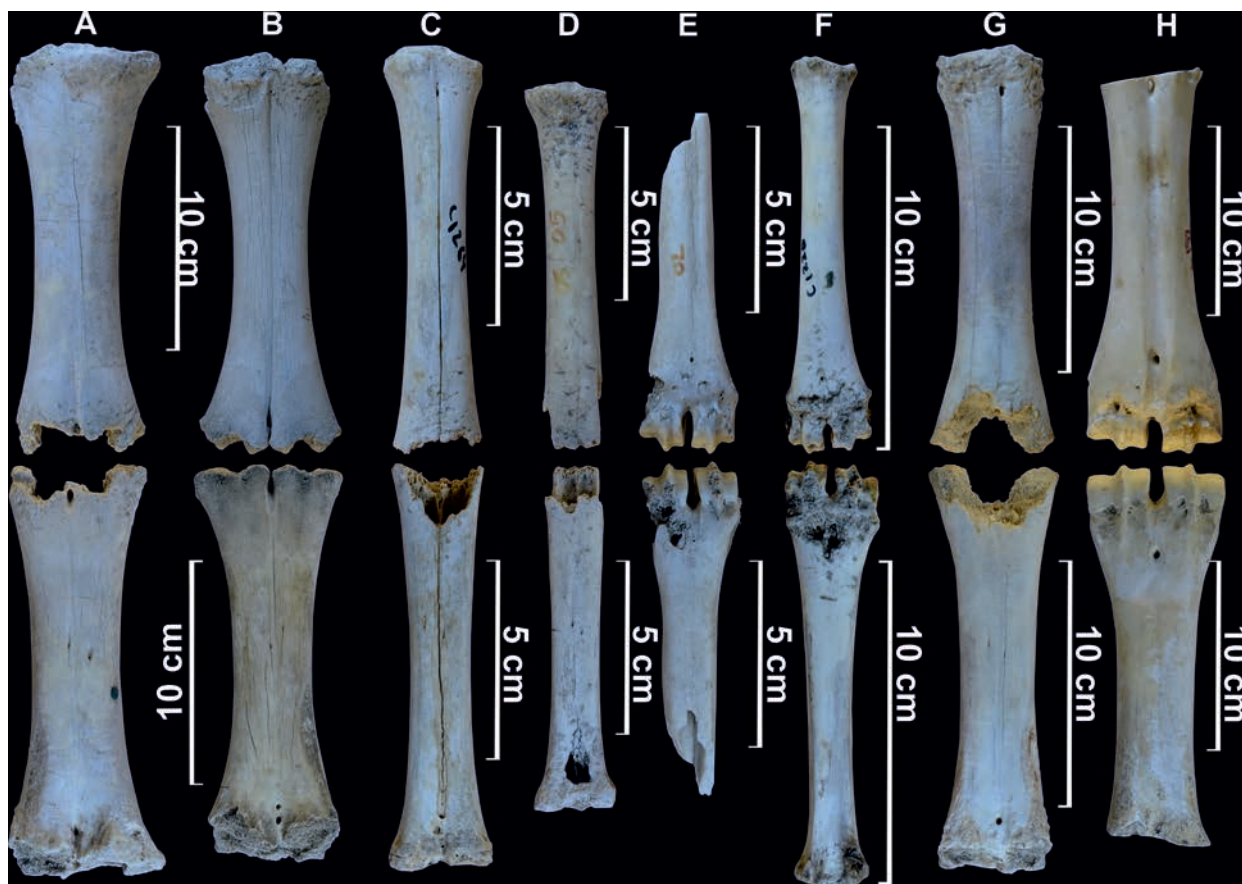

Рис. 7. Модификации костей собаками, собаками и копытными и человеком на примере метаподий крс и мрс. Верхняя линия – вид спереди; нижняя линия – вид сзади:
 А–В – пясти крс со следами погрыза собакой. На первой пясти можно наблюдать своеобразный аналог «вилочного» эффекта как при погрызе копытными; С–F – пясти и плюсны мрс со следами погрыза собаками;
 G – пясть крс одновременно со следами погрыза собаками (проксимальный конец) и крс (дистальный конец); H – плюсна крс со следами рубки

7-сур. Уақ мал және ірі қараның метаподиясы мысалындағы сүйектердің ит, ит және тұяқты жануарлар және адам тарапынан модификациялануы. Жоғарғы сызық – алдынан қарағанда; төменгі сызық – артынан қарағанда: А–В – иттің мүжүйінен қалған іздері бар ірі қараның алдыңғы сирағы. Бірінші сирақтан тұяқты жануардың кеміруіне ұқсас «шанышқылану» әсерін байқауға болады; С–F – иттің мүжу іздері сақталған алдыңғы және артқы сирақтар; G – иттің мүжүйінен қалған іздері бар ірі қараның алдыңғы сирағы (жоғарғы бөлігі) және ірі қараның сирағы (төменгі бөлігі); H – бөлшектеуден қалған іздері бар ірі қараның артқы сирағы

Fig. 7. Bone modifications by dogs, dogs and ungulates and humans on the example of metapodials of cattle and caprines. Upper line – dorsal view; bottom line – palmar view: A–B – metacarpal bones of cattle with traces of chewing by dogs. On the first metacarpal bone, one can observe a peculiar analogue of the fork stage of gnawing, as in the case of bone gnawing by ungulates; C–D – metacarpal bones of caprines with traces of chewing by dogs; E–F – metatarsal bones of caprines with traces of chewing by dogs; G – metacarpal bone of cattle simultaneously with traces of chewing by dogs (proximal end) and ungulates (distal end); H – metatarsal bone of cattle with traces of chopping

4 Обсуждение

Результаты исследования 60 загонов позволяют обсудить ряд выявленных особенностей их остеологических комплексов. Анализ среднего количества костей, накапливающихся в загонах за один сезон их работы, показал относительно небольшое количество костей. Наиболее вероятно, что именно этот показатель может отражать назначение объекта как сезонная стоянка скотоводов при археологических исследованиях. На наш взгляд, реальное количество костей, скапливающихся в загонах, существенно выше. Значительная часть костей не доходит до стадии подсчета исследователями. Часть костей полностью съедена собаками и частично копытными, часть разнесена собаками и, возможно, норными животными, часть костей втоптана в поверхность и трудно обнаруживается в высокой траве. Высокая трава на заброшенных загонах, на наш взгляд, является основной причиной хорошей естественной сохранности костей. Скорее всего, втоптывание части костей в землю скотом и людьми также способствует защите костей от воздействия атмосферных явлений. Большинство исследованных загонов содержат кости домашнего скота, которые обычно представлены костями крс, мрс и лошадей. Также нередко можно увидеть кости пастушеских собак и диких животных (косули, сурка и лисы, которые являются результатом охоты пастухов).

Особую важность в контексте применения результатов изучения современных загонов в археозоологических исследованиях представляет возможность использования соотношения костей домашних копытных в различных интерпретациях и значения этих данных. В нашем распоряжении есть четыре смешанных загона с продолжительным сроком функционирования, где одновременно содержатся крс, мрс и лошади. Именно такие загоны могут считаться наиболее близкими условными моделями многочисленных поселков скотоводов степной зоны позднего бронзового века. Соотношение костей крс, мрс и лошадей на смешанных загонах не демонстрирует каких-либо закономерностей. В остеологическом комплексе в разных пропорциях присутствуют кости всех видов скота, которые содержатся в загоне. Наиболее вероятно, что соотношение костей видов домашних копытных достоверно отражает только факт разведения этих копытных на поселении и не может использоваться в археозоологических исследованиях для реконструкции состава стада и выявления так называемой иерархии копытных в древнем стаде.

Кости скота являются результатом забоя животных на мясо, но в большей степени это результат падежа животных от различных факторов. Основными факторами гибели взрослых животных являются инфекционные заболевания и различные травмы, требующие вмешательства ветеринарного врача. Анализ возрастных маркеров костей крс из загонов выявил множество характерных особенностей. Первая особенность – относительно большое количество костей от телят, ягнят и жеребят, а вторая – довольно высокая доля костей от крс старше 5 лет. Гибель молодняка связана с инфекциями (кишечных заболеваний и болезней легких) и давкой в загоне. Наличие костей от скота старше 5 лет является следствием практикуемой на Южном Урале системы животноводства. В стаде велика доля коров и овец, которых держат до старости ради молока, воспроизводства и продажи. Периодически такие животные забиваются или гибнут от различных факторов. Кости со следами воздействия крс и мрс или свидетельства остеофагии стали наиболее яркой и устойчивой чертой остеологических комплексов большинства загонов. Кости со следами воздействия копытных составляют 9% от всего собранного остеологического материала и их зафиксировано практически столько же, сколько и костей со следами воздействия собак (8,1%). Это довольно важный и необычный факт, учитывая, что собаки (и другие хищники) традиционно считаются главными тафономическими агентами в отношении костей. Свидетельства остеофагического поведения скота обнаружива-

ются практически на всех загонах и даже там, где кости не обнаружены (мусор со следами поедания копытными). Остеофагия копытных это широко известное явление, и оно является не пищевым поведением животных в отличие от традиционного поедания травы. Поедание костей и других несъедобных предметов призвано восполнить дефицит определенных минеральных веществ. Основная причина остеофагии заключается в том, что растительная диета неспособна удовлетворить все потребности организма копытных в различных минеральных веществах [Caceres et al. 2013: 3115]. Прежде всего, копытные пытаются восполнить потребности в фосфоре и кальции. Именно по этой причине можно наблюдать лизание выходов солей у диких и домашних копытных (литофагия по своей природе родственна остеофагии). Здесь важно отметить, что остеофагическое поведение есть только у крс и мрс. Лошади не замечены в поедании несъедобных предметов. Что касается мрс, то достоверно неизвестно, кто проявляет большую активность в поедании костей – овцы или козы. Другими маркерами животноводческой активности являются фрагменты ограды загонов со следами полировки мрс и лошадьми, а также погрыза лошадьми (криббинг). В случае криббинга мы имеем дело с поведенческой особенностью нежели с попыткой восполнить дефицит минеральных веществ как в случае крс и мрс [Houpt, 2012]. Трение овец и коз об изгородь также является хорошо описанной в литературе поведенческой чертой мрс, которая обусловлена необходимостью очистки шерсти и кожи от паразитов [Verges, Morales, 2016]. Несмотря на то, что маркеры остеофагии являются наиболее яркой и устойчивой чертой костных комплексов загонов, они не являются уникальным маркером сезонных стоянок. Маркеры остеофагии в относительно большом количестве зафиксированы на стационарных поселениях бронзового века Южного Урала (рис. S3008–3056, Dataset#2). Способность распознавания костей со следами воздействия домашним скотом крайне важно в археологических и археозоологических исследованиях. Проявления остеофагии являются одним из наиболее достоверных маркеров животноводческой активности. Выявление статуса крс и мрс как активных тафономических агентов в отношении костей требует знания четких диагностических критериев для идентификации свидетельств воздействия копытных на кость. Это позволит получать новые данные в археозоологических исследованиях и поможет избежать ошибок при реконструкции косторезного ремесла. Большая коллекция собранных костей со следами воздействия копытными и собак позволила создать обширную базу эталонных модификаций, которую можно использовать при изучении древних скотоводческих коллективов. Еще одним результатом данного исследования является обнаружение строгой взаимосвязи между маркерами остеофагии и местом их обнаружения. Они найдены только в загонах и около них. В редких случаях проявления остеофагии обнаружены на свалках, где деревенский скот может подолгу находиться без необходимости движения. Копытные могут грызть кость только в том случае, если их никто не тревожит, им не нужно куда идти и имеется большой промежуток времени.

5 Выводы и заключение

Это исследование показывает, что тщательное изучение современных загонов может быть актуальным при изучении животноводческих практик в археологических и археозоологических исследованиях. Анализ параметров остеологических комплексов летних загонов показывает, что малая насыщенность поверхности костями и мусором является единственным свидетельством того, что изучаемый объект может быть сезонной скотоводческой стоянкой. Другие параметры остеологического материала могут быть присущи не только сезонным стоянкам, но и стационарным поселениям. Анализ костей, бытового мусора и ограждений загона показывает, что домашние копытные

наряду с собаками являются чрезвычайно активными тафономическими агентами и оказывают достаточно интенсивное воздействие на эти категории материала в силу как своих биологических, так и поведенческих особенностей. Этот факт необходимо использовать и учитывать при изучении археозоологических коллекций, связанных с древними скотоводческими коллективами. Предложенные в статье критерии, по которым можно выявить факт воздействия на кости домашними копытными и даже различить вид копытного (крс или мрс), могут помочь выявить новые аспекты в археозоологических исследованиях и повысить уровень интерпретации модификационных изменений в костях. Другим важным результатом данной работы может быть использование остеофагии копытных в качестве маркера животноводческой активности и прямого свидетельства нахождения скота в месте, где были найдены кости со следами погрыза этими видами копытных. Наиболее перспективным продолжением работы является комплексное исследование ряда загонов на этой же территории, при котором будет более тщательно изучен не только костный материал, но и проведено ботаническое обследование и изучение навоза с почвой. Это позволит получить модельные данные и ряд биомаркеров, которые можно будет использовать в археологии степной зоны северной Евразии для выявления скотоводческих практик или деятельности.

Благодарности. Выражаю признательность коллективу археологов под руководством Е. Куприяновой и Н. Батаниной, а также заповеднику Аркаим за возможность изучения загонов в районе их работ. Большое спасибо рецензентам, которые помогли сделать работу лучше.

Примечание:

1 – Все рисунки, таблицы, диаграммы и видео, чьи номера начинаются на S можно найти в дополнительных материалах: Dataset#1 and #2. URL: <http://doi.org/10.17632/4g5z2sn2ng.1> (первичные данные работы и иллюстративный материал).

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Шагирбаев М.С., Ганиева А., Сакенов С.К. Хозяйство казахов Нура-Ишимского междуречья XIX – начала XX в. (по остеологическим материалам зимовки Бозок II) // Археология Казахстана. 2022. № 15(1) (15). С. 146-163.
- 2 Behrensmeyer A.K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // Paleobiology. 1978. 4(2). P. 150-162.
- 3 Cáceres I., Esteban-Nadal M., Bennàsar M., Dolores Marín Monfort M., Dolores Pesquero M., Fernández-Jalvo Y. Osteophagia and dental wear in herbivores: actualistic data and archaeological evidence // JAS. 2013. 40. P. 3105-3116.
- 4 Égüez N., Makarewicz C.A. Carbon Isotope Ratios of Plant n-Alkanes and Microstratigraphy Analyses of Dung Accumulations in a Pastoral Nomadic Winter Campsite (Eastern Mongolia) // Ethnoarchaeology. 2018. 10 (2). P. 141-158.
- 5 Houpt K.A. Motivation for cribbing by horses // Animal Welfare. 2012. 21. P. 1-7.
- 6 Knoll D. Siedlungs- und landschaftsarchaologische Untersuchungen zu den befestigten Siedlungen der Bronzezeit im Trans-Ural // Zwischen Tradition und Innovation: Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2014. P. 139-198.
- 7 Payne S. Kill-off patterns in sheep and goats: the mandibles from Aşvan Kale // Anatolian Studies. 1973. 33. P. 281-303.
- 8 Portillo M., Dudgeon K., Anglada M., Ramis D., Llergo Y., Ferrer A. Phytolith and Calcitic Spherulite Indicators from Modern Reference Animal Dung from Mediterranean Island Ecosystems: Menorca, Balearic Islands // Applied Sciences. 2021. 11 (16). P. 7202.
- 9 Rassadnikov A. Ethnozoology for Archaeology: Results of the Study of the Modern Livestock Breeding System in the Steppe Zone of the Southern Ural // Theory and practice of archaeological research. 2022. 34 (3). P. 113-131.

- 10 *Shahack-Gross R.* Herbivorous livestock dung: formation, taphonomy, methods for identification, and archaeological significance // *JAS*. 2011. 38. P. 205-218.
- 11 *Silver I.* The ageing of domestic animals // *Science in archaeology: a survey of progress and research*. London: Thames and Hudson, 1969. P. 283-302.
- 12 *Stobbe A.* Long-term perspective on Holocene environmental changes in the steppe of the Trans-Urals (Russia): Implications for understanding the human activities in the Bronze Age indicated by palaeoecological studies // *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. P. 305-326.
- 13 *Verges J.M., Morales J.I.* Polished walls as indirect evidence of both the use of caves and stone enclosures as livestock folds and dung management strategies: ethnological and archaeological examples // *Quaternary International*. 2016. 414 (1). P. 330-336.
- 14 *Zeder M., Lapham H.* Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles and mandibular teeth in sheep, Ovis, and Goats, *Capra* // *JAS*. 2010. 37. P. 2887-2905.
- 15 *Zeder M., Pilaar S.* Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, Ovis, and goats, *Capra* // *JAS*. 2010. 37. P. 225-242.

REFERENCES

- 1 Shagirbaev, M. S., Ganieva, A., Sakenov, S. K. 2022. In: *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1 (15), 146-163 (in Kazakh).
- 2 Behrensmeyer, A. K. 1978. In: *Paleobiology*, 4(2), 150-162 (in English).
- 3 Cáceres, I., Esteban-Nadal, M., Bennàsar, M., Dolores Marín Monfort, M., Dolores Pesquero, M., Fernández-Jalvo, Y. 2013. In: *JAS*, 40, 3105-3116 (in English).
- 4 Égüez, N., Makarewicz, C. A. 2018. In: *Ethnoarchaeology*, 10 (2), 141-158 (in English).
- 5 Houpt, K. A. 2012. In: *Animal Welfare*, 21, 1-7 (in English).
- 6 Knoll, D. 2014. *Siedlungs- und landschaftsarchaeologische Untersuchungen zu den befestigten Siedlungen der Bronzezeit im Trans-Ural*. Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH: Zwischen Tradition und Innovation: Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation) (in English).
- 7 Payne, S. 1973. In: *Anatolian Studies*, 33, 281-303 (in English).
- 8 Portillo, M., Dudgeon, K., Anglada, M., Ramis, D., Llergo, Y., Ferrer, A. 2021. In: *Applied Sciences*, 11 (16), 7202 (in English).
- 9 Rassadnikov, A. 2022. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 34 (3), 113-131 (in English).
- 10 Shahack-Gross, R. 2011. In: *JAS*, 38, 205-218 (in English).
- 11 Silver, I. 1969. *The ageing of domestic animals*. Thames and Hudson: *Science in archaeology: a survey of progress and research* (in English).
- 12 Stobbe, A. 2013. *Long-term perspective on Holocene environmental changes in the steppe of the Trans-Urals (Russia): Implications for understanding the human activities in the Bronze Age indicated by palaeoecological studies*. Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH: *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)* (in English).
- 13 Verges, J. M., Morales, J. I. 2016. In: *Quaternary International*, 414 (1), 330-336 (in English).
- 14 Zeder, M., Lapham, H. 2010. In: *JAS*, 37, 2887-2905 (in English).
- 15 Zeder, M., Pilaar, S. 2010. In: *JAS*, 37, 225-242 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
 / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
 / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
 Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
 Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 04.11.2022.
 Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 19.12.2022.
 Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 16.01.2023

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.222.232>

Краткие итоги деятельности Института археологии имени А.Х. Маргулана за 2022 год

© 2023 г. Онгарулы А., Мамиров Т.Б., Мерц И.В.

Keywords: archaeology, Margulan Institute of Archaeology, results and achievements

Түйін сөздер: археология, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, нәтижелер мен жетістіктер

Ключевые слова: археология, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, результаты и достижения

Akhan Onggaruly¹, Talgat Mamirov¹, Ilya Merts^{1*}

¹Director General, Margulan Institute of Archaeology, Candidate of Historical Sciences and Associate Professor, Almaty, Kazakhstan. E-mail: akan123@mail.ru

¹Deputy Director, Candidate of Historical Sciences, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: tmamirov@mail.ru

^{1*}Corresponding author, Scientific Secretary, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: barnaulkz@mail.ru

Summary of the activities of the Margulan Institute of Archaeology for 2022

Abstract. In 2022, the activities of the Margulan Institute of Archaeology were carried out within the framework of projects on program-targeted and grant funding of the Committee of Science of the Ministry of Sciences and Higher education of the Republic of Kazakhstan, as well as regional programs successfully implemented in a number of regions of the country (Aktobe, East Kazakhstan) and contractual topics. In 2022, the Institute's staff published more than a hundred scientific articles, including 34 articles in publications indexed in the Scopus database, and 7 articles from the list of the Committee for Quality Assurance in Science and Higher Education of the Ministry of Sciences and Higher education of the Republic of Kazakhstan. To date, the Institute has initiated the conclusion of 74 memorandums of cooperation with a number of both domestic and foreign scientific organizations. In 2022, the Institute conducted more than twenty archaeological expeditions in various regions of Kazakhstan; one international congress, two international conferences and one field seminar. The serial publication "Materials and research on the archaeology of Kazakhstan" has been resumed. Three monographs have been published as part of the ongoing series "Proceedings of the Margulan Institute of Archaeology". An important achievement of the work of the Institute's staff is the inclusion of the journal "Kazakhstan Archeology" into the list of publications recommended by the Committee for Quality Assurance in Science and Higher Education of the Ministry of Sciences and Higher education of the Republic of Kazakhstan and the Scopus database.

For citation: Onggaruly, A., Mamirov, T., Merts, I. 2023. Summary of the activities of the Margulan Institute of Archaeology for 2022. *Kazakhstan Archeology*, 1 (19), 222–232 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.222.232](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.222.232)

**Ақан Оңғарұлы¹,
Талғат Базарбайұлы Мамиров¹,
Илья Викторович Мерц^{1*}**

¹Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры, тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Алматы, Қазақстан

¹тарих ғылымдарының кандидаты, директордың орынбасары, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

**Акан Онгарулы¹,
Талгат Базарбаевич Мамиров¹,
Илья Викторович Мерц^{1*}**

¹генеральный директор Института археологии имени А.Х. Маргулана, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, Алматы, Казахстан

¹кандидат исторических наук, заместитель директора, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

^{1*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының кандидаты, ғылыми хатшы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан
**2022 жылғы Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты жұмыстарының қысқаша
қорытындылары**

Аннотация. 2022 жылғы Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының жұмыстары ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің нысаналы және гранттық қаржыландыру бағдарламалары жобалары, сонымен қатар еліміздің бірқатар аймақтарында (Ақтөбе обл., Шығыс-Қазақстан обл.) сәтті жүргізілген аймақтық бағдарламалар және шаруашылық келісім шарт тақырыптары шеңберінде жүргізілді. 2022 ж. Институт қызметкерлері жүзден аса ғылыми мақалалар жариялады, олардың 34-і Scopus мәліметтер базасында индекстелген, 7-і ҚР ҒЖБМ ҒЖБССҚК тізіміндегі басылымдағы ғылыми мақалалар. Қазіргі таңда Институт өзара ынтымақтастық жөніндегі отандық және шетелдік ғылыми мекемелермен жасалған 74 меморандумның бастамашысы болып отыр. 2022 ж. Институт Қазақстанның әртүрлі аймақтарында жиырмадан аса археологиялық экспедициялар жүргізді, бір халықаралық конгресс, екі халықаралық конференция және бір далалық семинар өткізді. «Қазақстан археологиясы бойынша зерттеулер мен материалдар» басылым сериясы қайта жаңғыртылып шығарыла бастады. «Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының еңбектері» сериясы жалғасуда, үш монография баспадан шықты. Институт ұжымы жұмысының басты жетістігі «Қазақстан археологиясы» журналының ҚР ҒЖБМ ҒЖБССҚК ұсынған басылымдар тізіміне және Scopus мәліметтер базасына қосылуы болды.

Сілтеме жасау үшін: Оңғарұлы А., Мамиров Т.Б., Мерц И.В. 2022 жылғы Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты жұмыстарының қысқаша қорытындылары. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 1 (19). 222–232-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.222.232](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.222.232)

Введение

2022 год для Института археологии имени А.Х. Маргулана стал временем подведения итогов 30-летней деятельности, а также началом нового этапа в истории развития. Для повышения конкурентоспособности учреждения и построения сбалансированной системы в сфере управления и организации отечественной археологической науки была утверждена Стратегия научно-исследовательской деятельности Института археологии имени А.Х. Маргулана на ближайшие пять лет (2022–2026 гг.).

В рамках принятой стратегии были проведены кардинальные изменения в структуре Института, открыт новый Филиал в городе Петропавловск. Были запущены серийные издания

^{1*}автор-корреспондент, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан
**Краткие итоги деятельности
Института археологии имени А.Х. Маргулана
за 2022 год**

Аннотация. В 2022 г. деятельность Института археологии имени А.Х. Маргулана осуществлялась в рамках реализации проектов по программно-целевому и грантовому финансированию Комитета науки МНВО РК, а также по региональным программам и хозяйственным темам, успешно выполненным в ряде регионов страны (Актюбинская обл., Восточно-Казахстанская обл.). Сотрудниками Института в 2022 г. опубликовано более ста научных статей, из них в изданиях, индексируемых в базе данных Scopus – 34, из перечня КОКШВО МНВО РК – 7. К настоящему времени Институт является инициатором заключения 74-х меморандумов о сотрудничестве с целым рядом как отечественных, так и зарубежных научных организаций. В 2022 г. были проведены более двадцати археологических экспедиций в различных регионах Казахстана; один международный конгресс, две международные конференции и один полевой семинар. Возобновлено серийное издание «Материалы и исследования по археологии Казахстана». В рамках продолжающейся серии «Труды Института археологии имени А.Х. Маргулана» издано три монографии. Важным достижением работы коллектива Института является включение журнала «Қазақстан археологиясы» в перечень изданий рекомендованных КОКШВО МНВО РК и в базу данных Scopus.

Для цитирования: Оңғарұлы А., Мамиров Т.Б., Мерц И.В. Краткие итоги деятельности Института археологии имени А.Х. Маргулана за 2022 год. *Археология Казахстана*. 2023. № 1 (19). С. 222–232. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.222.232](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.222.232)

для публикации трудов по актуальным научным направлениям, продолжена работа с журналом «Қазақстан археологиясы» с внедрением его в Перечень изданий, рекомендуемых Комитетом по обеспечению качества в сфере науки и высшего образования (КОКСНВО) МНВО РК и включением в международную реферативную базу данных Scopus, что стало знаковым явлением для всей казахстанской археологической науки.

Активизирована деятельность Института в налаживании сотрудничества с учреждениями науки, образования и культуры Казахстана, ближнего и дальнего зарубежья. Начата работа по систематизации и каталогизации архивных и фондовых материалов Института. Научно-исследовательская деятельность осуществляется в рамках программно-целевых и грантовых проектов Комитета науки МНВО РК, международных и региональных программ.

Проводится системная работа по подготовке молодых кадров, начиная со средних образовательных учреждений, заканчивая подготовкой докторов философии (Ph.D.). В результате в 2022 г. впервые в Институте археологии имени А.Х. Маргулана, три сотрудника получили степень докторов философии (Ph.D.) по специальности «Археология» в рамках совместной образовательной программы с КазНУ им. аль-Фараби.

Структурные изменения

С начала 2022 года в Институте археологии имени А.Х. Маргулана для оптимизации научно-организационной деятельности были осуществлены ряд изменений. Для проведения фундаментальных исследований, охватывающих направления от каменного века и заканчивая средневековым периодом, были организованы и реструктурированы отделы археологии каменного века, раннего металла, раннего железного века и средневековья. В качестве вспомогательных подразделений образованы новые отделы: геоматики и цифровой археологии, мониторинга и охранной археологии, а также редакционно-издательский. В структуре Института продолжили функционировать две лаборатории – археологических технологий и физической антропологии. На базе лабораторий продолжены работы по изучению различных аспектов хозяйственной деятельности населения Казахстана в различные исторические периоды. Начата работа с музейными и научными организациями Республики по сбору и обработке палеоантропологических коллекций.

В декабре 2022 года в г. Петропавловск на основании поручения министра образования и науки РК и решения Генерального директора Института был открыт Северо-Казахстанский филиал Института археологии имени А.Х. Маргулана, целью деятельности которого является активизация проведения научных исследований в северных регионах Казахстана. Таким образом, Институт археологии имени А.Х. Маргулана расширяет сферы своей деятельности, осуществляя координацию с учреждениями науки, образования и культуры в регионах.

Реализация программно-целевых и грантовых проектов Института

Программа «*Великая степь в контексте этнокультурных исследований*» (рук. академик НАН РК Б.А. Байтанаев) была полностью завершена. Результаты работ нашли отражение в научных публикациях и проведенных мероприятиях.

Изучение памятников каменного века нашло отражение в обработке и систематизации коллекции артефактов Манкыстау, изучении каменной индустрии палеолита–энеолита Сарыарки. В аспекте решения важнейших вопросов времени заселения территории Казахстана в каменном веке проведены исследования на стоянке Батпак в Карагандинской области и на памятниках Жетысу.

По эпохе раннего металла изучались различные стороны хозяйственно-культурного развития населения, полученные в ходе археологических и междисциплинарных исследований широкого круга памятников. Для Жетысу выявлена связь хозяйственно-культурного развития с социально-экономической ситуацией в бронзовом и раннем железном веке, охарактеризован механизм освоения экологических ниш, сформулирован вывод о самодостаточной модели экономического развития региона, подтверждено существование самостоятельного очага металлопроизводства в рамках Евразийской металлургической провинции.

Продолжено междисциплинарное исследование поселения металлургов Талдысай в Жезказган-Улытауском регионе [Ержанова 2021]. По раннему железному веку проводились работы по систематизации информации о погребальном обряде населения Жетысу и Южного Казахстана. Теоретически прорабатывались вопросы реконструкции процессов формирования очагов городской и оседло-земледельческой культуры на территории Приаралья (по материалам городищ Чирик-Рабат и Бабиш молла).

Традиционно значительное место в исследованиях Института занимает всестороннее изучение средневековой городской культуры на юге Казахстана. Важным представляется вывод о том, что на формирование своеобразного архитектурного облика городов Южного Казахстана, несмотря на преобладающее влияние цивилизаций Среднего Востока, оказывало значительное воздействие степное население.

Сотрудниками Института в научных исследованиях активно применяются различные естественнонаучные методы. Начинаются работы по 3D-моделированию отдельных конструкций и артефактов. Проводится оцифровка архивного фонда Института и создание геоинформационной базы данных по археологическим памятникам различных периодов и регионов Республики.

В рамках программы в г. Туркестане был проведен V Международный Евразийский конгресс с участием исследователей из 30 стран ближнего и дальнего зарубежья. В ходе работы пяти секций было заслушано более 200 докладов, материалы которых изданы в пяти томах. Конгресс стал знаменательным событием в археологии Казахстана, собрав специалистов различных направлений, став представительной площадкой для обсуждения важнейших вопросов древней и средневековой истории евразийских степей.

С 12 апреля 2022 г. по программно-целевому финансированию была начата реализация новой программы *«Культурогенез в казахских степях: новые парадигмы проблем изучения преемственности материального и духовного наследия по данным археологических источников»* (рук. А. Онгарулы).

Основной целью программы является комплексное решение актуальных вопросов археологии Казахских степей для формирования целостного видения национальной истории. Среди главных задач программы теоретическая реконструкция исторической среды и определение преемственности культурно-исторических процессов от эпохи камня до этнографической современности, формирование фундаментальных знаний по историко-культурным процессам на территории Казахстана.

Важнейшим направлением деятельности Института в 2022 г. стала систематизация имеющегося археологического материала. Кроме этого была начата ревизия и оцифровка архивного и библиотечного фонда Института.

В этом же аспекте проводилась работа по анализу и вводу в научный оборот коллекций каменных палеолитических орудий, собранных в 60-е гг. XX века. В результате чего было определено соотношения ранне- и позднепалеолитических типов артефактов в разных сериях.

Начато изучение материального и духовного наследия археологических культур эпохи раннего металла на территории Казахстана. Анализ архивных источников позволил получить ранее не учтенную информацию о комплексах раннего бронзового века Восточного, Центрального и Западного Казахстана. Произведена классификация каменных, костяных и керамических артефактов. Проведена работа по систематизации данных по погребальному обряду, искусству, мировоззрению оседло-земледельческого населения раннего железного века и средневековья Казахстана [Байтлеу и др. 2022; Джумабекова и др. 2022; Самашев и др. 2022].

В 2022 г. были завершены работы по двум проектам в рамках грантового финансирования для молодых ученых: «Дюнные стоянки каменного века Рын-песков в Западном Казахстане» (рук. Т.Б. Мамиров) и «Горное дело и металлургия Центрального Казахстана в эпоху палеометалла» (рук. Д.А. Байтлеу).

Продолжены работы по трем проектам в рамках конкурса ГФ 2021–2023, отражающим разнонаправленность и широкий охват научных интересов сотрудников Института:

«Позднесредневековая культура Золотой Орды и археологические исследования на примере городищ Шаруашылык (Кинчат) и Аспары (XIII–XVI вв. до н.э.)» (рук. А.Е. Рогожинский);

«Сельские поселения раннего железного века в низовьях Сырдарьи: хозяйство и быт» (рук. Ж.Р. Утубаев);

«Средневековые торткули и культурный ландшафт Таласской долины» (рук. Е.Ш. Акымбек);

Начата реализация проекта по грантовому финансированию молодых ученых на 2022–2024 гг. «Памятники мегалитической архитектуры эпохи бронзы в Бурабае» (рук. С.К. Сакенов), а также пяти проектов по грантовому финансированию на 2022–2024 гг.:

«Исследования археологического комплекса гунно-сарматской эпохи Таусамалы в Восточном Жетысу» (рук. С.А. Ярыгин);

«Поиск и исследование стратифицированных памятников каменного века в предгорных районах Заилийского Алатау» (рук. Т.Б. Мамиров);

«Поселения и города кангуйского и тюркского периода долины Терис-Аса (III в. до н.э. – XII н.э.)» (рук. Е.Ш. Акымбек);

«Сарматы Жайыка: археология, реставрация, реконструкция (по материалам комплекса Урысай-2)» (рук. Г.А. Базарбаева);

«Культурно-ландшафтное пространство южной части Казахского Притоболья: этапы степной цивилизации» (рук. Г.С. Джумабекова).

Работы по всем проектам реализуются согласно утвержденным календарным планам, сопровождаются научными публикациями.

Международная деятельность

Институт археологии имени А.Х. Маргулана – стремится установить сотрудничество с организациями науки и культуры стран ближнего и дальнего зарубежья для расширения деятельности, всестороннего охвата регионов и комплексного исследования археологических комплексов, осуществления совместных проектов. К настоящему времени заключено 74 меморандума о сотрудничестве. В рамках этих соглашений проводятся совместные археологические работы –

с Институтом археологии РАН на верхнепалеолитических стоянках Рахат в Енбекшиказахском районе, Узынагаш и Сарыжазык в Жамбылском районе Алматинской области (рук. Т.Б. Мамиров и Д.В. Ожерельев); с Институтом культурного наследия Кореи (Республика Корея) на могильнике гунно-сарматского времени Елтай в Райымбекском районе Алматинской области (рук. А. Онгар); с Назарбаев университетом и Университетом Вашингтона в г. Сент-Луис (США) на поселении Дали в Аксуском районе Алматинской области (рук. Д.А. Байтлеу и М. Фрачетти); с Нью-Йоркским университетом – палеолитических местонахождениях Семизбуты в Северном Прибалхашье в Алматинской области (рук. Т.Б. Мамирова и Э. Коко).

Полевые исследования

Всего в 2022 г. Институтом были организованы и успешно проведены работы 25 археологических экспедиций: четыре – международных, 14 – в рамках программно-целевого и грантового финансирования, семь – в рамках тем, реализуемых в регионах за счет областного бюджета и хозяйственных проектов. Кроме этого сотрудники приняли участие в работе еще 37-ми экспедиций различных научных учреждений Казахстана.

В рамках программно-целевого финансирования были проведены четыре экспедиции: по исследованию стоянки Батпак в Центральном Казахстане (рук. В.С. Волошин), нескольких стоянок каменного века в Жетысу (рук. О.А. Артюхова) и пещеры Туттыбулак в Южном Казахстане (рук. А.А. Горячев), разведочным работам по выявлению новых памятников бронзового века и эпохи раннего железа в Жамбылском районе Алматинской области (рук. А.А. Горячев, В.В. Сараев).

По грантовым проектам МНВО РК были проведены 10 экспедиций: на западе Казахстана осуществлялись археологические разведки по поиску и выявлению памятников мезолита-энеолита (рук. Т.Б. Мамиров); в Улытау – исследования поселения металлургов Балкан (рук. Д.А. Байтлеу).

В Приаралье велись стационарные работы на поселении 2-й пол. I тыс. до н.э. Мынарал, а также разведочные работы в долине р. Жанадарья (рук. Ж.Р. Утубаев). В Жамбылской области проводились исследования торткулей XI – начала XIII в. (рук. Е.Ш. Ақымбек) и городищ XIII–XVI вв. Шаруашылык и Аспара (рук. А.Е. Рогожинский). В Акмолинской области осуществлены археологические разведки по выявлению новых памятников позднего бронзового века (рук. С.К. Сакенов).

В рамках новых проектов 2022–2024 гг., проведены следующие экспедиции: исследование археологического комплекса гунно-сарматской эпохи Таусамалы в Восточном Жетысу и разведывательные работы по поиску новых памятников гунно-сарматского времени (рук. С.А. Ярыгин); разведочные работы по поиску стратифицированных памятников каменного века в Жамбылском районе Алматинской области с подготовкой предварительной карты памятников каменного века в предгорной части Жамбылского района (рук. Т.Б. Мамиров); разведочные работы по поиску археологических поселений в долине Терис-Аса (III в. до н.э. – XII в. н.э.) (рук. Е.Ш. Ақымбек); выявление памятников наследия от эпохи ранних кочевников до середины XX в. в Житикаринском районе Костанайской области (рук. Г.С. Джумабекова).

Отдельное направление исследований было связано было с выполнением Дорожной карты по Актюбинской области в рамках программы «Сакральная география Казахстана». Археологическими отрядами проводились разведочные работы по фиксации, паспортизации и мониторингу археологических объектов в области, поиск памятников каменного века, раскопки

поселения металлургов Тарангул, где были выявлены металлургические печи, проведены раскопки элитных памятников ранних кочевников (могильник Таскопа 6) и археологических объектов золотоордынского времени – мавзолеев Коптам 1–2 и курганы Таскудук, Майтобе.

Институтом археологии имени А.Х. Маргулана проводятся и работы по хозяйственным темам. В данном году была выполнена паспортизация памятников истории и культуры в областном центре и на территории Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области.

Публикационная активность

Институт археологии имени А.Х. Маргулана выпускает журнал «Қазақстан археологиясы», который выходит четыре раза в год. Задачей журнала являются публикации результатов археологических исследований по актуальным проблемам археологии Казахстана и степной Евразии от эпохи камня до позднего средневековья и смежных исторических и естественнонаучных дисциплин. В составе редакционного совета журнала представлены научные центры Казахстана, Великобритании, Германии, России, США, Узбекистана, Украины.

За короткое время издание Института зарекомендовало себя среди специалистов-археологов, и одним из достижений качественной работы издания стало включение его в Перечень изданий, рекомендуемых КОКСНВО МНВО РК для публикации основных результатов научной деятельности (приказ за № 76 от 14.11.2022 Председателя КОКСНВО МНВО РК).

30 октября 2022 г. консультативным советом Scopus по отбору контента (CSAB) была одобрена заявка о включении журнала «Қазақстан археологиясы» в международную реферативную базу данных Scopus. В рецензии Консультативного совета отмечается, что журнал «Археология Казахстана» «...имеет впечатляющее содержание, является международным с явным вкладом в свою исследовательскую область...».

С 2022 г. была запущена библиографическая серия, посвященная ведущим археологам Казахстана и сотрудникам Института археологии имени А.Х. Маргулана. Первыми стали издания, посвященные памяти археолога А.А. Нуржанова, юбилею академика НАН РК Б.А. Байтанаева, 90-летию со дня рождения выдающегося археолога – Мира Касымовича Кадырбаева.

В рамках программы проведены две международные научно-практические конференции – «Маргулановские чтения–2022» и «Ахинжановские чтения–2022», ставшие традиционными для археологов и молодых специалистов не только Казахстана, но и зарубежья. Традиционно издаются сборники международных конференций «Маргулановские чтения» и «Ахинжановские чтения». В 2022 г. издан пятитомник трудов V Международного Евразийского конгресса археологии евразийских степей, получивший высокую оценку, как среди отечественных, так и зарубежных коллег [Ситдииков и др. 2022].

В 2022 г. особенно стала заметна издательская деятельность Института, преследующая цель введения в научный оборот, ознакомления научной общественности с достижениями археологов Казахстана, так возобновлено издание серии «Материалы и исследования по археологии Казахстана», издаются Труды Института археологии имени А.Х. Маргулана».

Сотрудниками Института за отчетный период было опубликовано 114 научных статей, из них в изданиях, входящих в базу данных Scopus – 34, в перечень КОКСНВО МНВО РК – 7. По количеству публикаций, индексируемых базе Web of Science за 2021 г. Институт вошел в 20-ку НИИ и центров РК, опубликовавших в 2021 г. наибольшее количество статей в журналах (17-е место), и единственный из институтов гуманитарного профиля (Источник: InCites, 22.07.2022).

По рейтингу публикационной активности в базе данных Scopus в области археологии и истории, разработанной Б.Н. Кенесовым, на 11.07.2021 г. 22 сотрудника Института включены в список. Из них в первой двадцатке – двое, в первой сотне – 11.

Научные конференции

В 2022 г. Институтом было проведено три конференции и один полевой семинар. 12–13 апреля 2022 г. в г. Алматы состоялась Международная научно-практическая конференция «Маргулановские чтения–2022», организованная Институтом совместно с историческим факультетом КазНУ им. аль-Фараби [Мамиров 2022].

20–22 апреля в Институте после перерыва, вызванного пандемией, состоялась очередная (шестая) Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Ахинжановские чтения–2022», приуроченная к неделе казахстанской науки [Мусаева 2022].

27–29 сентября в Институте прошла международная конференция – полевой семинар «На стыке Европы и Азии (культуры каменного века Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии). Работа конференции проводилась в рамках Соглашения о сотрудничестве между Институтом археологии имени А.Х. Маргулана КН МНВО РК и Институтом археологии РАН, действующего с 2019 года и гранта МНВО РК «Поиск и исследование стратифицированных памятников каменного века в предгорных районах Заилийского Алатау». В работе конференции приняли участие специалисты в области исследования каменного века из Казахстана, России, Германии, Японии и Франции. В ходе встречи были обсуждены вопросы, касающиеся результатов последних достижений по верхнему палеолиту Южного, Юго-Восточного и Восточного Казахстана. Затронуты аспекты исследования палеолита Центрального Казахстана и существующие проблемы датировки памятников, уделено внимание основным моментам по мезолиту Казахстана. Были представлены результаты исследования позднего палеолита Восточной Европы и Сибири, мезолита Кавказа и Крыма, рассмотрены возможные направления миграций носителей микокской индустрии из Европы на Алтай и т. д.

В рамках конференции участники выехали на осмотр верхнепалеолитической стоянки Рахат [Ожерельев и др. 2021], исследованной совместной экспедиции Института археологии имени А.Х. Маргулана, Института археологии РАН и Государственным историко-культурным музеем-заповедником «Есік» под руководством к.и.н. Д.В. Ожерельева. Материалы стоянок Майбулак, Узынагаш 1–2 и Сарыжазык по-новому ставят проблему появления и развития верхнепалеолитических культурных традиций в Жетысу.

В заключительный день участники мероприятия получили возможность осмотра палеолитических коллекций с комплекса памятников Шакпаката, Семизбугу, Жалпак, Музбель и др. в Институте археологии имени А.Х. Маргулана. По итогам международной конференции – полевого семинара была принята резолюция, где предложено дальнейшее расширение международного научного сотрудничества в области изучения каменного века Казахстана и соседних стран и разработка совместных международных проектов.

С 11 по 14 октября 2022 г. в г. Туркестане на базе Международного казахско-турецкого университета имени Ходжи Ахмеда Ясави прошел V международный конгрессе археологии евразийских степей «Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда». Основными организаторами помимо университета стали Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МНВО (г. Алматы), Институт археологии им. А.Х. Халикова АНРТ (г. Казань) и Международный

институт центральноазиатских исследований (г. Самарканд). Соорганизаторами выступили акимат Туркестанской области (г. Туркестан), Казанский федеральный университет (г. Казань), Институт археологии РАН (г. Москва), Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) и Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург), Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ), Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего востока ДВО РАН (г. Владивосток), Алтайский государственный университет (г. Барнаул). В программу конгресса были включены 208 докладов из 30 стран мира. В целом на конгресс было заявлено шесть пленарных и 202 секционных доклада. На пленарном заседании состоялась презентация сборника материалов V конгресса в пяти томах, содержащего 139 статей.

В ходе работы Конгресса состоялись доклады на следующих секциях: 1) «Культурно-исторические процессы в Евразийских степях в эпоху раннего металла: традиции и инновации» – 40 докладов; 2) «Феномен ранних кочевников Евразии» – 55 докладов; 3) «Кочевники степной Евразии в средние века» – 38 докладов; 4) «Урбанизм степной Евразии в средние века» – 40 докладов; 5) «История изучения археологии степных культур Евразии; Сохранение и музеефикация археологического наследия номадов Евразии» – 29 докладов.

В рамках V Конгресса после завершения работы секций 14 октября был организован круглый стол на тему «Академическое издание «История Казахстана» – 1 том «Древний Казахстан»: концепции, парадигмы и проблемы». Участники круглого стола отметили проблематичность реализации данного серьезного издания в течение всего 2-х лет и предложили поставить вопрос о продлении сроков подготовки издания.

После окончания секционных заседаний и работы круглого стола были подведены итоги работы конгресса, проведено обсуждение резолюции. Следующий Международный конгресс археологии евразийских степей было предложено провести в Турции в 2025 г. на базе Стамбульского университета. Далее была организована полевая экскурсия на средневековое городище XIV–XVIII вв. Сауран.

Таким образом, V Международный конгресс археологии евразийских степей существенно упрочил свой статус важной международной и межрегиональной научной площадки, объединяющей специалистов в области археологии степной Евразии и способствующей обмену результатами их достижений [Ситдииков и др. 2012: 233] в период глобальных геополитических изменений. Расширение хронологии исследований, географии участников, новые направления в исследованиях создают крепкую основу для укрепления сотрудничества в изучении исторического наследия Евразии.

Подготовка научных кадров

В 2022 г. сотрудники Института археологии имени А.Х. Маргулана продолжили работы в образовательной сфере. А.Д. Касенова участвовала в работе Республиканского конкурса школьных научных проектов «Дарын» и читала курс «Археология» в Институте истории и права КазНПУ им. Абая. Подготовкой докторантов занимаются ведущие сотрудники Института: А. Онгарулы, А.Е. Рогожинский, Е.Ш. Акымбек, Ж.Р. Утубаев. На базе Института прошли производственную практику студенты исторического факультета КазНУ им. аль-Фараби, обучающиеся по специальности «археология».

Докторантура PhD Института действует в рамках программы «Интеграция науки и образования» НИИ и КазНУ им. аль-Фараби. В 2022 г. состоялись защиты диссертаций на соискание ученой степени доктора философии (PhD) трех докторантов: Бориса Железнякова (тема: «Религии средневекового Казахстана по археологическим источникам»), Айгерим Айтбаевой (тема: «Қазақстан археологиясы А.Н. Бернштам зерттеулерінде») и Альбины Ержановой «Қола дәуіріндегі Оңтүстік Сарыарқа тұрғындарының тас құралдары (Атасу мен Талдысай микроаудандары бойынша)».

Утверждены темы диссертаций двух докторантов: А.Е. Чотбаева «Ерте сақ кезеңіндегі Қазақстан тұрғындарының қару-жарағы мен әскери ісі (б.д.д. I мыңж. алғашқы жартысы)» (научн. рук. к.и.н. А. Онгарулы) и К.С. Арынова «Ортағасырлық Сығанак: тарихи топографиясы мен материалдық мәдениеті» (научн. рук. доктор философии (PhD) Е.Ш. Ақымбек).

В рамках программы научных стажировок «500 ученых» по программе Болашак с 1 февраля по 30 апреля прошел курс повышения квалификации научный сотрудник Лаборатории археологических технологий М.С. Шагирбаев в Лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия). Тема стажировки «Археозоологические исследования остеологических материалов из археологических раскопок» (научн. рук. к.б.н. П.А. Косинцев).

Сотрудники Института за 2022 г. прошли стажировки в Государственном историческом музее (г. Москва, Россия), Национальном музее Республики Татарстан (г. Казань, Россия), на кафедре этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия), в университете Хадж Байрам Вели (г. Анкара, Турция), в Институте истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).

Сотрудники Института приняли участие в работе двух летних полевых школ: «Школа молодых археологов» стран СНГ (г. Душанбе, Таджикистан) и «Международной летней археологической школе» среди стран СНГ (г. Манас, Кыргызстан).

В течение года сотрудники Института проходили повышение квалификации прослушав ряд специализированных онлайн-курсов: 1) по 3D моделированию и документированию археологических объектов, организованный ACCU Nara, Japan; 2) курс вебинаров Clarivate по пользованию базами данных, информационными системами Scopus и др.

Ведущим научным сотрудником, к.и.н. Института А.Е. Рогожинским был организован «Научно-методический семинар для молодых ученых» направленный на повышение методического и методологического уровня молодых кадров Института.

Заключение

Таковы краткие итоги деятельности Института археологии имени А.Х. Маргулана за 2022 г. Деятельность Института за прошедший год регулярно освещалась для широкой общественности на обновленном сайте Института (<https://archeo.kz>), на страницах в социальных сетях Facebook (<https://www.facebook.com/archeokz/>) и Instagram (archeo_kz). Сотрудники Института активно взаимодействовали с представителями средств массовой информации, периодически выступая в качестве спикеров на разных телевизионных площадках.

В новом 2023 г. перед Институтом стоят актуальные вызовы. С 2023 г. Институт вошел в перечень научно-исследовательских организаций Казахстана, осуществляющих фундаментальные

научные исследования, был дан старт реализации трех крупных программно-целевых программ, ожидается подготовка 1-го тома «Древний Казахстан» многотомного академического издания по истории Казахстана, запланированы новые издания и проекты.

Команда Института археологии имени А.Х. Маргулана пополнилась новыми кадрами, и готова дальше реализовывать задачи, стоящие перед отечественной наукой.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Байтлеу Д.А., Таймагамбетов Ж.К., Мамиров Т.Б. Пространственная организация и наскальные рисунки большого грота Толебулак в Мугоджарах // *Stratum plus*. 2022. № 2. С. 219-232.
- 2 Джумабекова Г.С., Нигматова С.А., Алтынбекова Э.К., Алтынбеков К., Базарбаева Г.А. Женщина и ритуал в культуре ранних кочевников: по материалам кургана Тасарык в Казахстане // *Stratum plus*. 2022. № 3. С. 359-380.
- 3 Ержанова А.Е. Трасологический анализ каменных орудий рудокопов и металлургов из Жезказганских месторождений меди // *Поволжская археология*. 2021. № 3 (37). С. 166-181.
- 4 Мамиров Т. Б. Маргулановские чтения – 2022 // *Археология Казахстана*. 2022. № 3 (17). С. 158-161.
- 5 Мусаева Р.С. Ахинжановские чтения–2022 // *Археология Казахстана*. 2022. № 4 (18). С. 150-153.
- 6 Ожерельев Д.В., Джасыбаев Е.А., Мамиров Т.Б. Особенности культурного слоя и поселенческие объекты на стоянке верхнего палеолита Рахат (слой 2) в Юго-Восточном Казахстане // *КСИА*. 2021. Вып. 262. С. 7-26.
- 7 Самашев З., Айткали А.К., Толегенов Е. К вопросу о сакрализации образа кагана // *Поволжская археология*. 2022. № 2 (40). С. 21–34.
- 8 Ситдииков А.Г., Онгарулы А., Воякин Д.А., Поляков А.В., Саттаров Р.Р. V Международный конгресс археологии евразийских степей «Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда» // *Археология Евразийских степей*. 2022. № 6. С. 348-356.
- 9 Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей // *Поволжская археология*. 2012. № 2. С. 233-241.

REFERENCES

- 1 Baitleu, D. A., Taimagambetov, Zh. K., Mamirov, T. B. 2022. In: *Stratum plus*, 2, 219-232 (in Russian).
- 2 Jumabekova, G. S., Nigmatova, S. A., Altynbekova, E. K., Altynbekov, K., Bazarbayeva, G. A. 2022. In: *Stratum plus*, 3, 359-380 (in Russian).
- 3 Yerzhanova, A. E. 2021. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 3 (37), 166-181 (in Russian).
- 4 Mamirov, T. B. 2022. In: *Kazakstan Arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 3 (17), 158-161 (in Russian).
- 5 Mussayeva, R. S. 2022. In: *Kazakstan Arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4 (18), 150-153 (in Russian).
- 6 Ozhereliev, D. V., Zhasybayev, E. A., Mamirov, T. B. 2021. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief reports of the Institute of Archaeology)*, 262, 7-26 (in Russian).
- 7 Samashev, Z., Aitkali, A. K., Tolegenov, E. 2022. In: *Povolzhskaya arheologiya (Volga river region archaeology)*, 2 (40), 21-34 (in Russian).
- 8 Sitdikov, A. G., Onggaruly, A., Voyakin, D. A., Polyakov, A. V., Sattarov, R. R. 2022. In: *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 6, 348-356 (in Russian).
- 9 Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Shakirov, Z. G. In: *Povolzhskaya arheologiya (Volga river region archaeology)*, 2, 233-241 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest. /
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 01.03.2023.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

АН РТ –	Академия наук Республики Татарстан. Казань
АН СССР –	Академия наук СССР. Москва
АСГЭ –	Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург
БГПИ –	Барнаульский государственный педагогический институт. Барнаул
БНҚ –	бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру
БНЦ СО РАН –	Бурятский научный центр СО РАН. Улан-Удэ
БФАН –	Башкирский филиал Академии наук. Уфа
ГАГПИ –	Горно-Алтайский государственный педагогический институт. Горно-Алтайск
ГАГУ –	Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск
ГРВЛ –	Главная редакция восточной литературы. Москва
ЕНУ –	Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева. Астана
ИА КН МНВО РК –	Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Алматы
ИА КН МОН РК –	Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК. Алматы
ИА НАНУ –	Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев
ИА РАН –	Институт археологии РАН. Москва
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
ИПОС СО РАН –	Институт проблем освоения Севера СО РАН. Тюмень
КазОГИЗ –	Казахстанское объединение государственных издательств. Алма-Ата
КарГУ –	Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова. Караганды
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии. Москва
ҚР ҒЖБМ –	Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі. Астана
ҚР ҰҒА –	Қазақстан Республикасы Ұлттық ғылым академиясы. Алматы
ЛГУ –	Ленинградский государственный университет. Ленинград
ЛОИВ АН СССР –	Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Ленинград
МАЭ РАН –	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург
МГУ –	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МИЦАИ –	Международный Институт Центральноазиатских исследований. Самарканд
МНВО РК –	Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан. Астана
НАВ –	Нижеволжский археологический вестник. Волгоград
НАН –	Национальная академия наук
НАН РК –	Национальная академия наук Республики Казахстан. Алматы
НГУ –	Новосибирский государственный университет. Новосибирск
НИЦИА “Бегазы-Тасмола” –	Научно-исследовательский центр истории и археологии “Бегазы-Тасмола”. Алматы
ОГПУ –	Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург
ОмГУ –	Омский государственный университет. Омск
ПЦФ –	программно-целевое финансирование
РА –	Российская археология. Москва
РАН –	Российская академия наук. Москва
РҒА –	Ресей Ғылым академиясы
СА –	Советская археология. Москва
САГУ –	Среднеазиатский государственный университет. Ташкент
САИ –	Свод археологических источников СССР. Москва
СамГПУ –	Самарский государственный педагогический университет. Самара
СГСПУ –	Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара
СНЦ РАН –	Самарский научный центр РАН. Самара
СО –	Сибирское отделение
ТР ҒА –	Татарстан Республикасы Ғылым академиясы. Қазан
ТХАЭЭ –	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ҰҒА –	Ұлттық ғылым академиясы
ФИА –	Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, Астана
ХакНИИЯЛИ –	Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан
ЦГМ РК –	Центральный государственный музей Республики Казахстан. Алматы
ЮККАЭ –	Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция
ЮНЦ РАН –	Южный научный центр РАН
ЮУрГУ –	Южноуральский государственный университет. Челябинск
JAS –	Journal of Archaeological Science. Waltham, Mass

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ – SUBMISSIONS

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: archeokz.kz

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы ереже журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов, регулирующих взаимоотношения автора и издателя, представлены на сайте журнала по адресу: archeokz.kz

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: archeokz.kz

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

О.В. Кузнецова – компьютерлік беттеу және дизайн
Ә.М. Манапова – қазақ тіліндегі мәтіндерді редакциялау және қазақ тіліне аудару
Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева – ағылшын тіліндегі мәтіндерді редакциялау және ағылшын тіліне аудару

Компьютерная верстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Перевод и редакция текстов на казахском языке – А.М. Манапова
Перевод и редакция текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева

Computer layout and design – Olga Kuznetsova
Kazakh translation and editing – Aliya Manapova
English translation and editing – Yana Shayakhmetova, Gaukhar Kaldybayeva

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 31.03.2023 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 1/16
Шартты б. т. 24,78. Times New Roman гарнитурасы. Таралымы 100 дана

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 31.03.2023 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 24,78. Гарнитура Times New Roman. Тираж 100 экз.

Original layout prepared at the Margulan Institute of Archaeology
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 31.03.2023. Format 84×108 1/16
Printed sheet 24,78. Times New Roman headset. Circulation 100 copies

“Хикари” баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house «Hikari» hikari.kz24.online

16+